

**Кафедра источниковедения истории России
Институт истории
Санкт-Петербургский государственный университет
Кафедра отечественной истории
Брянский государственный университет**

Историография и источниковедение
отечественной истории
Выпуск 8

**Историк, документ, цензура
Источниковедческие и историографические
аспекты изучения истории
отечественной и зарубежной периодики**

Сборник статей к 60-летию со дня рождения
доктора исторических наук
Валерия Фёдоровича Блохина

19 января 2015 года

УДК 93/99(093)
ББК 63.2
И-90

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

д-р. ист. наук, проф. **С. Г. Кащенко** (председатель),
член-корреспондент РАН **Р. Ш. Ганелин**, д-р. ист. наук, проф.
Э. В. Летенков, д-р. ист. наук, проф. **Е. В. Петров**, к. и. н., доцент **С. И. Косарев**,
к. и. н., доцент **Л. К. Рябова**, **П. В. Печковский** (отв. секретарь).

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

д-р. ист. наук, проф. **Л. В. Белгородская** (Сибирский Федеральный ун-т);
д-р. ист. наук, проф. **А. В. Антошенко** (Петрозаводский государственный ун-т).

И-90 **Историк, документ, цензура. Источниковедческие и историографические аспекты изучения истории отечественной и зарубежной периодики.** Сборник статей к 60-летию со дня рождения доктора исторических наук В. Ф. Блохина. – СПб.: «Гегемон», 2015. – 304 с.

ISBN 978-5-905004-07-0

В сборнике представлены доклады участников источниковедческо-историографического семинара, приуроченного к 60-летию со дня рождения доктора исторических наук Валерия Фёдоровича Блохина. Основные разделы сборника, соответствующим тематике секционных заседаний и связаны с вопросами теории и практики изучения истории российской периодической печати XIX – XX вв., историографии и методологии ключевых событий этого периода отечественной истории.

Издание адресовано широкой читательской аудитории и ориентировано на тех, кто интересуется историей издательского дела, развития российской общественной мысли, историографией отечественной истории.

УДК 93/99(093)
ББК 63.2

ISBN 978-5-905004-07-0

© Коллектив авторов, 2015.
© ООО «Гегемон», 2015.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ	5
РАЗДЕЛ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕРИОДИКИ	16
<i>Воскресенская М. А.</i> Становление культурно-просветительской функции журналистики в дореволюционной России	17
<i>Патрушева Н. Г.</i> Циркуляры цензурного ведомства как источник по истории периодической печати России в XIX – начале XX века	27
<i>Блохин В. Ф.</i> «Пленники без застенков»: к проблеме взаимоотношений государства, частной прессы и массового читателя во второй половине XIX – начале XX в.	35
<i>Измозик В. С.</i> История перлюстрации в Российской империи XVIII – начала XX в. в историографии XX века	47
<i>Кащенко С. Г.</i> Экономические последствия крестьянской реформы 1861 г. в Орловской губернии. Краткий обзор отечественной историографии	62
<i>Семенникова Л. И.</i> Современный теоретический контекст в изучении советской истории: заметки на полях	79
РАЗДЕЛ II. РАЗНОВИДНОСТЬ СТОЛИЧНЫХ И ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ПОВРЕМЕННЫХ ИЗДАНИЙ	91
<i>Антошин А. В.</i> Феномен либерально-центристской провинциальной прессы в дореволюционной России: костромская газета «Поволжский вестник» в период избирательной кампании во II Государственную думу	92
<i>Кодин Е. В., Каиль М. В.</i> Провинциальная печать первой четверти XX в. как источник по «университетской теме»	99
<i>Базанов П. Н., Петров Е. В., Эконен К.</i> Книжное и издательское дело русского зарубежья в Выборге в 1920–1930 гг.	108
<i>Поляков Г. П.</i> К истории периодической печати в Брянске в 1890–1915 гг.	120
РАЗДЕЛ III. ГАЗЕТНОЕ И ЖУРНАЛЬНОЕ ДЕЛО РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ	129
<i>Базанов П. Н.</i> Журнал «Революционная Россия» – орган Заграничной делегации Партии социалистов-революционеров	130
<i>Дубровский А. М.</i> Журнал «Социалистический вестник» как исторический источник (некоторые наблюдения)	136
<i>Кузнецова О. Н.</i> Периодические издания Экономического ка-	

бинета профессора С. Н. Прокоповича	156
<i>Рябова Л. К.</i> «Новый журнал»: проблемы «холодной войны» в публицистике 1940-х – 1960-х гг.	163
РАЗДЕЛ IV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ОТРАЖЕНИИ РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ	174
<i>Пронкин С. В.</i> Перспективы «обновленного» государственного строя Российской империи в оценке современников	175
<i>Артамошин С. В.</i> Большевизм в зеркале политической публицистики «консервативной революции»	183
<i>Алфёрова И. В.</i> Большевистская женская печать. К истории становления (1914 – 1920-е гг.)	194
<i>Чернышов А. В.</i> Semper idem (лат. – всегда то же самое)	205
<i>Соловьев Р. А.</i> Самиздат, как форма социального протеста в СССР. 1950-1980-е гг.	211
<i>Петров Е. В., Эльц Е. Э.</i> К истории издания славистических журналов во Франции	220
<i>Крымская А. С.</i> «Бюллетень Института русских и восточноевропейских исследований Индианского университета» (1999–2014 гг.) как историографический источник по истории американской лингвострановедческой мысли	228
РАЗДЕЛ V. ЖУРНАЛЬНАЯ АРХЕОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ	242
<i>Золотов В. И.</i> «Закрытые» письма королевской канцелярии о социальных процессах в английском обществе XV века	243
<i>Маркова М. А.</i> «Известия Императорского Русского географического общества» как источник по истории переписей населения России 2-й половины XIX – начала XX в.	253
<i>Летенков Э. В.</i> М. Н. Катков о современной ему отечественной периодике. 1863–1872 гг. (Источниковедческая справка)	260
<i>Брянцев М. В.</i> Эволюция образа Николая II в народной среде в конце XIX – начале XX в. (по материалам Государственного архива Брянской области)	273
<i>Михальченко С. И., Ткаченко Е. В.</i> Е. В. Спекторский. Первые встречи за границей (1904 г.) (отрывок из «Воспоминаний»)	286
<i>Дудченко Г. Б., Криницына Т. С., Петров Е. В., Подсадников Д. А.</i> «Не должны быть допускаемы к какой бы то ни было педагогической деятельности»: о списке российских подданных в Цюрихском университете и «политехникуме» в 1873–1874 гг.	297

*К 60-летию
зав. кафедрой отечественной истории
Брянского государственного университета
Валерия Фёдоровича Блохина*

От составителей

**«Время перемен»
и профессиональный выбор историка.
Вехи биографии В.Ф. Блохина:
Хабаровск–Брянск–Тверь–Москва–С.-Петербург**

Историки господствуют над судьбами прошлого, но парадокс исторического времени состоит в том, что горести настоящего господствуют над судьбами самих историков. Уделяя внимание историческому времени, сами историки, а точнее их судьбы, часто выпадают из исторических трудов и работ. Вот и сегодня они не являются героями и персонажами новейшего времени и в лучшем случае довольствуются лишь упоминанием в историографических обзорах и библиографических трудах. В этом плане можно добавить лишь одно, что если биографика как жанр историографии и существует, то историк всегда как «сапожник остаётся без сапог».

Современная корпорация историков весьма сплочённая и достаточно хорошо знающая друг друга профессиональная среда, где независимо от формальных индексов цитирования годами и десятилетиями складывается не столько твой формальный рейтинг, сколько твоя академическая репутация как исследователя и специалиста, а что ещё важнее – просто человека, приверженного этике академических отношений. Поэтому друзья и коллеги, несмотря на старую истину, решили настоящее издание посвятить человеку, с которым их связывают долгие годы тесного сотрудничества, *Валерию Фёдоровичу Блохину*.

В. Ф. Блохин, историк-профессионал и издатель, которого хорошо знают и принимают в московских и петербургских академических центрах РАН и университетах. Здесь он защищал диссертации на соискание учёных степеней, сначала кандидата (1989 г.), затем доктора исторических наук (2011 г.), здесь он продолжает оставаться желанным и полноправным партнёром в программах РГНФ, иных федеральных и региональных исследовательских проектах. При непосредственном участии и поддержке Валерия Фёдоровича

выходили в свет учебные пособия и хрестоматии, ставшие знаковым событием и символом своего времени.

Старшее поколение профессионального сообщества историков в полной мере отдаёт себе отчёт в тесной и неразрывной связи и преемственности российской историографии с прошлым опытом советской исторической науки. Валерий Фёдорович принадлежит к поколению тех историков, которые не стеснены рамками того, что состоялись как специалисты или обыденным языком говоря, были «сделаны в СССР». Несмотря на то, что исторические обстоятельства в новейшей истории России часто и быстро менялись, неизменными оставались его человеческие и профессиональные качества как специалиста – это преданность ремеслу историка, приверженность исторической истине, независимость во взглядах на прошлое и унаследованная от учителей культура исторической памяти.

Личности историка В. Ф. Блохина присуще редкое умение подняться над житейскими обстоятельствами. Его натуре свойственны высокие качества интеллигента, позволяющие причислить его к научно-образовательным кругам. Изначально они были заложены в кругу семьи.

Федор Андреевич Блохин, отец историка, кадровый офицер, был мобилизован в предвоенный год, прошёл курсы «Выстрел» и отправлен на фронт с первых дней войны в звании младший лейтенант, а в 1944 году уже в звании подполковника был направлен в Москву в военную Академию им. М. В. Фрунзе. В конце 1941 года в ней были организованы 3-х месячные курсы по ускоренной подготовке офицеров для создания резерва командиров батальонов и полков. «Состав был набран из имеющих практический боевой опыт, грамотных и волевых офицеров». Поскольку война вскоре закончилась, ускоренный курс был превращен в обычный. Семья офицера – это высокий социальный статус, но вместе с тем, обязательства, которые накладывала воинская служба, с ее неизменной ротацией.

Дальнейшая воинская служба отца проходила в Одесском военном округе. В июне 1950 года Федору Андреевичу было присвоено звание полковника и он был вновь командирован в Москву, теперь в Высшую военную академию им. К. Е. Ворошилова¹, после окончания которой был направлен для прохождения службы в Дальневосточный военный округ, находящийся под командованием маршала Р. Я. Малиновского.

Семья встречала Новый 1955 год, в поезде, в Хабаровск приехали 3 января, а уже 19 января 1955 года в семье Блохиных появился второй сын – Валерий (старший брат Владимир родился в 1940 г.). Последняя должность в

¹ С 1958 года Академия генерального Штаба Вооружённых сил СССР.

послужном списке Ф. А. Блохина значилась – «Зам. Начальника МПВО Хабаровского края». В 1960 году отец демобилизовался с воинской службы.

Отец В. Ф. Блохина был родом из Саратовской области, но до войны работал по распределению сначала мастером, а затем конструктором Технического отдела на Брянском цементном заводе в Фокино, где собственно и познакомился с Анастасией Федоровной – матерью Валерия Фёдоровича. После демобилизации выбор семьи остановился в конечном итоге на Брянске. Здесь в 1962 году Блохин-младший пошёл в школу № 5, и после её окончания сделал свой выбор в пользу истории. Из ближайших к Брянску вузов, где можно было в тот период получить качественное историческое образование, был Смоленский пединститут².

В этом же году в Смоленском пединституте открыли весьма перспективную для абитуриентов специальность «История и английский язык», и обстоятельства поступления складывались таким образом, что в первую очередь набирали выпускников со знанием английского языка. В итоге абитуриент Блохин, изучавший в школе немецкий язык, набрав высокий средний балл на вступительных экзаменах, не был зачислен.

По воле обстоятельств оставался только один путь – служба в рядах Советской Армии. При всех тяготах и лишениях воинской службы, в конечном итоге В. Ф. Блохин прошёл хорошую школу «армейских университетов» и приобрёл неоценимый опыт штабной работы. Но самое главное, что армейские годы лишь приумножили силы и желания дальнейшей серьёзной учёбы.

Рядовой В. Ф. Блохин, не дожидаясь ноябрьского приказа о демобилизации, добился от командира части служебной командировки из Ржева в Калинин для сдачи документов и вступительных экзаменов в Калининский университет, успешно сдал их и был зачислен в 1975 г. на первый курс университета. По тем временам весьма редкий прецедент, когда непреодолимое желание учёбы помогло сэкономить практически целый год для поступления.

В советские времена Калининский, а ныне Тверской университет занимал особое положение в системе подготовки специалистов-историков. Переломным в его истории стал 1971 год, когда Калининский государственный педагогический институт был реорганизован в университет. В те времена ВУЗ возглавил весьма прогрессивный для своего времени историк Владимир Васильевич Комин³. При всей одиозности официальных подходов, Комин внёс существенный вклад в изучение истории непроле-

² Новозыбковский институт был переведён в Брянск в 1976 году.

³ Корсаков С. Н. Тверской государственный университет: Исторический очерк. Тверь, 2001.

тарских партий, опубликованы книги: «Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской Социалистической революции» (1965), «Буржуазные и мелкобуржуазные политические партии в России в 1917 году» (1970), «История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных политических партий в России» (1970), получившие высокую оценку научной общественности. Позже он разрабатывал научные проблемы, посвящённые истории анархизма в России и истории русской эмиграции. В ближайший круг учеников В. В. Комина входил ряд сокурсников Валерия Фёдоровича, в том числе ставшая впоследствии доктором, профессором РГТУ безвременно ушедшая из жизни Валентина Дмитриевна Зимина.

Одной из ключевых фигур профессорско-преподавательского состава исторического факультета и Тверского университета в целом являлся известный историк-медиевист Марэн Михайлович Фрейденберг. Благодаря ему, на историческом факультете почти регулярно по пятницам проходили семинары, которые проводили приглашённые известные специалисты-историки, ставшие символом своего времени – Арон Яковлевич Гуревич (лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки, 1993 г.), Леонид Михайлович Баткин (действительный член Американской академии по изучению Возрождения, лауреат премии по культуре Совета министров Итальянской республики, за книгу о Леонардо да Винчи и другие.

Дипломную работу В. Ф. Блохин готовил под руководством Лидии Аркадьевны Котлярской – супруги М. М. Фрейденберга, в прошлом выпускницы Историко-архивного института в Москве, а консультантом и неофициальным оппонентом являлась ещё одна участница университетских «пятниц» источниковед, теоретик науки Ольга Михайловна Медушевская. Тема дипломной работы была определена в следующей формулировке «История моего современника В. Г. Короленко как исторический источник». Успешная защита диплома и начало трудовой деятельности выпускника складывалась не без влияния старших наставников. После возвращения в Брянск, по их рекомендации, с появлением вакансии в Брянском государственном педагогическом институте, В. Ф. Блохин был принят ассистентом на кафедру истории КПСС.

Ректором БГПИ в тот момент был профессор Борис Васильевич Леванов. После встречи и разговора с молодым специалистом он предложил ему оформиться «соискателем» под своим непосредственным научным руководством. В 1984 году Б. В. Леванов переехал на новое место работы в Москву, где занял должность профессора истории КПСС МГПИ, а В. Ф. Блохин по-

лучил направление в целевую аспирантуру при Московском педагогическом институте, куда и был зачислен в 1985 году.

В стране началась «перестройка» и избранная и утвержденная Проблемным советом тема диссертации, посвященная изучению местных эсеровских организаций, оказалась весьма актуальной. В этот период работы, посвященные непролетарским политическим партиям, были по-прежнему редкостью. Итогом была успешная защита в 1989 году диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Голосование было единогласным.

Защита состоялась. Это было достаточно сложное время в истории развития страны, когда старые партийно-государственные форматы уже не устраивали общество, а новые гражданские ценности ещё только предстояло обрести. Настойчиво ощущалась необходимость перемен в вузовской системе преподавания истории. Многие историографические концепции не выдержали испытание временем. Российское обществознание бурлило переосмыслением прошлых идеалов и ценностей. Открывались спецхраны и партийно-государственные архивы, в массовом порядке вводились в научный оборот новые документы и источники, в историографии возобладали принципы сотрудничества с зарубежными коллегами. Безвозвратно канула в лету монополия на историческую истину. Дефицит учебных пособий и хрестоматий начинал сказываться на подготовке студентов. Новые трудности повлекли за собой и новые возможности. Ракурс работы историка В. Ф. Блохина кардинально поменялся.

Из всех видов, наиболее значимых в условиях дефицита идей и литературы, на первое место выдвинулась не только экспертная, но и издательская деятельность. Благодаря усилиям В. Ф. Блохина, в Брянске был издан в качестве учебного пособия популярный и выдержавший не одно издание курс лекций по истории России под общей редакцией Б. В. Леванова. В подготовке текстов принимали участие известные историки Москвы и Петербурга, среди которых были Владлен Семенович Измозик и Валерий Петрович Островский, Александр Анатольевич Данилов.

Примечательно, что тогдашние технические возможности районной Клинцовской типографии, директор которой В. В. Чуйко предложил напечатать учебное пособие бесплатно, с последующим возвратом его стоимости, позволяли выпустить книгу только в формате А4, поэтому «Курс лекций» вышел из печати в ставшей знакомой для читателя непритязательной обложке, под цвет российского триколора. Однако на протяжении всех последующих изданий учебник уверенно занимал свою нишу в образовательном пространстве региональных и столичных вузов.

Учебные пособия по истории политических партий России были большой редкостью и весьма востребованными в связи с тем, что в системе высшей школе появился учебный курс «Политическая история России». Менялся не только мировоззренческий подход и методология с формационной на цивилизационную, но преображалась в целом вся дидактическая концепция. В Брянске совместно с преподавателями МГУ был издан один из немногих для того времени справочник по истории политических партий, а в середине 1990-х годов здесь же издавалось учебное пособие для высших учебных заведений «Россия в мировом сообществе цивилизаций» (1995, 1996, 1999, 2000), написанное заведующей кафедрой истории Российского государства ИГУиСИ МГУ, профессором Любовью Ивановной Семенниковой. Конечно, речь не идет о том, что Брянск и Брянский государственный университет превратились в своеобразный центр производства учебной литературы для ВУЗов, но то, что на многих учебных пособиях 1990-х годов, используемых в учебном процессе практически во всех крупных городах страны можно было обнаружить это географическое название, говорит о многом. Главная же заслуга в этом принадлежит, несомненно, В. Ф. Блохину. Тогда же им было учреждено издательство учебной литературы под названием «Курсив».

Помимо совместных проектов с историками Москвы и Петербурга, организационно и интеллектуально укреплявших В. Ф. Блохина в мысли о правильности профессионального выбора, когда волею жизненных обстоятельств историку приходилось идти просветительским путём в издательском и книжном деле, издательство готовило пособия для средней школы. Знаковым стало начало издания курса для начальной школы «В гостях у истории» (В. Н. и Л. Ю. Лупоядовых), по которому обучались многие поколения учащихся Брянской области. Совместно со смоленским издательством «Русич» были изданы «История России в портретах» в 2-х томах, серия словарей: «История Отечества в терминах и понятиях» (1998); «Мировая художественная культура в терминах и понятиях» (2002); «История Отечества в биографиях участников важнейших событий» (2002); «Русь под игом» (2000); Иллюстрированная история России VIII–XVIII вв. (2002). В. Ф. Блохин являлся автором-составителем этих многотиражных изданий.

Параллельно с издательской деятельностью продолжалась научно-методическая, связанная с подготовкой конференций всесоюзного масштаба, написанием статей и учебных пособий.

В 2004 году, участвуя в программе повышения квалификации, В. Ф. Блохин получил приглашение в докторантуру кафедры истории России и зарубежных стран Республиканского гуманитарного института при Санкт-

Петербургском государственном университете. В качестве темы научного исследования была избрана проблематика, связанная с изучением процесса становления и развития провинциальной периодической печати в России XIX – начала XX века. Работа с фондами Библиотеки Академии наук и Российской национальной библиотеки ввели Блохина в круг петербургских специалистов по истории печатного дела и цензурной политики, таких как: Н. Г. Патрушева, Э. В. Летенков, В. С. Измозик и др.

Во время обучения в докторантуре Валерий Фёдорович активно участвовал в научных и образовательных проектах ИППК-РГИ СПбГУ, являясь членом научной школы член-корреспондента РАН Рафаила Шоломовича Ганелина, отмеченной Президентским грантом на поддержку ведущих научных школ РФ. К сожалению, Рафаила Шоломовича уже нет среди нас.

Специфика научных и образовательных программ кафедры истории России и зарубежных стран ИППК-РГИ СПбГУ, которую возглавлял профессор Александр Владимирович Гоголевский, состояла в том, что они реализовывались в тесном сотрудничестве и взаимодействии с ведущими специалистами Санкт-Петербургского Института истории РАН. Благодаря активности заведующего, на кафедре была собрана блестящая когорта петербургских историков. Особой популярностью пользовались спецкурсы и спецсеминары профессора Д. Н. Альшица, академика РАН А. А. Фурсенко, академика РАН Б. В. Ананьича, член-корр. РАН Р. Ш. Ганелина, почётного профессора СПбГУ Г. Л. Соболева, профессора А. Я. Лейкина, профессора П. А. Подболотова, профессора В. Н. Плешкова, профессора Н. Н. Смирнова, профессора В. С. Волкова, профессора В. А. Иванова и др.

Годы обучения в докторантуре позволили В. Ф. Блохину с одной стороны абстрагироваться от повседневности практической работы в издательском деле, а с другой вернуться к реализации и переосмыслению накопленного за долгие годы академического материала. В этот период Блохин подготовил и издал целый ряд работ и научных монографий, которые подвели черту под его докторским исследованием. В 2011 году он с успехом защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук на историческом факультете СПбГУ. Ведущей организацией по диссертации выступал Московский государственный университет. Среди оппонентов была, к глубокому сожалению уже ушедшая из жизни, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук Валентина Григорьевна Чернуха.

С этого момента начинается активное сотрудничество В.Ф. Блохина в новом качестве заведующего кафедрой отечественной истории БГУ с коллегами по Институту истории СПбГУ, кафедрой источниковедения истории России под руководством профессора С. Г. Кащенко. Оно выли-

лось в целую серию совместных проектов, включая совместные гранты, совместные издания.

В это же время В. Ф. Блохин продолжал и продолжает заниматься подготовкой учебной литературы. Под его редакцией и при его авторском участии вышли две части учебника по истории Брянского края для средней школы, ряд пособий по истории развития культуры в регионе.

В 2014 году полный библиографический список трудов историка насчитывал свыше 80 наименований, а на данный момент на одну больше, благодаря представленному читателю изданию. К своему 60-летию Валерий Фёдорович Блохин сохранил приверженность университетским идеалам, оставаясь преданным родному БГУ им. академика И. Г. Петровского. Здесь он состоялся как специалист, пройдя путь от ассистента до заведующего кафедрой. Масштаб личности историка и его востребованность проявляется в доверительных отношениях с коллегами. Валерия Фёдоровича всегда отличает способность подняться над историческим временем и житейскими обстоятельствами, сохраняя высокие качества интеллигента, присущие научным и педагогическим кругам. В преддверии юбилея друзья и товарищи желают Валерию Фёдоровичу в сегодняшнем быстро меняющемся мире оставаться таким же неизменно преданным ремеслу историка. Долгие годы совместной работы обязывают нас сказать, что он по праву достоин посвящения, и для всех нас – его соавторов, это большая честь, преподнести настоящее издание профессионалу, для которого научная и исследовательская работа была, есть и остаётся всегда амальгамой всех норм и верований.

Е. В. Петров

Из воспоминаний однокурсника

Появление Валерия Блохина на первом курсе исторического факультета Калининского государственного университета осенью 1975 года запомнилось всем. Занятия шли уже несколько недель, когда в аудиторию зашел солдат и сел в последнем ряду слушать лекции. Шушуканье по поводу странного студента продолжалось несколько дней, после чего солдат исчез, но довольно быстро появился снова.

Штамп части (учреждения) Форма № 7
(к ст. 30, 67)

В О Отпускной билет

24 окт 85 Кто Вистр. Иванов

378 Блохин Валерий

г. Ржев Федорович

уволен в крайне срочный отпуск

г. Калинин (под отпуска и наименование)

сроком на пять суток

с 21 октября 1985 г. по 31 октября 1985 г. (количество суток прописью)

По окончании срока отпуска тов. Блохин В. Ф. (фамилия и инициалы)

обязан явиться к месту службы в в

г. Ржев в/з 41885 (наименование)

31 октября 1985 г. (часть или наименование населенного пункта)

и дата возвращения)

Для проезда выданы воинские перевозочные документы — требования за №№

Действителен по предъявлении удостоверения личности (военного билета)

Командир части М.П. = Свешнев

Иванович (воинское звание) (фамилия)

Так продолжалось до конца ноябрьских праздников, широко отмечаемых в стране в то время. Когда Валерий Фёдорович, как его стали уважительно называть, демобилизовался из рядов Советской Армии и поселился в студенческом общежитии. Тут-то и произошло настоящее знакомство.

Документ из личного архива

Фёдорыч не был самым старшим студентом на курсе – почти половину наших однокашников составляли выходцы с так называемого «рабфака» или подготовительного отделения, но быстро стал одним из самых авторитетных и уважаемых. Оснований для этого было достаточно. Первым из них по времени проявления стало футбольное мастерство – как игровое (ногами), так и в понимании игры (головой). Хороших футболистов у нас почти набиралось на полноценную команду, и Валере в этой команде отводилась почётная роль разыгрывающего – человека, который видит и понимает на поле больше, чем остальные. Таким же «разыгрывающим» он стал довольно быстро и в студенческих компаниях; здесь сказались и замечательное чувство юмора, и общий доброжелательный нрав, и умение вовремя пресечь возможные конфликты.

Прочие достоинства Валерия Фёдоровича проявлялись постепенно, и оказалось их много. В первую очередь – интерес к литературе, музыке и кино. Я вырос в комнате родительской квартиры, где по стенам на стеллажах стояло около трёх тысяч книг, но многое впервые услышал и узнал от Валеры Блохина. Меня всегда поражало его умение находить жемчужины в книжных развалах тогдашних букинистических магазинов – пока я со скучающим видом перелистывал одну из книг, он уже выдёргивал пару-тройку вещей, которые для тогдашнего понимающего человека были буквально на вес золота. Умение и любовь к аккуратной работе руками привели к появлению большого числа томов блохинского «Издранного» – текстов из толстых журналов, собранных по авторам и странам и красиво переплетённых.

Чаще всего именно Валера был инициатором наших коллективных выходов в кино – когда появлялась информация или даже слух о том, что в небольшом деревянном кинотеатрике на краю города будут показывать нечто «малозкранный». Я долгое время относился к кинематографу как виду искусства весьма скептически, и Валере Блохину я прежде всего обязан пониманием того, «как нужно смотреть хорошее кино», и до какой степени это умение отличается от всех прочих навыков восприятия искусства.

В связи с музыкой достаточно сказать, что из нас всех Валера был единственным, кто умел играть на инструменте – поэтому у него был и более широкий кругозор, и иные критерии качества, которые довольно быстро (как и во всех прочих случаях) оказались привиты всем

членам нашей многочисленной компании. В целом можно сказать, что на протяжении всех пяти лет нашей общей жизни Валерий Фёдорович был безусловным культурным центром всего сообщества.

С 1977 года Валера зажил собственным домом (снимаемая половина деревянного дома на берегу реки) и стал одним из лучших и наиболее гостеприимных домохозяев нашего курса. Думаю, все мы до сих пор благодарны ему за весёлые и интересные часы, проведённые у него на Затверецкой набережной – в весьма экзотическом месте, где пожилые бабули продолжали укорять друг друга за сожительство с австрийскими военнопленными в 1916 году, а дедули рассказывали умопомрачительные анекдоты про газовые атаки на германском фронте и «подвиги» продотрядов во время Гражданской войны.

На старших курсах Валерий Фёдорович серьёзно заинтересовался наукой. Этим интересом он во многом был обязан своему научному руководителю – Лидии Аркадьевне Котлярской и её мужу профессору Марэну Михайловичу Фрейденбергу. После окончания университета и возвращения в Брянск Валера часто приезжал в Калинин, и мы с ним обязательно ходили в гости в профессорский дом. Было хорошо заметно, каким уважением он пользовался у Фрейденберга и Котлярской; с каким вниманием они прислушивались к его рассказам и оценкам.

Я рад, что Валерий Фёдорович нашёл свою тему в науке, которой он с удовольствием занимается всю жизнь. Я горжусь тем, что он стал признанным специалистом в этом направлении исследований. При том, что на нашем курсе докторские и кандидатские степени имеет примерно половина выпускников, Валерий Фёдорович Блохин, безусловно, является одной из самых ярких фигур в этом ряду. Поздравляя его с шестидесятилетием, я хотел бы пожелать ему сохранить эту врождённую тягу к «штучности», которая сопровождает его всю жизнь и вспомнить тех наших друзей, которые не дожили до этого юбилея:

Валентину Зимину,
Татьяну Тарасову,
Юрия Яковлева,
Василия Михалёва,
Виталия Кирякова.

Андрей Чернышов

РАЗДЕЛ I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕРИОДИКИ

М. А. Воскресенская

СТАНОВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ФУНКЦИИ ЖУРНАЛИСТИКИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Аннотация: в статье рассматривается журналистика как фактор культурного развития дореволюционного российского общества. Раскрывается специфика русской журналистики, в которой изначально культурно-просветительская функция преобладала над информационной.

Ключевые слова: история журналистики, культурная история, дореволюционная Россия.

Медиа сфера, будучи неотъемлемой частью культуры, относится к числу непосредственных репрезентантов культурного сознания. В то же время, обладая мощным рефлексивным, аналитическим и манипулятивным потенциалом, она оказывает обратное воздействие на культурное сознание и по-своему определяет облик той культуры, к которой принадлежит.

Развивавшаяся на протяжении трех столетий русская журналистика всегда была многоликой: она выступала, с одной стороны, порождением определенных культурных потребностей общества, с другой – отражением конкретных социокультурных условий, ситуаций и процессов, с третьей – фактором формирования, развития и трансформации культурной среды.

В силу особенностей отечественного исторического процесса в России гораздо ярче заявила о себе культурно-цивилизационная миссия журналистики, чем информационная, вызванная к жизни на Западе потребностями деловых и политических кругов. Русская журналистика никогда не ограничивалась ролью информатора и не считала эту функцию основополагающей для себя, выдвигая на первый план задачи содействия духовному и умственному росту своей

Воскресенская

Марина

Аркадьевна

Доктор исторических
наук, доцент

Кафедра теории жур-
налистики и массовых
коммуникаций

Высшей школы жур-
налистики и массовых
коммуникаций

Санкт-

Петербургский
государственный
университет

аудитории. В дореволюционной России основным принципом формирования медиаконтента стало требование «просвещения и развлечения».

Именно эти информационные интересы первых читателей российской прессы, а вместе с тем и изначальные представления времени об ее актуальных задачах, раскрывает тематика ранних периодических изданий. Уже в рукописной придворной газете «Куранты», выходившей в XVII веке, помимо официальной информации (политических новостей, торгово-экономических известий, сообщений о придворных торжествах, чрезвычайных происшествиях и т. п.) помещались сведения познавательного и развлекательного характера¹, что предвосхищало формирование в будущем магистрального направления развития российской прессы. Эта рукописная газета не была публичной, она предназначалась для очень узкого круга читателей – царя и его ближайшего окружения, прежде всего бояр, участвовавших в управлении государством. Тем не менее, в ее деятельности намечались контуры зарождавшихся массово-информационных процессов.

Историческое развитие страны в годы правления первых Романовых и особенно в петровскую эпоху вызывало все возрастающую потребность в образованных людях. В 1700 году, еще до учреждения первой настоящей русской газеты, Петр I сформулировал общие требования к печатной продукции, коснувшись вопроса о назначении печати, которой отводилась важная культурная роль в обществе. В «Жалованной грамоте Голландцу, Амстердамскому жителю Ивану Тесенгу» царь, в частности, отмечал, что дарует европейскому купцу (в современном написании – Яну Тессингу) привилегию на издание в Голландии для дальнейшей продажи в России книг и карт, дабы «Нашего Царского Величества подданные много службы и прибытка могли получить и обучатися во всяких художествах и ведениях»². Вероятно, это была первая в российской истории попытка осмысления функций печати. Возложенная на нее просветительская миссия в ближайшем будущем распространится и на журналистику.

В России журналистика начала складываться на столетие позже, чем в Западной Европе. Ее появление и развитие у нас во многом связано с реформами Петра I, стремившегося модернизировать страну на путях европеизации. Властителю потребовался специальный информационный орган для пропаганды преобразований и разъяснения своей реформаторской политики. Им стала первая в России печатная и публичная газета «Ведомости» (1702/3–1727 гг.) – правительственное издание, носившее официальный государственный характер, но, в отличие от рукописных «Курантов», предназначенное для широкого распространения. С ее помощью население, среди прочего, оповещалось и о культурных реалиях – об успехах государственных мероприятий на ниве просвещения, о выходе новых книг, о переменах в повседневном бытовании российских подданных. Наряду с официальной информацией публиковались материалы познавательного и развлекательного характера³.

Рождение российской прессы стало важнейшим фактом культурной истории страны. Газета являлась не только средством информирования – она играла существенную роль в расширении слоя читающей публики благодаря тематике публикаций и доступности изложения, простому, ясному языку, близкому к разговорному. Чтение объемных книг к тому времени еще не стало распространенной культурной практикой. Обращение к периодике постепенно превращалось в род культурного досуга. При этом пресса объективно способствовала умножению разнообразных познаний.

Петровские реформы благоприятствовали развитию науки и просвещения. Это отвечало государственным интересам, острой потребности страны в грамотных и профессионально образованных людях. Не случайно в XVIII веке при сохранении государственной монополии на периодику ее издание на определенный период перешло в ведение Академии наук и Московского университета. Правительственные «Ведомости» постепенно теряли популярность, но появились новые газеты, а затем и первые русские журналы, наряду с информационными изданиями начала выходить специализированная, научная и научно-популярная периодика.

В середине XVIII века в России появился еще один центр издания периодики – Московский университет, имевший собственную типографию. С 1756 года там издавалась одна из старейших российских газет «Московские ведомости», где наряду с официальной информацией и придворной хроникой можно было найти материалы об университетской жизни, о содержании новых учебных курсов и диссертаций. В тот же период был основан первый русский журнал «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» (1755–1764 гг.), издававшийся Академией наук. Журнал носил характер научно-популярного и литературного издания. В нем публиковались переводные и отечественные материалы: научные и научно-популярные статьи в самых разных областях знания, известия о событиях в ученой среде в России и за рубежом, библиографическая информация, рецензии на театральные постановки, литературно-художественные сочинения, философские эссе и нравоучительные заметки в духе светской беседы... В журнале сотрудничали не только ученые-академики, но и профессиональные литераторы, виднейшие русские писатели того времени. На титульном листе была помещена надпись «Для всех», раскрывающая характер потенциальной аудитории журнала.

А. И. Станько справедливо заметил: «В названии первого русского журнала была определена и его цель – служение пользе и увеселению читателей. Эти слова не раз появлялись на титульных листах, в программах изданий XVIII в. и в известной мере отражали существовавший взгляд на предназначение периодической печати»⁴. В это время в российской образованной среде начинают активно распространяться просветительские идеи. Задачи, которые ставила перед собой журналистика, отражали идейные установки на ду-

ховное развитие, воспитание, исправление нравов общества посредством просвещения и развлечения.

Редактор журнала Г. Ф. Миллер, обращаясь к читателю в Предуведомлении, опубликованном в первом номере «Ежемесячных сочинений...», по сути, разъяснял программу журнала, раскрывал его предполагаемое содержание: «При таком учреждении, каково сие, мы себе точных пределов не предписываем, но надлежит, смотря по различию читателей, всегда применять материи, дабы всякой, по своей склонности и охоте мог чем-нибудь пользоваться. Итак, предлагаемы будут здесь всякие сочинения, какие только обществу полезны быть могут, а именно: не одни только рассуждения о собственно так называемых науках, но и такие, которые в экономии, в купечестве, в рудопных делах, в мануфактурах, в механических рукоделиях, в архитектуре, в музыке, в живописном и резном художествах, и в прочих какое ни есть новое изобретение показывают или к поправлению чего-нибудь повод подать могут»⁵. Здесь же редактор отмечал, что «число любознательных зрителей все растет», и потому необходимо «издание, которое доставляло бы читателям пищу для ума и средства к дальнейшему саморазвитию»⁶. Поскольку, согласно надписи на титульном листе, журнал был адресован широкой публике, редактор предъявлял требования простоты и доступности к языку и стилю изложения, призывая авторов «писать таким образом, чтоб всякой, какого бы кто звания или понятия ни был, мог разуметь предлагаемые материи»⁷.

К концу XVIII века, по мере формирования новых культурных потребностей общества, заметно расширяются читательские интересы образованных россиян, что приводит к количественному и качественному росту печатной продукции, прежде всего журнальной периодики. Научно-просветительские издания дополнились литературными, быстро завоевавшими передовые позиции с точки зрения читательского спроса. Появились специализированные журналы – театральные, исторические, краеведческие, для детей, женщин, издания, посвященные моде, экономике, медицине, вопросам философии и религии, начали выходить первые альманахи – литературный и музыкальный. Впервые открылось издание периодики в российской провинции. Журналистика в высших слоях общества становится неотъемлемой частью культурного развития, превращается в необходимое средство образования и воспитания, духовно-нравственного совершенствования личности. Культурная миссия журналистики, ее культуротворческий потенциал и сила воздействия на общественное сознание привели к стремлению власти поставить печать под свой контроль посредством цензуры. Это обстоятельство не уменьшало влияния журналистики на умы, не могло предотвратить «превращение ее в действительный фактор выработки в обществе нравственно-идеологических установок, призванных определять норму жизненного поведения»⁸.

К этому времени относятся важные теоретические суждения о журналистике, высказанные участниками дискуссии о сатире – Н. И. Новиковым и импе-

ратрицей Екатериной Великой. Обычно эта дискуссия рассматривается в сугубо идеологической плоскости – как столкновение «прогрессивной» демократической и «реакционной» монархической позиций. Но в этой дискуссии звучали и вполне определенные этические ноты. Более того, несмотря на различия их социально-политических воззрений, обе оппонирующие стороны выражали единство взглядов на журналистику как средство просвещения и воспитания. Н. И. Новиков в Предисловии к первому номеру журнала «Трутенъ» (1769 г.) заверял читателей: «Буду издавать все присылаемые ко мне письма, сочинения и переводы, в прозе и в стихах; а особливо сатирические, критические и прочие, ко исправлению нравов служащие: ибо таковые сочинения исправлением нравов приносят великую пользу; а сие то и есть мое намерение»⁹. Здесь же издатель высказался о назначении своего журнала: «Предисловие мое оканчиваю искренним желанием, чтобы издание сие какую-нибудь пользу и увеселение принесло читателям»¹⁰. Екатерина II в силу понятных причин стремилась придать сатире сугубо назидательный характер, не допуская ее социальной заостренности и стремясь предотвратить превращение воспитательного пафоса журналистики в политический. При этом ее взгляды на сатиру, журналистику, личность журналиста включали в себя и морально-нравственный аспект. Это явственно прочитывается в стремлении императрицы убедить журналистов «не целить на особ, но единственно на пороки»¹¹.

Н. М. Карамзин, соединявший в себе таланты писателя и журналиста, не ставил под сомнение просветительские интенции, изначально присущие русской журнальной периодике, но серьезное внимание он уделял и увлекательности чтения. Традиционная цель русской журналистики – «польза и увеселение» – интерпретировалась им как «просвещение через развлечение». Назначение журналистики, по его мнению, заключается в том, чтобы «учить нас, так сказать, неприметно, питая наше любопытство приятным повествованием»¹². Это утверждение Н. М. Карамзин высказал в первом номере основанного им «Московского журнала» (1791 г.). Анонсируя в прессе его предстоящий выход, издатель обещал «занимательное для читателей» содержание, отвечающее стремлению «доставить удовольствие читателям»¹³. Позже в самом журнале он еще раз подтвердил свое намерение: «Постараюсь, чтобы содержание журнала было как можно разнообразнее и занимательнее»¹⁴.

Сформулированное в XVIII веке представление о функциях журналистики, выраженное в формуле «польза и увеселение», оставалось актуальным и устойчивым и в XIX столетии. Основанный Н. М. Карамзиным в 1802 году литературно-политический журнал «Вестник Европы» знакомил русскую публику с наиболее достойными переводными произведениями европейских авторов, восполняя тем самым, по признанию самого основателя, недостаток в России литературных талантов. В статье «Письмо к издателю» (1802 г.), открывавшей первый номер журнала, Н. М. Карамзин отмечал, что охота к чтению и вкус к литературе все больше распространяются в российском обществе. Издатель

намеревался способствовать развитию этого процесса и духовному росту соотечественников: «Сколь благородно, сколь утешительно помогать нравственному образованию такого великого и сильного народа, как российский; развивать идеи, указывать новые красоты в жизни, питать душу моральными удовольствиями и сливать ее в сладких чувствах со благом других людей!»¹⁵. В специальном обращении «К читателям Вестника» (1802 г.) он пояснял: «Мы издаем журнал для всей русской публики, и хотим не учить, а единственно занимать ее приятным образом, не оскорбляя вкуса ни грубым невежеством, ни варварским слогом»¹⁶. Н. М. Карамзин акцентировал этико-эстетические возможности журналистики, при этом последовательно проводя просветительскую линию в своей издательской политике. Его журнал способствовал расширению культурно-информационного потенциала русского читателя, не всегда имевшего возможность непосредственно знакомиться с зарубежной периодикой. Издатель подчеркивал: «Не многие получают иностранные журналы, а многие хотят знать, что и как пишут в Европе: Вестник может удовлетворять сему любопытству, и притом с некоторою пользою для языка и вкуса»¹⁷.

Установка на «пользу и увеселение» сохранялась в «Вестнике Европы» и после того, как Н. М. Карамзин покинул журнал. Вступая в обязанности редактора этого издания, В. А. Жуковский в статье «Письмо из уезда к издателю» (1808 г.) поделился с читателями своими размышлениями о культурной роли журналистики в обществе и о назначении журналиста: «В России – при такой сильной охоте читать и таком нестрогом выборе чтения – хороший журнал мог бы иметь самые благодетельные действия. Обязанность журналиста – под маскою занимательного и приятного скрывать полезное и наставительное. Средства бесчисленны: к его услугам богатства литературы чужестранной и собственной, искусства и науки; бери что угодно и где угодно; единственное условие – разборчивость! Имея в виду пользу, но угождая общему вкусу читателей, хотя не подчиняясь ему с рабскою робостию, предлагает он им хорошие мысли, чужие и свои, облеченные разными видами, иногда рассуждая как моралист или метафизик о предметах важных для человека; иногда рассказывая повесть...; иногда занимая воображение созданиями поэзии, прелестью стихотворной гармонии одушевляя мысли и чувства»¹⁸.

В первой половине XIX века количество новых периодических изданий превысило общее число газет и журналов, выходивших в предшествующий период со времен зарождения русской журналистики. Общей тенденцией этого периода стало тяготение журналов к энциклопедичности. Ее зарождение прослеживается еще со времен научной и научно-популярной журналистики предшествовавшего столетия, теперь же она неуклонно усиливалась. Эволюция просветительской линии культурного развития, в конце концов, привела к появлению в России энциклопедического журнала – наиболее востребованного вида прессы у русской читающей публики в течение долгого времени. Это отвечало информационным потребностям читателей того времени и актуаль-

нейшим просветительским задачам культурного развития российского общества. В. К. Кюхельбекер в статье «Взгляд на текущую словесность» (1820 г.) отметил как положительную черту расширение содержания журналов. В частности, он заметил по поводу журнала «Соревнователь просвещения и благотворения», что тот «соединяет статьи ученые со статьями просто литературными, и именно этим счастливым слиянием занимателен для читателей совершенно разных вкусов, совершенно разного образования»¹⁹.

Ярко выраженную тенденцию к энциклопедичности содержания печатной продукции той поры, стремление журналистики удовлетворять самые разнообразные информационные интересы читателей отметил и Н. А. Полевой в статье «Взгляд на некоторые журналы и газеты русские» (1831 г.): «Все занятия литературные связаны в наше время с другими отраслями знаний, и это отразилось даже на русских периодических изданиях. Ни одно из них не может назваться чисто литературным. Во многие входит политика, история, география и даже естествознание»²⁰. Н. А. Полевой, издатель журнала «Московский телеграф», не только реализовал на практике идею этого нового типа периодики, но и теоретически обосновал становление энциклопедизма в отечественной журналистике. Он не оставил обширных научных трудов, однако отдельные выступления в прессе раскрывают его взгляды на социокультурные аспекты функционирования журналистики. Н. А. Полевой связывал факторы ее формирования и развития с культурно-историческим развитием страны. Он писал в статье «Обозрение русских газет и журналов с самого начала их до 1828 года» (1827 г.): «Журналистика русская была следствием общественной потребности и может означать собою периоды русской литературы и народного просвещения»²¹. Приступая к изданию своего журнала «Московский телеграф», которому он хотел придать энциклопедический характер, Н. А. Полевой стремился привлечь к сотрудничеству ученых из разных областей знания, при этом добиваясь от них простоты языка, популярного изложения научных материалов. В статье «Письмо издателя к NN» (1825 г.) – специальном обращении, открывавшем первый номер журнала, он, в частности, предлагал: «Историк пусть расскажет нам что-нибудь занимательное, важное, но расскажет легко и приятно»²². Подобные требования предъявлялись им и к представителям других наук.

Энциклопедический журнал заметно отличался от периодических изданий прошлого, сочетая широту содержания с доступностью изложения серьезной проблематики. Это отвечало ожиданиям и запросам современного читателя. Трансформация структуры российского общества обусловила формирование новых культурных потребностей, чтение становилось повседневной практикой все более широких социальных слоев. В сознании общества неуклонно повышалась ценность «невещественного капитала», способствовать накоплению которого, по убеждению Н. А. Полевого, призвана журналистика²³. Сообразно важнейшей культурной задаче России того времени, Н. А. Полевой в статье

«Обозрение русской литературы в 1824 году» (1825 г.), объявил основным назначением журналистики знакомить читателя с достижениями «ума человеческого», «споспешествовать к усилению деятельности просвещения... к сближению средних состояний с европейской образованностию»²⁴.

Отвечая культурной потребности времени, энциклопедический журнал надолго занял прочные позиции в русской культуре. При этом у разных издателей он обретал различный облик. Профессор Московского университета Н. И. Надеждин к просветительской миссии журнала подходил фундаментально, полагая, что журнал «должен иметь твердую и основательную теорию, полную и цельную систему»²⁵. Эту концепцию он стремился реализовать на практике в деятельности основанного им в 1831 году журнала «Телескоп». К сотрудничеству с этим изданием, имевшим подзаголовок «Журнал современного просвещения», он привлекал видных ученых. С иных позиций к энциклопедизму подходил О. И. Сенковский, профессор Санкт-Петербургского университета и многолетний редактор журнала «Библиотека для чтения». Это издание, имевшее подзаголовок «Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод», благодаря универсальному содержанию и облегченной подаче материалов долгие годы было самым популярным среди российских подписчиков. В. Г. Белинский, выступавший не как издатель, а как редактор ряда известных журналов, считал показателем истинного успеха периодического издания «не число подписчиков, а нравственное влияние на публику». В статье «Ничто о ничем» (1836 г.), опубликованной в журнале «Телескоп», он подчеркивал важную роль «учено-литературных» журналов в стране с огромным населением и чрезвычайно узким слоем читающей публики. Первостепенными задачами журналистики ему представлялись «умножение числа читателей», «распространение вкуса к чтению» и «воспитание чувства изящного», в котором он видел основу человеческого достоинства, фундамент умственного и духовного развития²⁶.

В сороковые годы XIX века, которые явились, по выражению В. Г. Белинского, «эпохой сознания» в жизни русского общества, журналистика становилась средством формирования и выражения общественного мнения. В эти годы окончательно утвердился тип «толстого» русского журнала, постепенно эволюционировавшего от энциклопедичности к публицистичности. Создателем жанра публицистики признан В. Г. Белинский, который в условиях жесткой цензуры используя форму литературной критики, ставил злободневные вопросы общественной жизни, социально-политической действительности. Отличительной чертой русской журналистики середины – второй половины XIX века стало обретение многими изданиями четких идейных позиций. Однако в этот период, как и прежде, в суждениях о журналистике на первый план выходила ее просветительская функция. Так, Н. Г. Чернышевский в объемном литературно-критическом труде «Очерки гоголевского периода русской литературы» (1855–1856 гг.), опубликованном

впервые в журнале «Современник», утверждал: «Одна из главных задач журналиста есть распространение положительных знаний между своими читателями, ознакомление публики с фактами науки»²⁷.

На рубеже XIX–XX столетий журналистика превращается в самостоятельную общественно-значимую сферу деятельности, выполняя целый ряд важнейших функций: информационную, просветительскую, развлекательную, идеологическую и др. Наименования газет и журналов исчисляются уже тысячами, появляются качественные и массовые издания. Складывается новый вид «толстого» журнала – журнал-манифест, предназначенный для выражения эстетических и мировоззренческих позиций культурной элиты той поры, самыми известными образцами которого стали «Мир искусства», «Весь», «Золотое руно», «Аполлон». На другом полюсе периодики – тонкий журнал и бульварная газета, адресованные самому невзыскательному читателю. Читательская аудитория в условиях становления массовой культуры утрачивает однородность, становится не только многочисленной, но и очень разнообразной, пестрой по составу. Пресса теперь отражает чрезвычайно широкий спектр информационных интересов и культурных потребностей общества.

В русской журналистике предреволюционного периода представлен подлинный мировоззренческий плюрализм, проявившийся не только в социально-политических позициях, но и во взглядах по морально-этическим, художественно-эстетическим, философским, религиозным, научным вопросам. Однако изначально заложенные в русской журналистике культурно-просветительские интенции продолжали в значительной степени определять ее облик и характер функционирования.

Примечания

¹ См.: «Вести-Куранты». 1600–1639. М., 1972; «Вести-Куранты». 1642–1644. М., 1976; «Вести-Куранты». 1645–1648. М., 1980; «Вести-Куранты». 1648–1650. М., 1983.

² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 1 (1649–1825). Т. IV (1700–1712). № 1751. С. 6.

³ См.: Газета «Ведомости» (1703–1727) // Некоммерческая электронная библиотека «ImWerden». URL:

http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=last_update&cid=45 (дата обращения 06.10.2013 г.).

⁴ Станько А. И. Становление теоретических знаний о периодической печати в России (XVIII в. – 60-е гг. XIX в.). Ростов-на-Дону, 1986. С. 27.

⁵ Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1755. Январь. С. 5.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 6.

⁸ История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. Л. П. Громовой. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2013. С. 82.

⁹ Сатирические журналы Н. И. Новикова: «Трутень». 1769–1770. «Пустомеля». 1770. «Живописец». 1772–1773. «Кошелек». 1774. М.; Л., 1951. С. 47.

¹⁰ Там же.

¹¹ Всякая всячина. 1769. № 49. С. 134.

¹² Московский журнал. 1791. Ч. 1. № 1. С. 80–81.

¹³ Московские ведомости. 1790. № 89.

¹⁴ Московский журнал. 1791. Ч. II. С. 247.

¹⁵ Вестник Европы. 1802. № 1. С. 5–6.

¹⁶ Там же. № 23. С. 229.

¹⁷ Там же. С. 227.

¹⁸ Там же. 1808. № 1. С. 7–8.

¹⁹ Невский зритель. 1820. № 3. С. 89.

²⁰ Московский телеграф. 1831. Ч. 37. № 1. С. 84.

²¹ Там же. 1827. Ч. 18. № 24. С. 182.

²² Там же. 1825. Ч. 1. № 1. С. 8.

²³ См.: Там же. № 3. С. 259.

²⁴ Там же. С. 258–259.

²⁵ Вестник Европы. 1829. № 23. С. 194.

²⁶ См.: *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1953. Т. 2. С. 46–48.

²⁷ *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1947. Т. 3. С. 45.

М. А. Voskresenskaya

marina3010@ngs.ru

FORMATION OF CULTURAL AND EDUCATIONAL FUNCTION OF JOURNALISM IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA.

Abstract: In article the journalism is considered as a factor of cultural development of pre-revolutionary Russian society. Specifics of the Russian journalism in which initially cultural and educational function prevailed over the information are revealed.

Key words: journalism history, cultural history, pre-revolutionary Russia.

Н. Г. Патрушева
ЦИРКУЛЯРЫ ЦЕНЗУРНОГО ВЕДОМСТВА
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ РОССИИ
В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация: *В статье рассматриваются циркуляры цензурного ведомства, относящиеся к периодической печати в России в XIX – начале XX в. Отмечается, что наименее изученная часть циркуляров касалась вопросов издания периодики: об основании издания, требовании к редактору, программе, об условиях освобождения от предварительной цензуры. Кроме этого уделено внимание циркулярам, контролировавшим содержание статей – запрещавшим касаться различных тем в печати. Приводятся сведения об отношении к практике издания циркуляров руководителей цензурного ведомства и журналистов. Подчеркивается значение этого источника для изучения политики правительства в отношении периодической печати.*

Ключевые слова: *цензура, периодическая печать, законы, циркуляры, исторический источник.*

В законах о печати, действовавших в Российской империи в XIX – начале XX века, были сформулированы основные задачи и правила цензуры: общие принципы, которыми должны были руководствоваться цензоры в повседневной работе и редакторы в своей деятельности. Но ни в цензурных уставах, ни в дополнительных законах невозможно было дать ответы на постоянно возникавшие на практике новые вопросы.

С развитием общества в периодической печати затрагивались все новые темы, и изменяющиеся обстоятельства вынуждали власть принимать особые меры, чтобы придать прессе желательное направление в трактовке текущих событий и различных вопросов государственной и общественной жизни.

Патрушева
Наталья
Генриховна
Кандидат исторических наук,
зав. сектором книговедения
Отдел редких книг
Российская национальная библиотека
Санкт-Петербург.

С конца 1820-х гг. регулярной практикой стал выпуск подзаконных актов – циркуляров с особыми распоряжениями и инструкциями. Сотни циркуляров выпускались по широкому спектру проблем, они возводились в ранг закона и были обязательны к исполнению. Циркуляры выпускались от имени министров (или их заместителей), в чьем ведении находилась цензура и от имени центральных цензурных учреждений. Циркуляры адресовывались комитетам и отдельным цензорам по внутренней и иностранной цензуре, а также губернаторам, отвечавшим за цензуру в провинции¹.

Большое внимание в циркулярах уделялось периодической печати. Условно циркуляры о периодических изданиях можно разделить на две группы. В одной – циркуляры, в которых регламентировались вопросы издания периодических органов и содержались инструкции чиновникам цензурного ведомства по их цензурованию и в другой – циркуляры, изданные министерством внутренних дел, запрещающие касаться в печати определенных тем.

В архивных фондах цензурного ведомства циркуляры сохранились в виде оригинальных документов, в основном – писарских копий и изготовленных типографским способом, реже – в виде машинописи². Часть циркуляров опубликована в ведомственных изданиях министерств народного просвещения и внутренних дел и в частных – в основном для нужд самого цензурного ведомства и деятелей печати³.

Наименее изучена первая группа циркуляров. Часть циркуляров касалась вопросов издания периодических органов: условия подачи прошения на издание, требования к ответственному редактору, программе и др. Так, например, циркуляр от 13 февраля 1832 г. разъяснял, что при подаче заявления на издание нового периодического органа необходимо было представить программу издания и сведения об издателе, включавшие справку о его благонадежности⁴. В циркуляре от 23 сентября 1841 г. подчеркивалось, что одно лицо не имеет право быть ответственным редактором двух периодических изданий без особого разрешения начальства⁵, а циркуляром от 6 апреля 1848 г. цензорам было запрещено состоять в редакциях газет и журналов⁶.

Циркуляр от 1 октября 1836 г. информировал попечителя московского учебного округа, что временно необходимо было приостановить прием заявлений на новые периодические издания⁷. Главное управление цензуры объясняло, что нельзя было просто возобновить издание журналов или газет, необходимо было вновь проходить процедуру оформления нового органа⁸.

Цензоры должны были следить за тем, чтобы редакторы следовали утвержденным для издания программам. Довольно часто отмечалось, что некоторые периодические издания позволяли себе помещать статьи, выходившие за их рамки⁹. В циркулярах содержались разъяснения для чиновников цензурного ведомства, как отличить журнал от периодического сборника или от листов для народного чтения¹⁰, на каких условиях можно было перепечатывать статьи из других изданий¹¹.

Циркуляр от 12 августа 1865 г. № 177 содержал подробную инструкцию цензорам по вопросам освобождения периодических изданий от предварительной цензуры¹². Цензоры должны были следить за объявлениями на подписку на периодические издания, в частности, в них запрещалось обещать понижать подписную цену для лиц особых категорий, например, для учащих без особого разрешения¹³. Ряд циркуляров разъяснял порядок цензурирования частных периодических изданий в губернских городах, которые не имели цензурных учреждений¹⁴.

Большое число циркуляров посвящено правительственным изданиям: «Правительственному вестнику», «Сельской беседе», «Губернским» и «Областным» ведомостям, «Книжной летописи». В некоторых содержался сведения и по отдельным периодическим изданиям. Так, в циркуляре от 5 июня 1876 г. № 3148 сообщалось о прекращении газеты «Киевский телеграф»¹⁵, в циркуляре от 15 января 1902 г. № 318 – о приостановке издания газеты «Россия»¹⁶, в циркуляре от 19 апреля 1903 г. № 3933 – об издании газеты «Дружеские речи»¹⁷.

Отдельная группа циркуляров указывала на ошибки цензоров. Так, в циркуляре от 12 марта 1848 г. отмечалось, что правительство обратило внимание на «предосудительный дух» многих статей в периодических изданиях. В связи с этим цензоры предупреждались, что «за всякое дурное направление статей журналов, хотя бы оно выражалось в косвенных намеках, цензура, сии статьи пропустившая, подвергнется строгой ответственности», а в циркуляре от 27 марта 1848 г. об ответственности за «дурное направление» предупреждались и редакторы¹⁸. Разъяснялась процедура наложения ареста, судебного следствия и исполнения приговоров по делам печати¹⁹. Губернаторам направлялись циркуляры, регламентирующие надзор за периодикой в провинции: разъясняли цели и задачи издания местных органов печати, напоминали об отличии частных изданий от официальных, обращали особое внимание на необходимость единообразия в требованиях к периодическим изданиям, комментировали некоторые процедурные вопросы²⁰.

Циркуляры давали разъяснения цензорам иностранной цензуры как по цензурованию текстов, так и по организационным вопросам. Например, циркуляр от 1 августа 1892 г. № 3789 сообщал о воспрещении ввоза в Россию шести чешских газет²¹, а циркуляр от 11 февраля 1893 г. № 858 – лондонской газеты на армянском языке под заглавием «Енчак»²².

Исследователи чаще обращались к изучению циркуляров министра внутренних дел, запрещавших касаться определенных тем в печати (вторая группа циркуляров).

По закону от 16 июня 1873 г. министру внутренних дел было предоставлено право запрещать периодическим изданиям, освобожденным от предварительной цензуры, затрагивать любую тему, которая считалась «вопросом государственной важности». Такие циркуляры полагалось выпускать лишь «в обстоятельствах, чрезвычайно редких». За нарушение этого закона периоди-

ческие издания могли быть приостановлены на срок, не превышавший трех месяцев²³. По подсчетам М. К. Лемке, таких циркуляров министра внутренних дел было более 500²⁴.

Циркуляры предписывали контролировать многие темы. Специальное внимание уделялось информации о царе и членах императорской фамилии, обсуждению государственных дел и политики правительства в области дипломатии и внешней торговли. В интересах государственной безопасности циркуляры ограничивали информацию по военным вопросам. Цензура пристально следила за распространением политических идей, представлявших угрозу существовавшему строю. Особое внимание обращалось на сочинения, пропагандировавшие идеи социализма и классовой борьбы²⁵.

Ряд циркуляров регламентировал освещение в печати событий, связанных с подъемом народнического движения, убийствами видных государственных деятелей, забастовками, студенческими волнениями, беспорядками в школах. Информация об этих событиях запрещалась или ограничивалась только повторением сведений, напечатанных в официальных источниках²⁶. Большое внимание уделялось статьям по крестьянскому вопросу²⁷.

Категорически не разрешалось пропускать статьи о преимуществах представительного образа правления, даже излагавших исторические события. Различные ограничения существовали при сообщении сведений о стихийных бедствиях и железнодорожных авариях. В описаниях катастрофы на Ходыньском поле предписывалось избегать сенсационности и следовать лишь правительственным сообщениям, нельзя было также помещать фотографии с места события²⁸. Информацию о вспышке холеры следовало подавать так, чтобы не смущать публику «сенсационными статьями и известиями»²⁹. В 1896 г. любые сведения о чуме в Самаркандской области можно было помещать лишь после предварительного просмотра материала в Специальной комиссии о мерах предупреждения и борьбы с чумною заразою³⁰. Цензурные органы ревностно относились к информации о собственном ведомстве: в печати не позволялись намеки на строгость цензуры³¹, в изданиях предписывалось не допускать ряды точек, указывавших, что материал не пропущен цензурой³².

В. В. Водовозов описывал процесс ознакомления с новыми циркулярами: «В редакцию полицейский приносит предписание Главного управления по делам печати, в котором оно извещает, что министр внутренних дел постановил на основании ст. 140 Цензурного устава изъять из ведения печати такой-то вопрос, дает почитать это предписание, отбирает от редактора или издателя подписку в том, что циркуляр за № таким-то ему объявлен, и немедленно прячет его в свой портфель. В виду этого редакция обязана хранить в памяти бесчисленное количество циркуляров за неопределенное число лет. Несмотря на „временный“ по закону характер циркуляров, срок действия их не обозначается, циркуляры никогда не отменяются, и бывали случаи наказания,

наложенного на журнал за несоблюдение циркуляра, объявленного за 2¹/₂ года перед тем»³³.

Журналист А. Е. Кафуман вспоминал: «Часто звали в цензуру, но еще чаще присылали циркуляры, изымавшие из обсуждения самые невинные темы и вопросы. Из этих циркуляров составлялись целые книги, которые в старых редакциях шутливо назывались "книгами живота". Помню циркуляры, запрещающие писать о пожертвованиях в пользу голодающих, о голодовках, о холере и других эпидемических заболеваниях, даже о санитарных неурядицах в частных домах, об Академии художеств, о распоряжении дирекции императорских театров, о плохом репертуаре, о самоубийствах, о столкновениях с военными и т. д. Я добросовестно штудировал эти циркуляры и принимал их к сведению и исполнению в качестве выпускавшего номера газеты»³⁴.

Быстрое увеличение числа циркуляров создавало проблемы как для цензоров, так и для редакторов. К концу столетия само цензурное ведомство испытывало сомнения относительно эффективности подобной практики. В докладе петербургского цензора Н. М. Соколова (1900 г.) о циркулярах 1865–1900-х гг. подчеркивалось, что их было слишком много и многие запрещенные ими темы не представляли собой вопросов «государственной важности», устаревшие циркуляры не отменялись. Но основная критика заключалась в том, что циркуляры заставляли цензоров обращать большее внимание на конкретные инструкции министра, чем на принципы, установленные для них Уставом о цензуре³⁵.

На заседаниях Комитета министров 28 и 31 декабря 1904 г. был сделан вывод, что «путем полного запрещения печати касаться того или другого вопроса, целые области русской жизни могли быть закрываемы для освещения их в печати, которая при таких условиях, конечно, не являла действительного отражения государственных потребностей и общественного мнения»³⁶. В 1905 г. начальник Главного управления по делам печати А. В. Бельгард критиковал беспорядочность и непоследовательность в цензуровании периодических изданий, что было вызвано серией циркуляров, уже устаревших или сформулированных столь нечетко, что допускалось различное их толкование³⁷.

Высочайшим манифестом 17 октября 1905 г., были отменены все циркулярные распоряжения, изданные министром внутренних дел на основании 140 статьи³⁸. 140 и 156 статьи цензурного устава были отменены Временными правилами от 24 ноября 1905 г.³⁹

В 1873–1905 гг. за нарушение этого закона издания были приостановлены 28 раз, из них 5 раз на максимальный срок в 3 месяца. Минимальный срок (3 дня) получили «Московские ведомости», 8 раз срок наказания был сокращен. Трижды по этой статье был приостановлен «Гражданин» и дважды «Минута» и «Современные известия». 1890-й – единственный год, когда ни одно издание не было приостановлено по этой статье⁴⁰.

Изучение обеих групп циркуляров, являвшихся инструментом оперативного руководства работой цензурного ведомства, позволяет выявить некоторые тенденции и закономерности в политике правительства в отношении периодической печати, установить дополнительные факторы, влиявшие на ее развитие.

Примечания

¹ О циркулярах см.: [Щебальский П. К.]. Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862. 133 с.; Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры (1700–1863 г.). СПб., 1892. 495 с.; [Водовозов В. В.]. Материалы для характеристики положения русской печати. Женева, 1898. Вып. 1–2; Лемке М. К. В мире усмотрения (ст. 140 и 156 уст. о ценз. и печ.) // Вестник права. 1905. № 7. С. 97–156; Самодержавие и печать. СПб., 1906. С. 59–80; Фойницкий В. Н. Цензурные циркуляры о Л. Н. Толстом : новые материалы // Русская литература. 1966. № 4. С. 174–176; Гусман Л. Ю., Калинин С. В. Цензурный циркуляр 1876 года и общественное движение на Украине // Герценовские чтения, 1999 : актуальные проблемы социальных наук. СПб., 1999. С. 40–42; Горбачев И. Г., Печников В. Н. Институт цензуры в Российском законодательстве XVI–XIX веков: историко-правовое исследование. Казань, 2004. 226 с.; Фут И. П. Циркуляры цензурного ведомства (1865–1905 гг.) // Цензура и доступ к информации: история и современность: тез. докл. междунар. науч. конф. С.-Петербург, 16–18 марта 2005 г. СПб., 2005. С. 53–55; Фут И. П. Циркуляры цензурного ведомства 1865–1905 гг. // Цензура в России: История и современность: сб. науч. тр. СПб., 2008. Вып. 3. С. 106–132; Организация цензурного надзора в Российской провинции во второй половине XIX – начале XX века в циркулярах цензурного ведомства / публикация Н. Г. Патрушевой и И. П. Фута // Там же. СПб., 2008. Вып. 4. С. 197–253; Циркуляры цензурного ведомства о надзоре за библиотеками / публикация Н. Г. Патрушевой и И. П. Фута // Книжное дело на Северном Кавказе: методы, источники, опыт исследований: сб. статей. Краснодар, 2010. Вып. 6. С. 43–77; Патрушева Н. Г., Фут И. П. Циркуляры цензурного ведомства XIX – начала XX вв. // История книги и цензуры: материалы междунар. науч. конф., посвященной памяти А. В. Блюма, 29–30 мая 2012 г. / науч. ред. М. В. Зеленев. СПб., 2013. С. 123–130 и др. Блохин В. Ф. О вреде «вредного направления» (начальный этап реализации новой государственной модели управления печатью в 60-е гг. XIX в.) // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. 2007. № 4. С. 109–115.

² См. коллекцию циркуляров: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776. Оп. 34. Д. 13 (1862–1870); Д. 14 (1871–1886); Д. 15 (1887–1892); Д. 16 (1893–1896); Д. 17 (1897–1904); Д. 18 (1905–1916); Д. 24 (1871–1897); Д. 25 (1898–1905); Д. 26 (1900 – 1909). Кроме того, большие массивы циркуляров хранятся: РГИА. Ф. 776. Оп. 11 – 1871. Д. 172; Оп. 11 – 1872. Д. 156; Оп. 20. Д. 1485; Оп. 21, ч. 1 – 1905. Д. 798.

³ См., например: Сборник распоряжений по цензуре с 1828 по 1862 г. [СПб., 1863]. 94 с.; Сборник распоряжений по делам печати (с 1863 по 1-е сент. 1865 г.). СПб., 1865. 79 с.; Сборник постановлений и распоряжений по делам печати 1865 года. СПб., 1866. 101 с.; Сборник постановлений и распоряжений по делам

печати: С 5 апр. 1865 г. по 1 июля 1868 г. СПб., 1868. 170 с.; Материалы, собранные особою комиссиею, высочайше учрежденною 2-го ноября 1869 г. для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. СПб., 1870. Ч. 2; Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1872 и 1873 годы / собрал Д. Н. Чудовский. СПб., 1874. 551 с.; Законы о печати: собрание действующих законодательных постановлений о печати, разъяснений по решениям кассационных департаментов Правительствующего сената и циркулярам Министра внутренних дел. СПб., 1875. 266 с.; *Варадинов Н. В.* Сборник узаконений и распоряжений правительства по делам печати. СПб., 1878. 348 с.

⁴ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 221.

⁵ Там же. С. 233.

⁶ Там же. С. 246.

⁷ Там же. С. 227.

⁸ См. циркуляр от 14 октября 1839 г. (Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 230).

⁹ См., например, циркуляр от 12 сентября 1896 г. № 5700 (РГИА. Ф. 776. Оп. 34. Д. 16. Л. 240).

¹⁰ См. циркуляры от 23 сентября 1841 г., от 22 мая и 13 августа 1858 г. (Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 222-223, 429).

¹¹ См., например, циркуляры от 6 апреля 1848 г., от 11 ноября 1854 г. (Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 246, 299).

¹² Сборник распоряжений по делам печати с 5 апреля 1865 г. по 1 июля 1868 г. СПб., 1868. С. 44-49.

¹³ См. циркуляр от 14 августа 1896 г. № 5166 (РГИА. Ф. 776. Оп. 34. Д. 16. Л. 232).

¹⁴ См., например, циркуляр, помеченный августом 1900 г., от 6 июня 1902 г. № 4741, от 8 марта 1903 г. № 2393 (РГИА. Ф. 776. Оп. 34. Д. 17. Л. 246, 365-365 об., 406-409).

¹⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 414. Л. 185-185 об.

¹⁶ Там же. Оп. 34. Д. 17. Л. 336.

¹⁷ Там же. Л. 412.

¹⁸ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 243-245.

¹⁹ См., например, циркуляры от 4 ноября 1911 г. № 312312, от 3 мая 1912 г. № 5930, от 22 ноября 1912 г. № 15614 (РГИА. Ф. 776. Оп. 34. Д. 18. Л. 106, Д. 22. Л. 156, 184).

²⁰ См., например, циркуляры от 24 марта 1865 г. № 551, от 18 августа 1901 г. № 6469, от 4 июля 1905 г. № 7454 (РГИА. Ф. 776. Оп. 34. Д. 13. Л. 31-32 об.; Д. 17. Л. 308; Д. 26. Л. 22, 28 об., 29).

²¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 34. Д. 15. Л. 179.

²² Там же. Д. 16. Л. 9.

²³ ПСЗ. Собр. 2. Т. 48. № 52395. Этот закон впоследствии вошел в статьи 140 и 156 Устава о цензуре и печати.

²⁴ *Лемке М. К.* В мире усмотрения (ст. 140 и 156 Устава о цензуре и печати) // Вестник права. 1905. № 7. С. 97-156.

²⁵ См., например, циркуляры от 18 декабря 1885 г. № 4591; от 7 июня 1893 г. № 2793 (РГИА. Ф. 776. Оп. 34. Д. 14. Л. 182, Д. 16. Л. 29).

²⁶ См., например, циркуляр от 16 октября 1877 г. № 4968 (РГИА. Ф. 776. Оп. 34. Д. 14. Л. 73).

²⁷ См., например, циркуляры от 22 января 1859 г., от 14 февраля 1861 г., от 29 января 1865 г. № 44 (Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 440-441; 457-458; Сборник распоряжений по делам печати (с 1863 по 1-е сент. 1865 г.). СПб., 1865. С. 38).

²⁸ Циркуляр от 17 июля 1896 г. № 4539 (РГИА. Ф. 776. Оп. 34. Д. 16. Л. 227).

²⁹ Циркуляр от 16 июля 1892 г. № 3522 (РГИА. Ф. 776. Оп. 34. Д. 5. Л. 173).

³⁰ Циркуляр от 14 октября 1898 г. № 6872 (РГИА. Ф. 776. Оп. 34. Д. 17. Л. 128).

³¹ См., например, циркуляры от 12 марта, 5 сентября и 24 октября 1848 г. (Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 243-244, 252, 254-255).

³² См., например, циркуляр от 6 сентября 1860 г. (Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 456-457).

³³ [Водовозов В. В.]. О печати и цензуре // Материалы для характеристики положения русской печати. Женева, 1898. Вып. 1. С. 17.

³⁴ Кауфман А. Е. Журнальное страстотерпство // Цензура в России в конце XIX – начале XX века: сб. воспоминаний / сост. Н. Г. Патрушева. СПб., 2003. С. 162.

³⁵ РГИА. Ф. 777. Оп. 5 – 1900. Д. 205. Л. 1-48 об.

³⁶ Цит. по: Лемке М. К. В мире усмотрения: (Ст. 140 и 156 Устава о цензуре и печати) // Вестник права. 1905. № 7. С. 101.

³⁷ Циркуляр от 4 июля 1905 г. (РГИА. Ф. 776. Оп. 34. Д. 26. Л. 22-23).

³⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 34. Д. 18. Л. 1-2.

³⁹ ПСЗ. Собр. 3. Т. 25. № 26962.

⁴⁰ Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных взысканий: справочное издание / сост. и авт. вступ. ст. Н. Г. Патрушева; ред. М. А. Бенина. СПб., 2011. С. 48-49.

N. G. Patrusheva

patrusheva@nlr.ru

Circulars of the Censorship Authority as a Source of the History of Periodical Press in Russia XIX - early XX century.

Abstract: the article considers the censorship authority circulars relating to the periodical press in Russia in XIX - early XX century. It is noted that the least studied of the circulars concerned issues of periodicals editions: on the basis of the edition, the requirements for the editor and program, the conditions of exemption from pre-publication censorship. In addition, attention is paid to the circular control the content of the articles – prohibition of writing the different themes. Provides information about the attitude towards the practice of issuing circulars by censorship authority managers and journalists. Emphasizes the importance of this source for the study of government policy in the periodical press.

Key words: censorship, periodical press, laws, circulars, historical sources.

В. Ф. Блохин

**«ПЛЕННИКИ БЕЗ ЗАСТЕНКОВ»:
К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
ГОСУДАРСТВА, ЧАСТНОЙ ПРЕССЫ
И МАССОВОГО ЧИТАТЕЛЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

Аннотация: в статье рассматриваются специфические условия формирования и функционирования российских средств массовой информации, их отношения с властью и существовавшими цензурными ограничениями.

Ключевые слова: периодическая печать, реклама, цензура, губернские ведомости, Главное управление по делам печати.

Проблемы свободы и социальной ответственности средств массовой информации не утрачивают своей актуальности в современном мире, поскольку приемы достижения целей в информационном пространстве постепенно приобретают всё более сложный и замысловатый характер. Они касаются освещения самых различных сфер жизни, порождая новые особенности развития как традиционных, так и сетевых средств передачи информации, что в свою очередь вызывает необходимость активных публичных дискуссий и научных исследований. Как следствие – на сегодняшний день изучение средств массовой информации в качестве социокультурного феномена получило широкое развитие в работах зарубежных и российских историков, журналистов, социологов, политологов и филологов, юристов. Постепенно сформировались заграничные и отечественные школы, изучающие медиатеорию и практику¹. Не утратило своей актуальности исследование проблем надзора за периодической печатью, осуществляемого в дореволюционной России с целью управления

Блохин
Валерий
Федорович
Доктор исторических
наук,
профессор кафедры
отечественной истории
Брянский государст-
венный университет

общественным мнением.

Изучение исторического опыта контроля за распространением информации в стране вряд ли подскажет пути формирования у нас современного правового государства, но зато, несомненно, поможет глубже изучить специфику политической системы Российской империи XIX–XX вв., рассмотреть ее слабые и сильные стороны.

Канадский философ, литературовед, теоретик медиакommunikации Маршалл Маклюэн в своей книге, написанной в 1964 г., привел слова папы Пия XII, который еще 17 февраля 1950 г. заметил: «Не будет преувеличением сказать, что будущее современного общества и стабильность его внутренней жизни большей частью зависят от сохранения равновесия между мощностью приемов коммуникации и пропускной способностью индивида»². Полное или ограниченное непонимание этой пропорции, покорное принятие воздействия средств массовой информации ставит под угрозу превращения значительной части населения той или иной страны в «пленников без застенков». Рассмотрение периодической печати через призму такого рода воздействия на читающую публику может служить показателем ее зрелости и степени влияния на процессы, происходившие в государстве, а слова, произнесенные в 1950 г., имеют отношение к явлениям общественной жизни, происходившим в гораздо более раннее время.

Своеобразной иллюстрацией к тому, что проблема «пропускной способности индивида» явилась на свет вместе с расширением влияния средств массовой информации, может служить один из ранних рассказов Эмиля Золя, связанный с журналистской деятельностью писателя и опубликованный в журнале «L'Illustration» 17 ноября 1866 г.

Герой истории под названием «Жертва рекламы» принял решение жить, пользуясь всеми возможными благами прогресса и цивилизации. Пьер Ландри, так его звали, был убежден, что время, в котором он жил, отличалось от предыдущих времен глубиной научного познания и особым благоденствием окружавших его людей, посвятивших себя счастью человечества. «Они непрерывно изобретают чудеса, заботясь о том, чтобы жизнь стала спокойной и счастливой, и простирают свое попечение до того, что стремятся все блага жизни сделать для каждого доступными и каждому по карману»³, – считал Ландри. «Чем трескучее была реклама, тем с большим доверием и восторгом он ей внимал»⁴. Итог был плачевен. Реклама не пощадила не только тело, но и разум Пьера Ландри, читавшего только те книги, которые рекомендовали ему газеты и заранее знавшего, какой восторг должен испытывать: «...он плакал или смеялся над книгой согласно предписанию издателей». Потеряв волосы и зубы, заполучив многочисленные болезни в результате использования рекламируемых средств, герой рассказа в итоге лишился и жизни, используя рекламируемый способ омоложения. «Будем стойки, не уподобимся Пьеру Ландри»⁵, – завершает призывом к читателю свой рассказ Э. Золя.

Российский читатель в середине 1860-х гг. еще не испытывал на себе силу воздействия печати, сопоставимую с историей, рассказанной французским писателем. Средства массовой информации в России, как и в зарубежных странах, сформировались и действовали в контексте специфических культурных условий конкретного времени и места, а они были таковы, что массовый читатель появился в стране лишь к концу 1850-х гг. События, связанные с Крымской войной, а также многочисленные слухи, ходившие вокруг предстоящих реформ, особенно по поводу отмены крепостной зависимости, разбудили российское общество от длительной спячки. С 1857 г. начинаются изменения в сфере цензурной политики, допустившей появление на свет нового понятия, получившего распространение именно в это время – «гласность».

Вступление на российский престол Александра II знаменовалось и ростом числа печатных изданий, причём увеличение происходило в основном за счёт небольших уличных газеток-листочков, неизвестные издатели которых пытались получить свою выгоду на незатейливых развлечениях публики. Отсюда – необычные, броские названия этого рода литературных опусов, призванных привлечь внимание людей, которые еще не привыкли тратить даже малую часть своих скудных средств на печатную продукцию: «Бесструнная балалайка», «Правда мужика Федота», «Пустозвон», «Пустомеля», «Сплетник», «Шут гороховый», «Чепуха», «Бардадым» и т. п. «Листки» продавались «по пяти копеек» непосредственно на улицах при помощи разносчиков.

В политическом плане «низовая» пресса отличалась абсолютной лояльностью, но ирония, сарказм, помогавшие высмеивать те или иные, пусть и казавшиеся весьма второстепенными явления жизни, заставляли читателей по-новому взглянуть на окружающую их действительность. Более того, несмотря на строгий запрет печатать что-нибудь, относящееся к общественным вопросам, в некоторых из них появились характерные обличительные черты, в других же присутствовали нотки охранительного характера.

С начала 1860-х гг. «листки» стали преобразовываться в информационные издания, в некоторых из них появились литературные отделы. Например, еженедельный московский «Обёрточный листок», который имел подзаголовок «Газета литературная и промышленная». В нем публиковались правительственные распоряжения, различные сведения и слухи. Название недвусмысленно указывало на возможности дополнительного использования издания, а заодно и на читателей, которым оно было предназначено: купечество, мещанство, ремесленники, посетители рынков и пивных лавок, пассажиры вагонов конки и железных дорог. После прочтения газеты можно было использовать как простую обёрточную бумагу.

Таким образом, наряду с прессой, ориентированной на представителей высших сословий, возникли издания, предназначенные для городского купечества, а затем и городских низов. Поначалу эти изменения не привели к проблемам, с которыми не смог справиться Пьер Ландри: до 12 мая 1862 г. только

петербургские, московские и полицейские «Ведомости» имели право печатать частные объявления. Получив особое разрешение на их размещение, городские «листки» продолжали являться «собраниями» необыкновенных происшествий, сведений о пожарах и убийствах, скандалах и ужасных случаях. Однако ситуация постепенно изменилась, поэтому позволив использовать рекламу частным газетам, правительство, словно спохватившись, ровно через год, 12 мая 1863 г., изобрело способ её употребления для контроля за печатью.

Министру внутренних дел в дополнение к пункту VI временных правил было предоставлено право по его личному усмотрению прекращать публикацию в периодических изданиях частных объявлений на срок от двух до восьми месяцев⁶. Сам этот факт свидетельствует о том, что подобная мера могла играть заметную роль в отношениях государства и частной прессы, поскольку объявления занимали все более весомое место в общем объеме средств печати, и запрет размещения рекламы мог нанести экономический вред изданию. Многие из тогдашних газет печатались «вместо афиш и держались объявлениями»⁷.

Изменения в условиях функционирования периодической печати вызвали ужесточение контроля со стороны цензурного ведомства за соблюдением пунктов заявленной издателями программы. Иллюстрацией может служить эпизод, который произошел в 1864 г. с астраханской газетой «Волга». Редактор издания, помещая на его страницах различные объявления, предлагал об условиях продажи справляться непосредственно в редакции газеты. За особую плату он также учредил специальную рубрику, куда вносил имена и адреса содержателей магазинов, делясь ими с читателями⁸. Превращение газеты в «справочную контору» вызвало недовольство Главного управления по делам печати, которое после обсуждения на своем Совете, сообщило начальнику Астраханской губернии о нарушении «Волгой» издательской программы, «не испросив разрешения на помещение объявлений, адресов и услуг»⁹.

Крупные столичные газеты в 1860-х гг. уделяли основное место своих рекламных разделов частным объявлениям, связанным с поиском работы, оказанием образовательных услуг и т. п. В разделах продаж фигурировали безобидные комнатные органы, зубной эликсир, уничтожающий боль, нестеряемые сундуки, дорожные кровати, металлические умывальные столы и клозеты, гигиенические и лечебные ванны. Во многих изданиях содержалась реклама магазинов женских рукоделий и французской моды, охотничьих принадлежностей. Робкими попытками воздействия на «пропускную способность индивида» в середине 1860-х гг. можно, вероятно, считать рекламу трескового жира со свойствами ликвидации бледности лица и мягкости мышц у детей, краску для окрашивания бороды в черный цвет. Впрочем, вполне вероятно, что свойства рекламируемой продукции вполне соответствовали ожиданиям покупателей.

Во второй половине 1870-х – начале 1880 гг. реклама в российских газетах обрела черты, вызвавшие некогда тревогу Э. Золя. Появились объявления о продаже лекарственных средств со ссылками на конкретные случаи излечения от забо-

леваний, активно использовались утверждения о якобы проведенных серьезных научных исследованиях. У вполне здоровых людей формировалось впечатление о необходимости применения рекламируемого средства. Реклама зачастую имела, с точки зрения современного читателя, комичный характер. Например, при представлении радикального средства для наращивания волос для убедительности был помещен рисунок, на котором человек сперва изображался лысым, а затем с пышной шевелюрой. В другой рекламе показаны двое мужчин высокого и невысокого роста в сопровождении текста: «Я ем, а я не ем геркулес».

Главным же было то, что разделы с рекламой, которые в том числе размещались и на первой полосе, стали зачастую основной экономической составляющей газет и журналов, а расширившийся круг читателей всё менее критично воспринимал информацию со страниц тогдашней печати. По сведениям газеты «Заря», одно из провинциальных изданий даже предлагало создать в столице особую контору или агентство из представителей столичной печати и адвокатуры, куда обманутые подписчики газет могли бы обращаться со своими заявлениями¹⁰. К началу XX в. периодические издания стали печататься главным образом за счет средств рекламодателей (банки, промышленные предприятия, страховые общества), а не читателей.

Новый закон о запрете частных объявлений вступил в силу с 5 сентября 1879 г. В кодифицированный Устав о цензуре он вошел как статья 155. Однако его принятие было вовсе не связано с проблемой недобросовестности рекламодателей. Подробное изложение процесса его подготовки содержится в работе Н. Г. Патрушевой¹¹. В августе-сентябре 1879 г. в Совете министров рассматривались предложения тогдашнего министра внутренних дел Л. С. Макова, который сетовал на недостаточность существующих мер пресечения печатного слова. По его мнению, предостережение вместо убытков приносило издателям значительные выгоды: увеличивает число его подписчиков, а приостановка издания в летние месяцы экономит средства на выпуск газеты, поскольку издатель высылал подписчикам номера издания близкого направления, платя только за бумагу, печатание и пересылку. Запрещение розничной продажи касалась только ежедневных изданий и, судя по огромному количеству штрафов, налагаемых на разносчиков за нарушение этих законов, также не представлялась действенной мерой. Министр предлагал определить размер штрафов в зависимости от прибыли, получаемой издателем, при этом штраф должен был увеличиваться при повторении проступка. Часть суммы от штрафов шла на оплату работы цензоров. Однако Комитет министров решил, что мерой, равнозначной предложению Макова, могло бы стать запрещение министром внутренних дел помещать частные объявления в провинившемся издании на срок от двух до восьми месяцев¹².

Противоположные друг другу понятия «истины и ложности» проявлялись в отечественных средствах печати не только и не столько в недобросовестности рекламы. Говорить «не иначе как с дозволения цензуры», мыслить в пре-

делах циркуляра, чувствовать по статье цензурного закона являлось уделом большинства российских средств информации, причем в наименьшей степени цензоров интересовало содержание печатаемых объявлений. Проблемы отечественных периодических изданий складывались в контексте властных отношений, господствовавших в авторитарном обществе. «Мы больше молчали, чем говорили и это было нашей, увы, бессильной мстостью тем, кто смел зажимать нам рот, когда мы говорим правду...»¹³, – с горечью констатировал автор статьи в провинциальном «Днепровском вестнике».

Однако можно встретить и противоположное суждение о роли голоса прессы в тех условиях. В своей служебной записке член Главного управления по делам печати Ф. П. Еленев заявлял: «Чтобы получить право читать лекции аудитории, состоящей из каких-нибудь 25-50 слушателей, профессор должен пройти через целый строй экзаменов и заслужить ученую степень; а чтобы получить право поучать нравственным и политическим доктринам десятки тысяч читателей не требуется ничего, кроме некоторой протекции у министра внутренних дел или в Главном управлении по делам печати»¹⁴.

Действительно, практически любое российское печатное издание в той или иной степени пользовалось государственным покровительством, в ряде случаев имело совершенно неприкрытые формы правительственной поддержки и ставило своей целью превращение хотя бы части населения в «пленников без застенков». Таким образом, тезис о том, что отечественные средства массовой информации отличались от западных только тем, что были вынуждены существовать в условиях необычайно суровой цензуры, сильно упрощает реальную картину их отношений с властными структурами¹⁵.

Причины, по которым государство брало на себя патерналистские обязательства в отношении периодических изданий, сводились к той роли, которую все более очевидно начинали играть средства печати уже в 1860-е гг. Интерес к политике, активно проявившийся в середине 1850-х гг., ускорил процесс превращения печатного слова в самый действенный способ формирования и выражения общественного мнения, поэтому государственный интерес распространялся неравномерно и строго зависел от степени возможностей периодических изданий воздействовать на читающую публику. Издания, которые были гораздо более профессиональными и информированными, по сравнению со своими конкурентами, получали особые преференции в донесении своей информации до читателей, но и ответственность перед властными структурами у них была выше. Такое положение было характерно для коммуникационной среды большинства государств. Примером может служить авторитетная, всемирно известная лондонская газета «The Times», которая длительное время служила традиционным чтением англичан за завтраком. Конкурентам этого издания приходилось делать упор на переменчивость, базироваться на рекламе, быть более доступными по цене и даже выходить по вечерам.

Аналогичными по влиянию у себя в стране были российские газеты «Голос», «Русские ведомости», «Новое время», «С-Петербургские ведомости». Особое положение занимала в 1880-е гг. газета «Московские ведомости» и ее неизменный (до 1887 г.) редактор Михаил Никифорович Катков, пользовавшийся очевидной благосклонностью императора Александра III. При этом не только и даже не столько высокая степень профессионализма издания и его редактора предопределяла отношение к нему со стороны властных структур и подчиненного им Главного управления по делам печати.

Примечателен эпизод, сыгравший роковую роль в судьбе самого М. Н. Каткова. Так, по воспоминаниям Е. М. Феоктистова, возглавлявшего в 1887 г. Главное управление по делам печати, 11 марта этого года из Министерства внутренних дел ему возвратили так называемое «царское обозрение прессы», которое ежедневно направляли императору из цензурного ведомства. Рукой императора на передовой статье № 66 «Московских ведомостей» было набросано: «В высшей степени неприличная статья. Вообще Катков забывается и играет роль какого-то диктатора, забывая, что внешняя политика зависит от меня, и что я отвечаю за последствия, а не г-н Катков; *приказываю* дать Каткову первое предостережение за эту статью и вообще за всё последнее направление, чтобы утомить его безумие и что всему есть мера»¹⁶.

Однако на этом история с М. Н. Катковым не закончилась. В тот же день Е. М. Феоктистов сообщил о случившемся обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву, а тот обратился с письмом к императору. В нем он отметил, что всё происходящее с «Московскими ведомостями» является событием не только всероссийским, но и европейским, что «падение» газеты вызовет торжество «партии врагов России и порядка» и уныние в рядах «другой партии». По мнению К. П. Победоносцева, предостережение, выданное Каткову, во всех концах мира будет воспринято как особое политическое событие, истолковано как резкий поворот в российской политике, «вызовет торжественные демонстрации во всех больших городах», отразится на бирже¹⁷.

Обер-прокурор Синода высказал также предположение, что М. Н. Катков после выданного ему предостережения наверняка прекратит издание «Московских ведомостей», что станет для власти утратой «силы весьма значительной, силы нравственной», Каткова неким будет заменить «в нашей распущенной и бедной серьезными талантами печати»¹⁸. В завершении предлагалось объявить предостережение газете от имени самого императора, «только не в официальной форме и без опубликования. Для этого Феоктистов мог бы съездить в Москву или гр. Толстой (тогдашний министр внутренних дел. – В. Б.) лично мог бы передать Каткову все то, что Вашему Величеству угодно было бы выразить»¹⁹.

На следующий день, 12 марта 1887 г., в Гатчине на имя К. П. Победоносцева Александром III было направлено письмо, в котором в частности говорилось: «...подумав обо всем, что Вы мне пишете, я пришел к убеждению, что

Вы правы и что я сгоряча недостаточно обдумал, отдавши приказание о предостережении "Моск. Вedom."»²⁰.

М. Н. Катков пользовался высочайшей для российских условий степенью свободы не только благодаря поддержке со стороны К. П. Победоносцева и Д. А. Толстого, а в первую очередь благодаря тому, что имел возможность напрямую обращаться к царю: «...для Александра III идеология Каткова стала такой же казенной идеологией, как "официальная народность" в годы царствования Николая I»²¹.

Примером особого государственного покровительства отдельным провинциальным изданиям может служить история, произошедшая в ноябре 1902 г. В Главное управление по делам печати обратился бессарабский вице-губернатор с жалобой на ежедневную кишинёвскую газету «Бессарабец». Суть жалобы заключалась в том, что редактор-издатель издания П. А. Крушеван практически превратил свою «подцензурную газету почти в бесцензурную». Редактор задерживал газету на просмотр цензору после 23 часов и еще жаловался на то, что ее гранки возвращались слишком поздно²². Совет министра внутренних дел, выслушав мнение члена Совета Пантелеева о необходимости применения к газете «Бессарабец» действенных мер административного воздействия, отметил, что «несмотря на многократные нарушения этой газетой законов о печати, направление ее по существу все же нельзя признать вредным»²³. Было решено применить к изданию ст. 155 Устава о цензуре и печати, т. е. запретить печатать частные объявления лишь в течение 2-х месяцев.

Вскоре после этого события (в начале апреля 1903 г.) в Кишиневе произошел погром, который, по мнению многих современников, был в значительной мере спровоцирован публикациями П. А. Крушевана. Изо дня в день в своей газете он описывал изуверское убийство в Дубоссарах четырнадцатилетнего мальчика, указывая на возможную ритуальную подоплеку этого убийства со стороны еврейского населения. Вскоре следствие обнаружило настоящего убийцу. Им оказался двоюродный брат подростка, совершившего свой бесчеловечный поступок из-за наследства. Вслед за этим Министерство внутренних дел выпустило специальный циркуляр, запрещавший что-либо публиковать в периодических изданиях об этом деле, из-за чего распространённая Крушеваном клевета не могла быть публично опровергнута. Приходится с сожалением констатировать, что нанесенные этой газетой «удары» по психике читателей достигли своей цели, воздействовав на «подготовленность» населения к ее восприятию.

Особым покровительством властей пользовались и возникшие в 1830-е гг. «Губернские ведомости», которые должны были обеспечить прямую и обратную связь между различными структурами государственной власти. Положение об издании «Ведомостей», состояло из 65 параграфов и жёстко регламентировало круг тем, которые могли затрагиваться в публикациях (особенно в неофициальной части).

В апреле 1851 г. было опубликовано высочайше утверждённое положение Комитета министров: «О подчинении неофициальной части Губернских Ведомостей общей цензуре, где цензурные комитеты, а в других на одного из профессоров, или училищных чиновников на усмотрение попечителей учебных округов и утверждению министра народного просвещения и подчинению их на общих основаниях Главному управлению цензуры»²⁴. Однако в 1863 г. на этот счёт были внесены существенные изменения: «Губернские ведомости» освобождались от рассмотрения общей цензуры, и губернаторам предоставлялось право поручать «цензирование оных лицам по своему выбору, с тем, чтобы в сомнительных только случаях лица сии обращались к цензорам цензурных комитетов и отдельным цензорам, а где оных не полагается, к директорам училищ»²⁵. Главным критерием для подобных обращений могло стать «всякое обвинение должностных лиц и правительственных органов вообще, а в особенности местной администрации, терпимое в известной мере в частной прессе, совершенно неуместно в "Губернских ведомостях"»²⁶.

К 1870-м годам тематические рамки неофициальной части «Губернских ведомостей» расширились от передовых и рецензий, до возникновения фельетонных отделов, содержание которых варьировалось от статей и докладов до стихотворений и новостей²⁷. С открытием Северного телеграфного агентства Министерство внутренних дел циркуляром от 5 декабря 1882 г. выдало специальное разрешение на использование в «Губернских ведомостях» его сведений о внутренней и иностранной политике, общественной жизни и коммерческих известий²⁸.

В начале XX в. была предпринята попытка изменения законодательства о «Губернских ведомостях» с целью усиления их влияния на общество. В апреле 1901 г. из представителей «Правительственного вестника», Главного управления по делам печати и редакторов некоторых губернских официальных газет была создана «Особая комиссия по пересмотру правил издания Губернских и Областных ведомостей». По этому поводу высказался ряд столичных газет. «Новости дня», в частности, писали: «Ведомости, если их надлежало бы поставить, должны явиться примером спокойной, справедливой в своих суждениях и отзывах газеты, ставящей себе одну цель – выяснение всего специального значения местных интересов в согласии с интересами общегосударственными»²⁹. Однако, «условия для такого рода газеты, которая могла бы существовать в каждом губернском городе, не так легко выработать, и, конечно, недостаточно пожелать существования в провинции подобного рода органов печати, чтобы они уже появились»³⁰.

Обсудив состояние региональной печати, Комиссия высказалась по проблемам освобождения «Ведомостей» от чрезмерной опеки местных властей, о возможности публикации критических статей в адрес политики правительства на их страницах, о полемике с другими органами печати. Утверждалось, что её решения фактически свелись к чисто техническим, финансовым и ор-

ганизационным вопросам³¹. Однако освобождение или, по крайней мере, частичное освобождение «Ведомостей» от цензурной опеки все же произошло. Доказательством может служить эпизод с «Орловскими губернскими ведомостями», опубликовавшими 27 марта 1904 г. «сенсационную» телеграмму: «Получены 26 марта (10 часов вечера). Петербург, 25 марта («Соб. кор.»). В районе спокойно, горожане собираются мирно праздновать Светлый праздник. В темные безлунные ночи ожидаются нападения "неприятя, показавшегося в наших водах"»³².

«Появление японцев у Петербурга» в канун пасхальных праздников, в Страстную субботу, вызвало в городе Орле настоящее волнение. Толпа обывателей, собравшаяся на улице, двинулась по направлению к типографии «Губернских ведомостей». Только к вечеру выяснилось, что сенсационная телеграмма оказалась просто недоразумением: «Орловские губернские ведомости» случайно перепутали Петербург с Порт-Артуром, откуда она и была передана «Российским Телеграфным Агентством». Сам по себе эпизод выглядит забавным, но вполне заурядным для времени, когда ручной набор в типографии зачастую приводил к различного рода досадным ошибкам. Вот тут и «включался» цензурный аппарат, который после корректоров и редакторов отслеживал не только попытки свободных словосуждений средств печати, но и допущение ими откровенных ляпов. Однако проблема в данном случае даже не в пользе цензуры для «Орловских ведомостей». Допущенная досадная ошибка сразу стала предметом активного обсуждения средств российской печати. Сообщение о ней последовало в газете «Русское слово», затем в далекой от Орла Вольни³³. Вероятно, откликнулись и другие подцензурные издания, выразив таким образом свой протест против официально утвержденного властями неравноправия средств информации «в процессе поиска истины».

Таким образом, государственное покровительство являлось необходимою и гарантией спокойного существования российских средств печати. Характер отношений органов информации и власти выступали на передний план при реализации принципов свободы и ответственности, а нормы закона регулярно оказывались на задворках взаимодействия государства, общества и средств массовой информации. В итоге функционирование периодических изданий в России XIX – начала XX вв., характер передаваемой ими информации, оказался зависимым от целого ряда факторов, зачастую находившихся не в прямой зависимости как от интересов государства в этой сфере отношений, так и от запросов потребителей массовой информации.

Примечания

¹ Например, англо-саксонская и франкфуртская, в рамках которых были созданы следующие исследования: *Mumford Lewis. Technics and Civilization*. N-Y., 1963; *Ellul Jacques. The Technological Society*. N-Y., 1964; *Innis H. A. The Bias of Com-*

municaton. Toronto: University of Toronto Press, 1999; *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев: «Ника-Центр», 2004; *Маркузе Г.* Одномерный человек. М., 1994; *Адорно Т., Хоркхаймер М.* Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.: Медиум, 1997 и др. Комплекс проблем, связанных с современным состоянием и историей контроля за распространением и доступностью информации, рассматривается в изданиях Российской национальной библиотеки: *Цензура в России: история и современность. Сборник научных трудов.* СПб., 2001-2013. Вып. 1-6. Неизменным редактором сборников является *Н. Г. Патрушева*. О переосмыслении в зарубежной историографии традиций восприятия исторического образа России и степени влияния исторической мысли русского зарубежья на основные подходы и концепции типового направления «Russian Studies» см. материалы конференций организованных и проведенных Е. В. Петровым: *Росси́ка и русистика новейшего времени. Труды международной конференции памяти академика РАН А. А. Фурсенко (1927-2008).* ЦСР Северо-Запад, СПбИИ РАН и СПбГУ (4-5 июля 2009 г.). СПб: Издательский дом СПбГУ, 2010. *Эмигрантика / Emigrantica: периодические издания русского зарубежья (вопросы источниковедческой критики).* Труды международной конференции. СПб ИИ РАН, СПбГУ. СПб.: «Издательский дом СПбГУ», 2012.

² *Маклюэн М.* Понимание медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. С. 25.

³ *Золя Эмиль.* Собрание сочинений. М.: Изд-во «Художественная литература», 1966. Т. 23. С. 493.

⁴ Там же. С. 497.

⁵ Там же. С. 498.

⁶ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2. Ч. 1. Т. 38. № 39613.

⁷ См.: *Провинциальные красоты.* (Обозрение провинциальной литературы и её направлений) // Камско-волжская газета. 1873. № 112.

⁸ Российский государственный исторический архив(РГИА). Ф. 774. Оп. 1. 1864. Ед. хр. 50. Л. 1 об, 2.

⁹ Там же. Л. 5 об.

¹⁰ Заря. 1886. № 43. 20 марта.

¹¹ См.: *Патрушева Н. Г.* Цензура и печать в России в конце 1860-х – начале 1880-х гг.: (История цензурной контрреформы) // *Solanus: International Journal for Russian and East European Bibliographic, Library and Publishing Studies.* New Series. 1997. Vol. 11. P. 74; она же. Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных взысканий: Справочное издание. СПб.: Издательство «Нестор-История», 2011. С. 50.

¹² См.: там же.

¹³ К свободе печати // *Днепровский вестник.* 1905. № 290. 26 октября.

¹⁴ *Еленев Ф. И.* О злоупотреблениях литературы и о действиях цензурного ведомства с конца пятидесятих годов по настоящее время. II. О необходимых изменениях в устройстве цензурного ведомства. СПб., 1896. С. 20.

¹⁵ *Трахтенберг А. Д.* Отечественные средства массовой информации как социокультурный феномен // *Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения Российской академии наук.* 2002. № 3. С. 176.

-
- ¹⁶ Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). Воспоминания. М.: Новости, 1991. С. 243–244.
- ¹⁷ Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. М.: «Русская книга», 1993. С. 490–491.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 492. В последние дни своей жизни, в мае 1887 года, М. Н. Катков оказался (временно) скомпрометирован в глазах императора Александра III из-за клеветнически приписанного ему авторства письма президенту Палаты депутатов Франции Шарлю Флокэ. Скончался редактор «Московских ведомостей» 20 июля 1887 г.
- ²⁰ К. П. Победоносцев и его корреспонденты : Воспоминания. Мемуары : В 2 т. Минск: Харвест, 2003. Т. II. С. 204.
- ²¹ Чернуха В. Г. Правительственная политика в отношении печати. 60-70-е гг. XIX в. Л., 1989. С. 193.
- ²² РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 32–33. Л. 188–188 об.
- ²³ Там же. Л. 194, 194 об.
- ²⁴ ПСЗ. Собр. 2. Т. XXVI (1851 г.). Отделение первое. № 24979. 27 февраля.
- ²⁵ Материалы, собранные особою комиссией, высочайше утверждённою 2 ноября 1869 года, для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. Часть пятая. Действующие законоположения и постановления о цензуре и печати. С. 141.
- ²⁶ РГИА. Ф. 774. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 1, 1 об.
- ²⁷ См.: Болтуц О. А. Провинциальный газетный фельетон: от отдела к жанру (на материале кубанской периодики рубежа XIX–XX вв.): Дис. ... канд. фил. наук. Краснодар, 2006.
- ²⁸ См.: Новое слово. 1896. Сентябрь. № 12. С. 11.
- ²⁹ Новости дня. 1901. № 6391. 31 марта.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ См.: Дейч Г. М. Губернские ведомости как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. 1978. № 9. С. 241.
- ³² Орловские губернские ведомости. 1904. № 34. 27 марта.
- ³³ Волынь. 1904. № 5. 6 апреля.
-

V. F. Blokhin

blohin.val@yandex.ru

“Captives without fence”: To the problem of relationship between state, private press and the mass of readers in the second half of XIX - early XX century century.

Abstract: The article considers the specific conditions of formation and functioning of the Russian media, their relations with the authorities and with the rules of censorship.

Keywords: periodicals, advertising, censorship, regional news, General Administration of Press.

В. С. Измозик
История перлюстрации в Российской империи
XVIII – начала XX в.
в историографии XX века

Аннотация: в статье анализируются результаты изучения истории перлюстрации в Российской империи, показываются направления, которые требуют дополнительного исследования.

Ключевые слова: перлюстрация, «черный кабинет», III Отделение, цензура, почтовая переписка, корреспонденция, политический розыск.

Мощный всплеск общественного интереса к теме перлюстрации последовал после свержения монархии в феврале 1917 г. Центральные и местные газеты писали о «черных кабинетах», рассказывали о деталях их устройства с разной степенью точности, приводили списки лиц, чья корреспонденция регулярно вскрывалась¹. Журнал «Былое» напечатал воспоминания бывшего начальника Киевского губернского жандармского управления генерал-майора В. Д. Новицкого и бывшего цензора С. Майского [псевдоним В. И. Кривоша]².

Впоследствии они вышли отдельными изданиями³. Записки С. Майского на многие годы стали одним из основных источников для всех пишущих на эту тему. К сожалению, до недавнего времени этот источник не подвергался целостному источниковедческому анализу. Многие писавшие на эту тему просто переписывали и переписывают из него те или иные отрывки, даже не задаваясь вопросом о том, кто скрывался за этим псевдонимом, ибо «С. Майского» никогда не существовало среди служащих цензуры иностранных газет и журналов. К тому же, наряду с действительно ценными сведениями о практике работы «черных кабинетов», здесь содержится немало недостоверных и просто выдуманных фактов. Уже в 1998 г. автор данного труда на основании совокупности ряда документов подверг критике ряд утверждений «С. Майского», а в 2007 г. обосновал версию о том, что за псевдонимом «С. Майский» скрывался В. И. Кривош, один из ярчайших работников «черных кабинетов», трудившийся на этом поприще с 1893 по 1935 гг., но отличавшийся в своих рассказах и

Измозик
Владлен
Семенович
Доктор исторических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций имени профессора М. А. Бонч-Бруевича

воспоминаниях необузданной фантазией⁴.

В 1918 г. вышла книга С. Г. Сватикова «Русский политический сыск за границей». Автор был направлен в мае 1917 г. в Париж как комиссар Временного правительства для работы в комиссии по разбору архивов Департамента полиции и ликвидации его подразделений за рубежом. Он ознакомился в Париже со многими документами и участвовал в допросах бывших секретных сотрудников. К сожалению, ведению зарубежной перлюстрации посвящено лишь два абзаца⁵.

После прихода большевиков к власти перлюстрация уже с лета 1918 г. входит в арсенал политического контроля новой власти⁶. Естественно, что новые руководители политического розыска обращаются к опыту царской службы. В первой половине 1919 г. в ВЧК В. Н. Зверевым, бывшим сотрудником Московского охранного отделения, был составлен секретный обзор «Перлюстрация корреспонденции при царизме и телефонные перехваты». Но надо отметить, что автор просто сделал краткий конспект воспоминаний С. Майского (В. И. Кривоша)⁷.

В начале 1920-х гг. к данной проблеме обратился молодой историк Р. М. Кантор. Он рассказал об одном из интереснейших эпизодов перлюстрации в царствование Александра II (дело капитана пограничной стражи Н. А. Иванова), ввел в научный оборот ранее недоступные архивные материалы, в частности, доклад от 12 июля 1913 г. вице-директору ДП А. Т. Васильеву о состоянии дела перлюстрации в империи⁸. Большой фактический материал об организации и ведении перлюстрации в царствование Николая II был опубликован в середине 1920-х гг. в семитомном издании «Падение царского режима»⁹.

Пожалуй, одной из последних научных публикаций на эту тему в данный период стала статья ленинградского историка А. В. Предтеченского «О перлюстрации писем в начале XIX в. (секретная переписка О. П. Козодавлева с Д. П. Руничем)». К сожалению, она была опубликована со значительными купюрами по сравнению с рукописью¹⁰. Полный текст был напечатан лишь в 1999 г.¹¹ Статья содержит одиннадцать писем, которыми в 1813–1817 гг. обменялись между собой министр внутренних дел О. П. Козодавлев и московский почт-директор Д. П. Рунич (четыре письма принадлежат О. П. Козодавлеву и семь писем – Д. П. Руничу) по поводу выяснения настроений московского общества с помощью перлюстрации. Эта переписка позволяет узнать о некоторых подробностях деятельности «черных кабинетов»; о, так сказать, повседневных заботах и трудностях тружеников перлюстрации.

Власть чутко охраняла население от излишних знаний об этом предмете. Достаточно сказать, что сам термин «перлюстрация» отсутствует в первом и третьем изданиях Большой Советской Энциклопедии¹². Во втором издании БСЭ, в томе, который вышел весной 1954 г., и Советском энциклопедическом словаре краткие справки о перлюстрации присутствуют. При этом информация о перлюстрации во втором издании БСЭ заканчивалась лицемерным утверждением «В СССР тайна личной переписки охраняется законом (Кон-

ституция СССР, ст. 128)»¹³. Термин «перлюстрация» отсутствует также в восьмитомной «Советской военной энциклопедии» (М., 1976–1980 гг.) и в «Советской исторической энциклопедии» (тт. 1–16; М., 1961–1976 гг.). Публикации об истории российской перлюстрации почти исчезают после 1928 г.

Одновременно ряд мемуарных свидетельств о практике перлюстрации был опубликован за рубежом российскими эмигрантами. Некоторые из них были изданы в СССР¹⁴.

В обстановке «большого террора» второй половины 1930-х гг. в СССР была переведена в значительно сокращенном виде книга американского автора Р. Роуана «История шпионажа», изданная впервые в Лондоне в 1936 г. В обстановке нагнетаемой «шпиономании» рассказы о работе разведок крупнейших стран мира, в основном, в первой трети XX в., в том числе в России, оказались весьма востребованными. Автор уверял читателей, что «государства <...> непрерывно потворствуют шпионажу» и «на зловещем фронте нет перемирия»¹⁵. Масштаб издания книги Р. Роуана, малоизвестного зарубежного автора, наверно, почти не имеет аналогий. По сути, перевод подобранных отрывков из данной книги стал немаловажным элементом идеологической кампании, призванной объяснить и оправдать массовые репрессии, усилить массовый психоз поиска «шпионов». Можно лишь предполагать, что решение о запуске в массовую пропаганду текстов Р. Роуана принималось на самом высшем уровне и, возможно, визировалось И. В. Сталиным.

Первоначально они появились в центральном органе ЦК ВКП(б) газете «Правда». Время было выбрано не случайно. Именно в эти дни, 11–12 июня, сообщалось о процессе восьми крупнейших военачальников Красной Армии во главе с маршалом Советского Союза М. Н. Тухачевским и их расстреле. Публикации предшествовала рекламная статья журналиста Б. Р. Изакова «Международный шпионаж», а затем в течение пяти дней в газете печатались отрывки из этой, «столь своевременной для советских людей книги»¹⁶.

Затем эти материалы из книги Р. Роуана были изданы отдельными изданиями во многих городах страны: Москве, Красноярске, Курске, Кустанае, Оренбурге, Пензе, Пятигорске, Ростове-на-Дону, Новосибирске и других. Только в Москве в 1937 г. брошюра вышла тремя изданиями. Тираж лишь первого из этих изданий, подписанного в печать 14 июля 1937 г., составил 350 тыс. экземпляров. Таким образом, в общей сложности, было напечатано без сомнения несколько миллионов экземпляров¹⁷. Эти очерки вошли в состав специального сборника «Шпионаж капиталистических государств». Здесь Р. Роуан оказался соседом таких авторов, как бывший член коллегии ВЧК С. Г. Уралов, начальник Управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской области с декабря 1934 по январь 1938 г. Л. М. Заковский¹⁸.

Что касается интересующей нас темы, то у Р. Роуана, наряду с компилятивными сведениями о деятельности «черных кабинетов» в России, можно найти переплетение правды и выдумок о цензоре В. И. Кривоше и ложные

факты о процессе над старшим цензором Киевской почтовой цензуры К. Ф. Зивертом, оказавшимся якобы вместе со своими сотрудниками австро-германскими шпионами¹⁹.

В послевоенное время публикации об истории российских «черных кабинетов» остаются по-прежнему крайне редкими. В 1949 г. эту тему затронул А. С. Нифонтов в монографии «Россия в 1848 году». Автор, рассказывая о росте масштабов перлюстрации с целью политического контроля в обстановке европейских революций, широко использовал архивы III Отделения²⁰. Однако сведения о перлюстрации были ограничены рамками одного года. К тому же А. С. Нифонтов считал, что перлюстрация проводилась достаточно небрежно и касалась в первую очередь корреспонденции отдельных лиц, обративших на себя внимание III Отделения. В доказательство он приводил тот факт, что большинство документов и писем, поступавших в Россию на имя частных лиц и преследовавших цель революционной пропаганды, доставлялась властям не почтовой цензурой, а самими адресатами²¹.

Даже так называемая «хрущевская оттепель» ничего не изменила относительно данной темы. Приятным исключением стала статья тогдашнего аспиранта, а ныне известного российского историка, В. Ю. Черняева «К изучению эпистолярных источников начала XX в. (Контроль почтовой переписки)», опубликованная в 1976 г. и построенная на архивах Департамента полиции²². К сожалению, работа не получила продолжения, ибо, как сказал мне Владимир Юрьевич, «старшие товарищи не рекомендовали ему заниматься этим сюжетом».

В 1967 г. в Нью-Йорке была издана монография Д. Кана «Взломщики кодов», получившая огромную популярность. В 2000 и 2004 гг. она вышла в разных издательствах на русском языке. В книге есть глава «Русская криптология», в которой некоторое внимание уделено работе «черных кабинетов». Но это – компиляция из воспоминаний С. Майского (В. И. Кривоша), книги Р. Роуана и некоторых других источников. Например, Д. Кан уверяет, что «большинство сотрудников «черных кабинетов» были иностранцами, являвшимися подданными России»²³. Это уже говорит о весьма слабом знакомстве автора с реальным составом чиновников Секретной экспедиции. Поэтому никакой самостоятельной ценности труд Д. Кана для истории российской перлюстрации не имеет.

В 1982 г. вышла монография И. В. Оржеховского «Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.)», в которой автор, используя архивные фонды III Отделения и некоторые всеподданнейшие доклады министра внутренних дел, показал роль перлюстрации, прежде всего, в борьбе с инакомыслием²⁴. Вместе с тем, в книге есть фактические ошибки. Например, здесь содержится утверждение, что «III Отделение само перлюстрировало корреспонденцию "государственных преступников", и в частности декабристов и членов их семей, а также брало под свой контроль надзор за всей корреспонденцией "политически неблагонадежных" лиц»²⁵. Однако дело в том,

что корреспонденция декабристов, как и других «государственных преступников» в дальнейшем, подлежала не перлюстрации, а официальной цензуре. Во-вторых, как мы покажем дальше, III Отделение в период своего существования, конечно, играло ведущую роль в контроле за корреспонденцией «политически неблагонадежных» лиц, но эти функции в отдельные периоды возлагались на военных генерал-губернаторов ряда провинций. Неверно также, что перлюстрацию осуществляли особые чиновники «под непосредственным руководством III Отделения» и «назначенные с его ведома»²⁶.

Резкий всплеск интереса к истории перлюстрации происходит с конца 1980-х гг. в условиях ликвидации цензуры, постепенного открытия массы ранее недоступных архивных материалов. Уже в 1986 г. появляется первая статья многолетнего сотрудника Государственного архива Российской Федерации (бывшего Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства) З. И. Перегудовой²⁷. Великолепный знаток фондов, прекрасно владеющая источниковедческим анализом, Зинаида Ивановна опубликовала в последующие годы несколько статей о деятельности Департамента полиции в 1880–1917 гг., в том числе и о перлюстрации как одном из важнейших методов политического розыска²⁸. Продолжением этих публикаций стала монография «Политический сыск России (1880–1917)», в которой специальный параграф, насыщенный неизвестным ранее архивным материалом, посвящен перлюстрации²⁹.

Одной из первых книг, в которой была затронута история «черных кабинетов», стала работа Ф. М. Лурье, затем неоднократно переиздававшаяся. В ней приводились отрывки из воспоминаний М. Е. Бакая, С. Майского, В. Д. Новицкого, А. И. Спиридовича³⁰. К сожалению, здесь имелся ряд фактических ошибок: утверждение, что Александр III подписал секретный указ, позволявший вскрывать любую корреспонденцию; повторение легенды о старичке, который 16 раз являлся к новому министру внутренних дел с секретным указом Александра III; отнесение к перлюстрации просмотра писем декабристов, петрашевцев и «других государственных преступников»³¹. В 1993 г. вышла монография Ч. Руда и С. В. Степанова «Фонтанка, 16», посвященная истории политического розыска в России. Авторы на нескольких страницах рассказали о ведении перлюстрации в основном в конце XIX – начале XX вв., назвали ее руководителей (А. Д. Фомина и М. Г. Мардарьева), привели ряд архивных документов: доклад министра внутренних дел И. Н. Дурново от 5 января 1895 г., протокол допроса старшего цензора Московского почтамта В. М. Яблочкова в Московском окружном суде весной 1917 г. и т. п.³²

О зарождении системы перлюстрации в середине XVIII в., технических приемах вскрытия дипломатической почты написала Т. А. Соболева (Алексеева) в книге, посвященной истории криптографической службы. К сожалению, рассказывая о перлюстрации начала XX в., она, в значительной мере, компилирует мемуары С. Майского (В. И. Кривоша), излишне доверяя им³³.

Высокой точностью и информативностью отличаются статьи саратовского автора О. Ю. Абакумова о перлюстрации в России в середине XIX в., опубликованные на рубеже XX–XXI вв. К сожалению, в своей последней монографии «...Чтоб нравственная зараза не проникала в наши пределы». Из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.» этот автор лишь мельком касается темы перлюстрации³⁴.

О работе «черных кабинетов» в царствование Николая I (1825–1855 гг.) в сжатом, но весьма насыщенном фактическим материалом параграфе, рассказал А. Г. Чукарев в монографии «Тайная полиция России»³⁵. К сожалению, он также не избежал отдельных ошибок. Например, он пишет, что «перлюстрация осуществлялась во всех городах России, которые были названы А. Х. Бенкендорфом в письме царю об учреждении тайной полиции». Этими городами были названы Петербург, Москва, Киев, Вильно, Рига, Харьков, Одесса, Казань и Тобольск³⁶. Между тем, как будет показано ниже, перлюстрация в Харькове и Казани была учреждена через несколько десятков лет. Зато при Николае I «черные кабинеты» появились в городах, не упомянутых в записке А. Х. Бенкендорфа.

В 2008 г. была опубликована статья Е. А. Гончаровой «Система перлюстрации в России в конце XIX – начале XX в.». Хотя работа в значительной мере построена на опубликованных источниках, в ней содержатся интересные архивные материалы по ведению перлюстрации в Саратовской губернии³⁷.

Одними из последних по данной теме вышли книги Ф. Л. Севастьянова «Между Тайной экспедицией и III Отделением: от тайного сыска – к политическому розыску» и А. С. Смыкалина «Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР». Ф. Л. Севастьянов исследует организацию политического розыска при Александре I. Автор, кроме опубликованных источников, ввел в обращение огромный архивный материал, сделав ряд интересных находок, в том числе и по вопросу организации перлюстрации³⁸.

В монографии А. С. Смыкалина интересующей нас теме посвящены три из четырех параграфов первой главы «У истоков оперативно-технической деятельности» и несколько страниц во второй главе «Почтовая военная цензура как средство контроля контрразведки в годы Первой мировой войны»³⁹. Автор использовал здесь достаточно широкий круг опубликованных работ по истории перлюстрации. К сожалению, иногда он некритически использует сведения таких авторов, как С. Майский и Р. Роуан. В частности, он принимает за истину сведения Р. Роуана о шпионаже в пользу Австрии и Германии сотрудников «черного кабинета» в Киеве во главе со старшим цензором К. Ф. Зивертом⁴⁰.

Доверчивость автора привела к появлению в книге знаменитого пассажа, особенно любимого пишущими на страницах массовых изданий, о «старичке в потертом мундире», который якобы с 1880-х гг. появлялся в кабинете нового министра внутренних дел с указом Александра II о праве старшего цензора М. Г. Мардарьева «руководить делом перлюстрации писем на Петербургском почтамте», а затем «его никто не видел в министерстве до следующей смены

министра»⁴¹. Здесь целый ряд ошибок. Во-первых, министру вручался, как мы писали выше, конверт с докладом министра внутренних дел И. Н. Дурново от 5 января 1895 г. на имя Николая II. Во-вторых, прототипом этой легенды мог быть А. Д. Фомин, занимавший должность старшего цензора Санкт-Петербургской цензуры иностранных газет и журналов и одновременно управлявший секретной частью «над всеми подобными учреждениями в империи» с декабря 1891 г. и до июня 1914 г. Но, родившись в 1845 г., он даже к моменту отставки не был уж столь глубоким старичком. В-третьих, действительно, за период пребывания на посту Александра Дмитриевича Фомина в империи сменилось девять министров внутренних дел: И. Л. Горемыкин, Д. С. Сипягин, В. К. Плеве, П. Д. Святополк-Мирский, А. Г. Булыгин, П. Н. Дурново, П. А. Столыпин, А. А. Макаров и Н. А. Маклаков. Но, конечно, взаимодействие старшего цензора и руководителя «особенной частью» с очередным господином министром существовало постоянно на протяжении всего времени его пребывания на посту⁴².

Не могу согласиться и с тезисом А. С. Смыкалина, что «если в конце XIX в. перлюстрация корреспонденции носила выборочный характер, то в начале XX в. она принимает всеобъемлющий, тоталитарный характер. Вся жизнь общества находилась под зорким контролем государства»⁴³. «Всеобъемлющий, тоталитарный характер» перлюстрация начнет постепенно принимать уже только в советском государстве.

К сожалению, во многих работах, появившихся с начала 1990-х гг., в ситуации отсутствия цензуры и исчезновения квалифицированной редакции, приводимые сведения в основном компилятивны, не сопровождаются необходимой критикой источников, знанием структуры этой службы и изменений, происходивших в ее подразделениях.

В огромной по объему, почти полностью компилятивной книге И. Б. Линдера и С. А. Чуркина «История специальных служб России X–XX веков» перлюстрации уделено крайне незначительное место, но и при этом авторы сумели сделать ряд грубых ошибок. Например, они пишут о работе «черных кабинетов» в начале XX века: «Черные кабинеты» существовали во всех крупных городах... Многие из их сотрудников, особенно в столицах, знали иностранные языки...»⁴⁴. Но к началу XX века в Российской империи перлюстрационные пункты существовали всего в восьми городах, а знание двух-трех иностранных языков было обязательным условием для работы.

Не уступают им и некоторые другие авторы. И. А. Кравцев в своей весьма сумбурной книге «Тайные службы империи» уверяет читателей, что «черные кабинеты» в начале XX в. имелись в распоряжении Министерства внутренних дел и Министерства иностранных дел, а разница между ними заключалась в том, что «одни [МВД] проверяли письма внутреннего назначения, другие [МИД] курировали внешнюю переписку (включая и дипломатическую)»⁴⁵. На деле «черные кабинеты» МВД занимались всей почтовой пере-

пиской, включая зарубежную и дипломатическую, а криптографы МИДа трудились над расшифровкой телеграфных сообщений иностранных дипломатов и разрабатывали собственные шифры.

Ю. А. Регент, ссылаясь на воспоминания С. Майского и А. Спиридовича, пишет о том, что в Тифлисе, Томске и Вильно «незадолго до революции "черные кабинеты" были закрыты, а в Нижнем Новгороде и Казани открывались лишь по мере надобности»⁴⁶. Между тем, пункт в Вильно был закрыт еще в 1895 г., а пункт в Тифлисе (Тбилиси) после вынужденного закрытия в 1905 г. вновь заработал на конспиративной основе с 1909 г. Если в Нижнем Новгороде официальная перлюстрация проводилась действительно лишь по мере надобности, то в Казани «черный кабинет» существовал до 1909 г.

Автор также не видит разницы между официальными цензорами-перлюстраторами и почтово-телеграфными чиновниками, занимавшимися вскрытием писем по просьбам местных жандармских офицеров. Наконец, известного сотрудника «черных кабинетов» В. И. Кривоша вынудили подать заявление об увольнении из Петербургской цензуры иностранных газет и журналов не «за попытку предложить свои услуги Морскому ведомству», а за присвоение значительных сумм, которые он получал от Морского министерства на организацию перлюстрационных пунктов в провинции и для выдачи своим коллегам, которых он привлек к сотрудничеству в «Секретном бюро», созданном при отделе разведки Морского Генерального штаба⁴⁷.

Столь же беззаботен, местами, по отношению к историческим фактам Л. А. Лахин. Например, он пишет о «Сергее Ивановиче Майском, прослужившем в «черном кабинете» более десяти лет. Но дело здесь не только в том, что «С. Майский» псевдоним, но в выходных данных его публикаций отсутствует расшифровка имени, а отчество вообще не упоминается. Фантазирует автор и описывая знакомство с перлюстрацией В. К. Плеве, который после назначения министром внутренних дел обнаруживает в кабинете своего предшественника копии своих писем. Во-первых, В. К. Плеве, ставший министром 4 апреля 1902 г., был директором Департамента полиции в 1881–1884 гг. и товарищем министра внутренних дел с 1884 г., а поэтому о перлюстрации и ее деталях был прекрасно осведомлен. Во-вторых, не мог Плеве обнаружить копию своего письма депутату Государственной думы некоему Михайлову, поскольку покойники писем не пишут. Государственная дума впервые собралась 27 апреля 1906 г., а Вячеслав Константинович был убит эсером Егором Сазоновым 15 июля 1904 г. Преувеличивает автор и качество перлюстрации, указывая, что якобы после заклейки «конверт принимал прежний девственный вид». Идеализирует он и мастерство отборщиков писем, уверяя, что среди них «были такие мастера, что <...> даже по нескольким буквам могли безошибочно определить, кто автор письма и кому оно адресовано». Конечно, уровень вскрытия писем в целом был высоким, но и жалоб на надорванные и поврежденные конверты было немало⁴⁸.

Позволю привести один текстологический пример, как работает фантазия Л. А. Лахина и ему подобных. В воспоминаниях С. Майского [В. И. Кривоша] есть пример, когда при вскрытии мешка с дипломатической почтой перлюстратор уронил в него случайно свою золотую запонку от манжет. Далее произошло следующее: «Посольство в Петрограде, найдя эту запонку в мешке, вернуло ее со следующей почтой при письме министерству обратно. Перлюстратор, считавший свою запонку безвозвратно потерянной, очень обрадовался, когда ее нашел на следующий день во вскрытом им мешке. Он взял ее себе, а сопровождавшее ее письмо просто уничтожил, и этим инцидент был исчерпан»⁴⁹. А вот как этот случай выглядит под пером Л. А. Лахина: В мешке «была записка с наивной просьбой работников посольства вернуть запонку владельцу. Только после этого сотрудник поставил начальство в известие о происшедшем»⁵⁰.

Малую ценность относительно интересующей нас темы представляет работа Л. В. Антоновой и Т. А. Просвировой, также не свободная от неточностей. Например, авторы уверяют, что «перлюстрация <...> достигла наивысшего развития к концу XVIII в., в правление Елизаветы Петровны и Екатерины II», что абсолютно неверно⁵¹. А. Ю. Саран, автор добротной монографии «История почты Орловского края», почему-то именует саму почтовую цензуру «тайной службой», но тут же отмечает, что ее сотрудники имели специальную форму, утвержденную постановлением Сената⁵².

М. С. Чудакова в книге, вышедшей в свет в 2003 г., делает ряд точных замечаний относительно роли перлюстрации в политическом сыске начала XX в., отмечая, что «такие сведения обладали большей достоверностью, чем донесения секретных агентов». Вместе с тем, она недостаточно критично отнеслась к ряду источников. Например, она приводит следующую цитату из воспоминаний А. И. Спиридовича: «...до самой революции 1917 г. перлюстрацией ведал один и тот же чиновник, состарившийся на своем деле и дошедший до чина действительно статского советника. Его знали министр, директор Департамента полиции и лишь немногие близкие ему лица»⁵³. Но к 2000 г. уже были опубликованы биографии последних руководителей «Черных кабинетов» в России – А. Д. Фомина и М. Г. Мардарьева⁵⁴. Поэтому нетрудно было выяснить, что руководивший системой «черных кабинетов» к 1917 г. М. Г. Мардарьев был в возрасте 58 лет, имел чин тайного советника и его фамилия была известна не только руководству МВД, но и в среде революционной эмиграции.

Целая серия статей, в которых достаточно широко затронута тема перлюстрации, принадлежит группе авторов: А. В. Бабаш, Ю. И. Гольев, Д. А. Ларин, Д. Е. Тришин, Г. П. Шанкин⁵⁵. К сожалению, в этих статьях указан лишь список литературы, но нет сносок на источники. Поскольку авторы в архивах не работали и используют ограниченный круг источников, они также делают грубые ошибки относительно деятельности Департамента полиции и «черных кабинетов». Например, непонимание того, что ДП являлся составной частью МВД; последний директор ДП А. Т. Васильев (сентябрь 1916 – февраль 1917 гг.) именуется «на-

чальником царской охраны в начале XX в.», создание «черных кабинетов» в Петербурге, Москве, Киеве и «ряде других городов» отнесено к 80-м XIX в.; опять утверждается, что А. Д. Фомин якобы руководил службой перлюстрации на протяжении 30 лет; что «в качестве цензоров подбирались <...> чиновники с высшим образованием», что «перлюстраторы самым тщательным образом исследовали книги, их переплеты и корешки» в поисках возможных ключей к книжным шифрам» и т. п.⁵⁶ Иногда авторы не замечают, что их стремление доказать исключительно высокий уровень профессионализма перлюстраторов противоречит фактам, которые они приводят. Например, они пишут, что «письма, прочитанные в российских "черных кабинетах", не несли на себе сколько-нибудь заметных следов перлюстрации» и поэтому «революционерам и иностранным дипломатам не помогали никакие ухищрения: ни царапины печати, ни заделка в сургуч волоса, нитки, булавки и т. п.». Но следующая фраза все это начисто опровергает: «...в 1910 г. командир Отдельного корпуса жандармов П. Курлов обратился к старшему цензору с просьбой, чтобы адресованные ему письма не носили явных следов вскрытия. Такая же просьба высказывалась <...> директором Департамента полиции С. П. Белецким»⁵⁷. Понятно, что если С. П. Белецкий и П. Г. Курлов обращались с подобными просьбами, то именно потому, что замечали следы вскрытия своей корреспонденции.

Иногда некритичное восприятие первоисточника одним автором приводит в итоге к тому, что этот факт повторяется в последующих работах, как безусловно истинный. Приведем один пример. В 1906 г. в журнале «Русская мысль» были напечатаны воспоминания известного либерального деятеля, бывшего тверского губернского предводителя дворянства А. М. Унковского, о пребывании в 1860 г. в вятской ссылке, перепечатанные в «Трудах Вятской ученой архивной комиссии». Он, в частности, приводил следующий рассказ вятского вице-губернатора Д. И. Батурина: «Служил я с неким Поповым в III отделении; служба наша была распечатывание конвертов. Случилось мне разорвать один конверт. Узнал Николай Павлович [Николай I], рассердился и приказал найти средство заклеивать конверты так, чтобы не было узно, что они были распечатаны. Долго думал я с Поповым, работал над таким средством, – нет как нет, не находим его. Наконец Попов додумался, как ему показалось, стал пробовать уриной [мочой] распечатывать, и пошел в гору, я же остался у подошвы ее»⁵⁸.

Этот красивый эпизод был растиражирован вятским краеведом Е. Д. Петряевым, который, к тому же, несколько модернизировал текст воспоминаний Д. И. Батурина, не упомянув Попова и заявив, что «изобретатель был повышен в чине»⁵⁹. Из последующих авторов, приводивших этот рассказ, лишь О. Ю. Абакумов высказал осторожное сомнение в его подлинности, указав, что «Третье отделение занималось идейной, а не технической стороной этого процесса»⁶⁰. М. М. Попов действительно был видным чиновником Третьего отделения, но сам Д. И. Батурин служил в Петербурге с марта 1835 г. в Министерстве финансов, через два года был откомандирован в Пятое отделение

собственной Е. И. В. канцелярии, а в июне 1838 г. по собственному желанию был переведен на службу в Рязань⁶¹. Таким образом, рассказчик никогда в Третьем отделении не служил.

Тема перлюстрации нашла свое отражение и в ряде художественных произведений. Небольшая вставка о «черных кабинетах» есть в романе В. С. Пиккуля «На задворках Великой империи» при описании событий 1905 года. Писатель опирался на воспоминания С. Майского [В. И. Кривоша], одновременно допустив ряд совершенно недостоверных литературных «красивостей». Перлюстраторы здесь «одним взглядом умели <...> определять ценность письма в его фискальном значении». Сортировка писем идет с сумасшедшей скоростью – «до тысячи писем в час». Главой петербургского «черного кабинета» именуется Михаил Григорьевич Мардарьев. На деле в это время Михаил Георгиевич Мардарьев был заместителем Александра Дмитриевича Фомина. При этом Мардарьев самолично занимается распечаткой и фотографированием писем, представляющих интерес для высшей власти⁶². Можно перечислять и другие подобные «ляпы».

В 2000 г. вышла в свет двухтомная книга В. Н. Балязина «Тайны "Черного кабинета"», стилизованная под записки служащего Санкт-Петербургского «черного кабинета» в 1785–1828 гг. Ф. Ф. Осокина⁶³. На деле это, прежде всего, повествование о политической, культурной истории России конца XVIII – первой четверти XIX в. Что же касается самой темы ведения перлюстрации, то автор, безусловно, знаком с отдельными работами и мемуарами по этому предмету. В частности, он пишет о просмотре корреспонденции высших сановников империи, упоминает о перлюстрации переписки в завоеванной Финляндии во время русско-шведской войны 1808–1809 гг., а также военнотружеников и жителей стран Европы во время заграничного похода русской армии в 1813–1814 гг. Но поскольку это не историческое исследование, а художественное произведение, то В. Н. Балязин пользуется неоспоримым правом писателя на вымысел. Его герой занимает должность архивариуса Секретной экспедиции, что в XVIII – первой четверти XIX в. означало хранителя или управляющего архивом. Но такой должности в этом учреждении не существовало. Во-вторых, по мнению автора, в «черном кабинете», кроме чиновников перлюстрации имелись специалисты по изготовлению фальшивых паспортов, фальшивомонетчики и карточные шулера, трудившиеся в интересах тайной политической полиции, что абсолютно не соответствует действительности. Из мемуаров С. Майского [В. И. Кривоша], относящихся к концу XIX – началу XX вв., взята и перенесена в конец XVIII в. история о шкафе, маскировавшем вход в помещение «черного кабинета». Создание «Секретной экспедиции» приписано Петру I, что неверно. Изготовитель поддельных печатей употребляет слово «негатив», которое возникло лишь с появлением фотографии⁶⁴. Понятно, что подобные труды далеки от подлинной истории «черных кабинетов» в России.

Можно сделать вывод, что в изучении истории перлюстрации в Российской империи сделано уже немало, но многие сюжеты требуют дополнительного исследования.

Примечания

¹ Киевская мысль. 1917. 2 апреля. С. 4; 6 апреля. С. 3; 8 апреля. С. 3; 16 апреля. С. 2; Петроградская газета. 1917. 30 апреля. С. 3; Утро России. 1917. 8 апреля. С. 4; 13 апреля. С. 4.

² Новицкий В. Д. Воспоминания тяжелых дней моей службы в корпусе жандармов // Былое. 1917. № 5-6 (27-28); Майский С. Черный кабинет. Из воспоминаний бывшего цензора // Былое. 1918. № 7. С. 185-197.

³ Майский С. Черный кабинет. Из воспоминаний бывшего цензора. Пг.: Былое, 1922; Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. М.: Прибой, 1929.

⁴ Измозик В. С. Российские чиновники «черных кабинетов» в начале XX в. // Россия в XIX–XX вв. Сб. статей к 70-летию со дня рождения Рафаила Шоломовича Ганелина. СПб.: ДБ, 1998. С. 220-221.

⁵ Сватиков С. Русский политический сыск за границей. М.: X-HISTORY, 2002. С. 8, 31.

⁶ См.: Измозик В. С. Глаза и уши режима. СПб., 1995.

⁷ Центральный архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ). Ф. 1. Оп. 3. Д. 18. Л. 1-6.

⁸ Кантор Р. Работа «черных кабинетов» // Красный командир. 1921. № 23. С. 24-25; Он же. К истории «черных кабинетов» // Каторга и ссылка. 1927. № 8 (37). С. 90-99.

⁹ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 1-7. М.; Л., 1924–1927.

¹⁰ Предтеченский А. В. О перлюстрации писем в начале XIX в. (Секретная переписка О. П. Козодавлева с Д. П. Руничем) // Красный архив. 1927. Т. 6 (25). С. 201-209.

¹¹ Предтеченский А. В. О перлюстрации писем в начале XIX в. (Секретная переписка О. П. Козодавлева с Д. П. Руничем) // Анатолий Васильевич Предтеченский. Из творческого наследия. СПб.: Д. Буланин, 1999. С. 17-40.

¹² Большая советская энциклопедия (БСЭ). Первое издание. Т. 40. М., 1940. С. 99; БСЭ. Третье издание. Т. 19. М., 1975. С. 423.

¹³ БСЭ. Второе издание. Т. 32. С. 508; Советский энциклопедический словарь. М., 1984. С. 987.

¹⁴ Курлов П. Г. Конец русского царизма. Воспоминания бывшего командира Корпуса жандармов. М.; Пг., 1923; Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» графа С. Ю. Витте). М.; Пг., 1923; Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. М.: Прибой, 1929 и др.

¹⁵ Роуан Р. Разведка и контрразведка. М., 1937. С. 19.

¹⁶ Правда. 1937. 8 июня. С. 4; 9 июня. С. 2-4; 10 июня. С. 2-4; 11 июня. С. 3-5; 12 июня. С. 4-5; 13 июня. С. 4-6. Общий объем публикации составил четыре печатных листа.

¹⁷ Роуан Р. Разведка и контрразведка, М., 1937. С. 2, 62. Впоследствии книга Р. Роуана на русском языке издавалась еще несколько раз в таком же или расширен-

ном варианте: *Роуан Р. В.* Очерки секретной службы. Из истории разведки. М., 1946; *Роуан Р. В.* Разведка и контрразведка. Запорожье, 1991; *Роуан Р. В.* Очерки секретной службы. Из истории разведки. СПб., 1992; *Роуан Р. В.* Окутанный туманом. Из истории шпионажа. М., 1993; *Роуан Р.* 300 лет секретных войн. История секретных служб мира. М., 2004 и др.

¹⁸ Шпионаж капиталистических государств. Сборник статей. М., 1937.

¹⁹ *Роуан Р.* Разведка и контрразведка. М., 1937. С. 30-31, 55-56; Он же. Очерки секретной службы. Из истории разведки. М.: Воениздат, 1946. С. 351, 354-355.

²⁰ *Нифонтов А. С.* Россия в 1848 году. М., 1949. С. 76-81.

²¹ Там же. С. 224-225.

²² *Черняев В. Ю.* К изучению эпистолярных источников начала XX в. (Контроль почтовой переписки) // Проблемы отечественной истории. Сб. статей аспирантов и соискателей. М.; Л., 1976. Ч. 1. С. 134-155.

²³ *The Codebreakers. The Story of Secret Writing.* New York, 1967; *Кан Д.* Взломщики кодов. М.: Центполиграф, 2000; Он же. Война кодов и шифров: История четырех тысячелетий криптографии. М.: Рипол классик. 2004. С. 101-104.

²⁴ *Оржеховский И. В.* Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М.: Мысль, 1982.

²⁵ Там же. С. 72.

²⁶ Там же. С. 73.

²⁷ *Перегудова З. И.* Важный источник по истории революционного движения (Коллекция перлюстрации ЦГАОР СССР) // Исторический опыт Великого Октября. К 90-летию академика И. И. Минца. М., 1986. С. 376-389.

²⁸ *Перегудова З. И.* Источники изучения социал-демократического движения в России: Материалы фонда Департамента полиции // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 88-100; Она же. Методы борьбы Департамента полиции с революционным движением // Факел. Историко-революционный альманах. М., 1990. С. 197-205.

²⁹ *Перегудова З. И.* Политический сыск России (1880–1917). М.: РОССПЭН, 2000. С. 275-288.

³⁰ *Лурье Ф. М.* Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649–1919 гг. СПб.: Час пик, 1992; Его же. Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России. 1649–1919 гг. М.: Терра, 1998; Его же. Политический сыск в России. 1649–1917. М.; СПб.: Центрполиграф – Сним-Дельта, 2006. С. 100-107.

³¹ *Лурье Ф. М.* Политический сыск в России. 1649–1917. М.; СПб.: Центрполиграф – Сним-Дельта, 2006. С. 100-101.

³² *Рууд Ч., Степанов С.* Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М.: Мысль, 1993. С. 110-116.

³³ *Соболева Т. А.* Тайнопись в истории России (История криптографической службы России XVIII – начала XX в.). М., 1994. С. 97-104, 236-240; Она же. История шифровального дела в России. М.: Олма-пресс, 2002. С. 287-293.

³⁴ *Абакумов О. Ю.* «Око земного бога» (Корпус жандармов на рубеже 50-60-х гг.: традиции и новации) // Освободительное движение в России. Межвузовский сб. научных трудов. Вып.18. Саратов, 2000. С. 61-78; Он же. «Самая непроницаемая тайна» (О перлюстрации в России в середине XIX в.) // Освободительное движение в России. Межвузовский сб. научных трудов. Вып. 19. Саратов, 2001. С. 9-19; Он же. «...Чтоб нравственная зараза не проникала в наши пределы». Из ис-

тории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.». Саратов: Научная книга, 2008.

³⁵ Чукарев А. Г. Тайная полиция России: 1825–1855 гг. М.: Жуковский; Кучково поле, 2005. С. 282-295.

³⁶ Там же. С. 123, 386.

³⁷ Гончарова Е. А. Система перлюстрации в России в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2008. № 1. С. 96-102.

³⁸ Севастьянов Ф. Л. Между Тайной экспедицией и III Отделением: От тайного сыска – к политическому розыску. СПб.: МИЭП, 2008.

³⁹ Смыкалин А. С. Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР. СПб.: изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. С. 18-82, 95-98.

⁴⁰ Смыкалин А. С. Указ. соч. С. 95-96.

⁴¹ Там же. С. 58.

⁴² Измозик В. С. А. Д. Фомин и М. Г. Мардарьев: к истории «черных кабинетов» в России. Конец XIX – начало XX в. // Из глубины времен. Вып. 9. СПб, 1997. С. 59-61; Жандармы России. Политический розыск в России. XV–XX век / Сост. В. С. Измозик. СПб.; М.: Нева – Олма-пресс, 2002. С. 620.

⁴³ Смыкалин А. С. Указ. соч. С. 98.

⁴⁴ Линдер И. Б., Чуркин С. А. История специальных служб России X–XX веков. М.: Рипол Классик, 2004. С. 370.

⁴⁵ Кравцев И. Н. Тайные службы империи. М.: РАГС, 1999. С. 85.

⁴⁶ Регент Ю. А. Общая и политическая полиции России (1890–1917 гг.). Рязань, 2001. С. 161.

⁴⁷ Регент Ю. А. Указ. соч. С. 162, 163. См.: Зданович А. А., Измозик В. С. Сорок лет на секретной службе: Жизнь и приключения Владимира Кривоша. М.: Кучково поле, 2007. С. 106-110.

⁴⁸ http://www.mp-centr.ru/articles/Cernyi_kabinet_s_tex.html С. 3, 4-5.

⁴⁹ Майский С. «Черный кабинет» // Зданович А. А., Измозик В. С. Сорок лет на секретной службе: Жизнь и приключения Владимира Кривоша. М.: Кучково поле, 2007. С. 284.

⁵⁰ Лахин Лев. Черный кабинет // Вестник Новгородский. 1999. 23 июля.

⁵¹ Антонова Л. В., Просви́рова Т. А. Указ. соч. С. 35, 36.

⁵² Саран А. Ю. История почты Орловского края. Изд. 3-е, доп. Орел, 2004. С. 48.

⁵³ Чудакова М. С. Противостояние: Политический сыск дореволюционной России. 1880–1917. Ярославль, 2003.

⁵⁴ Измозик В. С. А. Д. Фомин и М. Г. Мардарьев: к истории «черных кабинетов» в России. Конец XIX – начало XX вв. // Из глубины времен. Вып. 9. СПб., 1997. С. 59-65; Российские чиновники «черных кабинетов» в начале XX в. // Россия в XIX–XX вв. Сб. статей к 70-летию со дня рождения Р. Ш. Ганелина. СПб.: ДБ, 1998. С. 218-225.

⁵⁵ Бабаи А. В., Гольев Ю. И., Ларин Д. А., Шанкин Г. П. Шифры революционного подполья России XIX века // Защита информации. Конфидент. 2004. № 4. С. 82-87; Гольев Ю. И., Ларин Д. А., Тришин А. Е., Шанкин Г. П. Криптографическая деятельность революционеров в России в 20-х – 70-х годах XIX века: успехи и неудачи // Защита информации. Инсайд. 2005. № 5. С. 90-96; Гольев Ю. И., Ларин Д. А., Шанкин Г. П. Криптографическая деятельность организаций «Земля и воля» и «Народная воля» в

России в 1876–1881 гг. // Защита информации. Инсайд. 2005. № 6. С. 80-87; Гольев Ю. И., Ларин Д. А., Шанкин Г. П. Криптографическая деятельность революционеров в России в 90-е годы XIX века // Защита информации. Инсайд. 2006. № 4. С. 84-91; Гольев Ю. И., Ларин Д. А., Шанкин Г. П. Криптографическая деятельность революционеров в России. Полиция против революционеров // Защита информации. Инсайд. 2008. № 2. С. 86-96; Гольев Ю. И., Ларин Д. А., Шанкин Г. П. Криптографическая деятельность революционеров в России на рубеже веков (1898–1900 годы) // Защита информации. Инсайд. 2008. № 4. С. 89-96.

⁵⁶ Гольев Ю. И., Ларин Д. А., Тришин А. Е., Шанкин Г. П. Криптографическая деятельность революционеров в России в 20-х – 70-х годах XIX века: успехи и неудачи // Защита информации. Инсайд. 2005. № 5. С. 92,93; Гольев Ю. И., Ларин Д. А., Шанкин Г. П. Криптографическая деятельность революционеров в России в 90-е годы XIX века // Защита информации. Инсайд. 2006. № 4. С. 91; Гольев Ю. И., Ларин Д. А., Шанкин Г. П. Криптографическая деятельность революционеров в России. Полиция против революционеров // Защита информации. Инсайд. 2008. № 2. С. 86.

⁵⁷ Гольев Ю. И., Ларин Д. А., Шанкин Г. П. Криптографическая деятельность революционеров в России в 90-е годы XIX века // Защита информации. Инсайд. 2006. № 4. С. 91.

⁵⁸ Унковский А. М. Записки // Русская мысль. 1906. № 7. С. 92; Труды Вятской ученой архивной комиссии 1906 года. Вятка, 1906, Вып. I-II. С. 90.

⁵⁹ Петряев Е. Д. Литературные находки: Очерки культурного прошлого Вятской земли. Киров, 1981. С. 69.

⁶⁰ Абакумов О. Ю. «Самая непроницаемая тайна» (О перлюстрации в России в середине XIX в.) // Освободительное движение в России. Межвузовский сб. научных трудов. Саратов, 2001. Вып. 19. С. 15.

⁶¹ РГИА. Ф.1349. Оп.3. Д. 160. Л. 71об.-74.

⁶² Пикуль В. На задворках Великой империи. Кн. 2. Белая ворона. М.: Вече, Аст, 1998. С. 128-130.

⁶³ Балязин В. Н. Тайны «Черного кабинета»: Записки архивариуса. М.: Олма-пресс, 2000. Кн. 1, 2.

⁶⁴ Балязин В. Н. Тайны «Черного кабинета»: Записки архивариуса ... Кн.1. С. 7, 125, 129, 140, 141; Кн.2. С. 17, 88, 93, 269, 289.

V. S. Izmozik
izmozik@mail.ru

"The history of the inspection of correspondence in the Russian Empire in XVIII - beginning of XX century in the historiography of the XX century"

Abstract: This paper analyzes the results of studying of the history of the inspection of correspondence in the Russian Empire, shows the direction that require additional research.

Keywords: inspection of correspondence, "Black Office" of III Branch, censorship, mail correspondence, correspondence, political investigation.

С. Г. Кащенко

**Экономические последствия
крестьянской реформы 1861 г.
в Орловской губернии.**

Краткий обзор отечественной историографии

Аннотация: историография отмены крепостного права насчитывает уже полтора столетия. В статье под новым ракурсом дается оценка объективных и субъективных предпосылок отмены крепостного права, нашедшая отражение в трудах отечественных и зарубежных историков.

Ключевые слова: отмена крепостного права, историография, предпосылки отмены крепостного права, условия реализации реформы, экономические последствия реформы.

В 2010 г. под руководством профессора В. Ф. Блохина в Брянском государственном университете была подготовлена заявка на проект «Реализация реформы 19 февраля 1861 г. в Орловской губернии (опыт компьютерного анализа массовых источников)», которая получила одобрение и была реализована в 2011–2013 гг. при поддержке РГНФ¹.

В рамках этого проекта разработка сюжетов, связанных с анализом массовых источников по истории реформы, велась совместно с исследователями Санкт-Петербургского государственного университета. Работе предшествовал анализ историографической ситуации по данной тематике. Некоторые наблюдения, сделанные в процессе предварительного изучения ряда существовавших к этому времени исследований, приведены в настоящей статье.

Экономические последствия крестьянской реформы 1861 г. в течение многих десятилетий изучали российские и зарубежные историки, статистики и экономисты. Имеются развернутые историографические обзоры московских исследователей Б. Г. Литвака и П. А. Зайончковского, вышедшие еще накануне столетнего юбилея реформы в 1960–1961 гг.² Не потеряли интерес к этой теме и последующие поколения историков³.

Кащенко

Сергей

Григорьевич

Доктор исторических
наук, профессор
Кафедра источников-
ведения истории Рос-
сии

Институт истории
Санкт-Петербургского
государственного
университета

В процессе реализации проекта было важно проанализировать те работы отечественных исследователей⁴, в которых были использованы массовые источники (дела Главного выкупного учреждения, хранящиеся в РГИА (Ф. 577), и документы местных архивов), связанные с реализацией крестьянской реформы в Черноземном центре России (прежде всего, в Орловской губернии).

Одной из ранних работ, где была сделана попытка изучить предреформенную ситуацию в помещичьей деревне, было исследование И. И. Игнатович «Помещичьи крестьяне накануне освобождения»⁵, которое выдержало несколько изданий и до революции, и в советское время⁶.

Труд Игнатович базировался на опубликованных в 1860 г. Приложениях к Трудам Редакционных комиссий (в частности, «Извлечения из описаний имений по великороссийским губерниям о помещичьих имениях, имеющих более 100 душ»)⁷.

Используя данные официальной статистики, автор оценила численность крепостного населения в России. Орловская губерния в соответствии с результатами, полученными в свое время известным российским статистиком А. Г. Тройницким по результатам X ревизии⁸, была отнесена ею к группе губерний с крепостным процентом от 50 до 25⁹.

И. И. Игнатович были получены данные о соотношениях форм эксплуатации крестьян (барщины и оброка). Для Орловской губернии доля оброчных составила 28%, а барщинных – 78% от общего числа помещичьих крестьян¹⁰.

В специальную таблицу были сведены данные о числе имений, крестьян и тяглов (с разбивкой на оброчные, смешанные и издельные тягла в разных комбинациях), ревизских душ, приходящихся на 1 тягло. В орловской деревне последняя величина составила, по расчетам Игнатович, 2,57 душ на одно тягло¹¹.

Автор рассчитала соотношения «между господскою и крестьянскою удобною землею (без леса)», сделав вывод о том, что «крепостная Россия разделяется на две половины»: в нечерноземных губерниях преобладают процент оброчных крестьян и крестьянская земля. В черноземных «издельных» губерниях «замечается или равномерное распределение удобной земли между помещиками и крестьянами, или же преобладание господской земли»¹². К последней группе она отнесла Орловскую губернию.

Интерес для Игнатович представляли средние размеры наделов крестьян: «около времени раскрепощения» на ревизскую душу в Орловской губернии (на основании Приложений к Трудам Редакционных комиссий) приходилось 3,50 дес.¹³

В работе был выполнен расчет «чисто денежного оброка» с тягла. Орловская губерния по этому показателю заняла у Игнатович 5-е место (оброк составил 22 руб. 14 коп.)¹⁴.

Расчеты И. И. Игнатович для великорусских и малороссийских губерний на длительное время достаточно прочно вошли в научный оборот. Между тем в послевоенных работах по истории реформы эти данные, базировавшиеся на материалах Редакционных комиссий, стали вызывать определенные сомнения в силу сравнительно невысокой степени репрезентативности источника.

Отмечалось, что в опубликованных материалах Комиссий приводились цифры по крупным владениям (обычно насчитывавшим свыше 100 душ м. п.), которые не представляли весь массив помещичьих имений. Следовало перепроверить и содержащиеся в них сведения, поскольку они при формировании источника не проверялись на местах¹⁵.

Несмотря на это, исследование Игнатович довольно часто использовалось историками при оценке предреформенной ситуации. Так, в пятидесятые годы экономическое положение помещичьих хозяйств «центрального земледельческого района» в годы кризиса крепостной системы нашло отражение в одной из статей Ю. В. Кожухова, который использовал данные И. И. Игнатович, статистические материалы середины XIX в. и сведения, заимствованные из губернских ведомостей. На материалах черноземных губерний им был сделан вывод о росте барской запашки и значительном сокращении размеров крестьянского землепользования¹⁶.

Самым заметным явлением в историографии реформы в 1950-х – 1960-х гг. стали монографии П.А.Зайончковского «Отмена крепостного права в России» (1-е издание этой книги вышло в свет в 1954, 2-е – в 1960 и 3-е – в 1968 г.) и «Проведение в жизнь крестьянской реформы» (М., 1958).

В последней из этих работ автор выделил три крупных экономических района и выбрал в них 20, по его мнению, наиболее типичных и представительных уездов, каждый из которых рассматривался детально, по единой схеме, с привлечением всех изученных к этому времени уставных грамот и использованием уже имевшихся к этому времени работ.

Хотя П. А. Зайончковский на ситуации Орловской губернии подробно не остановился и отдельно уезды этой губернии не рассматривал, в книге есть ряд наблюдений, сделанных относительно губернии в целом. Однако эти сведения, касающиеся отдельных аспектов реализации реформы и выкупной операции, не были систематическими и на основании их нельзя было судить об экономических последствиях реформы в орловской деревне.

В работе «Отмена крепостного права в России» П. А. Зайончковский на основании материалов «Военно-статистического сборника» (1871) и «Статистики поземельной собственности и населенных мест Европейской России»¹⁷ проанализировал изменения в размерах наделов помещичьих крестьян в ходе реформы по 44 губерниям, отмечая и имевшиеся к этому времени результаты обработки уставных грамот и выкупных актов.

Он, в частности, отметил, что, Комиссией по истории сельского хозяйства и крестьянства Института истории АН СССР была проведена обработка ус-

тавных грамот шести черноземных губерний. Посчитав, что полученные в ходе этого исследования новые данные, опубликованные Б. Г. Литваком в статье «Предварительные итоги обработки уставных грамот шести губерний черноземного центра» («Ежегодник аграрной истории Восточной Европы». 1960. Киев, 1962. С. 418-425), пока еще носят предварительный характер, Зайончковский упомянул о новых результатах.

В монографии он привел две цифры: «по существующим данным» наделы крестьян в Орловской губернии уменьшились на 11,2%, а по данным уставных грамот сокращение составило 16,5%¹⁸.

Новые сведения появились на страницах 5-го тома «Истории СССР с древнейших времен до наших дней». В картограмме «Изменение размеров наделов бывших помещичьих крестьян в результате реформы 1861 и указов 1863 г.» губерния была отмечена штриховкой, соответствующей «уменьшению наделов на 11-20%». Было отмечено также, что в черноземных губерниях России было «отрезано огромное количество земли»¹⁹.

В начале 1970-х появляется ряд работ, посвященных экономическим последствиям реформы в отдельных губерниях и регионах страны, которые изучались на крупных массивах архивных документов.

Среди этих исследований следует выделить монографию Б. Г. Литвака «Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр. 1861-1895 гг.» (М., 1972). В период ее написания в руках исследователя находились уникальные по своему объему материалы выкупных дел по этому региону. «Всего, – писал автор, – было выявлено и изучено 17987 уставных грамот и 17738 выкупных актов (договоров)»²⁰. Б. Г. Литвак сумел оценить объем и степень сохранности фонда выкупных дел, сравнивая их с материалами официальной статистики, подготовленными в конце 1850-х – начале 1860-х гг. известными российскими статистиками А. Тройницким и А. Бушеном²¹.

Исследование Б. Г. Литвака представляло большой интерес не только полученными результатами, но и тем, что внесло заметный элемент упорядоченности в методику исследования последствий реформы, стало «методическим эталоном», на который стали ориентироваться другие историки.

Среди статистических методов, примененных в монографии, центральное место заняли многочисленные группировки, которые приобрели «решающее значение». Материал группировался в пределах уезда по объему (мощи) помещичьего хозяйства (фактически по числу крепостных душ: до 21, от 21 до 100 и свыше 100) и форме эксплуатации крестьян²².

Следует заметить, что в подобном подходе к группировке данных не все очевидно, поскольку автор «секреты» своей «исследовательской кухни» раскрывал не полностью, а ряд промежуточных данных не опубликовал.

Между тем, именно на основании деталей можно было бы судить об адекватности предложенных методов исследования. Так, по нашему мнению,

первая группа хозяйств, «до 21 души», хотя и немногочисленная (по общему числу проживавших здесь крепостных), была весьма своеобразной.

По логике, в эту группу должны были включаться деревни т. н. «мелкопоместных» помещиков. Однако, хозяйства, попадавшие в данную группу в процессе изучения выкупных дел, далеко не всегда являлись такими. Дело в том, что крестьяне «мелкопоместных» еще в период составления уставных грамот (1861–1863 гг.) часто передавались «в казенное ведомство». В этом случае на них выкупные дела в заведенном для прочих имений порядке не составлялись. Скорее всего, те селения, выкупные дела которых находились в Ф. 577 РГИА, не принадлежали мелкопоместным владельцам. У таких помещиков часто были и другие селения в иных уездах, губерниях и даже регионах. Об этом, в частности, есть многочисленные упоминания в уставных грамотах. В таких расположенных в разных местах владениях могли быть особенности, сильно отличавшие их от селений действительно «мелкопоместных». Отдельные деревни и села в подобных случаях в группу «до 21 души» не должны были попадать.

То же можно сказать и об имениях, содержащихся в других группах. Например, у владельца селением на территории одного из уездов Орловской губернии, где проживало несколько десятков душ м. п., могло быть также владение в несколько сотен душ в других уездах той же или соседней губернии. К какой категории в этом случае следовало относить хозяйство такого помещика не ясно.

Мы не знаем деталей группировки, выполненной Б. Г. Литваком. Возможно, он предварительно «собирал» селения, принадлежавшие одному владельцу в рамках уезда, губернии или даже всего Черноземного центра. Если это не было сделано по территории всей России, то «терялись» другие возможные владения этого же помещика за пределами региона. При этом при такой группировке владений одного помещика стирались поуездные и погубернские особенности отдельных селений.

Если он не «собирал» вместе владения каждого помещика, а рассматривал селения отдельно, то группировка происходила не по размерам имений, а по размерам селений. Такой подход также нельзя назвать удачным. Как уже упоминалось выше, у ряда помещиков могло быть несколько сел и деревень даже в одном уезде, на каждое из которых составлялась своя уставная грамота. Ситуация в имении, где было, например, одно селение с числом крепостных до 100 душ могла существенно отличаться от положения во владениях помещика, у которого было несколько подобных селений. Однако такие хозяйства в этом случае попадали в одну группу.

Таким образом, нам не хватает специального пояснения относительно техники сведения имений (или селений) в группы, которую применил Б. Г. Литвак.

Группировки по форме эксплуатации были, в целом, традиционными и вопросов не вызывали. Используя группировки по видам дореформенной эксплуатации и по размерам имения, Б. Г. Литвак хотел проследить различия

в степени наделенности землей у крестьян оброчных, барщинных и находившихся на смешанной повинности, а также зависимость размеров наделов от величины имения. Полученные таким способом результаты вызывают сегодня определенную настороженность.

В своей работе Б. Г. Литвак изучал основные показатели состояния помещичьей деревни перед реформой, старался выявить особенности наделения земель отдельных групп крепостных, изучить изменения в численности крепостного населения²³. Он постарался установить размеры крестьянских повинностей для уточнения степени изменения эксплуатации крестьян, выяснить причины появления и определить реальные размеры крестьянской собственности на землю²⁴.

Центральное место в монографии заняло изучение изменений в экономическом положении крестьян, связанных с введением уставных грамот. Для того, чтобы проследить дальнейшую эволюцию бывшей помещичьей деревни, по мнению автора, было «важно установить основные экономические условия существования крестьянского хозяйства, складывавшиеся в результате реформы: выявить разнообразие этих условий не только в пределах такой огромной административной единицы, какой являлась пореформенная губерния, но и в пределах уезда, селения, мира, «крестьян помещика NN»²⁵.

Между тем, Б. Г. Литвак в своем исследовании не привел результаты полного систематического анализа ситуаций, складывавшихся даже на уровне уездов. Последнее со временем стало одной из причин, заставивших нас вновь обратиться к изучению Орловской губернии.

По мнению автора, установление характера отрезки крестьянской земли, величины и формы повинности, степени земельной обеспеченности, качества надела и ряда других показателей, отражающих экономическое положение крестьян, «создает реальные возможности изучить эволюцию деревни, отталкиваясь не от воображаемой картины, краски для которой обычно разводятся на пресной водичке анализа «Положений 19 февраля 1861 г.», а от реального положения дел, сложившихся в результате введения уставных грамот»²⁶.

«Можно было надеяться, – писал Б. Г. Литвак, – на решение поставленных задач при условии сплошного изучения всего фонда уставных грамот названных губерний, а также документов, отражающих события в помещичьей деревне в первые годы реформы. Требование сплошного изучения прямо вытекает из ленинского указания о чрезвычайном разнообразии аграрных отношений в русской деревне: ведь даже крестьяне одного и того же селения, но разных владельцев, отличались иногда существеннейшим образом. Очевидно, что эту мозаику можно восстановить только при наличии всех ее деталей»²⁷.

Такая непримиримая позиция в отношении выборочного исследования была характерна для Б. Г. Литвака и в более ранних его статьях и может быть объяснена отсутствием в то время опыта проведения достаточно сложных

статистических расчетов, связанных с анализом выборок. Позднее его отношение к выборочному методу стало меняться.

Целый ряд выводов Б. Г. Литвака, приведенных в книге, представляет значительный интерес. Так, весьма важен анализ численности и состава крепостного населения. Сравнивая данные уставных грамот и материалов А. Троицкого, он пришел к выводу, что расхождения в общей численности крепостного населения Орловской губернии по этим источникам составляет 0,7%²⁸. Это позволяло говорить о хорошем уровне сохранности и репрезентативности архивных документов.

Анализируя структуру крепостного населения, автор подробно остановился на численности дворовых, привел данные об их удельном весе, составившем для Орловской губернии 10,6%, рассмотрел динамику изменения их численности (сравнивая показатели трех последних ревизий), изучил распределение дворовых по барщинным и оброчным имениям.

Весьма важно наблюдение Б. Г. Литвака о том, что значительное число дворовых имело право на надел и его получило. Отсюда следует, что их связь с землей не была прервана.

Рассматривая численность орловских крестьян, автор анализирует уже упоминавшиеся материалы группировки по размерам владений (до 21, от 21 до 100 и свыше 100 душ). Процент крестьян в имениях первой группы (полученный им на основании анализа уставных грамот) составил всего 0,5, во второй – 16,4, в третьей – 83,1%.

Приводя затем известную в литературе общую среднюю цифру по 47 губерниям Европейской России – 3,1% крестьян, находившихся «в руках мелкопоместных владельцев», Литвак не объясняет, почему в губернии этот показатель в 6 раз меньше, чем в среднем по России²⁹.

Конечно, могли сказаться особенности губерний Черноземного центра России, где мелкопоместных владельцев, видимо, было много меньше, чем на ее окраинах. Однако, судя по всему, здесь важную роль сыграл уже отмеченный ранее фактор – в имениях мелкопоместных владельцев освобождение крестьян происходило по особым правилам и документы в этом случае могли не содержаться в Ф. 577 Главного выкупного учреждения.

Впервые после И. И. Игнатович автор рассмотрел вопрос о распространении различных форм эксплуатации среди помещичьих крестьян. Б. Г. Литвак на основании уставных грамот привел новые цифры, которые были «несравнимы с данными Игнатович»³⁰, однако систематическое развернутое поузездное распределение различных видов повинностей не опубликовал.

Интересна попытка автора выяснить, существует ли зависимость формы эксплуатации от качества земли в отдельных уездах. Однако его выводы, сформулированные в описательной форме, не всегда убеждают.

В целом, рассматривая «динамику форм эксплуатации» (изменение соотношения процентов барщинных и оброчных крестьян с 1767 г. до реформы 1861 г.),

он сделал вывод, что «ни размер помещичьего хозяйства, ни качество почвы не могут служить основанием для определения причин» этой динамики³¹.

Попадали в поле зрения автора и предреформенные наделы орловских крестьян. Можно предположить, что автор имел поуездные средние данные о крестьянских наделах, но отдельно их не привел.

Он опубликовал таблицы, в которых были указаны средние размеры наделов в губернии для групп, созданных в зависимости от формы эксплуатации и от размера имения. Так, средний размер крестьянского дореформенного надела у оброчных по расчетам Б. Г. Литвака составляет 3 дес. 1066 кв. саж. на душу м. п., у состоявших на смешанной повинности – 3 дес. 2158 кв. саж, у барщинных – 3 дес. 1010 кв. саж.³² Однако, даже для того, чтобы получить такую «ключевую» цифру, как средний размер надела по всей губернии, требовался специальный дополнительный расчет³³.

Замечание Б. Г. Литвака о том, что необходимо обращаться «к поуездным данным, которые еще больше, чем погубернские, приближают нас к мозаике реальной жизни»³⁴, звучит весьма убедительно, однако, переходя к анализу ситуации в Орловской губернии на уездном уровне³⁵, он, к сожалению, останавливается на рассмотрении нескольких частных примеров, а на основании их сделать убедительные выводы нельзя.

Безусловной заслугой Б. Г. Литвака следует считать размещенные на страницах книги «прообразы» широко используемых сегодня детальных распределений размеров крестьянских наделов. В таблицах приводятся данные о числе наделов, сгруппированные по их размерам («ниже» 1, от 1 до 2, от 2 до 3, от 3 до 4, от 4 до 6, свыше 6 дес.), а также по размерам имений и формам эксплуатации. Это очень полезные таблицы, которые после доработки могут служить «контрольными точками» при проведении современных исследований.

Отметим, что Б. Г. Литвак приводит некоторые данные о размерах наделов по губерниям с разбивкой по уездам. Однако эта информация также вызывает определенные вопросы. Так, например, в специальной таблице³⁶, содержащей сведения по уездам Орловской губернии, вроде бы указан «средний размер надела», однако этот столбец далее делится на два: «наименьший» и «наибольший». Что такое средний наименьший и средний наибольший размеры наделов не совсем ясно. Можно предположить, что в этой таблице указаны не средние, а минимальные и максимальные размеры наделов, встречающиеся в каждом уезде. Это, скорее всего, так, поскольку вскоре автор говорит о «низшем уровне душевого надела», колебаниях в размерах наделов.

Один из важных вопросов, рассмотренных Б. Г. Литваком, связан с размерами повинностей крестьян. Проанализировав уставные грамоты, он пришел к выводу, что «абсолютные размеры ежегодного оброка, который выплачивался крестьянами, составляет ... по Орловской губернии 660859 руб. 83 коп.»³⁷. Эта суммарная цифра мало о чем говорит, поскольку она должна быть сопоставлена с общим числом оброчных крестьян, проживавших в гу-

бернии. Следует обратить внимание и на то, что в некоторых документах дореформенный размер платежей мог быть указан не совсем точно, а иногда не указан вовсе. В силу этого размер оброка в рамках всей губернии, указанный с точностью до копейки, вызывает некоторую настороженность.

Далее автор приводит сведения о средних душевых размерах оброка, «рассчитанных по данным отдельных групп крестьян-оброчников». В таблице, составленной для Орловской губернии, сведены поуездные размеры средней величины оброка, сгруппированные также по размерам имений. Интересно заключение автора о том, что полученное «разнообразие не дает возможности выявить какие-либо устойчивые закономерности складывания размера оброка в имениях различной мощности. Мы вновь убеждаемся в ограниченности среднегубернских и даже среднеуездных данных. Совершенно очевидно, что никакие выборочные сведения об оброках не могут служить материалом для каких-то обобщений в пределах крупных территориальных единиц»³⁸.

С этим выводом автора трудно согласиться. Действительно, если предположить, что группировка по размерам имений, как мы уже отмечали, могла быть не совсем корректной, то и ожидать каких-то впечатляющих выводов при ее использовании не приходится.

Нам кажется также, что речь в тексте на самом деле идет не о выборке, а о том, что «средняя тенденция», «средняя величина», которые столь часто анализируются в статистике, дают хорошее представление о процессе или явлении в случае однородности изучаемой совокупности. В противном случае можно путем разумно организованных группировок посмотреть тенденции в каждой выбранной группе и постараться объяснить их на этом уровне. При этом в дальнейшем необходимо показать, из каких составляющих складываются губернские и региональные средние и тенденции.

Далее Б. Г. Литвак приводит ряд примеров, дающих представление о «разбросе» величин дореформенного крестьянского оброка. Интересны его замечание о том, что «Орловская губерния не характеризуется большой разницей между низшим и высшим размерами оброка», а также таблица, в которой приводится распределение размеров оброка в рамках всей губернии (с интервалами от 6 до 7, от 7 до 8, и т. д. до 12 руб. с души и более)³⁹. Эта таблица, а также средние цифры⁴⁰, полученные Б. Г. Литваком, смогут в дальнейшем помочь при проведении новых исследований.

Переходя от оброчных к другим категориям крестьян, Б. Г. Литвак отметил, что «гораздо сложнее установление объема смешанной повинности». Происходит это потому, что «во многих грамотах в отличие от грамот, фиксировавших оброчную повинность, не указан размер оброка; кроме того, объем натуральной и барщинной повинности не поддается какому-либо своду даже в том случае, если он конкретизирован. Во многих грамотах повинности, к сожалению, только названы. В условиях, когда речь идет о десятках тысяч крестьян, описать

конкретные случаи различных видов и объема натуральной (продуктовой) или барщинной повинности невозможно, да и не нужно»⁴¹.

С этим выводом автора можно согласиться. Отметим также способ, которым он выходит из «этих затруднений»: «были отобраны для обработки все уставные грамоты, в которых указан размер оброка, вторая часть смешанной повинности классифицировалась по трем видам, которые описывались в наиболее характерных случаях. От приведения их к денежному эквиваленту мы отказались, так как такие расчеты, как правило, всегда спорны»⁴².

Еще более радикален вывод Б. Г. Литвака относительно определения размера издельной повинности: «Выяснение размера барщины у барщинных крестьян нельзя провести по материалам уставных грамот. Стереотипные фразы «отбывали барщину три дня в неделю», или «отбывали барщину по закону» ничего не дают»⁴³.

Был рассмотрен и вопрос о том, насколько широко проникли в крестьянское хозяйство товарно-денежные отношения, при этом автор старался «выявить связь дореформенных и пореформенных повинностей с этим явлением». Для этого он использовал «массовый материал уставных грамот о разрядах крестьянских усадеб»⁴⁴. Б. Г. Литвак установил, что, на первом месте в регионе по степени распространения высоких разрядов усадеб (и, соответственно, с меньшим количеством усадеб низшего первого разряда, «в которых обнаруживаются все признаки натурального хозяйства») находилась Орловская губерния, при этом здесь «удельный вес селений с усадьбами первого разряда всегда выше в барщинной деревне»⁴⁵.

Специальная глава монографии посвящена наделам и повинностям крестьян в пореформенный период. Одной из основных задач было определение числа и процента наделов, которые подверглись отрезке, прирезке или остались неизменными. В специальных таблицах по каждой губернии, с подразделением на уезды, были приведены эти цифры, для крестьян, испытывавших разные формы эксплуатации⁴⁶. Далее Б. Г. Литвак попытался определить, «как именно и в каких пределах происходило сокращение и увеличение размеров крестьянских наделов»⁴⁷.

К сожалению, механизм расчета и интерпретация показателей, разработанные автором, не совсем очевидны. Так, например, для Орловской губернии в специальную таблицу по каждому уезду сведены данные о числе наделов с отрезкой (при этом указывается % отрезки) и с прирезкой (также с указанием %)⁴⁸. Каким образом рассчитываются эти проценты из текста не ясно. Отметим, что, механизм расчета отрезки и прирезки может существенно отличаться. Например, при изучении отрезки, можно рассчитывать процент отрезанной земли только для той группы крестьян, у которой эти отрезки произведены, а можно сравнить отрезанную землю с суммарным количеством крестьянской земли по всему уезду до реформы. В первом случае отрезка

показывает степень интенсивности отрезки внутри группы, во втором случае – в рамках уезда. Аналогично можно рассмотреть и прирезку.

Один из разделов книги посвящен изучению процесса сокращения крестьянского землепользования, определению «расчетной (средней)» отрезки. Поуездные данные, полученные для Орловской губернии, были помещены в таблицу, содержащую сведения о «дореформенном» и «пореформенном» наделах крестьян (можно предположить, что речь идет о суммарном количестве крестьянской земли до и после реформы). Разница в этих цифрах, называемая в книге «отрезкой», рассчитывается как в десятинах, так и в процентах от дореформенного количества⁴⁹. Аналогичные показатели рассчитываются для всех категорий крестьян с группировкой по величине имений.

Изучал Б. Г. Литвак и «размеры крестьянских наделов по уставным грамотам». Произведя сложную группировку, он вынес в таблицу поуездные сведения о числе селений и душ, для которых величина крестьянских пореформенных наделов составляла: до 1, от 1 до 2, от 2 до 3, от 3 дес. до «высшего» размера. Были выделены селения, где бывшие крепостные получили в пользование «высший» размер надела, рассмотрены группы крестьян, которые получили наделы с отрезкой, прирезкой или неизмененные.

В таблицу были сведены данные о среднем количестве земли в расчете на 1 двор (в каждом из уездов и по губернии в целом). Вычисления проводились по группам в зависимости от формы эксплуатации и размеров хозяйства⁵⁰.

Рассмотрен в монографии и характер пореформенных крестьянских повинностей. По Орловской губернии «поуездные данные об оброчных платежах по уставным грамотам» были собраны в специальной таблице. Для имений, сгруппированных по размерам, были рассчитаны суммарная величина оброка после реформы, разница по отношению к дореформенной сумме и к средней величине в расчете на душу м. п. Интересно наблюдение, касающееся нетрадиционного увеличения величины пореформенного оброка в расчете на душу м. п. в Брянском уезде. Причем увеличение это было довольно значительным – на 1 руб. 13 коп. Такой показатель весьма необычен и требует специального объяснения.

Автором были также рассмотрены размеры пореформенных платежей в «смешанной» и барщинной деревне, в расчете на душу м. п. и на дес. земли⁵¹.

Таким образом, Б. Г. Литваком было проведено детальное исследование, в котором предстала предреформенная хозяйственная обстановка в черноземных губерниях, выяснились характер и степень изменений в экономике помещичьей деревни, которые произошли в процессе реализации реформы. Заслугой автора следует считать постановку ряда новых исследовательских задач. И хотя на некоторые из них ответа получено не было, они пробуждали интерес к разработке вопросов, связанных с экономическими последствиями освобождения крестьян.

Вместе с тем, возможности уставных грамот и выкупных актов были использованы Б. Г. Литваком не до конца. Проведенные группировки не всегда давали возможность проследить основные тенденции. Некоторые показатели, характеризующие крестьянские наделы и платежи, а также степень их трансформации в процессе реформы, определены не были. Не удалось получить представление о структурах крестьянских наделов, что можно было сделать только путем построения вариационных рядов.

Работа Б. Г. Литвака позволила по-новому рассмотреть вопрос о создании единой информационной базы уставных грамот и выкупных актов. Через некоторое время оказалось возможным извлеченную из архивов первичную информации, хотя и занесенную на бланки разных видов, но содержащую почти идентичный набор показателей, подготовить для ввода в память компьютеров и обработать по современной методике.

* * *

В конце 1970-х гг. была опубликована монография Н. М. Дружинина «Русская деревня на переломе (1861–1880 гг.)»⁵², в которой изучались «социально-экономические процессы, протекавшие с 1861 по 1880 г. в русской деревне, т. е. на территории главного, ведущего ядра тогдашнего Российского государства»⁵³. Безусловно, автор не мог обойти вниманием Центральный черноземный район. Отметив его значимость для Европейской России, Н. М. Дружинин обратил особое внимание на Курскую губернию, поскольку она была «наиболее плодородной и густонаселенной губернией Черноземного края». Ей был посвящен отдельный раздел, в котором было дано краткое описание источников, проанализированы структура населения, землепользование и повинности крестьян. Автор заметил, что «подобные же выводы можно сделать на основании сохранившихся сведений об остальных губерниях Центрального Черноземного края»⁵⁴.

В работе есть и некоторые наблюдения, сделанные для Орловской губернии. Интересны сведения о ходе выкупной операции, недоимках по выкупным платежам, их понижении, численности крестьян-собственников, средних размерах наделной земли в 1870-е гг., особенностях ведения крестьянского хозяйства⁵⁵.

Весьма интересны разделы монографии, посвященные анализу источников, которые автор разделил на две основные группы.

К первой группе он отнес законодательные и административные документы, различные делопроизводственные акты, материалы, подготовленные статистическими органами и специально созданными комиссиями.

Ко второй группе были отнесены публицистика, наблюдения современников, дневники и воспоминания, материалы земских учреждений.

Для нас особый интерес представляет параграф, посвященный критике уставных грамот, о которых Н. М. Дружинин не мог не упомянуть, но в рабо-

те не использовал. Подробно рассмотрев процесс составления и введения этих документов, он, прежде всего, сконцентрировал внимание на нарушениях, допускавшихся при заполнении формуляров, и неточностях, содержащихся в текстах грамот⁵⁶.

Со многими замечаниями Н. М. Дружинина следует согласиться. При этом, однако, можно заметить, что на недостатки уставных грамот исследователи и раньше неоднократно обращали внимание, однако сегодня решающим аргументом в пользу их использования является отсутствие равноценной альтернативы, иных столь же информативно насыщенных документов.

* * *

В 1980-е – 1990-е годы каких-либо фундаментальных работ, специально посвященных экономическим последствиям реформы 1861 г. в деревне Черноземного центра, написано не было. Следует, однако, упомянуть ряд более поздних исследований, относящихся к близкой по содержанию проблематике.

Интересна работа Л. М. и Р. Л. Рянских «Актуальные проблемы источниковедения и истории русской крепостной деревни кануна освобождения (по материалам Черноземного центра)»⁵⁷, которые на основе изучения выборки массовых источников (подворных описей, хозяйственной документации, личных фондов помещиков), рассмотрели состояние аграрного сектора экономики (помещичьего и крестьянского хозяйства) ряда губерний Черноземного центра России накануне реформы 1861 г.

Некоторые сюжеты, связанные с надельным землевладением крестьян региона, стали предметом изучения Е. А. Котовой⁵⁸. Она использовала опубликованные и архивные документы, связанные с деятельностью земства и правительственных статистических органов.

Можно выделить статью А. В. Перепелицына и В. Н. Фурсова «Особенности земельных отношений крестьян центрального черноземья в 60–90-е годы XIX в.»⁵⁹, в которой был рассмотрен ряд вопросов, связанных с крестьянским землевладением и землепользованием в некоторых черноземных губерниях. В качестве источника для этой работы были выбраны материалы официальной статистики второй половины XIX века.

В последние годы появились и некоторые другие работы, посвященные отдельным сюжетам, связанным с развитием крестьянских хозяйств Черноземного центра, но непосредственно не затрагивающие нашу тематику, останавливаться на которых мы не будем.

Таким образом, сегодня можно констатировать, что в отечественной историографии реформы 1861 г. губернии Черноземного центра России неоднократно попадали в поле зрения историков. Центральное место среди них заняла фундаментальная работа Б. Г. Литвака, затронувшая широкий спектр вопросов, основанная на обширном массиве уставных грамот и выкупных актов. Она была

примером масштабного исследования, охватившего огромный регион Европейской России, в котором было сосредоточено «ядро» помещичьей деревни.

Однако за последние годы возможности ученых, занимающихся аграрной тематикой, значительно расширились. Была усовершенствована методика исследований, основу которых составили статистические методы, реализованные с применением компьютерных технологий. Постепенно работы, проводимые на новом уровне, стали охватывать новые регионы, приближаясь к границам Черноземного центра. Необходимость сопоставления новых и ранее полученных результатов обусловило повторное обращение к изучению черноземных губерний в рамках гранта РГНФ, реализованного в Брянском государственном университете.

Сегодня еще не написана обобщающая работа, в которой в деталях на основе современных методов анализа обширного комплекса дошедших до нас источников была бы освещена история реализации реформы в рамках всей Российской империи. Заметным шагом, приближающим нас к решению этой проблемы, может стать новое изучение губерний Черноземного центра.

Примечания

¹ Грант РГНФ № 11-01-00182. *Блохин В. Ф.* Проекты губернских комитетов по устройству быта помещичьих крестьян // Социально-экономические условия отмены крепостного права в Брянском, Карачевском, Севском и Трубчевском уездах Орловской губернии. Брянск: Курсив, 2011. С. 3-18; его же. Крестьянская реформа: от неопределенных предположений до начала законодательных работ, Орловское дворянство в разработке проектов по «улучшению быта помещичьих крестьян». 1858-1859 гг. Реализация реформы 19 февраля 1861 г. в Орловской губернии. Документы и материалы / под общ. ред. В. Ф. Блохина. Выпуск 1. Брянск, 2011. С. 5-22; *Кащенко С. Г.* Экономические последствия освобождения помещичьих крестьян. 150-летняя история изучения, 150-летие отмены крепостного права в России. Санкт-Петербург: ФГБУ Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина, 2012. С. 123-131; *Блохин В. Ф.* К истории создания Орловского губернского дворянского комитета для составления положений об улучшении быта помещичьих крестьян (1858–1859 гг.) // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. Орел, 2012. № 8(28). С. 38-41; *Кащенко С. Г.* К вопросу о специфике материалов Главного выкупного учреждения по Орловской губернии. Опыт изучения реализации реформы 1861 г. с помощью математико-статистических методов и компьютерных технологий // Философия российской государственности: история и современность. К 1150-летию российской государственности. Санкт-Петербургское философское общество. Санкт-Петербург, 2013. С. 105-114; *Блохин В. Ф.* Проекты орловских дворян на страницах «Журнала землевладельцев» (1858–1859 гг.) // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2013. № 4 (33). С. 41-46; *Кащенко С. Г.* Орловская деревня в начале 60-х гг. XIX века. Экономические последствия освобождения помещичьих крестьян, Орловская деревня

в начале 60-х гг. XIX века. Экономические последствия освобождения помещичьих крестьян. Монография. Брянск: «Издательство Курсив», 2013. 340 с.; *Блохин В. Ф.* Участие орловского дворянства в «определении главных начал для улучшения быта помещичьих крестьян» (1858–1859 гг.). Монография. Брянск: «Курсив», 2013. 159 с.

² *Литвак Б. Г.* Советская историография реформы 19 февраля 1861 года // История СССР. 1960. № 6. С. 99-120; *Зайончковский П. А.* Советская историография реформы 1861 г. // Вопросы истории. 1961. № 2. С. 85-104.

³ *Захарова Л. Г., Горланов Л. Р., Топчий А. Т.* Отмена крепостного права в России. Указатель литературы (1856–1989 гг.). Томск, 1993.; *Горланов Л. Р.* Историография реализации крестьянской реформы 1861 г. // XVI сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тез. докл. и сообщ. М., 1976.; *Захарова Л. Г.* Отечественная историография о подготовке реформы 1861 г. // История СССР. 1976. № 4; *Кащенко С. Г.* 1). Реформа 19 февраля 1861 г. в Санкт-Петербургской губернии (к историографии вопроса) // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1991; 2). Освобождение крестьян на Северо-Западе России. М.; СПб., 2009. С. 15-59. и др.

⁴ Об изучении реформы 1861 г. за рубежом см., например: *Павловская А. В.* Крестьянская реформа 1861 г. в России в освещении английской и американской исторической литературы : Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1991. и др.

⁵ *Игнатович И. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Издание 3-е, дополненное. Л., 1925.

⁶ См. также: *Игнатович И. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения // Русское богатство. 1900. Кн. 9-12; *Игнатович И. И.* Падение крепостного права в России. СПб., 1903.

⁷ Приложения к Трудам Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Т. 1-6. СПб., 1860.

⁸ *Тройницкий А. Г.* Крепостное население России по 10-й народной переписи. СПб., 1861.

⁹ По этим данным, в губернии крепостное население составляло 47,26% (*Игнатович И. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения ... С. 79).

¹⁰ *Игнатович И. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения ... С. 73.

¹¹ Там же. С. 383.

¹² Там же. С. 95.

¹³ Там же. С. 97.

¹⁴ Там же. С. 108.

¹⁵ Справедливости ради следует заметить, что сама Игнатович, будучи весьма квалифицированным историком, неоднократно обращала внимание на то, что к цифрам, приводимым в Трудх Редакционных комиссий, необходимо относиться осторожно.

¹⁶ *Кожухов Ю. В.* Помещичье хозяйство центрального земледельческого района России в годы кризиса крепостной системы // Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1955. Т. 102. С. 88-89.

¹⁷ Военно-статистический сборник. СПб., 1871. Вып. IV.; Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. СПб., 1880–1885.

Вып. I-VIII.

¹⁸ Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 240.

¹⁹ История России с древнейших времен до наших дней. М., 1968. Т. V. С. 81-82.

²⁰ Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 г. ... С. 37. Были введены в научный оборот дела по Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерниям.

²¹ Тройницкий А. Крепостное население в России по 10 народной переписи. СПб., 1861; Бушен А. Б. Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению Министра внутренних дел. СПб., 1863. Вып. 2.

²² Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 г. ... С. 41-42.

²³ Там же. С. 39.

²⁴ Там же. С. 40.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 40-41.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 38.

²⁹ Там же. С. 51.

³⁰ Там же. С. 55-56.

³¹ Там же. С. 59.

³² Там же. С. 77.

³³ Очевидно, что просто рассчитать среднюю арифметическую величину из этих показателей (как это, к сожалению, иногда делают исследователи) нельзя, поскольку численность каждой из групп крестьян отличается. Надо дополнительно производить расчет «средней арифметической взвешенной», где в качестве «веса» выступают размеры групп.

³⁴ Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 г. ... С. 78.

³⁵ Там же. С. 81-83.

³⁶ Там же. С. 96.

³⁷ Там же. С. 115.

³⁸ Там же. С. 120.

³⁹ Там же.

⁴⁰ В целом для всей Орловской губернии дореформенный оброк, рассчитанный Б. Г. Литваком, был равен 9 руб. 09 коп. с души м. п. (Там же. С. 124), что является одним из наивысших значений для всего изучаемого региона.

⁴¹ Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 г. ... С. 127-128.

⁴² Там же. С. 128.

⁴³ Там же. С. 139.

⁴⁴ Там же. С. 145.

⁴⁵ Там же. С. 146. Для Орловской губернии доля усадеб первого разряда составляла 52,8%.

⁴⁶ Таблица для Орловской губернии размещена на С. 156.

⁴⁷ Там же. С. 159.

⁴⁸ Там же. С. 164.

⁴⁹ На самом деле, называть этот показатель «отрезкой» не совсем корректно. Это скорее процент изменения в количестве земли, поскольку он «складывается»

из отрезки и прирезки.

⁵⁰ Там же. С. 275.

⁵¹ Там же. С. 306.

⁵² Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе (1861–1880). М., 1979.

⁵³ Там же. С. 4.

⁵⁴ Там же. С. 229–238.

⁵⁵ Там же. С. 64, 70, 76, 100, 116 и др.

⁵⁶ Там же. С. 45–50.

⁵⁷ Рянский Л. М., Рянский Р. Л. Актуальные проблемы источниковедения и истории русской крепостной деревни кануна освобождения (по материалам черноземного центра) // Вестник ТГУ. Тамбов, 2008. Вып. 7 (63). С. 326–336. См. также: Рянский Л. М. Помещичьи крестьяне Черноземного центра в конце XVIII – первой половине XIX века. Курск, 2010.

⁵⁸ Котова Е. А. Надельное землевладение крестьян различных разрядов центрального черноземья во второй половине XIX в. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2007. № 2. С. 96–101.

⁵⁹ Перепелицын А. В., Фурсов В. Н. Особенности земельных отношений крестьян центрального Черноземья в 60–90-е годы XIX в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2008. Т. 10. № 8. С. 94–100.

S. G. Kashchenko
kgs2004@yandex.ru

The economic consequences of the peasant reform in 1861 in Orel province. A brief overview of the national historiography

Abstract: The Historiography of the abolition of serfdom goes back half a century. The article assesses the objective and subjective conditions the abolition of serfdom under a new perspective, as reflected in the works of Russian and foreign historians.

Keywords: abolition of serfdom, historiography, Orel province, background abolition of serfdom, the conditions of implementation of the reform, the economic consequences of the reform.

Л. И. Семенникова
**СОВРЕМЕННЫЙ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
КОНТЕКСТ В ИЗУЧЕНИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ:
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ**

Аннотация: *В статье анализируются представления о советском периоде истории на основе современного уровня исторического знания. Автор доказывает, что на базе фабрично-заводских технологий в управлении и организации разных сторон общественной жизни, СССР функционировал как огромная корпорация, управляемая из единого центра.*

Ключевые слова: *исторический опыт, советский период истории, уроки истории, фабрично-заводские технологии*

Темп изменений в современном мире стремительно возрастает, демонстрирует в ряде аспектов угрожающий характер. Исторический опыт нашей страны в XX веке, когда были преодолены угрозы всемирного масштаба, приобретает прагматическую актуальность как в позитивном, так и негативном (возможность избежать повторения ошибок) плане. Однако на самом деле наше общее представление о советском периоде истории страны выглядит достаточно «архаичным» (при огромности объема литературы и документов, введенных в научный оборот историками по этому периоду). Почти через 100 лет после Октября 1917 г. наши представления о советском обществе концептуально в значительной мере определяются категориями и понятиями, зафиксированными в документах правящей партии и работах ее вождей. Полагаю, необходимо современное теоретическое и концептуальное оформление понимания советского периода истории нашей страны. Четверть века отделяет нас от советской эпохи, и потребность в этом назрела. Особенно остро она ощущается преподавателями исторических дисциплин в школе и вузах.

Семенникова
Любовь
Ивановна
Доктор исторических
наук, профессор
Факультет государственного управления
МГУ им.
М. В. Ломоносова

Написать полезный учебник по истории страны в XX веке в отсутствии концептуальных ориентиров, отражающих современный уровень знания, практически невозможно. А это не просто вопрос об изложении исторического материала, а проблема мировоззренческих ориентиров следующих поколений граждан. Очевидно, что формирование концептуальных позиций, оформляющих новые знания о советском периоде истории страны, дело непростое и небыстрое, предполагающее и апробацию, и неспешные дискуссии. В рамках дискуссии следует рассматривать и эти замечки.

Нельзя сказать, что ничего не изменилось в трактовке советской эпохи за прошедшие после крушения СССР годы. Конечно, были попытки поменять плюсы на минусы и как бы «закрыть» эти страницы нашей истории (особенно в 1990-е гг.), но почти сразу появились работы, предлагающие научные подходы (с разных теоретических позиций) к осмыслению советского опыта. В настоящее время исторический материал эпохи СССР рассматривается с помощью разных теоретических инструментов. Мне уже приходилось при анализе советского периода использовать теорию модернизации в совокупности с элементами цивилизационного подхода. На мой взгляд, такой метод анализа дал позитивный результат (об этом свидетельствует и востребованность публикаций¹) – удалось уйти от непрерывной полемики к размышлению и поиску ответов на вопросы. Уверена, что определение советской эпохи как периода модернизации на основе индустриальных технологий остается и сегодня концептуально важным. Оно позволяет анализировать стадиальность в развитии страны, но уйти от формационного подхода, который в данном случае непродуктивен (хотя можно продолжать играть словами – ранний социализм, основы социализма и т. д.). При данном подходе сохраняется и раскрывается главное – колоссальный рывок в развитии общества во многих областях за относительно короткий исторический период (1917–1993 гг.). Однако чем дальше в прошлое отодвигается советская эпоха, тем важнее концептуализация знания о советском периоде истории нашей страны. Важно, чтобы этот процесс шел многопланово, с учетом разных научных позиций.

Новации в теоретическом инструментарии историков, как правило, первоначально вызывают некоторое напряжение (как минимум!) в среде «пользователей» исторических трудов. Опасения объясняются угрозой «осовременивания истории». Однако, если мы хотим извлекать из истории уроки (а мы обязаны это делать на самом деле!), мы должны рассматривать исторический материал, используя современный инструментарий и современную терминологию. Иначе исторические труды будут мало кому понятны и интересны в контексте динамично меняющейся реальности, неизбежно несущей на себе следы прошлого. А главное, мы так и не извлечем уроки даже из близкого прошлого.

К. Маркс более полутора столетий назад утверждал, что на смену рыночному капитализму индустриальной эпохи придет социализм (затем высшая

фаза – коммунизм). Практика XX века, казалось, подтверждала прогноз теоретиков марксизма – появились страны, которые развивались под флагом социализма. Однако уже к концу XX века ситуация оказалась совершенно другой. Индустриальная эпоха для развитых стран ушла в прошлое, в мире утвердилось господство информационных технологий. Социализм исчез с карты мира. А что же было в XX столетии?

Изучение советского периода истории нашей страны ведется в настоящее время многопланово – политическая история, история повседневности, военная история, история ментальностей и т. д.², предлагается разный теоретический инструментарий, но, как правило, в рамках конкретной проблематики (социокультурный, антропологический, политологический и др. подходы). Материала, систематизированного и проанализированного в проблемном ракурсе, за последнюю четверть века введено в научный оборот много, но общеконцептуальных позиций, на мой взгляд, – дефицит.

В этих условиях новации общеконцептуального плана сразу привлекают внимание. С. Г. Кара-Мурза активно использует категорию «советский проект» как «оформляющее» понятие для трактовки советского периода истории страны: «Советский строй – это реализация цивилизационного проекта, рожденного Россией и лежащего в русле ее истории и культуры»³. Предлагаются на обсуждение и сценарии современной модернизации России на основе советского опыта⁴. Сразу возникает желание согласиться – такое определение очень похоже на советскую реальность. К сожалению, из опубликованного материала не ясно, каков был фильтр отбора дефиниций у автора, чтобы предпочесть понятие «проект». Хотя черты проектности, безусловно, в советское время были программы РКП(б)-ВКП(б)-КПСС, пятилетние планы, директивные решения и т. п., но они не были решающими (не случайно речь не идет о «социалистическом проекте») и изживались под влиянием реальной жизни.

Однако если уж говорить о проекте, то он не советский, а социалистический. Советы возникли по инициативе масс в 1917 г. в любом случае вне «проекта» – они были использованы В. И. Лениным сначала для усиления влияния большевистской партии и мобилизации масс, а затем и как органы, отражавшие демократические тенденции революции 1917 г. и позволяющие строить на их базе новую систему власти под флагом советской демократии, понятной и близкой большинству населения. Но суть не в этом.

Проектный подход начал утверждаться в теоретическом арсенале обществоведов (и историков в том числе) в современную эпоху. Часть исследователей считает, что социальное проектирование было всегда, или, во всяком случае, уже с античности. Другие утверждают, что о социальном проектировании можно говорить, только начиная с 20–30-х годов XX-го столетия, когда сложилась идеология проектирования, в рамках которой была поставлена задача создания новых общественных отношений. Имеет аргументы и та

часть обществоведов, которые полагают, что социальное проектирование только формируется в настоящее время, когда социологические науки достигли уровня развития, который позволяет разрабатывать социальные проекты с прогнозируемым результатом.

Может ли быть реализован проектный подход в развитии общественной системы вообще и в советском обществе в частности? Полагаю, что проектирование в истории человечества используется на протяжении всей истории. Любая реформа – это, фактически, проект, который заранее продуман, вносит изменения в общественную систему для решения конкретных социальных, экономических, политических или других задач и предполагает (предположительно) определенный результат. Особенно ярко такие проектные черты в общественной практике проявились в индустриальную эпоху – фабрично-заводские технологии оказывали влияние на организацию общественной жизни, экономики и т. д.

Убеждена, что общество в целом нельзя «загнать» в проект. Функционирование общественной системы – сложный многофакторный и многоплановый процесс, который невозможно отразить ни в каком проекте и, тем более прогнозировать результаты. Не существовало и не существует технологий проектного управления в масштабах такого сложного многонационального сообщества как Россия, неоднородного не только социально, но и по образу жизни ($\frac{2}{3}$ территории страны до коллективизации занимали кочевые и полукочевые сообщества).

Социалистический проект большевиков для России, безусловно, был – он зафиксирован в документах Российской коммунистической партии большевиков. Но он существенно трансформировался с приходом большевиков к власти. Надо помнить, что большевики были убеждены в мировом характере социалистической революции, которая началась в России, но обязательно будет поддержана другими странами. Реальность оказалась совершенно иной. В. И. Ленин заявлял: «...серьезное содействие запоздавшей, силу ряда причин, социалистической революции на Западе мы окажем лишь в той мере, в какой сумеем решить поставленную перед нами организационную задачу»⁵. Организация управления страной в тот момент рассматривалась как задача конкретная на данный момент – победа мировой революции (хотя бы в нескольких странах) создаст условия для претворения в жизнь социалистического идеала.

В. И. Ленин писал в апреле 1918 г.: «На очередь выдвигается теперь, как очередная и составляющая своеобразие переживаемого момента, третья задача – организовать *управление* Россией»⁶. И далее: «И это – самая благодарная задача, ибо лишь *после* ее решения (в главных и основных чертах) можно будет сказать, что Россия *стала* не только советской, но и социалистической республикой»⁷. Таким образом, под флагом социализма стал формироваться фабрично-заводской идеал общественного устройства и развития.

В первой программе РСДРП, принятой на II съезде в 1903 году, система власти после победы революции определялась так: «Самодержавие народа, т. е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа... Широкое местное самоуправление; областное самоуправление для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения»⁸. Необходимость налаживать реальное управление страной после прихода большевиков к власти (еще до начала гражданской войны), существенно изменила позиции вождей партии большевиков. Программа РКП(б), принятая на VIII съезде правящей партии гласила: «Избирательной единицей и основной ячейкой государства становится не территориальный округ, а производственная единица (завод, фабрика)»⁹.

Столкнувшись в реальности с огромными проблемами в организации управления, большевики выбрали то, что было ближе и понятнее – фабрично-заводские технологии управления (жесткий централизм, исполнительская дисциплина, тотальное планирование). Специалисты по истории экономики пришли к выводу, что Советская Россия была страной «впервые в мире отработавшей методологию и технологию народнохозяйственного планирования в масштабе целого государства, долгие годы демонстрировавшей её возможности при решении масштабных задач ускоренного развития страны»¹⁰. Этот опыт приобретает привлекательность по мере увеличения временной дистанции: «Речь идет об изучении опыта советского периода нашей истории по решению сложных комплексных проблем развития экономики и реализации задач стратегического характера путем разработки и осуществления систем долгосрочных, среднесрочных и текущих народнохозяйственных планов, анализа целесообразности использования определенных подходов и методов планирования в сегодняшней практике государственного управления»¹¹. Такая актуализация советского опыта в разных областях в современных условиях свидетельствует о недостаточной разработанности концептуальных аспектов этого периода истории России.

В условиях обвального распада страны началось оформление большевистской системы власти, в корне отличной от того идеала, который поддержало большинство народа в ходе революции 1917 г. Эту систему, вслед за В. И. Лениным и другими теоретиками марксизма-ленинизма, принято именовать «диктатурой пролетариата», хотя ее в действительности никогда не было. Это лишь теоретический феномен, который существует в рамках умозрительной конструкции классиков марксизма и их последователей. Новая система власти являлась жестко централизованной, с широким применением диктаторских методов. Она была направлена против классов, частной собственности, рынка, всех форм демократии, включая советскую.

Становление жесткой организации общества происходило на базе аппарата партии большевиков, имевшей всероссийский характер. Он стал становым

хребтом системы власти, собирающей рассыпавшееся общество. Партия большевиков имела в своем распоряжении отряды вооруженных людей – Красная гвардия, революционные солдаты и матросы. Совокупность этих условий и позволила партии большевиков превратиться в несущую конструкцию властных структур. Она перестала быть элементом гражданского общества, политической организацией. Хотя она по-прежнему называлась партией, но это уже была четко организованная корпорация, которая представляла собой ядро новой системы власти.

Почему же и большевики, и вслед за ними общество упорно называли периодом господства коммунистической партии «советским»? Это было выгодно правящей партии – власть по форме оставалась советской, Советы продолжали функционировать, но «по правилам» большевиков. Однако это вовсе не означало, что им принадлежала власть, и был реализован революционный идеал советской демократии. Выборные советские органы постепенно теряли значение, полностью контролировались большевиками и превратились в элемент системы, придающий революционную легитимность большевистской власти. Роль советских исполнительных органов была более значительной по сравнению с органами, которые, по замыслу, должны быть законодательными и контролирующими. ВЦИК – высший орган власти между съездами Советов, не играл особой роли. Первая роль принадлежала Совету Народных Комиссаров, исполнительному органу. Именно СНК определял политику. Важнейшие законы (декреты) первых послереволюционных лет были приняты СНК или вышли из-под пера одного человека – В. И. Ленина, главы правительств. Съезды Советов созывались для «освящения» тех или иных решений, придания им законного, советского характера. Прерогатива принятия решений очень скоро перешла к партийным органам. В 1920 г. В. И. Ленин писал: «Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии»¹². Какой «советский проект»?!

Новая общественная система получила правовую базу для своего существования и укрепления. На V Всероссийском съезде Советов (июль 1918 г.) была принята Конституция РСФСР, в которой законодательно была закреплена формула «диктатура пролетариата в форме Республики Советов». Советская демократия почти сразу превратилась в миф, который упорно десятилетиями поддерживался силами партийной пропаганды. Советы некоторое время еще были органами народного самоуправления на местах, но затем развернулся процесс их постепенного «затухания». Причина такого разворота не в большевиках (хотя и в них тоже, если брать только политический аспект) – общество не может существовать на принципах общинной демократии, которые символизировали Советы, такая демократия нежизнеспособна за пределами общины.

Партия большевиков, ее лидеры, придя к власти, не в состоянии были адекватно оценить ситуацию, часто шли за событиями. Искали теоретическое обоснование диктатуре и находили его. В. И. Ленин заявлял: «Советский социалистический демократизм единоличию и диктатуре несколько не противоречит... Волю класса иногда осуществляет диктатор, который иногда один более сделает и часто более необходим»¹³. В. И. Ленин был предельно откровенен: «Когда нас упрекают в диктатуре одной партии, мы говорим: "Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем!"»¹⁴. Сохранение лозунга советской власти и Советов позволяло придать диктатуре видимость советской демократии и обеспечить социальную поддержку снизу. Идеалы общинной демократии (в форме Советов), глубоко укорененные в русском общественном сознании, были использованы для ликвидации форм демократии европейского типа: многопартийности, элементов парламентаризма и разделения властей, основ гражданского общества. В. И. Ленин прямо писал об этом: «Историческое призвание Советов быть могильщиком, наследником, преемником буржуазного парламентаризма, буржуазной демократии вообще»¹⁵. Почему большевики не сохранили старую систему? Значительно демократизированная в начале XX в., российская общественная система была несовместима с типом общественного устройства, создаваемым большевиками.

Переход основных средств производства в «собственность народа в лице государства» (в том числе и ликвидация права частной собственности на землю, полученные крестьянами по реформе П. А. Столыпина) ничего «социалистического» или даже просто нового для России не содержал. Государство в России всегда было крупным собственником. Семь десятилетий развития России по пути «строительства социализма», а затем и коммунизма – очень короткий с точки зрения исторических трансформаций период, чтобы продемонстрировать «новую модель» общественного развития. Глубина изменений и масштаб решенных за короткий исторический период задач свидетельствует, что эта модель общественного развития сформировалась на базе укорененных или достаточно развитых тенденций общественного развития страны, имела основательную социальную базу (хотя значительно меньше, чем принято считать).

Крах общественной системы СССР, социальные и политические катаклизмы последних десятилетий в нашей стране существенно снизили интерес к историческому знанию, создали почву для распространения концепций «догоняющего развития» как специфичного для России. Классическая для Европы (и для России) историческая модель мира сложилась в XIX в. и строилась на идее всеобщности и однолинейности истории. Индустриальная эпоха породила марксистско-ленинский вариант этой классической модели, утверждающий приоритет индустриального труда, производственного коллективизма и унифицированного распределения. Всем странам и народам класси-

ками марксизма-ленинизма предписано было пройти этим формационным коридором и, раньше или позже, оказаться в коммунизме. Человек представлял лишь в своей производственной функции: крестьянин, шахтер, учитель и т. п. Общественным идеалом являлось тотально индустриализованное общество, перерабатывающее природные ресурсы с постоянно увеличивающейся скоростью, функционирующее на принципах производственных технологий. Индустриальное производство и распределение составляли стержень, к которому было привязано все «человеческое».

Распад СССР в 1991 г. является объектом внимания специалистов разных социально-гуманитарных и политических наук. Однако это всемирно значимое событие и через четверть века осмысливается в целом через политические категории, остается в политическом поле, а не в историческом. В. А. Никонов предпринял попытку поставить распад СССР в общую линию российской истории¹⁶. Глава его книги, названная «Крушение России – 1991», начинается с концептуального заявления: «Советский Союз был формой существования России на протяжении большей части XX века. СССР был в такой же степени Россией, как и Российская империя»¹⁷.

Анализируя различные точки зрения по поводу распада Советского союза, автор выделил две наиболее популярные: «победа Запада» и разложение и дезинтеграция СССР по внутренним причинам. Для него очевидно, что к первой позиции склоняются почти все американские, многие европейские и некоторые российские авторы. «Запад-де целенаправленными усилиями выиграл «холодную войну», и последней каплей, переполнившей чашу, стала программа «звездных войн» Рональда Рейгана»¹⁸ – замечает он, комментируя выше обозначенную позицию. Автор видит главную причину именно во внутренних событиях, оценивая их как революцию. Он пишет: «Революция 1991 года приняла форму заговоров»¹⁹.

Опираясь на позицию В. О. Ключевского (его поражала повторяемость российской истории), В. А. Никонов пришел к общему выводу: «Крушение 1991 при всей его уникальности повторяет обстоятельства предыдущих»²⁰. Автор, опираясь на А. Тойнби, отметил, что «общество никогда не умирает «естественной смертью», но всегда либо в результате самоубийства, либо в результате убийства, и почти всегда – в результате первого»²¹. В. А. Никонов убежден, что «в России после монголов каждое Крушение – это самоубийство»²². Соответственно, для него самоубийством является и распад СССР. При всей образности и «неконцептуальности» такое определение очень емко и влечет за собой целый шлейф вопросов, размышлений, которые, как ни удивительно, не противоречат этому образному определению.

И. В. Сталин в речи 9 февраля 1946 г., которая считается его политическим завещанием, сказал: «Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн неф-

ти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей»²³. К концу 1980-х гг. СССР – вторая экономика в мире (после США). В 1988 г. страна производила чугуна – 115 млн. тонн, стали – 163 млн. тонн, угля – 772 млн. тонн, нефти – 624 млн. тонн²⁴. В несколько раз перекрыты все показатели, определенные И. В. Сталиным как факторы благополучного существования СССР, а по нефти – больше, чем в 10 раз. Однако до «самоубийства» страны оставалось совсем не много!?

Индустриальное производство, индустриальные технологии в соответствии с теорией марксизма-ленинизма считались вершиной научно-технического и технологического прогресса, которые позволят стране существовать по принципам социалистического общества можно сказать вечно. Все остальное отсекалось. Во второй половине XX века на съездах коммунистической партии и после Сталина подтверждалась верность этому курсу. Однако развитие в индустриальном плане страны Запада в это время переходило на постиндустриальную стадию, что предполагало совсем другой тип развития. Потенциал курса В. И. Ленина и И. В. Сталина оказался исчерпанным до дна, а заменить его было нечем, учитывая особенности политической и научной элиты, которая была сформирована в советское время. Как ни странно, «самоубийство» СССР оказалось неизбежностью, хотя и неосознаваемой. Вопрос в сроках. Главная причина крушения СССР – исчерпанность стратегии развития огромного государства, которая в свое время была детально разработана и опиралась на основы марксизма-ленинизма.

Зададимся сакраментальным вопросом – почему Россия, страна с огромными ресурсами и богатейшим человеческим капиталом, на протяжении столетий «догоняет» западные страны, которые принято называть «передовыми». Сразу же возникает убедительный ответ – длительный период золоторудной зависимости задержал развитие, две мировые войны также отбросили страну назад. Безусловно, так. Но есть и другое – западное сообщество с рубежа XV–XVI вв. внедряло и совершенствовало механизмы саморазвития общества (индивидуализм, частная собственность, рыночная экономика, парламентская демократия, права личности т. д.). В России со времен Петра I утвердилось, что главным механизмом развития общества является государство. Приоритет государства сохранялся на протяжении всего имперского периода, а в советский период стал тотальным. Екатерина II начала внедрять механизмы саморазвития общества (частная собственность с полными правами, элементы самоуправления на местном уровне, попытки отделить суд от администрации). Прорыв в формировании механизмов саморазвития в России был совершен в XIX веке – Великие реформы Александра II и рывок к рыночной экономике при Александре III. Однако механизмы саморазвития представляли собой узкий сегмент, поскольку большинство населения (крестьянство) было связано с общиной и коллективными формами землепользования.

Национализация частной собственности с приходом большевиков к власти означала ликвидацию всех (не очень мощных на самом деле) механизмов саморазвития общества, сформировавшихся в России на протяжении полутора столетий (вторая половина XVIII – нач. XX вв.). Единственным механизмом развития общества вновь стало государство (как во времена Ивана Грозного и Петра I – только более тотально), таковым оно оставалось до конца советской эпохи.

Социальная структура СССР базировалась на принципах коллективизма. Корпоративность была характерна и для дореволюционной России – дворянские собрания, гильдии для купцов и предпринимателей, крестьянские общины и т. п. Однако в новую эпоху поддерживался определенный коллективизм. Основной ячейкой общества становился производственный коллектив – фабрично-заводские коллективы, кооперативы, коммуны, артели и др. Именно индустриальный коллективизм подразумевался под социализмом. В декрете ВЦИК 14 февраля 1919 г. «О социалистическом землеустройстве и о методе перехода к социалистическому землепользованию» говорилось: «Вся земля в пределах РСФСР, в чьем бы пользовании она не состояла, считается единым государственным фондом». Главной формой землепользования объявлялись «крупные советские хозяйства, коммуны, общественная обработка земли». Крестьянское хозяйство, традиционно индивидуальное даже в рамках общины, характеризовалось как «преходящее и отживающее». По мере разрушения старых структур общество теряло механизмы саморазвития и самообеспечения. Уже в 1920 г. на государственном содержании находилось 38 млн. человек²⁵ из 137 727 000 населения²⁶ – около 30% населения.

И. В. Сталин, выступая на XIV съезде правящей партии, в своем докладе рассматривал вопросы внутренней политики в следующем ракурсе: «Народное хозяйство в целом», «Промышленность и сельское хозяйство», «Вопросы торговли» и т. д. Вождь предстает как управляющий огромной, многоотраслевой корпорацией. Задачи партии (делегаты съезда – фактически, в большинстве работники управляющего аппарата разного уровня и характера – от бригадира до наркома) формулировались И. В. Сталиным в социально-экономическом плане, вплоть до «увеличения удельного веса доходов неналоговых в общей системе государственного бюджета»²⁷.

Таким образом, на мой взгляд, очевидно, что на базе фабрично-заводских технологий СССР функционировал как огромная корпорация, управляемая из единого центра. Эти технологии были близки и понятны населению, в социальной жизни и культуре которых коллективизм был укоренен и естественен. В результате реализации пятилетних планов СССР превратился в одно из ведущих государств мира с соответствующей тому времени производственно-технической базой.

В рамках эпохи индустриальных технологий СССР добился потрясающих результатов, вошел в число ведущих государств мира. Однако обладающие

мощными механизмами саморазвития передовые страны Запада во второй половине XX века вновь ушли вперед. Советская страна, исчерпав возможности индустриальных технологий, не имела никаких предпосылок для такого рывка и стремительно двигалась к катастрофе. К величайшему сожалению, в стране не нашлось ни лидеров, ни достаточно прозорливой элиты, способных адекватно оценить ситуацию после победной для страны второй мировой войны и поставить новые задачи. Прошла почти четверть века после крушения СССР, но с механизмами саморазвития у нас не намного лучше.

Убедена, что применительно к советскому периоду истории следует анализировать и раскрывать масштаб и характер использования фабрично-заводских технологий в управлении и организации разных сторон общественной жизни. Эта сторона функционирования СССР нуждается в серьезных междисциплинарных исследованиях разного масштаба и ракурса.

Что касается социального проектирования, в первые годы советской власти оно применялось в социальной практике – дома-коммуны, новые формы семьи, Дворцы труда и отдыха, где предполагалось формировать новый коллективный быт, и т. д., но в большей части все это не прижилось.

Результаты проведенных исследований в области советской истории являются основой и стимулом для дальнейшего научного поиска в этой области.

Примечания

¹ Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1994–2010 (более 15 изданий).

² Например: Андреевский Г. В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930–1940-е годы. М., 2003; Ефремова С. А. Архангельск и ленд-лиз: городской Совет в годы войны. Архангельск, 2011; Балаян Л. Сталин и Хрущев. М., 2003; Болдин В. И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева. М., 1995; Лившин А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России (1917–1932 гг.). М., 2010 и др.

³ Кара-Мурза С. Г. Советский проект и крах СССР URL: http://www.situation.ru/app/j_art_672.htm (дата обращения 26 сентября 2014 г.).

⁴ Кара-Мурза С. Г. Новый советский проект. Тезисы // «Социал-демократ» («ЭСДек»). Интернет-журнал. URL: <http://onfront.narod.ru/NSovPr1.htm> (дата обращения 26 сентября 2014 г.).

⁵ Ленин В. И. Очередные задачи советской власти. URL: <http://www.marxists.org/russkij/lenin/works/36-2.htm> (дата обращения 10 октября 2014 г.).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Программа РСДРП. В кн.: Второй очередной съезд РСДРП. Протоколы. URL: <http://www.agitclub.ru/center/comm/zin/1903project4.htm> (дата обращения 08.12.2014 г.).

⁹ Программа РКП(б). В кн.: VIII съезд Российской Коммунистической Партии (большевиков). Москва, 18–23 марта 1919 года. Стенографический отчет. М., 1919. URL: <http://www.agitclub.ru/center/comm/rkpb/1919progr.htm> (дата обращения 08.12.2014 г.).

¹⁰ *Сосков В. Ф., Райзберг Б. А.* Опыт перспективного стратегического планирования в советский период российской истории URL: http://igpr.ru/articles/soskov_vf_rajzberg_ba_opyt_perspektivnogo_strategicheskogo_planirovaniya_v_sovetskij_period (дата обращения 17.12.2014 г.).

¹¹ Там же.

¹² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 30-31.

¹³ Там же. Т. 40. С. 272.

¹⁴ Там же. С. 134.

¹⁵ Там же. С. 75.

¹⁶ *Никонов В. А.* Российская матрица. М.: «Русское слово», 2014.

¹⁷ Там же. С. 663.

¹⁸ Там же. С. 664.

¹⁹ Там же. С. 677.

²⁰ Там же. С. 664.

²¹ См.: *Тойнби Арнольд Дж.* Исследование истории. Возникновение, рост и распад цивилизаций. М., 2009. Т. 1. С. 494.

²² *Никонов В. А.* Указ. соч. С. 664.

²³ *Сталин И. В.* Соч. М., 1997. Т. 16. С. 15.

²⁴ Народное хозяйство СССР за 1988 год. М., 1989. С. 123.

²⁵ *Дмитренко В. П.* Советская экономическая политика в первый год пролетарской диктатуры. М., 1986. С. 97.

²⁶ См.: *Андреев Е. М.* Население Советского Союза, 1922–1991. Москва, Наука, 1993.

²⁷ *Сталин И. В.* Политический отчет Центрального комитета. XIV съезд ВКП (б). 18-31 декабря 1925 г. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/stalin/7-1.htm> (дата обращения 08.12.2014 г.).

L. I. Semennikova

semennikova@spa.msu.ru

THE MODERN THEORETICAL CONTEXT IN THE STUDY OF SOVIET HISTORY: Field Notes.

Abstract: The article analyzes the idea of the Soviet period on the basis of the current level of historical knowledge. The author argues that on the basis of factory technology in the management and organization of various aspects of social life, the USSR functioned as a huge corporation, controlled from a single center.

Keywords: historical experience, the Soviet period, the lessons of history, factory technology.

РАЗДЕЛ II

РАЗНОВИДНОСТЬ СТОЛИЧНЫХ И ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ПОВРЕМЕННЫХ ИЗДАНИЙ

А. В. Антошин

Феномен либерально-центристской провинциальной прессы в дореволюционной России:

костромская газета «Поволжский вестник» в период избирательной кампании во II Государственную думу

Аннотация: на материалах газеты «Поволжский вестник», выходившей в Костроме в 1906 г., в статье показано сформировавшееся в российской провинции политическое движение за мирное обновление России посредством постепенных преобразований.

Ключевые слова: периодическая печать в провинции, либеральная интеллигенция, Партия мирного обновления, Партия конституционных демократов, Союз 17 октября, выборы в Государственную думу.

Период революции 1905–1907 гг., как известно, стал временем роста политической активности российского общества. Среди наиболее заметных явлений, которые сопутствовали этому процессу, были, в частности, формирование разнообразных политических партий, союзов и т. д., а также возникновение многочисленных газет и журналов. Затронули эти явления и российскую провинцию. Практически в каждом губернском городе стало издаваться несколько газет различной политической ориентации, и почти всегда заметное место среди них занимали либеральные издания. Конечно, это было неслучайным: идеи либеральных партий оказывали существенное влияние на политическое сознание российской провинциальной общественности. Учитель провинциальной гимназии, врач местной больницы, земский служащий с нетерпением ждали, как отреагирует на то или иное событие кадетская пресса. Местному купцу «старой закалки», чиновнику губернских или уездных учреждений обычно ближе были издания октябристской направленности.

Однако далеко не всегда мировоззрение провинциального интеллигента укладывалось

Антошин

Алексей

Валерьевич

Доктор исторических наук, профессор
Кафедра востоковедения
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина

в жесткие рамки кадетских и октябристских формул. Часть российской общественности начинала осознавать, что в вечной полемике двух крупнейших либеральных партий России не правы и те, и другие. Либеральному интеллигенту претил политический сервилизм многих октябристов, их стремление одобрять даже весьма недемократичные мероприятия правительства. Одновременно такой человек не мог принять и готовности кадетов блокироваться с левыми радикалами для достижения своих политических целей.

Именно общественные деятели этого типа и примкнули в итоге к Партии мирного обновления (ПМО). Как известно, осенью 1906 г. ее создали известные российские политики – граф П. А. Гейден, Д. Н. Шипов (бывшие левые октябристы), Н. Н. Львов (в прошлом правый кадет). Именно их политическая деятельность, история столичной организации ПМО чаще всего и привлекает внимание исследователей¹. Гораздо меньше известно о провинциальных организациях мирнообновленцев. Между тем, как свидетельствуют источники, идеи графа П. А. Гейдена и его соратников нашли отклик и у некоторой части либеральной общественности вне Петербурга и Москвы. Известно, что осенью 1906 г. отделы ПМО возникли в 12 городах (Астрахань, Ярославль, Киев, Одесса, Смоленск, Екатеринбург и др.). Одна из таких групп, возникшая в Костроме, объединилась вокруг газеты «Поволжский вестник».

В ноябре 1906 г. в Костроме состоялось собрание местной интеллигенции, сочувствовавшей идеям программных документов незадолго до этого возникшей в столице ПМО. На собрании был избран губернский комитет партии. Наиболее заметную роль в нем играли известный местный общественный деятель В. С. Соколов и редактор-издатель «Поволжского вестника» И. В. Брюханов. Кроме них, в комитет вошли П. М. Морганов, Л. П. Скворцов, К. В. Дримпельман, В. А. Шевалдышев².

Именно на страницах «Поволжского вестника» костромские мирнообновленцы и пытались вести пропаганду своих идей. Наиболее активным публицистом газеты был В. С. Соколов, в период избирательной кампании во II Думу регулярно выступавший в газете со статьями на различные политические темы. Он стремился к тому, чтобы убедить местную либеральную общественность: и кадетская, и октябристская программы страдают существенными изъянами, которые могут привести Россию на опасный путь.

Так, в частности, В. С. Соколов подчеркивал: непродуктивна октябристская поддержка практически любых мероприятий правительства. «Всякая добросовестная и благожелательная критика не преступление, а желательное и необходимое явление в благоустроенном обществе и во всяком правовом государстве», – указывал он. В. С. Соколов задавал риторические вопросы: «Разве наша история и наша настоящая действительность дает право правительству претендовать на безукоризненное управление страной и требовать к нему молчаливого отношения обывателей? Разве при настоящем положении вещей критика действий правительства есть ни что иное, как крамола?». Нет, подчерки-

вал костромской либерал, критическое отношение к правительству – это не только право, но даже «обязанность» каждого гражданина³. Заметим, что бороться против октябристов в Костроме, как и во всей России, было не слишком просто. Среди лидеров «Союза 17 октября» были представители местной политической элиты, в частности, городской голова Костромы Г. Н. Бортников⁴.

Сказанное выше, впрочем, не означало, что ПМО является сторонницей «оппозиции ради оппозиции». Просто, полагал В. С. Соколов, беспристрастный анализ ситуации в стране убеждал: правительство вело Россию по неверному пути. Репрессии не способствовали пресловутому «успокоению», а только загоняли антиправительственные настроения в глубокое «подполье», принося исключительно временный эффект. Ни правительство, ни православная церковь не пользовались доверием значительной части общественности. Отсутствие моральных авторитетов вело к размыванию и самих морально-нравственных норм в российском обществе. Это было началом гибели России, подчеркивал костромской либерал.

Единственный якорь, на котором еще держалась российская государственность в начале XX в., отмечал В. С. Соколов, было монархическое начало. Однако политика правительства, по его мнению, подрывала и нравственный авторитет монархии. Для самого же костромского либерала, как и для его товарищей по ПМО, было очевидно: только конституционная монархия могла быть эффективна в условиях России начала XX в.

Такое четкое отстаивание монархического идеала отличало мирнообновленцев от кадетской партии, для которой вопрос о форме правления не носил принципиального характера (хотя на 2-м Всероссийском съезде партии кадеты, как известно, высказались за парламентскую монархию, но сделали это по соображениям политической целесообразности). Не устраивал публицистов «Поволжского вестника» и радикализм тактики кадетов, которые действовали «штурмом», «по-суворовски». С точки зрения В. С. Соколова, кадеты были типичными представителями русской радикальной интеллигенции, стремившимися разрушить «до основания» «старый порядок». Костромской либерал полагал, что действовать надо было совершенно иначе: «Отживающий свой век строй падет под ударами только духовной, а не материальной силы». Авантюристическими, по мнению В. С. Соколова, были и те обещания, которые раздавала кадетская партия избирателям. «Поволжский вестник» полагал, что нельзя было обещать населению «быстрым ударом превратить старый порядок в правовое государство»⁵.

Именно поэтому костромские мирнообновленцы весьма критически относились к опыту работы I Государственной думы. По их мнению, именно крайний авантюризм, нежелание учитывать реальную ситуацию в стране и привели к краху первый русский парламент. Готовясь к выборам во II Думу, «Поволжский вестник» с недоумением и иронией задавал риторический вопрос: «Неужели опять полное пренебрежение к «синице в руках» ради «жу-

равля в небе», к текущим делам, к святым кровным интересам народа, которому и обещают сделать все, все и даже больше, чем все, но только тогда, когда перестанут нам, паинькам, мешать вот эти «дяди-бьяки»... И костромская газета решительно заявляла: «Нет, нет, довольно. Не может быть и не должно быть такой Думы... Эта Дума пойдет путем не революции, а эволюции»⁶.

Поэтому неудивительно, что мирнообновленцы Костромы весьма негативно восприняли знаменитое Выборгское воззвание. По их мнению, именно этот документ наиболее ярко выразил весь радикализм и авантюризм большинства I Думы. Как указывал В. С. Соколов, на практике Выборгское воззвание оказалось направленным не против «реакции», а против Освободительного движения: оно «сильно повредило делу свободы и оно в значительной степени поколебало идею народного представительства». Мирнообновленцы полагали, что дальнейший «штурм самодержавия» мог способствовать лишь еще большей дискредитации идей русского либерализма. Необходимо было действовать в жестких конституционных рамках. Подлинное обновление России не могло быть результатом одномоментного политического акта: для этого была необходима «упорная, обдуманная и назидательная работа»⁷. Государственная дума, подчеркивал В. С. Соколов, – это «не военный лагерь, готовый во всякую минуту ринуться в атаку на противника». Именно такое понимание функций парламента, разделяемое русской радикальной интеллигенцией, нанесло огромный вред делу обновления страны. Для костромских мирнообновленцев Дума была «лабораторией»⁸, где на основе «научного анализа» ситуации в России должны были вырабатываться конкретные меры, способствующие улучшению жизни людей.

Отметим неслучайность того факта, что «Поволжский вестник» уделял достаточно большое внимание контрпропаганде идей кадетов. Позиции радикального крыла русского либерализма в Костроме и окрестностях были весьма сильны. Уже к концу февраля 1906 г. в губернии возникло 11 уездных организаций кадетской партии. Местный корреспондент петербургского партийного официоза – знаменитой «Речи» создавал впечатляющую картину расцвета костромских кадетских групп: «В деревни ораторов крестьяне привозят на своих лошадях. Есть деревни, которые прямо называют кадетов «нашей партией», в том смысле, что вся деревня целиком принимает программу партии... Агитаторов не хватает»⁹. Власти пытались бороться с влиянием оппозиции, запрещали собрания кадетов (например, в городе Плес¹⁰), но это не приносило желаемого результата. Зачастую такая политика властей еще больше озлобляла оппозицию, придавая местным кадетам ореол «мучеников». Успеху кадетов в губернии способствовало и то обстоятельство, что Костромскую губернскую партийную организацию возглавляли представители местной «дворянской фронды» и земской либеральной оппозиции, братья П. В. и И. В. Шулепниковы – губернский предводитель дворянства и председатель губернской земской управы.

Как и в стране в целом, в Костромской губернии Партия народной свободы успешно провела избирательную кампанию в I Думу. Кадетами были 7 выборщиков по землевладельческой курии, 16 – по городской, 5 – по крестьянской¹¹.

При этом следует учесть еще одно весьма важное обстоятельство: чрезвычайно радикальные настроения местных кадетов. В Партии народной свободы костромичи занимали крайне левые позиции. Характерно, что на 3-м Всероссийском съезде кадетов весной 1906 г. костромской делегат Дурново призвал к «единению всех оппозиционных сил страны». Он был настроен значительно радикальнее, чем ЦК партии во главе с П. Н. Милюковым: «На местах не забыли пункта об Учредительном собрании как об единственном исходе, а этого пункта партия не выдвигает. Она проигрывает этим в глазах народа», – заявлял костромич. Закончил он свое выступление призывом, под которым готовы были подписаться многие русские революционеры: «Пусть Первая Дума станет Учредительным собранием!»¹². Все это вполне объясняет, почему «Поволжский вестник» вынужден был так активно полемизировать с кадетами: умеренные русские либералы не могли принять радикализма, исповедуемого костромскими кадетами.

Осенью 1906 г. В. С. Соколову и его товарищам удалось сделать Кострому значимым центром деятельности Партии мирного обновления. Внимание к нему проявили и московские лидеры мирнообновленцев. Их статьи с изложением позиции партии по наиболее актуальным проблемам общественной жизни публиковал «Поволжский вестник». Так, например, на страницах костромской газеты вышла статья известного русского философа, князя Е. Н. Трубецкого, выступавшего против попыток кадетов «сбить с толку» население, «расшатать его и без того слабое правовое сознание»¹³. В данном случае князь писал о своих бывших товарищах по партии: ведь он тоже недолгое время был кадетом.

А его брат, другой известный деятель ПМО князь Гр. Н. Трубецкой в декабре 1906 г. лично приехал в Кострому, чтобы принять участие в избирательной кампании местных мирнообновленцев. 15 декабря 1906 г. в зале Дворянского собрания состоялась лекция князя, посвященная ПМО. Очевидно, для провинциальной общественности это мероприятие стало крупным политическим событием. Как сообщал «Поволжский вестник», «публики набралось очень много, так что многие стояли даже на окнах»¹⁴. Председательствовал на собрании В. С. Соколов. Как это было принято в русской предреволюционной политической культуре, лекция князя Гр. Н. Трубецкого довольно естественно превратилась в политический диспут. Отражал этот факт и традиции толерантности, в целом присущие Партии мирного обновления. Мероприятие не ограничилось пропагандой идей ПМО, собравшимся дали возможность выслушать и альтернативные точки зрения. После выступления князя Гр. Н. Трубецкого В. С. Соколов предоставил слово известному кадету врачу З. Г. Френкелю, который защищал политический выбор, сделанный кадетами-перводумцами, подписавшими Выборгское воззвание.

О чем же говорил в своей лекции в Костроме сам князь Гр. Н. Трубецкой? Мы имеем возможность составить об этом определенное представление. Очевидно, именно на основе этой лекции был написан текст статьи князя, опубликованной в предновогоднем номере «Поволжского вестника». Очевидно, этот факт неслучаен: редакция костромской газеты стремилась подчеркнуть важность содержания лекции известного московского либерала. Гр. Н. Трубецкой продолжал борьбу против крайних течений русского либерализма. Он полагал, что основатели «Союза 17 октября» были искренними либералами (ведь среди них были те, кто впоследствии создавал ПМО – граф П. А. Гейден, Д. Н. Шипов и др.), но они не смогли противостоять «реакционным» настроениям значительной части провинциальных октябристов¹⁵. В свою очередь, кадетов погубило не желание порвать с левыми радикалами, которых они рассматривали как союзников в борьбе против правительства.

Иными словами, известный русский либерал подчеркивал главное: его единомышленники должны были оставаться самими собой. Трагедия русского либерализма состояла в неустойчивости позиции его лидеров, представителей русской интеллигенции. Ища союзников, стремясь расширить свою политическую опору, русские либералы оказывались захваченными чуждыми им общественными группами. Исповедуя традиции политической толерантности, они были не способны противостоять тем настроениям, которые объективно заключали в себе прямо противоположные либеральным ценности и идеалы.

Мирнообновленцы пытались выйти из этого «замкнутого круга» русского либерализма. Именно этим был обусловлен их «либеральный центризм», который нашел свое яркое выражение на страницах костромского «Поволжского вестника». Однако достичь успеха им не удалось. Центристские идеи не находили отклик у большинства избирателей, воспитанных в традициях совсем иной политической культуры. Авантюризм и нетерпение были ближе значительной части населения, чем идеи постепенного обновления страны, предлагаемые мирнообновленцами. Долю вины за политическое поражение несло и столичное руководство Партии мирного обновления. Даже те общественные деятели, которые разделяли идеи либерального центризма, признавали: их реализация попала не в самые умелые руки. К сожалению, организаторы ПМО оказались не слишком сильными политиками и политическими технологами. Издававшаяся известным либералом М. М. Федоровым петербургская газета «Слово» с огорчением указывала: «Вожди ПМО имели достаточно ума, чтобы понять, что нужно, но у них не хватило ни мужества, ни таланта, чтобы осуществить то, что они поняли. И они прозевали необыкновенно благоприятный момент. Прежде всего, ПМО не действовала. Вожди ее боялись огорчить кадетов и занимались политической сентиментальностью в то время, когда надо было работать во всю. Когда же стала приближаться предвыборная кампания, вожди разъехались по свои весьям, забываясь более всего о том, чтобы самим попасть в Думу, а партию бросили на произвол судьбы»¹⁶.

Однако, изучая полосы «Поволжского вестника», понимаешь: и в российской провинции были общественные деятели, которые предлагали альтернативный вариант развития страны – мирное обновление России посредством постепенных преобразований. Вариант, который в конкретных политических условиях России начала XX в. оказался нереализуем.

Примечания

¹ См., напр.: Шевырин В. М. Партия мирного обновления в избирательной кампании во II Государственную думу // Вестник Московского университета. Серия «История». 1972. № 5. С. 33-44.

² См.: Поволжский вестник. Кострома, 1906. 12 ноября.

³ См.: Соколов В. О новой политической партии «мирного обновления» // Поволжский вестник. 1906. 10 ноября.

⁴ См.: Голос Москвы. 1907. 23 января.

⁵ Соколов В. О новой политической партии «мирного обновления» ...

⁶ Поволжский вестник. 1906. 23 ноября.

⁷ Соколов В. К выборам в Государственную думу // Поволжский вестник. 1906. 24 ноября.

⁸ Он же. К выборам в Государственную думу // Поволжский вестник. 1906. 30 ноября.

⁹ См.: Речь. СПб., 1906. 23 февраля.

¹⁰ См.: Жизнь и свобода. М., 1906. 24 февраля.

¹¹ См.: Томсинский С. Г. Борьба классов и партий в 1-й Государственной думе. Краснодар, 1924. С. 100.

¹² Право. СПб., 1906. № 18.

¹³ См.: Трубецкой Е., кн. Еще о мирном обновлении и Партии народной свободы // Поволжский вестник. 1906. 14 ноября.

¹⁴ См.: Поволжский вестник. 1906. 17 декабря.

¹⁵ См.: Трубецкой Гр. Н., кн. Как сложилась Партия «мирного обновления» и какие задачи она преследует // Поволжский вестник. 1906. 30 декабря.

¹⁶ См.: Слово. СПб., 1907. 7 января.

A. V. Antoshin

alex_antoshin@mail.ru

Phenomenon of liberal-centrist provincial press in pre-revolutionary Russia: newspaper "Povoljsky vestnik" (Kostroma) in the period of electoral campaign to the Second State Dume

Abstract: The article is devoted to the history of liberal press in pre-revolutionary Russia. At the center of author's attention – newspaper "Povoljsky vestnik" which was published in Kostroma. Political position of this edition was close to the Party of peaceful renovation appeared in 1906 (summer-autumn). The author shows relation of provincial press to governmental policy and to tactics of main liberal parties – kadets and octobrists. The article analyses content of materials written by leading journalists of "Povoljsky vestnik", especially V. S. Sokolov.

Key words: Russian liberalism, provincial press, Second State Dume, Party of peaceful renovation.

Е. В. Козин, М. В. Каиль
Провинциальная печать
первой четверти XX в.
как источник по «университетской теме»*

*Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-01-00322а

Аннотация: *в статье на основе материалов региональных периодических изданий рассказывается о создании первого советского университета в Смоленске, раскрываются мотивы инициативных действий по его созданию и дальнейшему функционированию в 1920-е гг.*

Ключевые слова: материалы периодической печати в провинции, информационное поле, первые советские университеты, университетское строительство.

Начало XX в. стало порой глубокой модернизации российского общества, затронувшей в разной степени все сферы его жизни, в том числе и сферу профессионального и высшего образования. В дореволюционный период в ней не были реализованы сколько-либо значительные реформы, изменявшие параметры самой системы и социальные практики ею формируемые. Тем более глубокими стали изменения, принесенные новым политическим и социальным строем, сложившимся с приходом к власти партии большевиков.

Идеи реформирования высшей школы, институтов которой была фактически лишена дореволюционная российская провинция, широко обсуждались в провинциальном обществе наиболее деятельными его слоями. Основные материалы подобных порою весьма обстоятельных и многолетних дискуссий публиковались на страницах провинциальной печати, благодаря чему ныне региональные периодические издания могут служить

Козин
Евгений
Владимирович
Доктор исторических
наук, профессор
Кафедра истории России
Ректор Смоленского
государственного
университета

Каиль
Максим
Владимирович
Кандидат исторических
наук, доцент
Кафедра истории России
Смоленский государственный университет

источником по «университетской теме» ценнейшим и наиболее информативно ёмким как в дореволюционной России, так и в постреволюционный, советский период. Именно на страницах печати получали отражение все инициативы нового советского строя, подробно освещались и проекты основания университетов в провинции. Эти материалы существенно дополняют документальные свидетельства по теме, отложившиеся в фондах Народного комиссариата просвещения (НКП) Государственного архива Российской Федерации, фондах отдельных учебных заведений и органов местной исполнительной власти, сохранившихся в региональных архивах¹. В данной статье содержится попытка проблематизировать информационный потенциал источников периодической печати отдельного российского региона – Смоленской губернии, проанализировав массив сообщений региональной периодической печати о возможности открытия в регионе университета в дореволюционную пору и практическом решении этого вопроса в раннесоветский период.

Перечень анализируемых изданий сравнительно невелик и включает дореволюционный «Смоленский вестник», советские «Известия исполнительного комитета советов Западной области» («Известия»), «Западная коммуна», Смоленский выпуск «Рабочего пути» (с 1921 г.), аналитическое издание «Экономическая жизнь».

До 1917 г. в империи действовало всего 11 университетов, 65 государственных вузов и около 60 частных «курсов» – учебных заведений, дающих высшее образование. В Смоленской губернии университета не было, действовали Отделение Московского Археологического института и учительский институт. В отделении Археологического института обучалось лишь несколько десятков студентов – в силу своей специфики такое образование не могло быть массовым. Учительский институт был открыт 13 октября 1912 г. и появился в результате инициативных действий городского общества: городской управы, думы, видных деятелей просвещения². В институте обучались выпускники гимназий, реальных училищ. Он готовил учителей уездных, городских, высших начальных училищ. Институт действовал на кредиты Министерства народного просвещения и вспомоществования земств и городских дум губернии.

Дискуссия об основании университета в Смоленске восходит к началу 1910-х гг. и разгорелась особенно живо после 1914 г. в связи с военными событиями и планами эвакуации в город одного из имперских университетов – Юрьевского. В результате германской интервенции, сопровождавшейся изгнанием русской профессуры и студентов, остро встал вопрос о переводе университета в Россию: профессура там оказалась «на чмодалах». Русофобия в Эстонии определила необходимость переезда и для большинства студентов. Как находящийся в условиях новой государственной границы, на самом западе, Смоленск стал претендовать на право принять университет. Уез-

жающая из Тарту корпорация имела возможность для перевозки библиотечных фондов и лабораторий, создать которые на новом месте было почти невозможно. В результате продолжавшихся несколько месяцев переговоров университет оказался в Воронеже. «Убедившись, что Юрьевский университет... не может быть в Западной области... часть населения совсем разочаровалась; другая же часть обращает свои взоры на местные учительские институты с надеждой на то, что они нынче будут преобразованы в высшие педагогические институты; третья применительно к городу Смоленску верит в возможность создания рабочего техникума»³.

В условиях утверждения власти большевиков и начала реализации масштабной программы преобразований во всех сферах общественной жизни в повестке дня провинциального общества снова встал «университетский вопрос». Региональная печать, чутко следившая за новейшими веяниями времени, в агитационных целях подробно освещала одну из первых советских строек – создание университета в Смоленске. Печать сохранила свидетельства об инициаторах создания университета и творцах этого проекта, предлагаемых моделях организации образовательного центра, организационной стороне вопроса. Одним словом, материалы периодики дают наиболее полную и подробную информацию о создании университета в Смоленске.

Нельзя не отметить базовую тенденцию, ярко проявившуюся в период обсуждения вопроса об университете в Смоленске. Стремление к обновлению образовательной системы на основе отказа от услуг старой профессуры и прежней системы организации обучения составляло характерную черту развития образовательной системы в годы Гражданской войны⁴. В полной мере она реализовалась в случае Смоленского университета.

Печать освещает круг целей, которые преследовали выступавшие в 1918 г. с инициативой создания университета. Один из инициаторов, Н. И. Кибовский, чиновник губернского «внешкольного подотдела» Западной области, так характеризовал ситуацию: «Стремление населения иметь у себя высшую школу вообще давно проявляется в различных формах. До революции пытались в этом направлении сделать все, что только можно. Нельзя было создать университет, открывали учительские институты и отделения Московского археологического института, но параллельно с этим зондировали почву для открытия университета где-либо в Западной области»⁵. На начальном этапе обсуждений, начавшихся в августе 1918 г., вопрос находился в попечении «временно заведующего» подотделом Н. И. Кибовского. Внешкольным подотделом летом 1918 г. в Смоленске были организованы двухмесячные инструкторские курсы по внешкольному (т. е. профессиональному) образованию, для чтения лекций на которых в город приезжали профессора и лекторы из Петрограда и Москвы. Специалисты областного отдела народного образования контактиро-

вали с приезжающими «относительно привлечения наиболее популярных лекторов из центров и работы в открываемом университете»⁶.

Изначально предполагалось, что все существующие в области учреждения, дающие профессиональное образование, войдут на правах факультетов в организуемый университет. На эпохальном заседании внешкольному подотделу отдела народного образования Западной области было дано поручение «принять все меры к осуществлению с текущего учебного года трех ступеней Пролетарского университета»⁷.

К 30 августа (в этот день состоялось первое заседание организационной группы и была сформирована Комиссия по организации университета) возникла амбициозная идея устройства одновременно и Пролетарского и государственного университетов, разведя при этом предметы их ведения⁸. В ее состав вошли представители отдела народного образования, Пролеткульта, Смоленского союза учителей-интернационалистов, местного лекторского бюро, – всего более 20 человек. Затем последовал этап «разброда и шатания». Члены комиссии не слишком расторопно искали пути организации вуза, а их инертность остро критиковалась на страницах местной печати. Встал даже вопрос об изменении состава комиссии и удалении из нее «буржуазных генералов и офицеров от науки»⁹. 9 октября состоялось определяющее заседание комиссии по созданию университета. Комиссия выступила с предложением о создании Пролетарского университета, но непосредственно на заседании «одержал верх доклад о государственном университете».

Далее события развивались стремительно. 31 октября 1918 г. в связи с приездом из Москвы А. П. Чаплина состоялось экстренное заседание комиссии. Чаплин сообщил, что от имени комиссии общался с советом Социалистической академии и обратился в Совет народного образования (Наркомпрос). 28 октября он присутствовал на коллегии НКП, где ему сообщили о необходимости финансовых обязательств местных органов управления (не менее 30 % сметы): для получения гарантий исполкома Чаплин и прибыл в Смоленск. В Москве в это время над сметой трудился профессор М. А. Рейснер. Получив гарантии, А. П. Чаплин отбывал в Москву в надежде положительного решения НКП к 7 ноября. Тогда же было решено на первых порах разместить университет в здании Марининской гимназии, а также организовать сбор средств на университет «через областной совет профессиональных союзов»¹⁰.

31 октября 1918 г. облисполком выдал М. А. Рейснеру удостоверение о его назначении «ректором Смоленского государственного университета памяти Октябрьской революции с возложением на него работ по организации названного университета»¹¹. Вечером 7 ноября 1918 г. в зале Смоленского горсовета в торжественной обстановке состоялось открытие «Государственного университета Западной Коммуны в память Октябрьской революции»¹².

Университет был открыт в составе всего одного факультета – социальных (общественных) наук (ФОН). Поздравляя университет с открытием, редакция «Экономической жизни» отмечала: «В наш переходный момент от старых норм народной экономики к новым, именно социальным наукам и их правильному применению в деле коренного переустройства хозяйственного бытия Революционной России принадлежит великая роль»¹³. Надо полагать, что «односложная» структура университета была связана как с отсутствием физической возможности для немедленного открытия медфака (необходимость которого обсуждалась), с одной стороны, так и сознательной реализацией романтизированного плана открытия пролетарского университета с другой.

С первых дней своей истории университет столкнулся с ощутимыми сложностями, круг которых также подробно характеризовался в материалах печати. «Западная Коммуна» в конце ноября 1918 г. сообщала о «нарушении нормальных сообщений с Москвой – чтение лекций в университете пока что прервалось за неприездом профессоров»¹⁴. На этом фоне характеризовалась интенсивность в организации учебного процесса: «Облискомзапом отпускается на университет полмиллиона рублей, 200 тысяч уже отпущено... Дом епархиального училища быстро ремонтируется и к 1919 году будет, вероятно, готов для перехода университета. Для удобства профессоров им предоставляется отдельное купе 2-го класса в поездах, курсирующих между Москвой и Смоленском... Число слушателей уже превысило 600. Состав самый разнообразный, от лиц с полученным в высшей школе образованием до учащихся и простых рабочих, от почтальона или чернорабочего до инженера. Много лиц канцелярского труда и советских сотрудников»¹⁵.

В ответ на громко звучащее и классово обостренное требование об открытии отдельного рабочего факультета, при поступлении на который рабочий класс имел бы особые преференции, таковой был открыт осенью 1919 г. Смоленский рабфак был третьим в стране (два первых в Москве). К лету 1922 г. их число достигло уже 70¹⁶.

Курс обучения на смоленском рабфаке в наборе 1919 г. был рассчитан на два года, затем увеличен до двух с половиной лет, а после реорганизации факультетов в 1921 г. составил три года¹⁷. В штате преподавателей был 51 человек, из них 5 профессоров. В первые два года слушатели зачислялись по командировкам от профессиональных и партийных организаций. К 1921 г. на факультете обучалось 437 студентов (196 мужчин и 241 женщина), среди них преобладали рабочие – 136 и земледельцы – 163. Партийных студентов было 89 человек. До 1921/22 учебного года факультет принимал слушателей из всех губерний Западного региона России и Белоруссии; затем факультет был открыт лишь для уроженцев Смоленской, Витебской и Брянской областей¹⁸.

В 1921 г. рабфак принял 365 новых студентов (238 мужчин, 127 женщин), большинство из которых, почти 59 %, направили губернские профсоюзы. Программа факультета включала три отделения: биологическое, техническое и общественное; набор изучаемых предметов был шире школьного, от математики, естествознания, русского языка и литературы до механики трудовых процессов, гигиены, политэкономии, курса Конституции РСФСР¹⁹.

Следующим в структуре университета в 1920 г. был открыт медицинский факультет. Уже за первые два года работы он сумел стать крупным и хорошо оснащенным центром подготовки медицинских кадров, имея поддержку Губздрава, Губисполкома и Губпрофсовета и принимая студентов Брянской, Витебской, Гомельской, Могилевской, Орловской губерний. Для получения разрешения на открытие факультета потребовалось добиваться решения Высшего медицинского совета, а затем через посредничество замнаркома просвещения М. Н. Покровского и Государственного Ученого совета (ГУС). Первым деканом медфака стал профессор Б. Л. Пацевич. К 1922 г. на факультете работали кафедры: нормальной анатомии, гистологии, неорганической химии, физики, зоологии, ботаники, минералогии, органической и биологической химии, фармации, физиологии и неврологии; для организации третьего курса готовили открытие кафедр бактериологии, общей патологии, фармакологии с токсикологией, общей хирургии, нервных болезней и психиатрии, социальной гигиены, урологии. На двух курсах обучалось 439 человек, из которых 133 назвались крестьянами, 116 – «мещанами», 172 – «гражданами» и 16 – из духовного звания²⁰.

В январе 1922 г. в Смоленском университете открылся педагогический факультет, образованный из Смоленского пединститута, возникшего в 1918 г. после повышения статуса учительского института (учрежденного в 1912 г. по настоянию и с попечением Смолгордумы). На момент слияния с университетом пединститут имел три факультета – физико-математический, естественно-географический и словесно-исторический. Они вошли в состав вновь образованного факультета на правах отделений без изменения структуры. В 1922 г. Главпрофобр принял новые учебные планы для педвузов, предполагавшие поточное обучение первокурсников, которые разделялись по отделениям только со второго курса. Педфак получил 16 оборудованных кабинетов пединститута и Показательную школу второй ступени, являвшуюся базой для практики, необходимой в педобразовании. Штат факультета от декана до низших служащих включал 73 человека; обучалось на факультете 434 слушателя, на 71 % происходящих из крестьян. Возглавил факультет профессор Б. В. Базилевский²¹.

В первые годы своей истории университет сталкивался с мощными вызовами, ответы на которые определяли дальнейшее его существование. Природа их была банальной – финансовой. Все годы центр и губерния препирались, определяя доли в солидарно-субсидиарной модели финансирования университета и приоритетные направления подготовки, в которые готовы были вкладывать средства.

Были трудности и нефинансовой природы. Так, начиная с 1919 г., активно муссировался вопрос о слиянии (присоединении Смоленского университета) с Минским университетом. Смоленск посещала делегация во главе с заведующим Главпрофобра профессором Волгиным. В ноябре 1921 г. начала набирать обороты кампания по реорганизации всей системы профобразования региона: находящийся преимущественно на местном бюджете Политехнический институт подлежал частичному закрытию (сохраняемые факультеты передавались университету). Встал вопрос о приоритетах: сохранить ли базовый медицинский факультет в университете или, пожертвовав им, развивать технический.

Успешно пройдя трудный период становления, пришедшийся на годы Гражданской войны, Смоленский университет в 1922–1923 гг. оказался заложником в решении проблем бюджетного обеспечения. Аккумулировав солидную материальную базу (64 аудитории, 3 медицинских клиники, 2 института, научную библиотеку на 150 тыс. томов), университет, «достигший в самую трудную эпоху жизни советской России изумительных результатов», надеялся на помощь администрации Западного края²². К чести руководителей региона необходимо отметить: университет всегда получал необходимую поддержку. Двадцатые годы он выстоял, его финансирование постепенно было налажено. В 1930 г. НКП РСФСР предпринял новую реформу – университет был разделен на два вуза – педагогический и медицинский и продолжил свое развитие в новых институциональных формах²³.

Какие смыслы и информационные поля в «университетской теме» открывает региональная печать? Насколько ее материалы актуальны и каким образом использовались ранее? Каково место данного источника в освещении проблемы становления первых советских университетов?

Как показало case-study по истории Смоленского университета, информационный потенциал печати фактически не был использован в исследовательских работах и университетской коммеморативной практике предшествующих десятилетий. Как ни странно, но ни юбилейные, ни научные исследования по истории конкретного университета фактически не использовали данные периодической печати. Руководствовались ли исследователи советского периода расхожим представлением о том, что «Правда» правды не писала – не очевидно. Однако ряд имен отцов-основателей университета, конкретных инициатив в его организации

удалось установить только теперь и именно при обращении к материалам периодических изданий.

Вероятно, причина не востребоваемости периодики в советских условиях была связана с невозможностью критического отношения к материалам официальной печати. Теперь же, в современной историографической ситуации, эти материалы, критически осмысленные, имеют значительный информационный потенциал и как на фактическом, так и на аналитическом уровне обогащают работы по университетской проблематике. Частное исследование истории Смоленского университета позволяет предположить, что проблематизация материалов советской печати в исследованиях по истории образования только начинается: открытие, научная публикация этих материалов позволит получить данные, существенно уточняющие и дополняющие уже введенные в научный оборот.

Информационные поля, затрагиваемые и характеризуемые материалами региональных периодических изданий многообразны. Периодика дает ценные сведения о персональной истории, открывая имена создателей первых советских университетов, а также мотивы и побуждающие основания инициативных действий. Еще один важный информационный пласт – данные о социальном статусе и происхождении инициаторов университетского строительства. Наиболее полно печать отражает институциональный план университетского строительства: действия различных институций и объединений граждан – корпоративные интересы и приоритеты (некоторые из них реконструируются контекстуально).

В целом провинциальная печать предстает в качестве самостоятельного информативного источника по истории советских университетов, нуждающегося в дальнейшей разработке и широком применении в исследованиях по университетской проблематике.

Примечания

¹ ГАРФ. Ф. А-2306 (Наркомпрос РСФСР). Оп. 18; Государственный архив Смоленской области. Ф. Р-19 (Отдел народного образования Смоленского губисполкома). Оп. 1-3. (1917–1929 гг.); ГАСО. Ф. Р-139 (Смоленский государственный университет) 1918–1930 гг. Оп. 1-4.

² Историческая записка об открытии и жизни Смоленского Учительского Института за 1912–1913 учебный год (первый год существования). Смоленск, 1916. С. 3, 14–15.

³ Известия исполнительного комитета советов Западной области. 1918. 28 августа. С. 4.

⁴ Красовицкая Т. Ю. Российское образование между реформаторством и революционаризмом. Февраль 1917 – 1920 год. М., 2002. С. 138–145.

⁵ Известия исполнительного комитета советов Западной области. 1918. 28 августа. С. 4.

⁶ Там же. 1918. 25 сентября. С. 4.

-
- ⁷ Там же. 1918. 28 августа. С. 4.
⁸ Там же. 1918. 30 августа. С. 2.
⁹ Там же. 1918. 4 октября. С. 3.
¹⁰ Там же. 1918. 2 ноября. С. 2.
¹¹ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 62. Л. 12.
¹² Известия исполнительного комитета советов Западной области. 1918. 6 ноября. С. 2.
¹³ Экономическая жизнь. 1918. № 6. С. 20.
¹⁴ Западная Коммуна. 1918. 29 ноября. С. 2.
¹⁵ Там же.
¹⁶ *Сережников В. К.* Рабочие факультеты РСФСР // Смоленский государственный университет. Рабочий факультет. 1919–1922 гг. Юбилейный сборник. Смоленск, 1922. С. 3.
¹⁷ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 62. Л. 2.
¹⁸ Бюллетень Смоленского государственного университета имени Октябрьской революции. 1922. № 1. С. 1.
¹⁹ *Сережников В. К.* Рабочие факультеты РСФСР ... С. 4.
²⁰ Бюллетень Смоленского государственного университета ... С. 4.
²¹ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 99. Д. 86. Л. 274.
²² Рабочий путь. 1923. 6 февраля. С. 1.
²³ Бюллетень Народного комиссариата по просвещению РСФСР. 1930. № 14. С. 408.
-

E.V. Kodin, M.V. Kail

Evkodin@yandex.ru; mvkail@mail.ru

Provincial press in the first quarter of twentieth century as a source for studying of the "university subject".

Abstract: The article describes the creation of the first Soviet university in Smolensk on the basis of studying of regional periodicals, it reveals the motives of its establishment and further operation in 1920-s.

Keywords: materials of periodicals in the province, the information field, the first Soviet universities, university construction.

П. Н. Базанов, Е. В. Петров, К. Эконен**Книжное и издательское дело
русского зарубежья в Выборге в 1920–1930 гг.****Базанов****Пётр****Николаевич**

Доктор исторических наук,
профессор
Санкт-петербургский
государственный уни-
верситет культуры и ис-
кусств
Кафедра документове-
дения и информацион-
ной аналитики

Петров**Евгений****Вадимович**

Доктор исторических наук, профессор
Кафедра источниковеде-
ния истории России
Институт истории
Санкт-Петербургский
государственный уни-
верситет

Эконен**Кирсти**

Доктор философии
Университет Турку
Кафедра истории, куль-
туры и искусств
Финляндия

Аннотация: в статье рассматриваются изменения, свойственные развитию русскоязычной прессы в Финляндии в период обретения независимости. Главный акцент делается на истории выборгского книжного и издательского дела в межвоенный период. Пристальное внимание уделяется качественным и количественным характеристикам эмигрантских изданий. Историческое значение Выборгского газетно-издательского дела рассматривается на примере публикаций общественно-политической направленности «Журнала Содружества» и журнала «Клич». Приведённые материалы свидетельствуют о положении и быте русской диаспоры в Финляндии, эволюции её общественных и политических настроений.

Ключевые слова: газетно-издательское дело русского зарубежья, русскоязычная пресса в Финляндии, периодическая печать г. Выборга, литературно-общественный ежемесячник «Журнал Содружества», журнал «Клич».

В 1920-е годы в финском обществе кардинально возрос спрос на печатную продукцию. Благодаря технологическому обновлению полиграфической индустрии резко увеличилось количество периодических изданий¹. К середине 1930-х годов в стране издавалось свыше 180 газет и журналов на финском, шведском, русском и немецком языках. Среди них на русском языке печаталось не более 20 газет. Большинство из них являлись кратковременными изданиями и быстро прекращали своё существование. По количеству изданий и массовости тиражей Выборг считается после Хельсинки и Турку одним из важнейших центров печатного дела в Финляндии². До войны в городе выходило 6 ежедневных газет и множество изданий,

выпускавшихся ежемесячно. Подавляющее число издавалось на финском и шведском языке. Самой популярной газетой Выборга за всю его истории была газета «Karjala», основанная в 1904 г. Газета «Карьяла» выходила ежедневно тиражом 40000 экз. Она была четвертой по популярности в 1920-е и 1930-е годы после таких газет как «Hufvudstadsbladet» (Столичная газета), «Helsingin Sanomat» (Хельсинские вести), «Uusi Suomi» (Новая Финляндия).

Пресса, ориентированная на интересы русскоязычной части выборгского общества была малочисленной. Большинство русских газет, печатавшихся в Выборге со времён первой русской революции, были кратковременными и издавались, как правило, различными политическими партиями. В 1906–1907 гг. в Финляндии издавалось 8 газет на русском языке. До 1917 г. русскоязычные издания, выходившие на территории Великого княжества Финляндского, регламентировались Петербургским цензурным комитетом³. Первые русские газеты, как правило, доставлялись в Выборг из Санкт-Петербурга. Самым первым русскоязычным изданием являлся статистический ежегодник, точнее «Государственная статистика Финляндии», который публиковался с 1870-х гг.

После обретения независимости в декабре 1917 г. финская печать переживала издательский бум. Выросли тиражи и общее количество изданий. В годы Гражданской войны в русскоязычной прессе наметились существенные изменения. Часть русской интеллигенции была вынуждена покинуть Родину. Для многих путь легальной и нелегальной эмиграции проходил через соседнюю Финляндию, которая стала на недолгое время главным прибежищем беженцев из Петрограда. В этом плане Выборг являлся своеобразным «рубежом» между Советской Россией и западным миром. Граница между Финляндией и Советской Россией носила символическое значение вплоть до 1920-х годов. Леонид Андреев записал в своем дневнике 16 апреля 1918 г.: «...почему я в Финляндии? Конечно, первое тут – тяга к морю. Потом близость к Петербургу, издательствам, театрам, литераторам и прочее практическое»⁴.

Среди наиболее известных представителей российской эмиграции, бежавших от большевиков через Финляндию, можно назвать: экономиста и политолога, академика Петра Бернгардовича Струве; социолога Николая Сергеевича Тимашева; историка религии Антона Владимировича Карташева; историка-востоковеда Сергея Григорьевича Елисеева; литературоведа, этнографа Евгения Александровича Ляцкого; филолога и музыковеда Сергея Константиновича Булич, журналиста, издателя Иосифа Владимировича Гессена; филолога, библиотекаря Бориса Павловича Сельверсвана (Сильверсвана); экономиста, премьер-министра Российской империи Владимира Васильевича Коковцова. Кроме ученых, Финляндия стала первой страной эмиграции для многих деятелей искусства и литературы (писатели: Александр Валентинович Амфитеатров, Александр Иванович Куприн, художники: Николай Константинович Рерих, Борис Дмитриевич Григорьев, Василий Ивано-

вич Шухаев, Иван Альбертович Пуни и др.). Финляндия была хорошо знакомой страной и часто посещаемой, так сказать мягким вариантом эмиграции. Многие воспринимали Финляндию как часть прошлого, в котором все было как до октября 1917 г., где они проводили время на Карельском перешейке, в Иматре или в Хельсинки. Некоторые из них имели собственные дачи, в том числе Леонид Андреев и др.⁵

Русские эмигранты проникали на территорию Финляндии несколькими способами. Первый, с проводником через Карельский перешеек. Здесь надо было незаметно вечером достигнуть границы и ночью перейти ее, чаще всего, в районе реки Сестры. Второй – на лодках местных жителей Карельского перешейка (поселки Лахта, Ольгино, Лисий Нос, Тарховка и город Сестрорецк), реже приплывали рыбаки с финской территории. Гораздо опаснее считалось пересечь Финский залив с южного побережья. Наконец, третий, самый рискованный способ со времён Кронштадтских событий – по льду Финского залива, мимо Кронштадта и фортов⁶.

Формальным признаком, указывающим на перемещение потока русских беженцев, отчасти являлась эмигрантская пресса. Вслед за эмигрантским потоком в Выборг переместился и центр русских издательств и книг. Люди лишались многого, если не сказать всего, но держались за островки книжного мира, где теплился очаг русской культуры. Кратковременность большинства подобных изданий объясняется тем обстоятельством, что Финляндия являлась временным пристанищем на дальнейшем пути эмигрантов в Лондон, Берлин, Париж, Прагу, Нью-Йорк⁷. Русские газеты и журналы выходили во всех центрах русской эмиграции: по разным источникам их насчитывалось с 1919 г. по 1952 г. до 1000 периодических изданий⁸. Всего, по подсчетам библиографов, в данный период в Выборге было издано более 40 русских книг и три серийных продолжающихся издания: два журнала и одна газета.

В истории финского газетного дела (*Suomen sanomalehdistön historia*) изучению русскоязычных эмигрантских изданий не уделяется пристального внимания. Общие статистические данные по количеству русскоязычных газет, издававшихся в Хельсинки и Турку, были приведены в статье Раймо Салокангаса⁹. Данные по Выборгу, к сожалению, не были введены в научный оборот. Отдельные списки русскоязычных газет и журналов ранее упоминались в целом ряде работ финских авторов¹⁰. Полный список русскоязычных изданий, выходивших на территории Финляндии, был приведён в справочнике Бена Хеллмана и Юхана Челлберга «Библиография русской литературы, изданной в Финляндии, 1817–1972»¹¹. Финский литературовед Бен Хеллман также является автором статьи о гельсингфорском издательстве «Библион»¹². Газетно-издательское дело русского зарубежья обстоятельно изучала Юлитта Суомела¹³. В одной из глав её работы, посвященной русскоязычной прессе в Финляндии, детально рассматривались материалы хельсинкских изданий, но без должного внимания осталась выборгская эмигрантская периодика¹⁴.

В России идеи русского зарубежья стали популярны и востребованы после 1985 года. Специалисты начали обстоятельно изучать эмигрантское наследие. В работах московского литературоведа Л. А. Еськиной приводится справочная информация о русских издательствах в Финляндии в энциклопедии «Книга»¹⁵, а во втором томе «Литературной энциклопедии Русского Зарубежья»¹⁶ помещена новая публикация «Русское книгоиздание в Гельсингфорсе в 1918–1939 гг.»¹⁷. Появились интересные материалы, дополняющие указатель Бена Хеллмана и Юхана Челлберга, в котором были также учтены издания объемом более двух страниц. К ним можно отнести труд А. Г. Тимофеева, посвященный Выборгскому «Журналу Содружества»¹⁸. Ему же принадлежит уникальное исследование «О неизвестных брошюрах, изданных в Финляндии»¹⁹, обнаруженное в Ленинградском областном государственном архиве (Выборг), а также «Неучтенная брошюра "Устав общества русская колония в Финляндии" (1918 г.) в архиве Е. А. Ляцкого»²⁰, найденная в Рукописном отделе ИРПИ РАН.

К теме исследования в полной мере относится статья Выборгского краеведа Ю. И. Мошник «Периодическая печать Выборга в 1918–1940 гг.»²¹, где дан обзор финских газет и журналов, а из эмигрантских изданий упоминается «Журнал Содружества». Следует сказать, что впервые о данном журнале в современной историографии было упомянуто в статье финского специалиста Кирсти Эконен²². В ней рассматривалось значение Выборгского журнала и степень его влияния на читательскую аудиторию внутри страны и за её пределами. Изучением репертуара Выборгских эмигрантских изданий занимался петербургский исследователь П. Н. Базанов, который в своих трудах затронул судьбу журнала «Клич» и его издателя С. Ц. Добровольского²³. Работы финских и российских коллег позволяют сопоставить многие данные и переосмыслить феномен Выборгского книжного и издательского дела русских компатриотов, а самое главное – говорить о Выборге как одной из столиц русского литературного зарубежья.

Большая часть русскоязычного населения Финляндии исповедовала православие, но были и лютеране, католики, методисты и свободоцерковники²⁴. Примечательно, что по тематике и репертуару ведущие позиции в издательском деле занимали религиозные книги протестантского характера (13 названий). На втором месте находилась православная литература (10 названий). Можно упомянуть еще пару брошюр без принадлежности к той или иной конфессии. Таким образом, абсолютное большинство публикуемой в Выборге литературы в межвоенный период числилось за изданиями религиозной тематики. Миссионерская литература печаталась для эмигрантов по заказу местных конфессиональных приходов. Вторыми по тематике и репертуару, изданными в Выборге книгами числятся брошюры общественно-политического характера. Многочисленные эмигрантские организации испытывали потребность в опубликовании уставов и отчетов о деятельности²⁵.

И только к заключительной группе можно отнести, издаваемую в Выборге художественную литературу на русском языке.

В межвоенный период в Выборге существовали книжные магазины и киоски, торговавшие русской книгой и периодикой. Можно выделить книжный магазин А. А. Иванкова при русской библиотеке, существовавший с 1921 по 1938 гг. Книжный магазин распространял парижские журналы «Звено», «Иллюстрированная Россия», газету «Возрождение» и выборгские «Журнал Содружества» и «Клич». Книжный магазин «Paperi-Aitta» (Владелец V. Suikkanen) торговал «Иллюстрированной Россией» и «Журналом Содружества» в 1929–1936 гг. В 1930-е гг. предприятие «Rautatiekirjakauppa Oy» («Железнодорожник», при одноименном периодическом издании) на выборгском вокзале продавало «Журнал Содружества», «Клич» и газету «Возрождение». Председатель Русского Красного Креста в Финляндии Василий Константинович Самсонов (1879–1953 гг.) распространял парижские журналы «Звено» в 1938 г.²⁶ Историк В. Ю. Черняев отмечает дефицит русской книги и периодики на Карельском перешейке: «Вскладчину выписывали и по очереди читали газеты и журналы русского зарубежья»²⁷.

Особенностью печатного дела русского зарубежья в Выборге является большое количество протестантских изданий. Не следует при этом забывать, что еще до революции русскоязычные жители Великого княжества Финляндского активно пропагандировали протестантские ценности среди населения Российской империи (например, бароны Николаи). Некоторые беженцы из России переходили в протестантизм в надежде на духовную и материальную помощь местной общины. В 1920–1921 гг. в Выборге издавалась газета «Христианский поборник: русский орган методистско-епископальной церкви». В ней печатались статьи на русском и английском языках, издателем газеты был Г. А. Саймонс, а редактором Я. Сальми. Следует упомянуть переводную литературу. Известные издания проповедей Джона Весли (Уэсли) (1703–1791 гг.) – английского проповедника и основателя методизма: «Путь к Царству Божию» (15 с.), «Первые плоды духа» (17 с.) и «Дух рабства и дух усыновления» (17 с.). Печатались богослужебные, догматические, организационные и проповеднические издания: «Богослужение и литургия методистско-епископальной церкви» (10 с.), «Догматическая сторона методизма» (30 с.), «Методизм и мировая миссия» (20 с.), «Слово к маловерам: Иоанн 14,1.» (8 с.), речь П. Г. Юнкер «Что представляется мне особенно ценным в методизме» (12 с.), и «Устав Юношеского союза Лиги Эпуорта» (7 с.). Все эти брошюры были напечатаны в выборгской типографии «Экстра Финлянд».

Методисты города Выборга собирались в одном здании на улице Торккели, правда, финский и шведско-русский приходы в нём были разделены. Протестантские и баптистские брошюры выходили в Выборге и позднее. В 1924 г. была издана иллюстрированная книга «Евангелие божественной справедливости» (164 с.). В 1927 г. напечатана в выборгской типографии «Itä-

Suomen kirjain» («Восточно-финляндская типография») брошюра И. Свенссона «Вечерня Господня» (48 с.). К подобным изданиям, можно причислить и брошюру «Братство благовествования о втором грядущем втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа» вышедшую в 1935 г. Следует упомянуть «Пояснение святых пророческих изречений о грядущем втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа» (16 с.). Ее распространителем был Николай Егоров, а напечатало акционерное общество «Выборгская книга и типография» («Viipurin kirja ja kivipaino Oy») В 1928 г. в Выборге вышла брошюра «Устав и вероучение христовой евангельской апостольской церкви в Тюрисеви, Финляндии» (14 с.) в «Восточно-финляндской типографии».

Центром издания православной книги в Финляндии был город Сортавала – ближайший порт к Валаамскому монастырю. Оторванность от Родины заставляла эмигрантов сплотиться в многочисленные духовные и культурные объединения, которые часто ориентировались на православную церковь. В этом плане не удивителен выпуск в Выборге в 1919 г. «Устава Культурно-просветительного общества при Выборгском православном приходе» (15 с.), типография «Карелия» и на следующий год опубликовавшей воззвание «Комитетам Красного Креста всех стран: о помощи Петрограду» (29 с.), типография «Цилиакус». В 1921 г. в Выборге был опубликован манифест «К свободной Карелии!» (24 с.), точнее его перевод с финского под коллективным псевдонимом «Карьялайнен», с подзаголовком «содержание гарантированной Карелии автономии». Авторами памфлета были Херман Стенберг и Отто Комонен. Напечатана брошюра была в типографии «Ильмаринен».

В 1922 г. средняя школа выборгского православного прихода выпустила «Денежный отчет» (4 с.) за текущий год. В 1924 г. предприниматель А. Минкович напечатал «Акафист преподобному и богоносному отцу нашему Арсению, Коневскому, чудотворцу» (30 с.). В Выборге в 1927 г. был опубликован «Устав Частной православной общины в Выборге» (22 с.) в «Акциденской типографии». Выборгский православный приход с 1932 по 1938 гг. более 6-ти раз публиковал отчет для прихожан. Все они были напечатаны в акционерном обществе «Выборгская книга и типография».

В 1934 г. с целью популяризации текстов Библии составил и напечатал во «Временной типографии» поэт и духовный писатель и православный богослов Петр Матвеевич Чижов (1892–1971 гг.) «Слово жизни, истины и мира: утешительные и спасительные слова Св. Писания» (20 с.). В рекламной заметке, напечатанной в «Журнале Содружества», указывалось, что 10% стоимости отчисляются в пользу безработных и нуждающихся²⁸. Таким образом, можно сказать, что среди всей религиозной литературы, напечатанной в Выборге, как правило, превалировали брошюры над книгами. Их тиражи, по аналогии с другими странами Русского Зарубежья, были минимальными и почти не известны исследователям.

Среди немногочисленных изданий общественно-политического характера следует упомянуть знаменитый памфлет Леонида Андреева (1871–1919 гг.) «S.O.S» (18 с. с рисунком Н. Рериха). Одно из трех изданий 1919 г. вышло в Выборге в типографии «Карелия» («Karjalan Kirjaino Oy»). На четвертой странице обложки этого издания содержится следующая информация: «Сбор от продажи поступает в распоряжение Скандинавского общества помощи Российскому воину». Секретарем общества был художник Н. К. Рерих, под его руководством собрали и передали генералу Н. Н. Юденичу 15000 финских марок²⁹. В Выборге в типографии «Карелия» публиковалась брошюра «Аграрный вопрос в России, 1919» (8 с.). Ее автор, Николай Николаевич Зворыкин (1853–1939 гг.), известный социолог, экономист. В 1922 г. Н. Н. Зворыкина выслали в эмиграцию. В Париже он основал известный кружок «К познанию России». В 1919 г. в Выборге во «Временной типографии» («Tilapäistöiden kirjaino») от имени «ревнителей Святой Руси» вышла агитационная брошюра, посвящённая «Русской женщине».

Благодаря активности компатриотов, Выборг в 1930 гг. постепенно превращается в один из центров русского эмигрантского слова. В 1933 г. в городе начал выходить литературно-общественный ежемесячник «Журнал Содружества»³⁰. «Журнал Содружества» (Выборг, 1933–1938 гг.) печатался тиражом 155–255 экземпляров³¹. Издание славилось обилием представительств на Карельском перешейке и разветвлённой системой распространения не только в Финляндии, но и за её пределами: в Латвии, во Франции и в Эстонии. Редакция подчеркивала, что «Журнал Содружества» – «вне всякой политики, группирует вокруг себя русских людей, не желающих забыть родной язык и родную русскую культуру, забыть, что они русские».

Выборгский журнал изначально ставил скромные задачи: «...поддерживать и защищать русскую школу». Учредителем нового журнала стало Содружество бывших учащихся Выборгского Русского реального лицея. Ответственным редактором его стал инженер-механик Ф. В. Уперов, затем – его брат Игорь Уперов. Их отца, полковника В. В. Уперова, знали в Выборге как одного из самых активных и уважаемых общественных деятелей. Сама идея создания журнала принадлежала именно ему. Сотрудниками журнала в своё время были архитектор А. Ф. Аленин, профессор П. В. Акимов, профессор А. Д. Руднев, директор лицея В. И. Рейхерт, педагог И. М. Карпинский, ученый-лесовод А. В. Сапожников, художник С. С. Добровольский. Среди русских литераторов, живших в Финляндии и печатавшихся в «Журнале Содружества», одним из наиболее одаренных участников была Вера Сергеевна Булич. Оригинальный и самобытный поэт, Булич постоянно выступала на страницах выборгского ежемесячника. С начала 1930-х годов она работала в Славянском отделе библиотеки Хельсинкского университета. Булич являлась также сотрудником библиотеки «Института культурных связей между Финляндией и СССР», основанного

после Второй мировой войны. Известным сотрудником журнала был Северин Добровольский, сын генерала С. Ц. Добровольского. Он почти три года являлся представителем «Журнала Содружества». Список зарубежных авторов Выборгского издания был весьма представительным. В то время, когда многие эмигрантские журналы прекратили существование, «Журнал Содружества» стал важным художественно-общественным органом русской диаспоры. О востребованности журнала говорит перечень мест его продажи. Свежие тиражи можно было приобрести в Выборге, Приозерске, Красном Селе, Репино, Сортавале, Суоярви, Зеленогорске, Котке, Хельсинки. Редакторский портфель журнала составляли авторы из Латвии, Литвы, Эстонии, Франции, Польши, Германии, Югославии, Бельгии, Чехословакии, Норвегии, Уругвая, Египта. В нем печатались парижане – Константин Бальмонт, Ант. Ладинский, Юрий Терапиано, София Прегель, Юрий Мандельштам; Илья Голенищев-Кутузов, Зинаида Шаховская. Сотрудничал в журнале В. Семенов-Тянь-Шанский, сын знаменитого русского географа. Журнал имел репутацию художественно-литературного издания. С января 1937 г. к выпуску ежемесячника подключилось Выборгское культурно-просветительное общество, ставшее с декабря того же года единственным его издателем. Журнал издавался до начала Зимней войны.

После 1933 г. правые круги русской эмиграции пережили этап увлечения фашизмом. Эта идеология коснулась также представителей русской диаспоры в Финляндии. В Выборге в 1933–1935 гг. выходил журнал «Клич». Тираж журнала колебался от 1500 до 2000 экземпляров. Он заявил о себе как об «органе национального освобождения под флагом национальной диктатуры» и призвал «к единению для активной борьбы с коммунизмом». «Клич» открыто выступал в поддержку фашизма.

Новый журнал из номера в номер всё больше обращался к антисоветизму и антисемитизму. Формально «Клич» редактировал бывший кронштадтский матрос Митрофан Романов, но многочисленные документы свидетельствуют что редактирование, издание и написание большинства статей было в руках С. Ц. Добровольского. Матрос был поданным Финляндии и поэтому имел право издавать журнал, а Добровольский жил по нансеновскому паспорту.

Северин Цезаревич Добровольский (1881–1946 гг.) после поражения белых перебрался в Финляндию, в Выборг, где занимался активной деятельностью в среде русской эмиграции. Он был членом правления культурно-просветительного общества «Союз трудовой интеллигенции Выборгской губернии» и секретарём комитета русских организаций в Финляндии по оказанию помощи голодающим в России. В Финляндии и за её пределами Добровольский был известен своей антибольшевистской деятельностью. Он создал в Выборге информационное бюро.

Журнал финансировал торговый советник города Хамина, владелец лесопильного завода и родственник жены Добровольского Константин Аладин.

Добровольского часто упрекали за неправильное понимание фашизма в его итальянском варианте за антисемитизм. Девиз журнала «Проснись, Россия!» всегда помещался на обложке с чёрно-белым рисунком. Финские власти под давлением СССР вскоре запретили «Клич», и он стал издаваться в Брюсселе (1936–1939 гг.). Но в Бельгии тяжёлое материальное положение привело к угрозе закрытия. Из Брюсселя «Клич» доставляли Добровольскому в Выборг и в Хамину. Финские власти пытались пресекать эту деятельность, но в Финляндии «Клич» можно было купить в Выборге.

Вторым периодическим изданием, выходившим в Хельсинки под патронажем Добровольского, был журнал «Fascism». Здесь он уже официально считался редактором и издателем. Издавал Добровольский и специальную литературу. При его участии в 1934 и 1935 гг. была издана двумя выпусками антисемитская книга физиолога и агронома Григория Николаевича Бренёва (1888–1969 гг.). Расистские взгляды Г. Н. Бренева выросли на основе антибольшевизма, включающего и антиэгалитаризм.

Крайне правый аспект издательской деятельности представляло издание стихов монархиста Анатолия Янсона «Царь света незримого» (34 с.). В 1926 г. А. И. Янсон создал для публикации своего труда издательство с символическим названием «На чужбине». Напечатана книга была в выборгской типографии «Itä-Suomen kirjapaino» («Восточно-финляндская типография»).

В Выборге часто издавали свои брошюры разные общественные организации русского зарубежья. В 1922 г. в типографии А. Минкович был напечатан «Устав Выборгской русской колонии» (24 с.). «Выборгское русское общество взаимопомощи» два раза напечатало свои «устав и членскую книжку» (8 с.; 8 с.). В 1929 г. – в типографии «Циллиакус», около 1937 г. – «устав» во «Временной типографии». В 1931 г. был зарегистрирован и напечатан в типографии «Viipurin kirja ja rivipaino Oy» «Устав "Содружества бывших учащихся Выборгского русского реального лицея"» (16 с.).

В 1933 г. в Выборге в типографии «Karjalan Kirjapaino Oy» сторонники баронесса Матильды Карловны Вреде (1864–1928 гг.) напечатали «Устав благотворительного общества под названием "Комитет Матильды Вреде"» (4 с.) на финском и русском языке. Баронесса была известна своей попечительской деятельностью и помощью заключенным и беженцам. Работая среди русского населения, она сотрудничала с П. Николаи и П. Ливеном. Матильда Вреде являлась председателем Финляндской группы Международного союза примирения, которая занималась благотворительностью, в том числе и среди русских эмигрантов.

Согласно исследованию, проведенному «Журналом Содружества» в 1933 г., наиболее читаемым писателем в Выборге был автор исторических романов Марк Алданов, на втором месте – П. Н. Краснов, а затем следуют представитель советской литературы А. Н. Толстой и бежавший из СССР публицист С. В. Дмитриевский³².

Об увлечении русской эмиграцией творчеством М. А. Алданова лучше всего свидетельствует мнение И. Е. Репина. Давно не читал с таким интересом. <...> И талант и знания, и умеет писать! Алданов! Алданов! Чудо...». В 1921 г. в Выборге некто, скрывшийся под псевдонимом «Дон-Карлос», опубликовал книгу «Вещие сны» (64 с.) в типографии «Östra Finland». Бен Хеллман и Темира Пахмус открыли современным читателям имя Вадима Гарднера. В начале 90-х годов они издали в Финляндии сборник его стихов «У Финского залива» (Helsinki: Granit, 1990 г.).

Особенностью издания русской книги в Выборге является практически полное отсутствие художественной литературы. Как показывает Хеллман в статье по издательству «Библион», книгоиздание на русском языке в Финляндии не было экономически выгодным делом. Видимо, большинство читателей-эмигрантов заказывало художественную книгу из центров книжного дела: Берлина, Парижа, Праги, Риги, Белграда, Софии или Хельсинки.

Таким образом, вся издательская деятельность русского зарубежья в Выборге укладывается в три основных периода. Первый: это годы Гражданской войны 1918–1921 гг., вызвавшие большую массу беженцев. Второй: начало 1920-х гг. – бум книгоиздательской деятельности русской эмиграции, с постепенным замиранием как в Финляндии, так и в других странах Русского Зарубежья и последний: всплеск в середине 1930-х гг.

История издательского дела русского зарубежья в Выборге в межвоенный период свидетельствует о его постепенном перемещении вслед за эмигрантским потоком в западные европейские столицы: Прагу, Берлин, Лондон, Париж, ставшими со временем крупнейшими центрами русского рассеяния в первой половине XX века.

Примечания

¹ *Timo Myllyntaus*: Tekniset uudistukset graafisessa teollisuudessa 1800-luvun puolivälistä 1920-luvun alkuun. – Suomen sanomalehdistön historia – projektin julkaisuja vol. 21. Helsinki, 1982. P. 56-70.

² Suomen lehdistön historia. Toim. Päiviö Tommila. Kuopio: Kustannuskiila, 1987. Vol. 2. P. 366-367.

³ *Julitta Suomela*: Rajantakainen Venäjä. P. 54.

⁴ *Андреев Л. С.О.С.* Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1917–1919) / Под ред. и со вступ. ст. Р. Дэвиса, Б. Хеллмана. М.; СПб.: Atheneum – Феникс, 1994. С. 37-38.

⁵ Venäläiset Suomessa 1809–1917. Historiallinen Arkisto 83. Helsinki, 1984. P. 27.

⁶ *Temira Pachmuss*: A Moving River of Tears: Russia's Experience in Finland. New York: Peter Lang, 1992.

⁷ См.: *Karemaa Outi*. Vihollisia, vainoojia, syöpäläisiä: venäläisviha Suomessa 1917–1923. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1998; *Haimila Marjo*. Kun

kumous vie kodin. Suomeen paenneet venäläiset 1917–1927. – Kansa ja kumous: modernin Euroopan murroksia 1880–1927. Historiallinen arkisto 111. Helsinki, 1998. <http://elektra.helsinki.fi/se/h/0073-2540/1998/111/kunkumou.pdf>.

⁸ Всего же за 30-е гг. за пределами России выпускалось 1005 наименований газет и журналов, в которых публиковали свои произведения эмигранты всех поколений, размышлявшие о судьбах и будущем России. См.: Издательское и библиографическое дело Русского Зарубежья / М-во культуры Рос. Фед., СПб. гос. ун-т культуры и искусств, каф. общей библиографии и книговедения; Г. В. Михеева, И. А. Шомракова, П. Н. Базанов, И. Л. Полотовская. СПб., 1999.

⁹ См.: *Salokangas R.* Sanomalehtien määrä ja ilmestymistiheys. – Suomen sanomalehdistön historia – projektin julkaisuja 3. Turku, 1976.

¹⁰ *Yrjö Aav.* Suomen venäjänkieliset sanoma – ja aikakauslehdet // *Miscellanea bibliographica XI*, Helsingin yliopiston kirjaston julkaisuja 35. Helsinki, 1971. P. 9-19 ; *Jarmo Suonsyrjä.* Venäläisten aikakauslehtien luettelo // Suomen aikakauslehdistön bibliografia 1782-1955 (НУКJ 47). Helsinki, 1985.

¹¹ *Hellman B., Kjellberg J.* Suomen Venäjänkielisen kirjallisuuden bibliografia, 1813–1972; Библиография русской литературы, изданной в Финляндии, 1817–1972. Helsinki, 1988. 96 p. (Publications of the Helsinki University Library).

¹² *Hellman B.* *Biblion.* A Russian Publishing House in Finland // *Studia Slavica Finlandensia*. 1985. T. 2. S. 1-48.

¹³ *Suomela J.* Suomen venäläinen lehdistö lokakuun vallankumouksen jälkeen // *Historiallinen Aikakauskirja*. 1995. № 4. P. 313–321.

¹⁴ *Суомела Ю.* Зарубежная Россия: идейно-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918–1940 гг. / автор. пер. с фин. Л. В. Суни. СПб.: Издательский дом «Коло», 2004. Пер. изд.: *Rajantakainen Venaja* / *Julitta Suomela*; *Suomela J.* Suomen venäläinen lehdistö lokakuun vallankumouksen jälkeen ...

¹⁵ *Еськина Л. А.* Финляндия // Книга: Энциклопедия. М., 1999. С. 574.

¹⁶ *Еськина Л. А.* Финские издательства // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. М., 2000. Т. II. С. 483-485.

¹⁷ Мир Библиографии. 2000. № 1. С. 61-66.

¹⁸ Редакционная переписка «Журнала Содружества» за 1932–1936 годы, с приложением Полной росписи журнала: Из истории русской эмиграции в независимой Финляндии / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. А. Г. Тимофеева. СПб.: Мир, 2010. 1008 с.

¹⁹ *Тимофеев А. Г.* О неизвестных брошюрах, изданных в Финляндии // Русская литература. 2008. № 4. С. 207-213.

²⁰ *Тимофеев А. Г.* Неучтенная брошюра «Устав общества русская колония в Финляндии» (1918) в архиве Е. А. Ляцкого // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 486-495.

²¹ Страницы Выборгской истории: Сб. ст. / под ред. С. А. Абдуллиной. / Сост. С. А. Абдуллина. Выборг: Европейский Дом, 2004. Кн. 2. С. 407-422.

²² *Ekonen K.* Ystävyyspiirin lehti – Zhurnal sodruzhestva: 1930-luvun hiljainen kulttuurivaikuttaja // *Kanava*. 2000. № 7. P. 448-452.

²³ Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.): Монография. СПб., 2004. 430 с.

²⁴ См.: Башмакова Наталья, Лейнонен Марья. Из истории быта русских в Финляндии 1917–1939 // *Studia Slavica Finlandensia*, 7. Helsinki: Neuvostoliittoinstituutti, 1990. (Baschmakoff and Leinonen, 2001, 161 p.)

²⁵ Baschmakoff and Leinonen, 2001. P. 120-129, 132-154.

²⁶ Залевский В., Голлербах Е. Распространение русской печати в мире 1918–1939 гг.: Справочник / Рос. нац. б-ка. СПб., 1998. С. 213-214, 219-220, 217.

²⁷ Жаворонкова Н. Пасха / Вступ. ст., публ. текста и коммент. В. Ю. Черняева // *Нансеновские чтения*, 2010. СПб., 2012. С. 313.

²⁸ Цит. по: Редакционная переписка «Журнала Содружества» за 1932–1936 годы, с приложением Полной росписи журнала: Из истории русской эмиграции в независимой Финляндии ... С. 753.

²⁹ Андреев Л. S.O.S. Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1917–1919) ... С. 169.

³⁰ Из истории русской печати в Финляндии. «Журнал Содружества»: начало пути (1933–1934). Вступительная статья и публикация А. Г. Тимофеева, комментарию А. Г. Тимофеева и К. Трибла // *Русская литература*. 2000. № 1; Башмаков Н. «Страна намеков и надежд...». Меняющиеся настроения русских в Финляндии в 1930-е годы // *Зарубежная Россия 1917–1939 гг.* Сборник статей. СПб., 2000.

³¹ Редакционная переписка «Журнала Содружества» за 1932–1936 годы, с приложением Полной росписи журнала ... С. 8.

³² Шальнев Ф. [Уперов Ф.] Что читают // «Журнал Содружества». 1933. № 1. С. 15. Цит. по: Редакционная переписка «Журнала Содружества» за 1932–1936 годы, с приложением Полной росписи журнала ... С. 16.

P. N. Bazanov,

bazanovpn@list.ru

E. V. Petrov,

pyotroff@gmail.com

Kirsti Ekonen

kirsti.ekonen@helsinki.fi

Russian popular reading and publishing in Vyborg in 1920-1930

Abstract: this article is devoted to the problem of the Russian-language press in Finland at the time of Independence. The main aspect of it focuses on the history of Vyborg popular reading and publishing in the interwar period. Much attention is paid to qualitative and quantitative characteristics of numerous emigrant editions. Vyborg newspaper-publishing business is discussed on the example of political oriented publications, such as «Journal Sodruzhestvo» and the magazine "Klitch". This material illustrates not only the situation around the Russian press in Finland, but the evolution of public and political moods of the Russian compatriots.

Key words: Russian compatriots, Russian Abroad, the Russian-language press in Finland, Vyborg's newspapers and magazines, monthly magazines «Journal Sodruzhestvo» and «Klitch».

Г. П. Поляков**К истории периодической печати в Брянске
в 1890–1915 гг.***

Аннотация: в статье освещается первый этап истории периодической печати г. Брянска. Рассматриваются малоизвестные брянские издания 1890–1915 гг. выявляются причины их кратковременного функционирования и закрытия.

Ключевые слова: периодическая печать в провинции, П. Н. Тиханов, М. И. Юдин, Брянский комитет РСДРП(б), либеральная печать, историческое краеведение.

Периодическая печать является одним из средств массовой информации и пропаганды, выпускаемая в определенные промежутки времени. По форме – это газеты, журналы, бюллетени и пр. Ее специфическим свойством является многоплановость. Это синтетический материал, включающий в себя самую разнообразную по жанру, происхождению, содержанию информацию. Важно отметить еще одну особенность газет – оперативность обнародования общественно значимой информации. Богатство и разнообразие периодической печати делает ее многоплановым историческим источником¹.

«При пестроте и разнообразии российской жизни, громадности расстояния особая роль в новых исторических реалиях принадлежала... провинциальной печати. Она постепенно приобрела важное государственное и общественное значение»². К 90-м гг. XIX в. в России газеты и журналы издавались правительством, государственными учреждениями, земствами, общественными организациями и частными лицами.

На Брянской земле первое периодическое издание стало частным. Его история, как, впрочем, и история местной газетной периодики

**Поляков
Геннадий
Петрович**

Кандидат исторических наук, доцент
Кафедра отечественной истории
Факультет истории
и международных отношений
Брянский государственный университет

пока не написана.

По сути, единственной работой, посвященной истории брянской печати в интересующий нас период, является статья московского геолога, по-видимому, с клинцовскими корнями, Б. М. Петрова.³ Автор, опираясь на «фонды, картотеки и учетно-систематические служебные издания Российской Государственной и Национальной библиотек и «Всесоюзной Книжной палаты», поставил перед собой задачу: «проследить основные вехи становления местной печати Брянского края»⁴. Впрочем, кроме приведения общероссийской периодизации истории местной печати от дореволюционного (до 1916 г. включительно) до текущего (с 1992 г.) периода, традиционной «клинцовской» критики в адрес «чиновно-купеческого Брянска» и занявшего половину объема посвященного дореволюционному периоду описания «Клинцовской газеты», Б. М. Петров практически приводит только список брянских газет с указанием времени их издания. Поэтому мы ставим перед собой задачу в данной статье дать краткое описание тех изданий, которые выходили в Брянске в 1890–1915 гг. и оказались нам доступны для изучения.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, первым периодическим изданием в Брянске стал общественный медицинский журнал «Акушерка», выходивший в 1890–1892 гг. Он был «посвящен акушерству, женским и другим болезням и вообще всем отраслям медицины, обнимающих круг деятельности акушеров, фельдшеров и фельдшериц». Возглавлял журнал издатель-редактор П. М. Аброжевич. Он весной 1893 г. сменил место работы и переехал в Одессу, где с 9 апреля продолжил издание своего журнала вплоть до 1900 г.⁵

Первую газету на Брянской земле – «Брянский вестник» на собственные средства стал издавать брянский краевед, литератор, коллекционер древностей Павел Никитич Тиханов. Он являлся уроженцем города Брянска, учился в Калужской гимназии, Казанском университете, долгие годы работал в разных периодических изданиях, а с 1873 по 1888 год – в редакции газеты «Правительственный вестник» в Санкт-Петербурге.

В 1894 г. П. Н. Тиханов поселился в Брянске, где стал издавать газету «Брянский вестник». «Давно, давно пора было появиться в Брянске печатному листку», писал Тиханов в преддверии выхода первого номера газеты. «Само собой разумеется, что уважение к личности будет безусловное, оно будет у нас на первом плане: никаких инсинуаций, тем более бессмысленных подергиваний, будем говорить только с достоверными фактами на руках»⁶. Первый номер газеты вышел 23 января (5 февраля) 1894 г. в газете публиковались: календарь-месяцеслов с указанием общих и местных праздников, крестных ходов; правительственные сообщения; хроника местной жизни – города и уезда; исторические заметки⁷.

Павел Никитич поручил еще в 1883 г. своей матери, вдове коллежского асессора А. Д. Тихановой, хлопоты по выдаче орловским губернатором раз-

решения на выпуск еженедельника «Брянский вестник». Сам Тиханов в то время трудился на посту корректора «Правительственного вестника» в Санкт-Петербурге и собирался, оставив службу, поселиться в Брянске и заняться газетой.

Будущий издатель газеты был известен местной полиции как человек благонамеренный, да и намечаемая программа издания не могла внушать властям опасения. Кроме вышеназванных, в газете были задуманы такие отделы: «перепечатка материалов, касающихся Брянска, из других газет; иностранные известия, судебная хроника, справочный отдел, объявления». Тем не менее орловский губернатор писал в столицу империи в МВД: «Едва ли может газета "Брянский вестник" обещать какой-либо успех за отсутствием литературных сил и деятелей вообще, и иметь какое-либо серьезное значение и влияние. Если существующий в Орле "Орловский вестник" при более благоприятных условиях едва поддерживает свое существование, то всего менее надежды основать в уездном Брянске порядочный журнал. А между тем, издание там газеты может привести к неприятностям и излишним заботам»⁸.

Только через 10 лет Тиханов добился возможности издавать «Брянский вестник». Газета выходила по субботам на протяжении четырех лет и состояла из восьми маленьких полос. Заполнялись они преимущественно материалами самого Тиханова. Его излюбленной темой была благоустроенность Брянска, рассматриваемая из номера в номер и «с большой выразительностью и сарказмом». «...Не только трудно, а иной раз решительно невозможно шагу сделать на крутых подъемах наших гор, не рискуя сломать или вывихнуть себе руку или ногу». «Зима на нынешний раз вышла снежная, снегу выпало чрезвычайно много, и местами сугробы до того велики, что идешь чуть не по грудь в снегу, словно в траншее. Что представляет собой Базарная площадь, особенно осенью – поистине неописуемо и несказанно...»⁹.

Первые пять номеров газеты печатались в типографии Арцишевского, а последующие – в типографии М. И. Юдина¹⁰.

У «Брянского вестника», по мнению брянского историка С. С. Дозорцева, сразу же оказалось два врага: равнодушие обывателей и цензура. Если небольшое количество подписчиков как-то компенсировалось высокой ценой каждого номера (15 копеек), то от цензуры спастись было труднее. Из-за невиннейших, казалось, статей происходили постоянные столкновения с вице-губернатором (Орловской губернии), осуществлявшим цензорские функции. Материалы, отправленные на просмотр в Орел, задерживались там и опаздывали в очередной номер. Кончилось тем, что редактор-издатель П. Н. Тиханов в 1897 г. вынужден был объявить о прекращении выпуска «Брянского вестника»¹¹.

Михаил Иванович Юдин, учитель Брянского городского училища и организатор типографии (1895 г.), писал П. Н. Тиханову 22 января 1898 г:

«...что же Б[рянский] В[естник]? Отчего и почему не уступаете мне? Или другому?»¹². Увы! Содержание ответного письма нам не известно.

Впрочем, с именами Тиханова и Юдина связан выход в свет еще одного, по сути периодического издания в Брянске в 1897 г. Несмотря на то, что свою «Старину» Павел Никитич назвал сборником, это был в нашем теперешнем понимании историко-краеведческий журнал, который изначально задумывался как периодический.

Вот что писал в своем предисловии к «Старине» П. Н. Тиханов: «Года два назад в одном из номеров "Брянского вестника" была высказана мысль об учреждении в Брянске историко-краеведческого общества, покровителем коего, по примеру киевского, избирался преподобный князь Олег, брянский чудотворец. Составлен и роздан был проект Устава и намечена широкая программа... К глубокому прискорбию, предложение это не осуществилось. Не желая, однако, оставлять задуманного, мы решились привести во исполнение намеченную цель, поскольку то позволяют наши личные силы и средства. В этих видах мы выпускаем сборник под именем "Старина", в котором на первый раз предлагаем несколько сведений из области фиска за 1732 г. по документам архива Брянской Думы, где косвенно отразились промыслы и торговые движения Брянска и его округа. Всего в настоящий выпуск сборника помещено 10 статей... В следующих выпусках "Старины" будут помещены документы из дел архива Брянского нижнего земского суда второй половины XVIII в., туда же войдут бытовые очерки, заметки о местном говоре, церковные древности и прочее.

Издание "Старины" не будет, впрочем, ограничиваться узким кругом своего района: сюда могут войти исторические сведения не только о Брянске и его уезде, но и всей Орловской губернии или смежных с нею, или же вообще представляющие интерес в каком-либо отношении, например, отдельные книги или грамоты, письма, мемуары и т. п. и даже нами будет принято всякое сообщение, имеющее характер бытовой или исторический. Желательно бы иметь, например, в точных списках надписи на колоколах, иконах, книгах церковных, и проч., что носит характер летописный, еще более обращаем внимание всех, занимающихся стариной, на предмет подлежащий тлению и порче от времени, каковы рукописи и др.: за сообщения сведений о таких предметах редакция "Старины" будет особенно признательна»¹³.

Сохранились 6 писем М. И. Юдина к П. Н. Тиханову о публикации «Старины», которые раскрывают «непростой процесс издательского дела на Брянщине на рубеже XIX–XX вв. В письме от 31 марта 1898 г. М. И. Юдин дает подробную выкладку стоимости всех материалов для печатания сборника. В том же письме он указывает на недостаточную организаторскую деятельность П. Н. Тиханова»¹⁴.

К сожалению, в 1897 г. П. Н. Тиханов принял предложение руководства Черниговской губернской ученой архивной комиссии и занял вакантное место ее секретаря, переехав в Чернигов. Второй номер «Старины» так и не был опубликован.

В августе 1906 г. в Брянске нелегально издавалась газета «Пролетарий»¹⁵.

Михаил Иванович Юдин в июне 1906 г. реализовал свою мечту и приступил к изданию газеты «Брянский голос» – органа Брянского окружного комитета РСДРП. Она была вполне легальной, и в первом номере ее редакция так определила свои задачи: «Быть выразителем нужд и интересов рабочего класса вообще и, в частности, того обширного фабрично-заводского района, культурным центром которого может считаться Брянск, а также представлять собой орган рабочего движения в пределах всей Орловской и прилегающих губерний... единственной истинной руководительницей и защитницей интересов рабочего класса в России мы считаем РСДРП, и зная этой партии мы воздвигаем над газетой с намерением держать его прямо и твердыми руками»¹⁶.

Газета проводила значительную пропагандистскую работу в пользу РСДРП. В четырех номерах печаталась подборка материалов о народном образовании в России с яркими примерами по Орловской губернии. Издание регулярно освещало кампанию по выборам в Государственную думу. В № 12 была опубликована статья члена Брянского Комитета РСДРП Б. М. Волина «Кто прав?», в которой он анализировал позиции различных думских фракций. В каждом номере читатель находил материалы о положении рабочих Брянского завода в Бежице и работниц Дятьковской хрустальной фабрики. «Брянский голос» содержал интересную информацию о стачечном движении, крестьянских выступлениях, о работе профсоюзов¹⁷.

Газета приобрела популярность. Так либеральный «Орловский вестник» отмечал: «Брянский голос» успел быстро распространиться по всему местному заводскому району и приобрести всеобщие симпатии рабочего класса своей стойкой, убежденной и честной защитой интересов угнетенного и обездоленного люда»¹⁸.

Политические позиции газеты все больше беспокоили брянскую и орловскую полицию. Уже в десятом номере сообщалось: около работников газеты все чаще наблюдали полицейских чинов. Несколько раз на газету налагали крупные штрафы. Пятнадцатый номер оказался последним: в нем было помещено стихотворение со словами «горе всем врагам народа», и полиция сочла это удобным предлогом для закрытия газеты. В ночь на 17 июня 1906 г. в помещение редакции и типографии явились городовые и жандармы под командой двух приставов¹⁹. Весь тираж шестнадцатого номера газеты был конфискован.

Впрочем, ничего «крамольного» в редакции не оказалось. Полицмейстер, обращаясь к редактору и издателю, объявил М. Н. Юдина своим пленником, но добавил, что редактор может быть свободным до суда при условии внесения залога в 1000 рублей, «не сходя с места». На это редактор, улыбаясь, заявил, что, не обладая искусством «чародейства», «не сходя с места», денег достать не может. Сотрудники помогли достать удовлетворение для полиции. Последняя, обшарив все щели и углы, – без пленных тружеников печатного слова и социал-демократов – удалась. У подъезда стоял отряд казаков в полном боевом снаряжении. В уезде и в ближайших городах тщательно разыскиваются сотрудники "Брянского голоса", на взгляд местной администрации, отъявленные крамольники». Такую заметку опубликовал в августе 1906 г. журнал «Былое»²⁰.

«Брянский голос» был запрещен, а 23 июня на Брянском железодельном, рельсопрокатном и механическом заводе состоялся митинг протеста. Последующие несколько месяцев читатели газеты надеялись на то, что выйдет новая газета «Голос Брянска» или «Брянский листок»²¹.

18 июля того же 1906 г. в типографии Я. Н. Подземского был отпечатан первый номер новой брянской газеты «Брянская жизнь». Редактором-издателем этого периодического издания стал А. Н. Пронин. Редакция разместилась на главной улице Брянска – Московской «в доме Могилевцева близ почтамта». Годовая подписка на газету составляла 5 рублей, на месяц – 45 копеек. Розничная цена – 3 копейки. В полном объеме газета стала выходить с августа. Ее отделы или рубрики: «Телеграммы о событиях в городах Российской империи и за границей», «Последние известия» (перепечатки из центральных газет), «Корреспонденции» (например, из Елисеевской волости, с. Пролысова, пос. Людиново и т. д.), «Местная хроника», «Некрологи», «Разные известия» (например, списки гласных Брянской городской думы и т. п.)²².

Судя по некоторым материалам, редакция сочувствовала либералам. Всего вышло 50 номеров «Брянской жизни».

По сведениям Б. М. Петрова, в 1902 г. Брянское общество врачей попробовало издавать свой журнал, в 1904 г. в городе начали печатать «Телеграммы» – бюллетень сообщений Санкт-Петербургского Телеграфского агентства... близкий к газете». В 1906 г. появилось два номера «Брянского солдатского листка». Позже в Брянске выходили газеты «Наш край» (1910 г.), «Брянский листок» (1910–1911 гг.; выходил нерегулярно), и «Брянский справочник» (1912 г.). Достаточно долго (1912–1915 гг.), но нерегулярно в Брянске выходил «Сельскохозяйственный вестник»²³.

Из названных Петровым брянских изданий, давно ставших библиографическими редкостями, доступным нам оказался лишь один «Брянский справочник».

Первый номер этой газеты вышел 7 октября 1912 г. Ее редакция размещалась на Старо-Соборной улице в доме Каретникова, а контора – при типографии А. П. Иванова на улице Московской в доме Юдина. Газета была объявлена как литературная, общественная и коммерческая и выходила по вторникам, четвергам и воскресеньям. Розничная цена ее равнялась 5 копейкам, а годовая подписка – 5 рублям. В редакционной статье первого номера было заявлено, что «чуждый тенденций и партийности, но в то же время, будучи органом умеренной прогрессивной мысли, "Брянский справочник" ставит себе скромные задачи обслуживать местное население в пределах намеченной нами программы. Давая оригинальные статьи по разным вопросам общественной жизни, мы вменяем себе в обязанность быть строго лояльными, беспристрастными и объективными, придерживаться установленных положений и проверенных фактов.

Введенный в нашу программу справочный отдел составляется тщательно, подробно и полно... мы же в пределах наличных средств и намечаемой программы, в состоянии делать маленькое культурное дело»²⁴.

Кроме справочного отдела в газете были следующие отделы и рубрики: «По России», «Местная хроника», «В деревне (с натуры)», «Из зала суда», «Фельетоны», «Война на Балканах», «Пожары» и т. д.

Подводя итоги нашей работы, следует отметить следующее: 1) На Брянской земле периодическая печать начала отсчет своей истории в г. Брянске в 1890 г.; 2) Этот факт вовсе не был случайным. Брянск в это время уже не был рядовым уездным городом Российской империи. Он выделялся наличием в самом городе (Брянский Арсенал, 1783 г.) и в его ближайших окрестностях (Радицкий завод, 1868 г.; Брянский завод в Бежице, 1873 г.) крупных промышленных предприятий, а также крупным железнодорожным узлом (с 1887 г. после открытия Полесской железной дороги), который стремительно разрастался, обрастая необходимой инфраструктурой. Брянск становился центром промышленного района.

Быстро росло и его население, которое по переписи 1897 г. достигло 24780 человек²⁵. – наибольшее среди всех уездных центров региона. Среди них 1500 представителей дворянского сословия и более 500 – духовенства. Немало было купцов и представителей разночинной интеллигенции – учителей, медицинских работников, мелких чиновников, военнослужащих. В городе действовали средние и низшие учебные заведения (свыше 10), библиотеки (7), книжные лавки (5), больницы (2), приемные покои (3), военный госпиталь и фельдшерско-акушерские пункты, родильный приют и аптеки (3)²⁶. словом, здесь было немало «просвещенной публики».

В 90-е годы XIX в. в Брянске процент грамотных был выше среднероссийского и составлял 47,3% от всего населения²⁷. В связи с этим попытка Б. М. Петрова затушевать роль «чиновно-купеческого Брянска, где даже гимназия закрывалась ввиду отсутствия желающих учиться (на деле – из-за отсутствия

средств), и где «газета пользовалась недостаточным спросом», субъективна и некорректна.

3) Недолговечность периодических изданий города объясняется целым рядом факторов, причем сугубо индивидуальных, а вовсе не «недостаточным спросом». Здесь имели место и недостаточный профессионализм редакторов и издателей, отсутствие денежных средств, цензура и т. д. и т. п. Впрочем, как писала «Брянская жизнь»: «Печать, хотя бы и провинциальная, есть выразительница общественных нужд, общественного мнения, но успех ее зависит прежде всего от той степени сочувствия, каким ее встретит население и культурное общество»²⁸.

Поэтому: «В условиях глобальных изменений в России... пробуждение общественного мнения способствовало разрушению ветхих казенных порядков в провинции, началу постепенного освобождения от сословных и общественных предрассудков. Однако все эти явления носили замедленный, в сравнении с центром, характер»²⁹.

Несмотря на данные обстоятельства, либеральная в целом, брянская печать за первое двадцатипятилетие своего существования, хотя и действовала только половину этого времени, но вполне исправно информировала своих читателей о важнейших событиях в России и за ее пределами и, конечно же, в своем городе и его окрестностях.

Примечания

*Автор выражает искреннюю признательность д. и. н., профессору **В. Ф. Блохину** за предоставленные материалы по теме данной статьи.

¹ Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение. Теория, история, метод. Источники Российской истории. М., 1998. С. 621.

² Блохин В. Ф. Провинция газетная: Государственное управление периодической печатью и становление газетного дела в российской провинции (1830–1870-е гг.). Брянск: «Курсив», 2009. С. 10.

³ Петров Б. М. Из истории становления местной печати Брянского края (1894–1921) // Вестник Брянского государственного университета История. Литература. Право. Языкознание. Брянск. РИО БГУ, 2008. № 2 (2008). С. 25–33.

⁴ Там же. С. 25.

⁵ Лисовский Н. М. Библиография русской периодической печати 1703–1900. (Материалы для истории русской журналистики). Петроград, 1915. С. 526. № 2024.

⁶ Коваленко З. П. Павел Тиханов // I Тихановские чтения: Матер. науч.-практ. конф.: 14–15 ноября 2006 г. Брянск, 2007. С. 239.

⁷ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 7. Лл. 1–2, 4–6.

⁸ Там же. Д. 36. Лл. 8–9.

⁹ Дозорцев С. С., Дозорцев М. С. Брянск: Историко-экономический очерк. Тула. 1986. С. 66.

-
- ¹⁰ Гришин К. П. П. Н. Тиханов и деятельность Брянского края (по материалам переписки) // III Тихановские чтения: Матер. науч.-практ. конф.: 26 ноября 2008г. Брянск, 2012. С. 20.
- ¹¹ Дозорцев С. С., Дозорцев М. С. Указ. соч.
- ¹² Гришин К. П. Ук. соч. С. 32.
- ¹³ Старина. Типография Юдина. Брянск, 1897. С. III-VIII.
- ¹⁴ Гришин К. П. Ук. соч. С. 20, 29-33.
- ¹⁵ Русская периодическая печать (1895 – октябрь 1917 г.) Справочник. М., 1957. С. 122-123.
- ¹⁶ Брянский голос. 1906. 1 июня.
- ¹⁷ Пирогов В. К. Ук. соч. С. 141-142.
- ¹⁸ Орловский вестник. 1906. 3 августа.
- ¹⁹ Дозорцев С. С., Дозорцев М. С. Ук. соч. С. 90.
- ²⁰ Деханов В. Г. Крамольники из «Брянского голоса» // Дебрянск. 1998. 22 мая; он же. Страницы из жизни старого Брянска: Документальные очерки и историческая мозаика, документы и воспоминания. Брянск, 2013. С. 175.
- ²¹ ЦНИБО ГАБО. Ф. 8283 Оп. 1. Д. 3. Ч. II. Кн. 2. С. 148.
- ²² Брянская жизнь. 1906. №№ 1-50. 18 июля.
- ²³ Петров Б. М. Ук. соч. С. 26.
- ²⁴ Брянский справочник. 1912. 7 октября.
- ²⁵ Куница М. Н. Население Брянской области: геодемографическая структура и система расселения. Брянск, 1998. С. 21.
- ²⁶ Куликова О. Ю. Книжный Брянск времен Тиханова Павла Никитича (1894–1905 гг) // I Тихановские чтения ... С. 282-283; Дозорцев С. С., Дозорцев М. С. Ук. соч. С. 62.
- ²⁷ Куликова О. Ю. Ук. соч. С. 277.
- ²⁸ Брянский справочник. 1912. 7 октября.
- ²⁹ Блохин В. Ф. Провинция газетная: Государственное управление периодической печатью и становление газетного дела в российской провинции (1830–1870-е гг.) ... С. 10.
-

G. P. Polyakov

On the history of the periodical press in Bryansk in 1890–1915.

Abstract: This article deals with the first stage of the history of the periodical press in Bryansk.

It describes little-known publications in periodicals in 1890–1915, identifies the causes of short-term operation and its closure.

Keywords: periodicals in the province, P. N. Tikhonov, M. I. Judin, Bryansk Committee of the RSDLP (b), the liberal press, local history.

РАЗДЕЛ III

ГАЗЕТНОЕ И ЖУРНАЛЬНОЕ ДЕЛО РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

П. Н. Базанов

**ЖУРНАЛ «РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ» –
ОРГАН ЗАГРАНИЧНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ ПАРТИИ СОЦИА-
ЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ**

Аннотация: в статье представлен обзор журнала «Революционная Россия», издававшегося в период первой русской эмиграции. Особое внимание уделяется рассмотрению деятельности главного редактора журнала – Виктора Михайловича Чернова. В статье освещаются идейные противоречия и организационный раскол в деятельности Заграничной делегации партии социалистов-революционеров. Особое внимание уделяется изучению таких вопросов как распространение брошюр и периодических изданий партии эсеров в эмиграции и Советской России. Отдельно в работе затрагивается проблема печатного и книжного дела группы «Революционная Россия».

Ключевые слова: русская эмиграция, журнал, «Революционная Россия», партии социалистов-революционеров, эсеры, периодика.

В сентябре 1920 г. из России эмигрировал лидер эсеров Виктор Михайлович Чернов с полномочиями представителя ЦК Партии социалистов-революционеров (ПСР) и поручением издавать за границей центральный орган партии. В 1921 г. в помощь ему из России ЦК ПСР делегирует Сергея Порфирьевича Постникова.

Так был создан журнал «Революционная Россия» (Юрьев [ныне Тарту], 1920–1921. – № 1–18; Берлин, 1922–1923. – № 19–31; Прага, 1923–1931. – № 32–78). Он был назван в честь своего дореволюционного женеvского предшественника, которого напоминал даже внешне. Разница была в том, что если до 1917 г. журнал предназначался партийному активу, то теперь появились материалы и для массового читателя.

Журнал выходил с партийным девизом «В борьбе обрешь ты право свое!». Первоначально «Революционная Россия» печаталась в Юрьеве (ныне Тарту, Эстония) в типографии Эд. Бергмана.

Базанов

Петр

Николаевич

Доктор исторических наук, профессор
Кафедра документо-
ведения и информа-
ционной аналитики
Санкт-Петербургский
государственный ин-
ститут культуры

В это время издателем «Революционной России» была группа социалистов-революционеров, живущих в Эстии, но с № 11 решением X Совета ПСР она стала «центральным органом ПСР». Редактором первых номеров официально числился эстонский подданный Г. П. Вахт (с № 2), которому платили зарплату за редактирование¹. Фактическим главным редактором стал В. М. Чернов, живший в то время в Эстонии. Объем журнала был 32 страницы (2 печатных листа), периодичность два номера в месяц, постепенно стали выходить сдвоенные номера, но уже в виде ежемесячника в 48 страниц. Тираж первых номеров журнала 25 000 экз.²

Первые десять номеров «Революционной России» были напечатаны по старой орфографии, но остальные по новой. В. М. Чернов основал журнал на 1000 английских фунтов стерлингов, полученных от ЦК партии. Затем журнал издавался за счет чехословацкого золота, полученного А. Ф. Керенским. «Революционная Россия» постоянно пребывала в долгах, причем согласно сохранившимся «Денежным документам по издательству "Революционная Россия"», главные расходы шли не на бумагу и типографию, а на жалование сотрудникам, на их командировки и гонорары авторам³. Поэтому не удивительно, что с № 11 все местные партийные организации должны были оказывать любую помощь журналу.

В 1921 г. при «Революционной России» выходил в Юрьеве «Летучий листок»⁴ около 5 номеров тиражом по 3000 экз.⁵ С. П. Постников сообщает, что при «Революционной России» издавались приложения: к № 1 – брошюра В. М. Чернова «Революция или контр-революция: К третьей годовщине октябрьского переворота» (8 с., тираж 2500 экз.), к № 2 – его же брошюра «Большевики в деревне» (24 с.)⁶.

По финансовым соображениям «Революционная Россия» переехала из Эстонии в Берлин, т. к. тираж в 5000 экз. обходился в Германии в 5 раз дешевле⁷. В Берлине «Революционная Россия» выходила с мая по октябрь 1922, с № 19 редактором стал Николай Мартянов, но уже с № 21/22 его сменяет С. П. Постников. В это время журнал печатается в типографиях Е. А. Гутнова и затем Г. А. Гольдберга. В пражский период С. П. Постников (с № 32) становится издателем, а ответственным редактором с № 32 – Юрий Пак, проработавший на том посту до закрытия журнала. Стабильный тираж журнала в середине 1920-х гг. – 1500 экз.⁸ Из них 1000 экз. печатались на обычной бумаге, а 500 на тонкой для нелегального распространения в России⁹.

В Праге журнал печатается в типографии «Легиография». С 1927 г. журнал становится трибуной группы В. М. Чернова («Заграничный союз ПСР») и получает новый подзаголовок «центральный орган Заграничной делегации эсеров». Противоречия в редакции «Революционной России» дошли до того, что в ее состав единоличным решением В. М. Чернова были введены В. Г. Архангельский и Г. И. Шрейдер, затем выведен В. В. Сухомлин, и тогда же В. М. Чернов лишил С. П. Постникова должности секретаря¹⁰. В. М. Чернов пользо-

вался деньгами внепартийного объединения для издания «Революционной России» вопреки официальной линии партии. Последней каплей для оппонентов В. М. Чернова стало то, что «Платформа Лиги Народов Востока Европы» была отпечатана при наборе журнала «Революционная Россия»¹¹. По мнению С. П. Постникова, В. М. Чернов в это время захватил и сам журнал, и денежный фонд, на который он издавался¹².

«Особый фонд» принадлежал ЗД ПСР и использовался главным образом на издание «Революционной России», после № 55/56 решением заседания членов ЗД ПСР 6 февраля 1927 г. он был заморожен, до восстановления законной редакции журнала¹³. На следующий день В. В. Сухомлин и С. П. Постников демонстративно вышли из редакции «Революционной России». С 1927 г. с № 59/60 после конфликта в редакции издателем числится В. М. Чернов¹⁴. В ответ 1 мая 1928 г. II съезд ЗД ПСР лишил «Революционную Россию» статуса центрального органа партии, что, конечно, В. М. Чернов отказался признать.

До конфликта 1927 г. журнал «Революционная Россия» был официальным теоретическим органом ПСР. В нем печатались программные статьи лидеров партии, для которых были созданы специальные рубрики «На темы дня», «Программные вопросы» и «Вопросы тактики». Из других разделов можно упомянуть: «По вопросам программы и тактики», «Партийная жизнь», «В местах заключения и ссылки», «Голоса из тюрьмы», «За границей», «Отголоски прессы», «Рабочая жизнь», «Деревня»¹⁵. Для придания особого статуса своей связи с метрополией все корреспонденции (рубрика «Почтовый ящик») шли с авторской подписью, что в других изданиях не было принято из конспиративных соображений в дореволюционных номерах.

В журнале публиковались все известные публицисты и политики ПСР: В. М. Чернов (только в первый год – более 50 материалов), писал также под псевдонимами Я. В-чев, Вольросс, В. Р., Зритель, Овод, Б. Оленин), В. М. Зензинов, В. И. Лебедев, Е. Е. Лазарев, Г. И. Шрейдер, Н. С. Русанов, О. С. Минор, М. Л. Слоним, А. Ф. Керенский, И. А. Рубанович, С. П. Постников, В. В. Сухомлин, Е. А. Сталинский, Н. Н. Жордания, И. Г. Церетели и многие другие.

Большое внимание уделялось деятельности эсеровского подполья и крестьянским восстаниям в России. Целые подборки были посвящены восстаниям в Кронштадте, в тамбовской губернии в Западной Сибири, на Алтае и под Иркутском. С первого же номера журнал писал о зверствах большевиков. Показательна в этом отношении рецензия О. С. Минора на опубликованный в зарубежной прессе отчет сестер милосердия о преступлениях киевского ЧК. Обличалось и Белое движение за его реакционность и монархизм, да в лице бывших однопартийцев Б. В. Савинкова и В. Л. Бурцева.

На страницах журнала не было никакой рекламы или заметок на бытовые темы, зато пропагандировались новые, только что вышедшие в свет эсеровские издания. Содержание «Революционной России» сводилось к

критике большевизма и оппонентов в эмиграции. Журнал содержал, как правило, статьи по текущим вопросам внутренней жизни СССР, международной политике, социалистического и демократического движения в западноевропейских странах.

Лучшими статьями были признаны современниками: А. Ф. Керенского «Третья сила», В. В. Сухомлина «Русская демократия и национальный вопрос», В. М. Чернова «Революционная Россия», «Фазы социализма» (№ 1), «Проект экономической программы», «Уроки Кронштадта» (№ 5), «Исповедь и завещание» (№ 21-22), С. П. Постникова «Очередные вопросы» (№ 20) и публикации текстов речей эсеров с Московского процесса (№ 21-22).

Распри внутри партии и редакции в 1926–1927 гг. способствовали активизации издательской деятельности. С. П. Постников сообщает, что к № 65 «Революционной России» была издана приложением листовка «Сообщение заграничного Союза партии социалистов-революционеров» (4 с.),¹⁶ поясняющая позицию группы В. М. Чернова в конфликтной ситуации. Сама группа «Революционной России» стала выпускать листовки типа «Вместо юбилея Товарищи / Виктор Чернов», на обороте «Юбилейный сбор в пользу "Революционной России"».

С 1927 г. «Революционная Россия» главным образом печатала критику своих эсеровских оппонентов в эмиграции. Особенно доставалось группе «Современных записок», которые обвинялись в «насаждении христианского социализма», «отказе от классовой борьбы марксизма и интернационализме» и даже в «сменовеховстве»¹⁷.

Сторонники группы «Революционной России» смогли наладить выход только одного провинциального издания – «Бюллетень Американской федерации партии социалистов-революционеров» (Нью-Йорк, 1930. – № 1-6; 1937. – № 7). Издаваться бюллетень стал, видимо, к приезду В. М. Чернова в США, где он выступал с лекциями. Официальным издателем был Исполнительный Комитет Американской федерации ПСР. Бюллетень должен был выходить ежемесячно – номер по 16 страниц, с № 2 появилось параллельное издание на английском языке – «Bulletin of the American Federation the Socialist–Revolutionist Rarty». Сотрудниками журнала были В. М. Чернов, Н. С. Русанов, В. Я. Гуревич, Гр. Шрейдер, Гр. Случевский и др. Много было и перепечатанных материалов из «Революционной России».

По данным историка русской эмиграции в Эстонии С. Г. Исакова: «В. Чернов и его сподвижники пытались через принаровские русские деревни переправлять в Советскую Россию эсеровскую литературу»¹⁸. Другим каналом переправки была Финляндия. В 1922 г. отсюда в Россию на санях было отправлено 10 пудов комплектов «Революционной России» № 1-11 и «За народ» № 1-3. Остальные номера «Революционной России» доставлялись на льжах (№ 12-13 – 300 экз., № 14 – 90 экз.) и с ходоками в Петроград¹⁹.

До 1923 г. «Революционная Россия» распространялся в России в массовых количествах²⁰, особенно хорошо она расходились в Москве²¹. Для нелегальной доставки журнал шифровался как «Надежда Ивановна». По данным историка А. П. Новикова, по сведениям, полученным из Москвы, в июне 1921 г. «Революционная Россия» доставлялась не только партийным эсерам, но и представителям других политических течений, один меньшевик даже признал, что журнал интереснее «Социалистического вестника» Р. Абрамовича²².

В Русском Зарубежье продажей «Революционной России», занималась книжная фирма при одноименном издательстве «Пламя»²³. Порой магазины покупали полные комплекты журнала. Так, книжный магазин в Нью-Йорке «Труд» в 1925 г. купил все номера с 1 по 42²⁴.

Многие материалы и резолюции, печатавшиеся в «Революционной России» начиная с № 1 за 1920 г. по 343 за 1925 г., были переопубликованы в сборнике «Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы»²⁵.

Примечания

¹ Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture S. R. Party Papers = Бумаги Партии социалистов-революционеров (Далее BAR), Вох. 5.

² Новиков А. И. Издательско-публицистическая деятельность В. М. Чернова в Эстонской республике (1920–1922) // Биографика. Русские деятели в Эстонии XX века. Тарту, 2005. С. 171.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. Р – 5847 Чернов В. М., Оп. 1. Д. 110. Л. 13.

⁴ BAR. Вох. 5.

⁵ BAR. Вох. 7.

⁶ BAR. Вох. 4.

⁷ BAR. Вох. 4.

⁸ ГАРФ. Ф. Р – 5847 Чернов В. М. Оп.1. Д.107. Л. 10.

⁹ Там же.

¹⁰ BAR. Вох. 4.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р – 5847. Чернов В. М. Оп. 1, Д. 107. Л. 75.

¹² BAR. Вох. 6.

¹³ Там же.

¹⁴ Федоров М. В. Журнал «Революционная Россия» в 1920–1928 гг. // Зарубежная Россия, 1917–1939. СПб., 2000. С. 20–25.

¹⁵ Ерофеев Н. «Революционная Россия» // Политические партии России: Конец XIX – первая треть XX в. М., 1996. С. 504.

¹⁶ BAR. Вох. 4.

¹⁷ Сафонов И. А. Социалисты-революционеры в эмиграции // Общественная мысль Русского зарубежья: энциклопедия. М., 2009. С. 112.

-
- ¹⁸ Исаков С. Г. Русские в Эстонии (1918–1940): Ист.-культ. очерки. Тарту, 1996. С. 170.
- ¹⁹ ВАР. Вох. 5.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. Р – 5847 Чернов В. М. Оп. 1. Д. 107. Д. 1106. Л. 13.
- ²¹ ВАР. Вох. 7.
- ²² Новиков А. И. Издательско-публицистическая деятельность В. М. Чернова в Эстонской республике (1920–1922) // Биографика. Русские деятели в Эстонии XX века. Тарту, 2005. С. 168.
- ²³ Распространение русской печати в мире, 1918–1939: Справочник / сост. В. Залевски, Е. Голлербах. СПб.: Рос. нац б-ка, 1998. С. 250-251.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. Р – 5847 Чернов В. М. Оп. 1. Д. 107. Д. 107. Л. 4.
- ²⁵ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. М.: РОС-СПЭН, 2000. Т. 3. Ч. 2: Окт. 1917 г. – 1925 г. С. 641-958.
-

P. N. Bazanov
bazanovpn@list.ru

«Journal of Revolutionary Russia» – the edition of Socialist-Revolutionary Party's Delegation in Abroad.

Abstract: the review of «Revolutionary Russia» magazine issued during the first Russian emigration is presented in this article. The special attention is paid to consideration of Chernov's activity, who was the editor-in-chief of the magazine. Ideological contradictions and organizational split in activity of Socialist-Revolutionary Party's Delegation in Abroad are discussed too. The special attention is paid to studying such questions as distribution of brochures and periodicals of Socialist Revolutionaries in emigration and the Soviet Russia. Another problem observed in this work is the issue of printing the books and brochures prepared for publishing by group "Revolutionary Russia".

Keywords: Periodicals of Russian Abroad, Russian emigration magazine "Revolutionary Russia", the Socialist Revolutionary Party, Victor Chernov.

А. М. Дубровский
ЖУРНАЛ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
(НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ)

Аннотация: в данной статье содержится анализ журнала «Социалистический вестник» как исторического источника в таких областях, как: политика большевиков, экономическая ситуация в СССР, политическая обстановка, условия повседневной жизни. Самая ценная информация в этом журнале охватывает 1920-1930 гг.

Ключевые слова: исторический источник, большевистская политика, эволюция идеологии, условия жизни.

В феврале 1921 г. в Берлине Л. Мартовым и Р. Абрамовичем был основан орган заграничной делегации Российской социал-демократической партии «Социалистический вестник», целью которого было «обслуживание нужд социал-демократического движения в России»¹. В истории журнала можно усмотреть три периода: первый – берлинский (1921–1933 гг.), второй – парижский (1933–1940 гг.), третий – нью-йоркский (1940–1965 гг.). В 1965 г. этот печатный орган прекратил существование.

За годы деятельности редакции менялся её состав, выдвигались новые имена, новые темы при освещении российской жизни. Сперва журнал выходил раз в две недели. Со временем установился другой порядок в выходе номеров – примерно раз в месяц. Такая периодичность позволяла довольно быстро откликаться на разного рода явления во внутренней жизни советской России, что и придаёт интерес журналу в глазах современных историков. Естественно, что этот содержательный орган периодической печати привлекал не раз исследователей². Ими признана высокая степень информированности «Социалистического вестника», особенно в 1920–1930-е гг.,

Дубровский
Александр
Михайлович
Доктор
исторических наук,
профессор
Кафедра
отечественной
истории
Факультет истории
и международных отно-
шений
Брянский
государственный универ-
ситет

указаны источники этой информации – сторонники меньшевиков внутри страны, советские руководители разного уровня, работники торгпредства СССР за рубежом. Тем не менее, вопрос о «Социалистическом вестнике» как об историческом источнике ещё не решён достаточно полно, не вскрыты многие возможности в его использовании. Этот журнал может быть использован как источник при изучении разнообразных тем в советской истории, что уже показано исследователями. В настоящей же работе предпринято освещение некоторых важных сторон в рассмотрении «Социалистического вестника» как исторического источника.

На наш взгляд, мнение об особенной ценности номеров журнала за 1920-е – 1930-е гг. совершенно справедливо. В это время редакция могла писать о положении в СССР, основываясь не только на материалах советской периодической печати и статей зарубежных журналистов, побывавших в Советском Союзе. Судя по подписям, заголовкам и содержанию статей в «Социалистическом вестнике», этот журнал имел более или менее разветвлённую сеть корреспондентов на российской территории. Вести шли не только из столицы, но и из уездных городов, даже из деревни. Уже в первом номере журнала были опубликованы известия из разных городов страны в разделе «По России» (Киев, Харьков, Минск, Витебск, Иркутск, Москва). Во втором номере содержались известия из Калуги, Череповца, Гомеля. Редколлегия получала корреспонденции как из крупных центров – Одессы и Саратова, – так и из небольших городов как Гомель (отсюда шли сообщения довольно часто), Брянск, Людиново. В особенности много известий было из Москвы. В 1920–1930-е гг. отдел «По России», где публиковались корреспонденции из разных центров страны, порой занимал несколько страниц журнального номера.

В основе корреспонденций были непосредственные наблюдения над советской жизнью, свидетельства очевидцев и участников событий. Здесь цитировались высказывания людей, принадлежавших к разным слоям советского общества. С течением времени связь с «Социалистическим вестником», как и вообще с зарубежьем, становилась всё более опасной и трудной для советских граждан, поэтому эта сеть корреспондентов журнала постепенно исчезла. Такое обстоятельство снизило ценность «Социалистического вестника» как источника для позднейших исследователей, вследствие этого предлагаемая работа ограничивается только указанными хронологическими рамками.

Естественно, в первую очередь рассматриваемый журнал важен как источник по истории определённой части российской эмиграции, которая выступала со страниц «Социалистического вестника», оценивала происходившее в России и в международной жизни. Именно эти оценки, а также высказанные в статьях воззрения, анализ явлений, которые наблюдались на родине эмигрантов, составляют главную сторону в содержании журнала. Эту линию уже начали изучать исследователи истории журнала.

«Социалистический вестник» был совершенно свободен от всякой цензуры, авторы статей были творчески раскованы и могли писать то, о чём хранила полное молчание советская печать. Их взгляд был остро критичен и внимателен к мелочам. Особое внимание редакция журнала уделяла репрессиям, которым подвергались социал-демократы со стороны большевиков. Это была важная тема в журнале, которая включала в себя и столичные и провинциальные материалы. Так, в № 5 за 1921 г. отдел «По России» был посвящён почти исключительно репрессиям: арестам меньшевиков – молодёжи, которая издавала орган «Юный пролетарий», арестам Ф. Дана, Н. А. Рожкова и др., арестам в Самаре, Одессе, Саратове, Брянске³. Журнал отмечал, что власть большевиков выставляет меньшевиков главным и опасным врагом; «свои внутренние разногласия верхи хотели смазать, обратив всё внимание своего стада на общего врага»⁴. Журнал писал о положении в советских тюрьмах, в ссылке. Редакция постоянно обращала внимание читателей на судебные процессы над революционерами, на истязания в тюрьмах и пр. Из этих материалов нередко состояли передовые статьи. Естественно, что редакция не обладала никакими статистическими материалами на эту тему. Журнал давал сведения только об отдельных фактах. Эти известия нередко были отрывочными, но весьма ценными, так как не проникали в советскую печать.

В первом номере «Социалистического вестника» была помещена большая редакционная статья «Экономика и политика»⁵. По сути дела с этой статьи началось более или менее систематическое освещение экономической политики и состояния экономики в советской России (СССР) на страницах журнала. Вынося свои суждения, авторы редакционной статьи опирались на материалы советской периодической печати, концентрируя внимание читателей на важных вопросах обстановки в государственном аппарате как проводнике экономической политики большевиков.

Завершилась Гражданская война, «на которую спирали все трудности», – отмечалось в редакционной статье. Встали острые вопросы и прежде всего вопрос об экономическом состоянии страны. В связи с этим редакция усмотрела ноты пессимизма в выступлениях представителей верхов. «На понижение настроения влияет сознание полной непригодности и неспособности создавшегося за последнее время административно-хозяйственного аппарата справиться с предстоящей работой»⁶. Этот аппарат статья характеризует как «чудовищно разросшийся», заражённый такими болезнями как протекция для родственников и «своих людей», интриганство, прислужничество, карьеризм. Бюрократическую систему авторы определили как главное препятствие для возрождения страны, как систему, которая сковывает самостоятельность масс – важнейшее условие возрождения. Вообще тема советской бюрократии, её создания, деятельности была одной из важных на страницах «Социалистического вестника»⁷.

Хотя авторы и употребили в названии статьи слово «экономика», но обстоятельного анализа экономики страны она не содержала. Авторам были недоступны необходимые источники. Они могли усмотреть только более или менее значительные экономические проблемы. В дальнейшем уже гораздо более глубокие аналитические статьи по экономике в «Социалистическом вестнике» публиковал Д. Далин и по сравнению с этим автором менее интересные экономические обзоры А. Югова.

В том же первом номере говорилось о положении крестьян в условиях продовольственной развёрстки: «Среди крестьян, несомненно, опять неспокойно. А на Урале, Алтае, Западной Сибири идут уже настоящие восстания. В Смоленской [губернии] буквально измывгарили, заставили в какие-нибудь два месяца выполнить весь наряд хлеба, мяса, картофеля, яиц, капусты и пр., а теперь за отсутствием хранилищ и средств передвижения всё мерзнет, мокнет и гниёт под открытым небом»⁸.

В 1920-х гг. авторы статей уделяли много внимания деятельности большевиков в области экономики, особенно НЭПу. Здесь сказывалась общность воззрений социал-демократов и большевиков-коммунистов, идейно ориентированных на представления марксизма и его футурологические построения. Как для партии большевиков, так и для членов редколлегии «Социал-демократа» товарно-денежные отношения были тождественны капитализму, а «военный коммунизм» в их глазах и был подлинным коммунизмом, несвоевременно и неоправданно введённым большевиками в неготовой для него стране.

Естественно, что редакцию «Социал-демократа», как и всех интересовавшихся положением в России, привлекло введение новой экономической политики. В 1921 г. в пятом номере журнала была опубликована большая статья без указания автора под названием «Натуральный налог и свободная торговля»⁹. В ней отмечалось падение уровня сельского хозяйства. В этой обстановке Ленин совершил крутой поворот в политике советского правительства. Статья обращала внимание читателей на отмену хлебной монополии и введение новой продовольственной системы, продовольственного налога. «Во всём этом большой шаг вперёд», – говорилось в статье¹⁰.

Далее в ней был дан анализ той юридической основы, на которой был построен новый порядок хозяйствования. «Новая система включает в себе немало компромиссов и туманностей, которые во многих местах дадут возможность аннулировать все положительные стороны реформы, – отмечала статья. – О праве крестьян продавать свои излишки нигде не говорится ни слова; говорится лишь об обмене, причём "обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота". Что такое "местный хозяйственный оборот"? Под этот нарочито туманный термин можно подвести и волость, и губернию, и целый большой район». А поскольку границы «местного хозяйственного оборота» не были очерчены юридически, то, как

справедливо говорилось в статье, заградительные отряды смогут задерживать и реквизируют хлеб у крестьян. Далее статья обращала внимание на то, что не все последствия военно-коммунистической политики по отношению к крестьянству были ликвидированы: «декрет о принудительных засевах остаётся пока в силе», что было назойливым вмешательством власти в крестьянское хозяйство. В связи с этим статья, авторы и читатели которой не могли предвидеть системы сталинских колхозов, писала о «фантастической идее организации и регулирования крестьянского производства» со стороны государства. Рассматриваемая статья совершенно точно показала, что в создаваемой системе НЭПа не были исключены элементы предыдущей стадии – политики «военного коммунизма».

Вместе с этими своеобразными чертами в политике советского государства статья отмечала и явление идеолого-психологического порядка: «Идеология универсального государства левиафана нигде не развилась так пышно, как среди <...> влиятельного слоя советской бюрократии»¹¹. Наблюдение это совершенно точное, связанное с повсюду проводимым большевиками централизмом.

Авторы статей в «Социалистическом вестнике» пристально следили за тем, как проводилась новая экономическая политика и каковы были её последствия. Д. Далин в статье «Опять "перелом"» отмечал, что «новый курс» в политике большевизма (то есть НЭП), «открывая двери беспредельной спекуляции и наживе, поощряя безграничную роскошь в замученной голодом стране, <...> разлагает и дробит коммунизм на ветви, фракции и течения сильнее, чем это в силах была сделать какая-либо другая ситуация». Этот публицист «Социалистического вестника» усмотрел рождение разных позиций внутри партии в условиях нэповской действительности. Очень точно он отметил фундаментальную трудность в политике большевизма – неспособность экономически и идеологически освоить и эффективно использовать товарно-денежные отношения (капитализм, по его терминологии): «В новых заявлениях Ленина о "законченном отступлении" сказывается не результат годового опыта, а тот непреложный исторический закон, что примирение с капитализмом – это орех, который труднее всего раскусить коммунизму...»¹².

В другой статье под названием «Кризис нэпа» Далин отмечал, что в России «изо всех сил насаждаются биржи – даже там, где в них долго ещё не будет никакой нужды; пропагандируются самые утончённые формы банковских операций, для которых нет места при данных условиях, широко поставлена газетная реклама, в которой в девяти случаях из десяти нет никакой необходимости». В связи с этим Далин отмечал страсть к капиталистическим словечкам в выступлениях большевистских руководителей и полную невозможность их разумного и выгодного осуществления. Иными словами, лозунги вождей партия восприняла, а техническо-организационная часть новой

политики была большевикам неподвластна, как теперь понятно, в силу недостаточной экономической образованности.

«Политика нэпа губит и душит его экономику, – писал Далин, – система бюрократической власти не даёт развиваться тем сторонам экономики, во имя которых нэп был провозглашён. Всякая диктатура является стеснением для экономического развития. Если к этому присоединяются утопические и демагогические методы и цели политики, то политика убивает экономику». С другой стороны, как считал Далин, и экономика убивает политику: нэп создал новые общественные силы, он сталкивает между собой разные классы, вновь вынуждает народные массы на борьбу за лучшие условия жизни¹³.

В 1923 г., через два года после начала НЭПа, Далин отметил «крупные успехи», которых достиг в последнее время «русский капитализм». Теперь денационализировать предприятия могут местные органы власти, не ставя в известность центр, хотя Ленин обещал не делать ни шагу назад; кроме того, заключены новые договоры. Как представлялось Далину, необходимы были дальнейшие крупные уступки капитализму. Он отмечал то, что сельское хозяйство начинает оправляться от прошлогоднего голода, торговля развивается пышным цветом, мелкая промышленность налаживается. На этом фоне источником постоянных кризисов и полного развала, по его наблюдениям, была тяжёлая промышленность¹⁴.

В 1924 г. Далин отметил в политике большевиков тенденцию к отказу от НЭПа. В статье «Назад!» он писал, что на смену двухлетнему постепенному прогрессу в экономику пришли кризис и застой. С первого же дня проведения большевиками принципиально новой политики не было серьёзных политических гарантий устойчивости и прочности новых экономических принципов. Абсолютно верно Далин отмечал, что в экономической политике большевиков совершались беспринципные зигзаги. «Надолго» провозглашённый курс через три года наполовину был ликвидирован. Душой НЭПа была свобода торговли, только в сфере торговли он и дал результаты. Через торговлю он подействовал на крестьянское хозяйство, спас умиравшую промышленность. С осени 1923 г., по наблюдениям Далина, начался застой в промышленности. Производительность труда остановилась. Зарплата перестала повышаться. В ответ на растущее недовольство населения последовали высылка нэпманов, строгое регламентирование государственной торговли, расширение прав ГПУ, политические процессы. Далин полагал, что в последнее время идёт процесс разрушения системы НЭПа. Резолюция ЦК о внутренней торговле завершала это развитие. В резолюции предписывается «максимально ограничить кредитование частных лиц и учреждений», «ликвидировать частные оптовые посреднические операции с государственными оптовыми предприятиями»; запрещается отдавать товары на комиссию частным лицам. Вводятся твёрдые цены на ряд товаров, то есть ликвидируется частная торговля и возрождаются старые формы

подпольной спекуляции. Иными словами пошло движение назад, что автор и отразил в названии своей статьи¹⁵.

Как бы продолжая мысль Далина, А. Югов рассмотрел в своей статье «Левый курс и частная торговля» указанную тенденцию к отказу от НЭПа («левый курс») и итоги проведения в жизнь такой политической линии, в которой воплотилась эта тенденция. К началу 1924 г. данные Народного комиссариата финансов показали роль частного капитала в торговле. Выяснилось, что почти весь обмен города и деревни оказался в руках частника. Коммунисты испугались, писал Югов, полученные статистиками цифры прозвучали как грозное предостережение. Поэтому XIII съезд партии дал директиву о том, что частный капитал должен быть заменён кооперацией, а она должна занять господствующие позиции в течение ближайшего года. Реализуя эту политическую линию, «повсеместно арестовывали, высылали, отбирали имущество». Частная торговля замерла. Прошло свыше полугода левого курса. Роль частного капитала в экономике страны уменьшилась. Однако наиболее живучие торговцы приспособились к новой обстановке. Оптовые торговцы распылили свой капитал и формально стали числиться розничниками, организовали армию агентов. Последние месяцы говорят о наступательном движении частного капитала, – писал Югов, опираясь на свидетельства жителей страны. – Вытесненные из города, нэпманы-предприниматели бросили часть своих капиталов на заготовку хлеба, скота, мяса... Распылённый, частный капитал стал ускользать от обложения¹⁶.

В 1924 г. в двадцатом и двадцать втором / двадцать третьем (сдвоенных) номерах «Социал-демократа» была опубликована большая статья Д. Далина «Деревня». Автор писал о том, что «группа молодых членов нашей партии произвела этим летом обследование четырех уездов в различных районах России». Редакция получила рукописные отчёты об этом обследовании. Изучались Тверская, Витебская губернии и Башкирия. Судя по опросам сельского населения, с началом новой экономической политики жить стало легче. По сёлам перестали ездить реквизиционные отряды, перестали требовать в страдную пору подвод по развозке комиссаров по деревням, ушли роты солдат, нет обысков, не прячется домашняя утварь в ямы. Появились новые избы. В крестьянском хозяйстве наметился прогресс – стали распространяться занятия кролиководством, пчеловодством, выращиванием гусей, уток. Однако, как отмечалось в статье, эти занятия были по силе только зажиточным. Улучшения затронули только небольшой слой крестьян. Особенно медленно усовершенствования происходили в земледелии. Сельские жители пахали довоенными плугами, не имея ни сеялок, ни веялок, ни косилок. Общая картина улучшения нарушалась в тех областях, которые пережили голод 1921–22 гг. В это время в Башкирии умерла четверть населения.

С НЭПом из деревни ушла власть, и прекратился чудовищный нажим на крестьянство, но и отсутствовали агрономическая помощь, суды, обеспечен-

ность крестьянского владения. Суду не доверяли, его боялись. Между тем в сёлах происходили убийства сыновьями своих родителей, мужьями – жён. Воровство дошло до предела. Местные органы управления допускали беспринципный произвол, взяточничество¹⁷.

В целом, отмечали наблюдатели, крестьянство выиграло от революции. Однако, по их же словам, есть миллионы крестьян, которые ничего не приобрели и страдали от малоземелья, как и раньше. Не больше 5 процентов бедноты получило землю, почти все помещичьи имения оказались у совхозов; «процесс дифференциации деревни не зашёл ещё далеко, и может идти совсем по другим линиям».

Где крестьяне приобрели мало земли, там шла борьба между ними и совхозами. Крестьяне бросились на расчистку лесов. Они жгли лес. При дележке гари происходили ужасные споры, нередко драки¹⁸.

Таким образом, в «Социалистическом вестнике» прослеживалось развитие экономической политики большевиков на основе партийных документов и корреспонденций из советской России (СССР), в критическом духе формулировались её методы и итоги. Здесь были даже отражены живые впечатления от экономической обстановки. Нужно признать, что многие соображения и оценки авторов статей были удивительно меткими и глубокими, хотя авторы и разделяли большевистские утопические представления о коммунистическом обществе. К таким относится, в частности, вывод о наличии двух линий при проведении новой экономической политики – левой (военно-коммунистической) и правой (капиталистической), о юридических затруднениях для торговли, которые были созданы в условиях НЭПа, о назойливом вмешательстве государства в экономику. Статьи журнала нередко содержали такой анализ и такого рода наблюдения, какие не могли быть опубликованы в советской стране.

Экономические проблемы интересовали авторов статей в «Социалистическом вестнике» не только и, может быть, не столько сами по себе, но и в связи с положением народа (разных классов советского общества), общественными настроениями. Поэтому при освещении экономики в цитированных статьях то и дело выступал политический аспект.

Важнейшей темой выступлений разных авторов на страницах «Социалистического вестника» уже с первого года существования журнала стала идейно-политическая жизнь в советской России. Главными источниками для авторов служили периодические издания (главным образом газеты), а также литературные произведения. Здесь была представлена очень обстоятельно политическая информация, источники были вполне доброкачественными с точки зрения их политико-идеологического содержания. Здесь был более богатый материал для анализа, чем доступные авторам «Социалистического вестника» сведения об экономике.

В 1921 г. в двадцать первом номере «Социалистического вестника», была опубликована статья С. Сумского «О национал-большевизме»¹⁹. Главным идеологом этого идейного течения был Н. В. Устрялов. Национал-большевизмом называли продукт перерождения большевизма, «примиренческий сдвиг от утопии к здравому смыслу». «Был "немедленный коммунизм"; – сейчас возрождается частная собственность, поощряется "мелкобуржуазная стихия", и о "государственном капитализме" говорится как о пределе реальных достижений. Была "немедленная мировая революция"; – сейчас в порядке дня ориентация на мировой капитализм, отказ от экстремистских методов борьбы с ним. Был боевой воинствующий атеизм; – сейчас в расцвете "компромисс с церковью". Был необузданный интернационализм; – сейчас "учёт патриотических настроений" и приспособление к ним. Был правожернейший антимилитаризм; – но уже давно гордость революции – красная армия», – так определял содержание понятия «национал-большевизм» Н. В. Устрялов²⁰.

Национал-большевизму уже было посвящено значительное количество статей в эмигрантских журналах и газетах, поэтому Сумский в своей работе освещал не сущность, а историю становления национал-большевизма. Обнаружилось это явление во время борьбы с Польшей. «Для всякого подлинного патриота стало очевидно, что единственной национальной консолидацией может быть только такая, которая связана с советской властью и с красной армией», только эти силы были способны бороться за национальную независимость. Защита от Польши и возрождение российской государственности, совершаемое большевиками, вот, по мысли Сумского, предпосылки национал-большевизма²¹.

Когда поляки били русского мужика, несли с собой разорение стране, врангелевцы помогали завоевателям. К этому моменту относится выступление генералов Брусилова, Поливанова и др. в пользу поддержки большевиков, защищавших Россию. В это же время появились первые статьи Устрялова. Здесь источник тех настроений, которые отчетливо изображены в сборнике «Смена вех». Автор обращал внимание читателей на один из номеров журнала «Современные Записки». В нём было опубликовано письмо из России о Красной армии. Красного командира Красная армия вывели из деревенских парней в благородные люди. Ей он обязан своим положением, своей властью. Это наиболее демократическая армия. «Как же не дорожить им своей красной армией, не создавать культа нового милитаризма, хотя и красного по форме, но точно такого же по сути, как милитаризм другой страны, с культом национальной славы, с жертвенностью подвига, военно-товарищеской солидарностью, с дисциплиной и воспитательной суровостью». Красная армия выросла в национальную армию – таков был вывод Сумского²². Ещё не все отдадут себе отчёт в том огромном значении для судеб большевизма и России, какое имела война с Польшей, – писал он. – Она по-

трясла общественное сознание и впервые примирила буржуазно-патриотические элементы с большевизмом²³.

Автор в чём-то был согласен с Устряловым и указывал читателям на важное явление в жизни большевизма – начало его постепенного перерождения, неизбежного при столкновении утопических представлений с российской реальностью. Такой взгляд был характерен для некоторых групп русской эмиграции со всем разнообразием её политических предпочтений и ориентаций²⁴. При этой общности некоторые эмигранты одобряли существование сильной государственной недемократической власти²⁵. Разделяя принципы демократизма, редколлегия «Социалистического вестника» придерживалась иной позиции. В последующих статьях (уже в 1930-х гг.) авторы называли Сталина диктатором, советскую власть – диктатурой, осуждая то и другое. «Сталинизм» они считали «законным детищем ленинизма, естественным завершением цикла его развития»²⁶.

Публицисты «Социалистического вестника» чутко реагировали на идеологический поворот от интернационально-классовых позиций к государственно-национальным, который произошёл в большевизме в 1930-х гг.²⁷ 25 июня 1934 г. журнал опубликовал передовую статью с названием «За родину!»: «Слово, давным-давно изгнанное из советского обихода, появляется в официальном декрете, переходит на столбцы газет, вновь склоняется во всех падежах, наполняет пафосом статьи и речи... Большевистская диктатура заменяет ставшее уже традиционным для неё "социалистическое отечество" давно сданной в архив "родиной"»²⁸. Главной причиной идеологических изменений члены редакции журнала считали приближавшуюся войну. «Самым характерным настроением сейчас в коммунистической и советской среде надо считать ожидание войны. Все ждут её как чего-то неизбежного. В хозяйственных организациях все вопросы решаются в предположении неизбежности войны, предприятия разделены уже на "работающие на оборону" и неработающие. Сырьё и ассигновки распределяются по тому же принципу. Военнообязанные повсюду уже взяты на учёт. В коммунистической среде много и напряжённо говорят о войне, о её шансах, о её этапах. Всё расценивается под этим углом»²⁹.

Журнал отметил, что на съезде писателей, к которому в течение двух недель в 1934 г. было приковано внимание всей советской общественности, в большевистский политико-идеологический словарь было введено новое слово – гуманизм³⁰. Это был ещё один признак эволюции господствовавшей идеологии.

Во второй половине 1930-х гг. новые идеологические веяния стали ещё виднее, о чём писала В. Александрова – самый яркий публицист и литературный критик, работавший в редакции «Социалистического вестника». Её статьи всегда отличались меткими суждениями и глубиной мысли. Патриотизацию идеологии большевиков она образно преподносила так: «По всем

этажам официального идеологического здания снуют энергичные люди, получившие задание на его капитальный ремонт. В отличие от понятий "мировой социальной революции", "диктатуры победившего пролетариата", которые в начале революции с боем занимали места на узких газетных столбцах, – "великорусский народ", "советская держава", "родина" располагаются на тех же столбцах с уверенной осанкой знающих себе цену понятий, а революционные лозунги вежливо и предупредительно пропускают их вперёд»³¹.

В 1937 г. В. Александрова опубликовала статью под названием «Идеологические метаморфозы»³². Автор заметила трагический конфликт внутри Октября – «конфликт между пролетарской идеологией и живой социологией революции», о чём по сути дела писал Устрялов, о чём думал Троцкий, ожидая термидора и перерождения партии. Над этим размышляли и теоретики большевизма, находившиеся в составе партии. В отличие от многих из них, Александрова глубже всмотрелась в то идейное содержание, которое в 1930-е гг. стала внедрять в общественное сознание власть большевиков. Она определила эволюционировавшую идеологию как «идеологию нового господствующего слоя»³³. «Тоталитарный режим не может существовать без тоталитарной идеологии. Тоталитарно господствующий слой не может отказаться от стремления изображать защиту своих интересов как защиту "общих интересов" всего государства, ибо иначе он теряет право на господство. Уже с середины 1934 г. начинается медленное, осторожное, но радикальное идеологическое перевооружение диктатуры. Убийство Кирова только ускорило этот процесс. Выработка новой тоталитарной идеологии ещё не закончена, тем не менее, основные линии её видны невооружённому глазу. Большую роль в новой идеологии играют реквизиты исторического прошлого: народ, народность, родина, нация, патриотизм. Второй особенностью новой идеологии является апелляция к чувству в противоположность прежней апелляции к сознательности... Основные чувства, которые мобилизует новая идеология, это чувства порядка, семьи и родины. Всем им общей является консервативная тенденция», – так очень точно обрисовала Александрова особенности новых идейных веяний в большевизме³⁴. Интересно, что уже в 1930-х гг. Александрова обозначила режим Сталина как тоталитарный, предвосхищая зарубежную послевоенную литературу об СССР, всесторонне разработавшую понятие «тоталитаризм».

Позднейшие публикации в «Социалистическом вестнике» детализировали эту концептуальную идею³⁵. Видный эмигрантский публицист, лидер правого течения в меньшевизме П. Гарви заново обратился к истории складывания новой идеологии большевиков. «Уже в период гражданской войны и интервенции и под их непосредственным влиянием появились первые признаки национально-государственного перерождения или самоопределения большевизма. В борьбе с белыми армиями и интервентами, а в особенности во время войны с Польшей, большевистская пропаганда умышленно развя-

зывала стихию национальных страстей. Во время нэпа ещё стыдливо, но всё явственнее звучали ноты национально-государственного эгоизма как во внешней политике большевиков, так и в политике особенно на Ближнем и Дальнем Востоке»³⁶. Гарви очень точно отметил «настоящее рождение национал-большевизма» в концепции построения социализма в одной стране, которую выдвинул И. В. Сталин³⁷. Он указал и на социальную базу новых для большевизма и в то же время весьма старых для российской действительности идей: «Кульм родины, насаждаемый сверху в неразрывном сплетении с кульмом единогодержавного вождя, "отца народов", отвечает идеологическим запросам новых социальных верхов. В таком виде советский патриотизм, всё более заглушающий традиционную классово-пролетарскую идеологию и фразеологию диктатуры, становится тем политико-психологическим цементом, который легче всего может связать правящее сословие советских служилых людей с головкой переродившейся партийной диктатуры, с одной стороны, с распылённой толщей трудящегося населения, из которой оно вышло, с другой. Новую идейную и эмоциональную основу для своего самоутверждения ищут и находят в культе родины и народности все те "беспартийные большевики" и выхолащенные партийцы, которые тяготеют традиции перманентной революции и хотят – со Сталиным или против него – закончить революцию и закрепить "навечно" свои достижения в ней»³⁸.

Идеи Гарви предвосхищали построения указанного выше позднейшего исследователя большевистской идеологии Агурского. Комплекс статей из «Социалистического вестника», посвящённых эволюции большевистской идеологии, представляет собою, с одной стороны, памятник общественной мысли социал-демократов. С другой стороны, в нём воплотился начальный период в историографии истории того большого идеологического поворота, который пережила большевистская партия, придя к власти.

Важной стороной в советской жизни, на которую обращали внимание авторы статей в «Социалистическом вестнике», был быт и настроения рядового населения, состояние общественного сознания в Советском Союзе. В основу статей на эту тему были положены непосредственные наблюдения современников, отклики жителей советской страны на явления окружавшей их действительности. По сути это своего рода дневниковые записи, отражавшие положение главным образом в городских, столичных, слоях населения.

В рубрике «По России», в сообщении, подписанном инициалом «А.», автор цитировал высказывание коммуниста накануне XVII съезда партии: «Массы жаждут героя и мечтают о сильном вожде. Это сейчас характерно для всего Запада. А у нас в России, где издавна народ окружал легендой то "белого генерала", то Стеньку Разина, то революционеров Каляева и Спиридонову, – сейчас прямая задача партии направить это естественное и неудержимое чувство масс и особенно молодёжи на личность Сталина... Пока был жив Ленин, у партии был непрерываемый авторитет. Когда во главе

партии стояли Сталин, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Троцкий и другие, – партия всё время металась в уклонях, так как авторитет руководства расчленился. Партия снова стала монолитна с того момента, когда вся наша печать воспитала сознание рядового партийца, что там, где Сталин, – там партия, и то, против чего он, – то уклон»³⁹.

Отражая настроения и состояние общественного сознания в начале 1934 г. корреспондент «М.» писал: «Говорят у нас сейчас исключительно о войне, об её близости, неизбежности. Что война будет, об этом спору нет. Нет спору и о том..., что мы победим... Поразительно, что совершенно не слышишь, чтобы говорили в этой связи о том, что наша доблестная армия понесёт на своих штыках социализм в капиталистические страны. В ожидании войны, как всегда и везде, растёт национализм, развивается недоверие к "чужим". Это недоверие начинает поворачиваться и против Сталина. Услужливая память напоминает, что и он ведь "чужой"»⁴⁰. Стоит напомнить, что на XVII съезде ВКП(б) в политическом отчёте ЦК партии, с которым выступил Сталин, было уделено внимание будущей войне, причём Сталин обрисовал возможные варианты этой войны⁴¹. Настроения ожидания войны корреспонденты «Социалистического вестника» отмечали и позже⁴².

Автор, скрывавшийся под псевдонимом «А.», писал об обстановке на съезде партии следующее: «Коммунисты, ещё не утратившие политического чутья, откровенно говорят, что организаторы съезда перешли границы в восхвалении и культе Сталина.

...Всем делегатам съезда были в первый же день розданы подарки: по ящичку мандарин, по одному патефону и по 20 пластинок...

Хотя Сталин сам своей санкцией на провозглашение себя теоретиком и гением не давал, но все знают, что это делается с его одобрения и, более того, что он очень ревниво относится к тому, кто ставится на следующее место за ним. ...Если пройти по советским и партийным учреждениям, то портрет Маркса встречается очень редко, довольно часто ещё висят портреты Ленина, но повсюду висят портреты Сталина. ...Сейчас в связи с несомненным улучшением внутреннего и внешнего положения советской власти и, особенно в связи с успехами на продовольственном фронте, к Сталину стали относиться с большим уважением, и рядовой коммунист, мечтающий о вожде, охотно отдал своё обожание Сталину, поставил ставку на Сталина. Чем больше проходит лет со времени Октябрьской революции, тем более, мёртвый Ленин отходит в сторону, и живой Сталин замещает его в сознании и психологии коммунистических верноподданных масс. И Маркс, и Ленин далеки от сегодняшней злобы дня, их учение звучит схоластически, между тем как Сталин даёт определённые ответы, почти приказы на насущные ударные вопросы: как жить, куда идти, к чему стремиться, что делать»⁴³.

В этой же работе автор сделал важное наблюдение об обстановке на предприятиях. Там развивалось общественное питание, типичными стали обеды в

столовой на территории завода: «От старой "уравниловки" не осталось и следа. Все потребители разделены на группы: причём совсем не по классовому принципу, а в зависимости от квалификации и ударности»⁴⁴. Это показывает, что дальнейшее уничтожение прежних большевистских иллюзий в 1930-х гг. становится заметным явлением, в частности, в производственном быту.

По итогам XVII съезда партии на страницах «Социалистического вестника» выступила В. Александрова. В рассматриваемой статье автор является скорее социологом, обобщающим наблюдаемые в обществе явления, чем журналистом, который фиксирует конкретные черты жизни. Александрова обратила внимание на новое поколение граждан СССР, которых Сталин в своём докладе на съезде назвал «советскими людьми». По наблюдениям Александровой, ранее ставка делалась на новых работников из партийных низов, «честных беспартийных», рабочих-выдвиженцев. В годы первой пятилетки выдвинулись «советские люди». «Все они, так или иначе, захватили в детстве свой кусок предреволюционной России. Первые впечатления их бытия – рабочая или мещанская окраина, ремесленное или приходское училище... Социальное неравенство для них – не отвлечённость... Когда началась революция, они, до тех пор упорно боровшиеся за кусок хлеба и за возможность чему-нибудь научиться, чтобы избежать участи своих отцов, пошли в Красную армию. Вернувшись, снова засели за учёбу. ...Диктатура пролетариата для них прочно существующая и нормально функционирующая власть, которой они служат верой и правдой. Эмоционально они глубоко убеждены, что революция кончилась и надо прочно обживать свой новый дом»⁴⁵.

В первой половине 1934 г. авторы статей в «Социалистическом вестнике» отмечали изменения в политике, настроениях и поведении рядовых граждан по сравнению с более ранним временем. Если в 1932–33 гг. в рабочей среде проявлялось недовольство, то богатый урожай 1933 г. ослабил его. Разговоры о возможной близкой войне стихли. Смехотворно слабая трудовая дисциплина с осени 1932 г. стала крепнуть. Травля интеллигенции в 1931–32 гг. совсем ослабела⁴⁶.

Корреспондент журнала отметил в стране стабилизацию режима после революционного порыва 1920-х гг.: «Одним из ярких проявлений нового курса следует считать почтение к начальству. Понемногу начинает вырисовываться наша иерархия. Сверху – вождь. Затем всякие вельможи. Затем лестница государственных и партийных чиновников. Существенным новшеством является то обстоятельство, что на очень ответственные должности назначают беспартийных. Очень интересно, что этой чести удостоиваются главным образом представители "старого поколения". Но интересно также отметить, что резко изменилось и отношение к советской власти довольно широких кругов старых специалистов. Нельзя сказать, чтоб они полностью приняли большевистский режим, но они в массе решили "отдать себя стране на службу"»⁴⁷.

Наблюдения над повседневной жизнью в СССР приезжего иностранца привели к следующим выводам: «Внешний вид уличной толпы в Москве многим уступает Лондону, хотя сильно позади Парижа, Берлина и даже Варшавы. Люди имеют бодрый вид и одеты сравнительно неплохо. С обувью – хуже. Бросается в глаза, что на улице право гражданства имеют домашние туфли, чоботы, одетые на босу ногу, галоши без обуви и даже без носков или портянок»⁴⁸. В глаза наблюдателю бросилась одна черта – исчезновение страха: «Это исчезновение страха наблюдается прежде всего среди интеллигенции и прежних нэпманов и кустарей. Бросается в глаза изменение отношения к интеллигенции как к социальному слою. За ней ухаживают, её обхаживают, её покупают. Она нужна». Иностранца поразило «огромное количество молодёжи, занимающей ответственные места в партаппарате, на строительстве, на заводах. Очевидец советской жизни обратил внимание и на восприятие жителями страны политико-идеологической эволюции большевизма: «В русских коммунистах очень мало осталось от старого коммунизма. Вступление СССР в Лигу Наций было для большинства коммунистов неожиданностью. Но мотивы вступления СССР они объясняют национальными соображениями. Национализм, доходящий временами до шовинизма, – очень распространён среди молодёжи, в меньшей степени он имеется у более пожилых коммунистов. Но национализм этот не расовый или религиозный, а территориальный. Какое-то новое издание великорусского "панславизма"⁴⁹. "Мы" во всём первые, мы всех догоняем и перегоняем. Мы перестраиваем мир, а остальные глупые, тупые мещане или трусы. Старшее поколение коммунистов считает, что в Союзе строится социализм, хотя и не классического образца, а какой-то особенный, свой, русский. Рабочие не чувствуют себя хозяевами страны. Хозяевами себя не чувствует и молодёжь. В их сознании хозяином страны является государство, но это государство молодёжь воспринимает как своё государство. Отсюда и патриотизм молодёжи»⁵⁰.

Вместе с тем тот же очевидец писал о недовольстве населения своей жизнью: «Недовольны очень многие, почти все, даже ответработники, партработники, красноармейцы. И у каждого недовольного есть своё объяснение недовольства, своя теория. Среди недовольных я всё же не встречал ни одного, который искал бы выхода своему недовольству на путях свержения власти, на путях новой революции. Общее представление таково, что во всём виноват не режим в целом, а взятые темпы индустриализации»⁵¹.

Корреспондент «Н.» в 1935 г. отмечал, что в СССР «тон музыке задают новые поколения коммунистов. Это шумная, крикливая молодёжь, убеждённая, что в жизни надо пробиваться локтями, ни в грош не ставящая принципы и убеждения, считающая заслугой своею менять взгляды в 24 часа, если на это последовал приказ Сталина»⁵².

Здесь же были приведены слова старого большевика: «Люди привыкли лицемерить, не только скрывать свои взгляды, но и симулировать искрен-

ность и пафос защиты политических мероприятий, против которых протестует их сознание. В историческом аспекте я знаю, что наше дело верное и выигрышное. История, конечно, многое выровняет, поставит на своё место, отбросит худое, временное, утвердит положительное. Но пока что жизнь наша прескверная. Вокруг, куда ни повернёшься, видишь столько грязи и мусора. За то, что не растрачиваем мы народное хозяйство, а бешено организуем его, история нам многое простит, но когда я смотрю на строящиеся каналы и железные дороги, я и тысячи коммунистов со мной не можем не вспомнить не красовскую железную дорогу. Мы ведь своими глазами видим тысячи трупов, утрамбовывающих фундамент наших гигантов. Кто их считал? Но самое жуткое – это неравенство повсюду, неравенство кричащее!»⁵³.

В другой корреспонденции из России автор цитировал высказывание интеллигента, «старого специалиста»: «В начале генлинии натерпелись страху немало, что и говорить. Ложась спать, ставили у постели чемоданчик с бельём, мылом. И не потому, что грехи за собой чувствовали, а потому, что тогда ведь спецов хватало и ликвидировали без разбора. Теперь я ничего не боюсь, сплю спокойно, и пускай вот старые большевики ставят у постели чемоданчик! Факт, что мы, беспартийные спецы, чувствуем себя много ближе к нашему вождю, чем многие, многие старые коммунисты: они всё глядят назад, а мы – вперёд. Они боятся его "измены", а нам дорог его реализм. Они о мировой революции плачут, а нам Сталин вернул нашу родину-мать. Сталин о государстве думает, а ему чёрт знает чем в нос тычут, палки в колёса вставляют»⁵⁴.

Через некоторое время тот же корреспондент «Социалистического вестника» сообщал о том, что критический отзыв Сталина о старых спецах, не понимающих значения стахановского движения, вызвал переполох, растерянность, панику «в среде служилой интеллигенции»⁵⁵. Но это было только колебание генеральной линии. Основное же её содержание состояло в другом.

В начале 1936 г. корреспондент «А.» писал: «Наши будни превратились в сплошной "праздник". Утром, разворачивая газету, уже заранее прикидываешь: сколько на сегодня придётся новых орденосцев, кого осчастливили патефоном с пластинками, сколько торжественных совещаний и сколько банкетов посетило наше руководство»⁵⁶. В то же время замечен процесс возрождения дореволюционной формы, в которую одели водников, телеграфистов, почтовиков, частично школьников, возрождение новогодней ёлки, что рассматривается как некоторое замирение с церковью»⁵⁷.

В 1936 г. в центре внимания общественности оказалась новая советская конституция. «В связи с "демократизацией" и новой конституцией у нас очень много всяких слухов, – писал корреспондент «А.» – В частных беседах некоторые коммунисты уверяют, что вскоре будут заложены начала действительной демократии, обеспечивающей всем трудящимся свободу течений и

мнений. "Теперь советская власть столь сильна, что может позволить даже троцкистам их агитацию..." Но большинство настроено более скептически. "Не следует, мол, переоценивать предстоящих реформ, в новые меха будет налито в основном старое вино"⁵⁸. И позже он же писал: «После опубликования проекта сталинской конституции советские люди, и даже видные коммунисты, смелее и охотнее беседуют на злободневные темы. В среде правящих верхов опубликование проекта конституции прежде всего ещё более подняло авторитет Сталина. Коммунисты уже не в публичных местах, а среди близких людей говорят прямо с какой-то восторженностью и убеждённости о гениальности Сталина. "В истории он с правом займёт место самого умелого и прозорливого вождя пролетариата". Конституция вернула Сталину "души" многих старых большевиков... "Сейчас мы вступаем в период, когда ограничения будут постепенно [уничтожены] и вмешательство государства в область личных убеждений будет ослабляться", – таково несколько наивное, но распространённое среди коммунистов мнение. Не менее восторженно относятся к Сталину и его последнему детищу – конституции советские специалисты, особенно из числа так называемых "непартийных большевиков"»⁵⁹.

Другой корреспондент (без указания имени или псевдонима) в том же номере сообщал о том, что «внешний облик жизни (в СССР. – А. Д.) сейчас... гораздо лучше, чем четыре-пять лет тому назад. Теперь уже нет этой голодной погони за фунтом хлеба, как в годы 1932–33. Элементарная нужда в каждодневной пище в общем удовлетворяется. ...Смехотворно говорить о зажиточной жизни. Какая тут зажиточность, когда средний рабочий имеет кругом не больше 125–200 руб. в месяц, а килограмм масла стоит в Москве 21 руб. В Одессе я видел в 9 час. утра бесконечную очередь человек в 500–600. Стояли за ситцем, который продавался по 2 руб. метр. Стояли с 2–3 час. ночи. ...Крадут много. Это там превратилось в бытовое явление, и никого не возмущает...»⁶⁰.

Информация о социальных настроениях в СССР, быте населения, которую давал «Социалистический вестник», была живой, динамично отражавшей реальные процессы и явления в советской стране, в жизни народа. Как уже говорилось, она была подробной и достоверной благодаря сети информаторов «Вестника» внутри Советского Союза.

Итак, «Социалистический вестник», являясь главным образом богатым и достоверным источником по истории социал-демократической мысли, даёт представление о том, как воспринимались меньшевиками-эмигрантами экономические и идеологические процессы, проходившие в СССР. При этом авторы статей на указанные темы анализировали ещё и социальную сторону этих процессов. По глубине мысли их работы не уступали современным им трудам (Н. В. Устрялова и др.) и даже превосходили построения позднейших историков (М. С. Агурского). Не разделяя позиции Устрялова, авторы «Социалистического вестника» неизменно критически освещали политику советского руководства, постоянно указывая в ней отступления от социал-

демократических идеалов. Многие наблюдения и соображения, изложенные в их статьях, достойны внимания и в настоящее время.

Если по истории общественной мысли «Социалистический вестник» является ценным источником на протяжении всей своей жизни, то, как источник, освещающий внутреннюю жизнь советской страны, он имеет значение только для 1920–1930-х гг., пока сохранялась сеть корреспондентов журнала внутри СССР. Благодаря им на страницах «Социалистического вестника» появлялись высказывания рядовых граждан Советского Союза, сообщались живые, не прошедшие большевистскую цензуру впечатления от разных жизненных явлений. По корреспонденциям, подписанным обычно псевдонимом-инициалом, можно проследить динамику в социальных настроениях, политических воззрениях, слухах, имевших хождение по стране, интересах людей то к одному, то к другому событию, уловить духовную атмосферу – «воздух эпохи», столь важный для исследователя и обычно довольно трудно уловимый из-за состояния источников.

Примечания

¹ От редакции // Социалистический вестник. 1921. № 1. С. 1. Позже «Социалистический вестник» назывался Центральным органом Российской социал-демократической рабочей партии.

² См.: Хейфец М. Р. «Социалистический вестник» и «социалистическая страна» // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1992. Вып. 1. С. 203–218; Елфимов Е. А. Меншевицкий журнал «Социалистический вестник» в первые годы эмигрантского существования // Культура русского зарубежья. М., 1995. С. 189–196; Антонова М. В. «Социалистический вестник» 1922–1924 гг. о партийной оппозиции в России // Дискуссионные вопросы русской истории. Арзамас, 1995. С. 209–213; Реброва М. А. Национальный вопрос в СССР в освещении меншевицкого журнала «Социалистический вестник». 1921–1965: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001.

³ По России // Социалистический вестник. 1921. № 5. С. 14–15.

⁴ По России // Там же. 1921. № 8. С. 9.

⁵ Экономика и политика // Социалистический вестник. 1921. № 1. С. 1–3.

⁶ Там же. С. 1.

⁷ См.: Пути революции // Там же. 1921. № 2. С. 1.

⁸ Там же. № 1. С. 13.

⁹ Натуральный налог и свободная торговля // Там же. № 5. С. 8–10.

¹⁰ Там же. С. 9.

¹¹ Там же. С. 9.

¹² Далин Д. Опять «перелом» // Там же. 1922. № 7. С. 3–4.

¹³ Далин Д. Кризис нэпа // Социалистический вестник. 1922. № 15. С. 2–3.

¹⁴ Далин Д. Денационализация // Там же. 1923. № 1. С. 5–6.

¹⁵ Далин Д. Назад! // Там же. 1924. № 10. С. 6.

¹⁶ Югов А. Левый курс и частная торговля // Там же. 1924. № 19. С. 12, 13.

- ¹⁷ Далин Д. Деревня // Там же. 1924. № 20. С. 3-5.
- ¹⁸ Там же. № 22-23. С. 3-4.
- ¹⁹ Сумский С. О национал-большевизме // Там же. № 21. С. 3-6.
- ²⁰ Устрялов Н. В. Национал-большевизм. М., 2003. С. 171, 177.
- ²¹ Сумский С. О национал-большевизме // Социалистический вестник. № 21. С. 3.
- ²² Там же. С. 4.
- ²³ Там же. С. 5.
- ²⁴ См.: Агурский М. С. Идеология национал-большевизма ... С. 84.
- ²⁵ См.: Там же. С. 87, 93-94.
- ²⁶ Через десять лет // Социалистический вестник. 1934. 25.I. С. 1.
- ²⁷ См. подробнее: Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. С. 19-94.
- ²⁸ За родину! // Социалистический вестник. 1934. 25.VI. С. 1.
- ²⁹ А. По России // Социалистический вестник. 1934. 25.VII. С. 16.
- ³⁰ Александрова В. Съезд писателей // Там же. 1934. 12.IX. С. 7.
- ³¹ Александрова В. Литература и жизнь. Поиски нового на старых путях // Там же. 1936. 8.IV. С. 17.
- ³² Александрова В. Идеологические метаморфозы // Там же. 1937. 27.IV. С. 13-14.
- ³³ Там же. С. 14.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Осокин Ю. Сталинизация истории // Там же. 1937. 14. X. С. 5-9; Гарви П. Патриотизм и диктатура // Там же. 1938. 14.VI. С. 2-4; Александрова В. Потерянная и возвращённая родина // Там же. С. 4-6.
- ³⁶ Гарви П. Патриотизм и диктатура ... С. 3.
- ³⁷ Формирование этой концепции заметно с 1920 г. (Сталин И. В. Соч. Т. 4. С. 374-381), а официально её приняла как руководство к действию XIV партийная конференция в 1925 г.
- ³⁸ Гарви П. Патриотизм и диктатура ... С. 3.
- ³⁹ А. По России // Социалистический вестник. 1934. 25.I. С. 15.
- ⁴⁰ М. По России // Там же. 1934. 1.II. С. 14.
- ⁴¹ Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1935. С. 545-548.
- ⁴² Р. А. Наилучшая оборона // Социалистический вестник. 1934. 10.VII. С. 3; А. По России // Там же. 1934. 25.VII. С. 16; По России // Там же. 1934. X. С. 15; X. По России // Там же. 1936. 8.IV. С. 23.
- ⁴³ А. По России // Социалистический вестник. 1934. 25.II. С. 14.
- ⁴⁴ Там же. С. 15.
- ⁴⁵ Александрова В. Советские люди // Там же. 1934. 25.II. С. 9, 10.
- ⁴⁶ См.: Шварц С. Свет и тени // Там же. 1934. 17.III. С. 5; А. По России // Там же. С. 23; А. По России // Там же. 1934. 10.IV. С. 15.
- ⁴⁷ А. По России // Там же. 1934. 10.IV. С. 16.
- ⁴⁸ По России // Там же. 1934. 10.X. С. 13.
- ⁴⁹ См.: «Сталин, Жданов и другие представители правящей партии не заботились о противоречиях между идеологической пропагандой и её интерпретацией на среднем уровне в обществе, а возможно, даже не распознали степень недопонимания. Говоря языком того времени, пока партийная верхушка пыталась пред-

ставить новое направление как "национальное по форме, социалистическое по содержанию", при этом претворяя его в жизнь как "национальное по форме, этатистское по содержанию", общество в большинстве своём воспринимало его как "национальное по форме, национальное по содержанию"...» (*Брандербергер Д. Л.* Восприятие русоцентристской идеологии накануне Великой Отечественной войны (1936–1941 гг.) // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Сб. статей и материалов. Брянск, 1999. С. 47).

⁵⁰ По России // Там же. 1934. 10.X. С.15.

⁵¹ Там же. С.16.

⁵² *Н.* По России // Там же. 1935. 10.I. С.14.

⁵³ Там же.

⁵⁴ *П.* По России // Там же. 1935. 10.VII. С. 16.

⁵⁵ *П.* По России // Там же. 1935. 28.XII. С. 23. 17 ноября 1935 г., выступая на Первом всесоюзном совещании стахановцев, Сталин критически высказался об инженерно-технических и хозяйственных работниках, которые мешали возникновению стахановского движения (*Сталин И. В.* Соч. Т. 14. Март 1934–1940. С. 87-89).

⁵⁶ *А.* По России // Социалистический вестник. 1936. 10.II. С. 14.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ *А.* По России // Там же. 1936. 11.VI. С. 15.

⁵⁹ *А.* По России // Там же. 1936. 10.VII. С. 14.

⁶⁰ Там же. С. 15.

A. M. Dubrovskii

fimo-bgu.ru

The magazine "Socialisticheski Vestnik" as historical source (some observations).

Abstract: This article contains the analysis of the "Socialisticheski Vestnik" as historical source in such fields as the Bolshevik policy, the economic situation in the USSR, the political atmosphere, the conditions of everyday life. The most valuable information in this magazine covers 1920–1930'.

Key words: source, Bolshevik policy, evolution of ideology, conditions of life.

О. Н. Кузнецова

**Периодические издания Экономического кабинета
профессора С. Н. Прокоповича**

Аннотация: в статье рассмотрены периодические издания Экономического кабинета проф. С. Н. Прокоповича – «Экономический вестник» (Берлин 1923–1924 гг.), «Русский экономический сборник» (Прага 1926–1928 гг.), «Бюллетень Экономического кабинета» (Прага 1928–1938 гг.) особенно статью которых являлась публикация разнообразных материалов о Советской России. На основе проведенного анализа показана роль периодики Экономического кабинета в культуре Русского зарубежья.

Ключевые слова: периодическая печать российской эмиграции, Экономический кабинет, Русское зарубежье, издательское дело русской эмиграции.

Благодаря периодической печати появляются новые вопросы и новые требования к изучению эмиграции в целом, что вызывает необходимость исследования информационной среды русской эмиграции начала XX века. В частности, это проблема систематизации периодических изданий Русского зарубежья, где характерной чертой является объединяющая роль центров русской эмиграции. Одним из таких центров и был Экономический кабинет проф. С. Н. Прокоповича.

Помимо исследования непосредственно издательского дела русских центров за рубежом, следует обратить внимание, что подобные структуры занимались изучением Советской России и устанавливали прочные связи с СССР. Так, в «Положении об Экономическом кабинете»¹ говорилось, что Экономический кабинет в Праге учреждается при объединении Земгор с целью собирания, систематизации и критического обзора сведений о народном хозяйстве современной России.

Кузнецова

Ольга

Николаевна

Кандидат исторических наук,

доцент

Кафедра истории для

преподавания

на естественных и гумани-

тарных факультетах

Санкт-Петербургский

государственный

университет

В «Положении» говорилось о том, что для достижения своих целей Экономический кабинет: 1. Собирает библиотеку по всем отраслям народного хозяйства России, причем особенное внимание уделяется основным источникам сведений, а также официальным изданиям, «выясняющим экономическую и правовую обстановку» в сельском хозяйстве, промышленности и торговле. 2. Составляет бюллетени, представляющие собой систематическую выборку экономических сведений из русских и иностранных источников, подвергнутых критическому обзору и анализу о состоянии отдельных отраслей народного хозяйства и народно-хозяйственных процессов в России. 3. Ведет семинарии по народному хозяйству России и устраивает собеседования и доклады на экономические темы. 4. Публикует свои труды как в виде периодических изданий, так и форме отдельных сборников, монографий, брошюр. Заведующим Экономическим кабинетом был назначен С. Н. Прокопович.

В последние годы в России появился ряд исследований, посвященных научному анализу эмигрантской прессы, в частности, затрагивающих вопросы цензуры². Так, А. В. Лысенко утверждает: «Внимательно читали берлинскую прессу и комментировали ее развитие большевистские вожди. Наблюдения В. Ленина, Л. Троцкого за эмигрантскими газетами часто были точными и интересными... Русскоязычные зарубежные газеты для беженцев были причислены к обязательным для прочтения членами Центрального Комитета, а 26 мая 1922 г. был издан указ, обязывавший членов Политбюро от двух до восьми часов в неделю изучать белогвардейскую печать...»³

С другой стороны, отмечая особенности Берлина⁴, авторы подчеркивают интерес немцев к послереволюционной России, что вызывало необходимость в новых источниках информации. Следует заметить, что в эмиграции изначально был представлен весь спектр политических партий и течений бывшей Российской империи, и основной особенностью периодических изданий Русского зарубежья стало размещение разнообразных материалов о России. Вместе с тем, стремление продолжать работу, вынуждало русских ученых-эмигрантов к поиску новых форм существования и деятельности.

Рассматривая публикации Кабинета в виде периодических трудов, заметим, что Экономический кабинет имел свои научные периодические издания: «Экономический вестник» (издавался в Берлине в 1923–1924 гг.), «Русский экономический сборник» (выходил в Праге в 1926–1928 гг.), «Бюллетень Экономического кабинета» (публиковался в Праге в 1928–1938 гг.). На наш взгляд, одной из специфических особенностей печатных органов было стремление установить связи с родиной, подчеркнуть преемственность научной мысли России и эмиграции, что наложило отпечаток на содержание журналов. В трудах Экономического кабинета это – сельское хозяйство, промышленность, торговля, кооперация и другие отрасли⁵. Характеризуя такое издание Экономического кабинета, как «Экономический вестник»⁶, отметим, что всего за период деятельности С. Н. Прокоповича в Берлине было опубликовано три выпуска этого журнала.

Обосновывая необходимость издания «Экономического вестника», его авторы писали: «В процессе революции сотни тысяч русских людей оказались оторванными от своей страны и народа. Между тем за время войны и революции в русском национальном хозяйстве произошли глубокие изменения, в нем совершались такие процессы, о которых здесь за границей знают или по слухам, или же по отрывочным газетным заметкам, что вызвало необходимость появления подобного издания»⁷. ...Добывание текущих сведений о народном хозяйстве России сопряжено с большими трудностями, которые для многих непреодолимы. Статистические и другие данные, так или иначе освещающие различные стороны хозяйственной жизни России, появлялись преимущественно либо в малодоступных особенно здесь за границей официальных русских изданиях, либо в различных выходящих в Москве газетах и журналах, причем в дробном, случайном и часто беспорядочном виде. Поэтому возникла мысль об организации систематической выборки экономических сведений и разных источников, критического отбора их, сопоставления и расположения этого сырого материала в форме удобной для обозрения и анализа»⁸.

«Экономический вестник» выходил под редакцией С. Н. Прокоповича и объединял вокруг себя большую группу ученых, поскольку, как отмечалось в первом номере журнала, «каждому отдельному человеку следить за научной русской литературой и делать выводы из материалов, с трудом получаемых и часто противоречивых – невозможно. Лишь коллективная, упорная работа научных экономических сил способна более или менее точно установить характер и размеры явлений, происходящих сейчас на родине»⁹. Ощущение связи с Россией, тогда казавшейся еще совсем близкой, а также стремление русских ученых объединиться для работы отразилось в поставленных здесь целях «Экономического вестника»: «В России мы имеем по самым насущным вопросам экономики лишь официальную литературу, освещающую явления в высшей степени сбивчиво и тенденциозно, значение обсуждения всех этих вопросов за границей становится еще более важным и ясным. Немало выдающихся русских экономистов занято за границей научной работой. Объединение в печатном органе этой работы является задачей «Экономического вестника»¹⁰. На страницах «Экономического Вестника» С. Н. Прокоповичем были опубликованы несколько работ, в частности, статьи «Новая экономическая политика»¹¹, «Динамика крестьянского хозяйства»¹², «Труд в крестьянском хозяйстве»¹³. Печатался С. Н. Прокопович и в разделе «Библиография», где публиковал рецензии на работы экономистов¹⁴.

Отклики на новое издание в эмиграции были самые разнообразные. Так, М. Кривецкий писал С. Н. Прокоповичу 3 мая 1923 г.: «Мне удалось прочесть первую книжку "Экономического вестника". Читал с величайшим наслаждением. Все в ней обстоятельно, а главное объективно. Как старый журнальный работник, я прекрасно понимаю, сколько нужно было иметь настойчивости, сколько затратить усилий на отыскание, собирание и критическую сортировку мате-

риалов. В эмигрантских условиях на это способны только русские ученые. После прочтения первой книги я не только совершенно ясно представил себе картину экономического и финансового положения нашей несчастной Родины, но и получил возможность подкрепить свои заключения, что хозяйничание большевиков совершенно истощает Россию и откидывает ее на несколько веков назад»¹⁵.

После переезда Экономического кабинета в Прагу начал издаваться «Русский экономический сборник». Книги «Русского Экономического сборника» выходили 3-4 раза в год объемом в 12 печатных листов. Издания печатались в количестве 1200 экз., все расходы по редакционной части, как следует из письма издательства «Пламя»¹⁶ от 22 ноября 1924 г., относились на счет Экономического кабинета. В «Русском Экономическом Сборнике» С. Н. Прокопович и его коллеги также помещали свои статьи. Отметим, что С. Н. Прокоповичем были опубликованы две крупные работы: «Что дал России НЭП» и «Народный доход и способы его учета»¹⁷.

Вероятно, учитывая опыт «Экономического вестника», в «Русском экономическом сборнике» был создан раздел «Библиография», в котором печатались рецензии на различные экономические труды¹⁸. Как писал С. Н. Прокопович: «долгая оторванность России от центров научной работы, физическая невозможность получить новые книги или даже узнать о них, создали настойчивую потребность в библиографических указаниях и обзорах научных трудов»¹⁹.

Издание «Русского Экономического Сборника» было прекращено Экономическим кабинетом в январе 1928 г. выпуском XII книги журнала, «за сокращением его сметы»²⁰. Закрывтие Сборника вызвало немедленную реакцию в эмиграции. Высказывалось общее мнение, что для развития русской экономической науки прекращение издания было большой потерей, т. к. за рубежом не было ни одного экономического журнала, а в России отсутствовала свободная печать²¹. Однако отклики на «Русский экономический сборник» не всегда были хвалебны, в частности, критический анализ статей сборника был сделан С. Загорским. «Оба сборника (*два номера Русского экономического сборника*. – О. К.) имеют значительные библиографические отделы, но, как и у большинства русских журналов, эти отделы носят весьма случайный характер. Нашим журналам не мешало бы взять пример с английских и американских научных органов, у которых библиография составляет нередко большую часть всего материала»²².

Особо следует остановиться на характеристике такого периодического издания Экономического кабинета, как «Бюллетень Экономического кабинета проф. С. Н. Прокоповича». «Бюллетень» представлял собой наиболее полное издание Экономического кабинета, это была проанализированная выборка сведений из различных источников о состоянии экономики Советской России. «Бюллетени Экономического кабинета» издавались при содействии Славянского института в Праге, на средства Земгора и других эмигрантских организаций²³.

«Бюллетени» выходили семь-восемь раз в год, под редакцией С. Н. Прокоповича и при ближайшем участии сотрудников Экономического кабинета. Первоначально «Бюллетень» выходил в рукописном виде, некоторое время издание «Бюллетеня» происходило литографированным способом, затем печаталось на ротаторе. Из отчетов Экономического кабинета известно, что в 1927 г. было выпущено одиннадцать номеров «Бюллетеня». В этом же году отмечался большой спрос на «Бюллетени», но технические условия не позволяли его удовлетворять в полной мере. Поэтому с 1928 г. (№ 56) «Бюллетень» стал выходить в печатном виде: было выпущено девять его номеров. Последний номер «Бюллетеня» вышел в апреле-мае 1938 года. В продаже стоимость каждого номера определялась в 5 чешских крон, но в основном они рассылались бесплатно – библиотекам, редакциям, учреждениям и частным лицам²⁴. Всего существует 140 номеров²⁵ «Бюллетеня Экономического кабинета».

Рассматривая «Бюллетень Экономического кабинета проф. С. Н. Прокоповича», как публицистический источник по истории Русского Зарубежья, прежде всего, следует отметить специфику его содержания. Содержание всех номеров «Бюллетеня» можно разделить на несколько основных блоков проблем, во-первых, проблем, связанных с состоянием сельского хозяйства и промышленности в Советской России, затем, проблем внутренней и внешней торговли и состояния транспорта. Много места в «Бюллетене Экономического кабинета» занимают статьи, посвященные финансовым вопросам, социальной сфере Советской России, а также вопросам просвещения, книготорговли и некоторым другим.

Характерной особенностью чертой данного издания является также то, что в каждом номере содержался раздел «Экономической хроники», который составлялся С. Н. Прокоповичем и сотрудниками Кабинета на основании данных советских источников. Анализируя раздел «Экономической хроники» в «Бюллетене Экономического кабинета», можно заметить, что он представляет собой обзор советских данных с прямыми ссылками на советские издания. На наш взгляд, основной задачей данного раздела было ознакомление читателя-эмигранта с процессами, происходившими в Советской России и их освещением в советской литературе. Именно доступность уникальных источников делали возможным для многих ученых-эмигрантов изучение ситуации в Советской России.

В Экономическом кабинете отслеживались все доступные советские источники, сопоставлялись имеющиеся в них факты и статистические данные, и уже на этой основе происходила оценка экономического развития Советской России. Литература из России в Кабинете подвергалась тщательному анализу штатом специалистов. В целях получения литературы С. Н. Прокопович устанавливал связи и с советскими книготорговыми организациями. Следует отметить, что большей частью переписка с ними касается вопросов оформления подписки на различные советские издания, такие, как: «Совет-

ская торговля», «Комсомольская правда», «Статистическое обозрение», «Экономическая жизнь», «Вестник финансов» и др.²⁶

Таким образом, результаты научной работы Экономического кабинета печатались в Экономическом вестнике, в Русском экономическом сборнике и Бюллетене Экономического кабинета, что свидетельствовало об организации объективного изучения экономических проблем Советской России, постановке издательского дела в Кабинете, как центре Русского зарубежья и установлении связей с Советской Россией для ознакомления русской научной и общественной мысли в эмиграции с процессами, происходившими в СССР.

С. Н. Прокопович являясь руководителем Экономического кабинета, выступал как редактор «Экономического вестника», «Русского экономического сборника», «Бюллетеня Экономического кабинета», а впоследствии ряда периодических изданий, выпускавшихся в Швейцарии во многом благодаря его работе издания «Экономического кабинета» охватывали максимально возможный спектр различных сведений о жизни Советской России. С. Н. Прокопович осторожно подходил к использованию многих источников, особенно тех, которые имели «советское» происхождение. Он требовал сверения их с комплексами других источников и только это, по его мнению, давало основания говорить о достоверности тех или иных оценок экономики России. Представляя систематическую выборку экономических сведений о Советской России, периодические издания Экономического кабинета проф. С. Н. Прокоповича являются неотъемлемой частью культуры Русского зарубежья.

Примечания

¹ ГАРФ. Ф. 5764. Оп. 1. Д. 6. Л. 1. Положение об Экономическом кабинете от 24 мая 1924 г.

² Периодическая печать Российской эмиграции. Сб. ст. М., 2009; Журналистика Русского зарубежья XIX – XX вв. СПб., 2003; Хандурина Е. В. Документы российских экономистов первой трети XX века в архивах Германии // Отечественные архивы. 1996. № 3; Публицистика русского зарубежья (1920–1945). Сборник статей. Сост. Кузнецов И. В., Зеленина Е. В. М., 1999; Ерменчев А. Философское содержание журналов Русского зарубежья. СПб., 2012.

³ Лысенко А. В. Эволюция русскоязычной прессы Берлина: от противостояния к культурно-политическому диалогу с Советской Россией: Автореф. ... к. филол. наук. М., 2000.

⁴ Журналистика Русского зарубежья XIX – XX вв. СПб., 2003.

⁵ Отчет о работе Экономического кабинета в 1927 г. (ГАРФ. Ф. 5902. Оп. 1. Д. 8. Л. 1-13).

⁶ Экономический вестник. Кн. 1-3. Берлин, 1923–1924; Chronik russischen Lebens in Deutschland. 1918–1941 / Hrsg. von Karl Schlögel et al. Berlin : Akad. Verl. Cop. 1999.

⁷ Экономический вестник. 1923. Кн. 1. С. 3.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Кн. 1. С. 44-78.

¹² Там же. Кн. 2. С. 18-53.

¹³ Там же. Кн. 3. С. 51-72.

¹⁴ Рецензия С. Н. Прокоповича на книгу Швиттау «Революция и народное хозяйство России 1917–1921 гг.». (Там же. Кн. 1. С. 206).

¹⁵ ГАРФ. Ф. 5902. Оп. 1. Д. 135. Л. 1, 1 об.

¹⁶ Редактор издательства «Пламя» – С. Н. Прокоповичу. Прага. 22 ноября 1924 г. (ГАРФ. Ф. 5902. Оп. 1. Д. 319. Л. 1).

¹⁷ Русский экономический сборник. Прага, 1926. № 5.

¹⁸ См., например, Русский экономический сборник. Прага, 1925. № 4. С. 204.

¹⁹ Там же.

²⁰ Отчет о работе Экономического кабинета проф. Прокоповича в Праге. 1928 г. (ГАРФ. Ф. 5902. Оп. 1. Д. 9. Л. 1).

²¹ Там же. Л. 2.

²² Загорский С. Русская экономическая мысль за рубежом // Последние новости. 1925. 21 мая.

²³ Письмо С. Н. Прокоповича в Президиум Славянского института декабрь 1931 г. В нем, в частности, сообщалось, что 12 мая 1931 г. Славянским Институтом было ассигновано Экономическому кабинету проф. Прокоповича пособие в размере 15000 крон на издание в 1931 году «Бюллетеней» и приобретение газет и журналов, из которого Экономическим кабинетом было уплачено по счетам типографии «Политика» – за печатание «Бюллетеней», а издательству «Петрополис» (Берлин) было переведено 2400 крон. Всего было потрачено 11700 крон, а не израсходованные 3300 крон, были переведены в счет следующего месяца. ГАРФ. Ф. 5902. Д. 290. Л. 51.

²⁴ Там же. Ф. 5902. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

²⁵ Там же. Ф. 5978. Оп. 1. Д. 348.

²⁶ Переписка возникла в связи с трудностями по получению изданий. На вопрос С. Н. Прокоповича уполномоченный издательства сообщил: «На Ваше письмо с недоразумением по подписке сообщаем, что в отношении изданий «Кр[асная] газета», «Вестник с[ельско]-х[озяйственной] кооперации», «Статистика труда», «Пути с[ельского] х[озяйства]» – нами послано расследование по издательствам, по получению ответа Вы будете поставлены в известность. Что же касается издания «Власть Советов» и «Вестник промысловой кооперации», то выяснение жалоб по ним поручено нашему агенту т. Вейс» (ГАРФ. Ф. 5902. Оп. 1. Д. 290. Л. 55. Там же. Д. 329. Л. 4).

O. N. Kuznetsova
o.kuznetsova@spbu.ru

Periodicals of Economic Cabinet organized by Professor S.N. Prokopovich

Abstract: The article describes the periodicals of the Economic Center of the professor S.N. Prokopovich. It was publishing of a number of economic journals («Economic Review», «Russian Economic Review», «Bulletin of the Economic Cabinet of the professor S.N. Prokopovich»), where articles and news about Soviet Russia were published. Based on the analysis shows the role of the Economic Cabinet of periodicals in Russian culture abroad.

Keywords: periodic press of Russian emigration, the Economic Cabinet, Russian foreign countries, publishing of Russian emigration.

Л. К. Рябова
«Новый журнал»:
проблемы «холодной войны» в публицистике
1940-х – 1960-х гг.

Аннотация: в статье рассмотрена публицистика «Нового журнала» конца 1940-х – 1960-х гг. В центре внимания – восприятие эмигрантами, известными специалистами в области истории, экономики, социологии, права внешнеполитического курса США и СССР в условиях «холодной войны». В связи с этим рассматривается понимание патриотизма русской эмигрантской диаспорой в США. Анализируются статьи М. Карповича, Н. Тимашиева, Ю. Денике, А. Билимовича и других авторов на фоне развития американской «советологии» и обострения идеологической борьбы. Основные изменения в России после смерти Сталина эмигрантские публицисты видят не в процессе десталинизации, а в поисках новых методов ведения внешней политики. Вопросы внешней политики доминировали над обсуждением тенденций развития политической системы в России. Другая проблема, отраженная в публицистике этого времени, связана с выработкой эмигрантскими теоретиками новой тактики борьбы с коммунистическим режимом.

Ключевые слова: «Новый журнал», публицистика, «холодная война», М. М. Карпович, Н. С. Тимашев.

Обострение отношений между США и Советским Союзом в послевоенный период и начало «холодной войны» в очередной раз поставило перед эмиграцией вопрос о необходимости выбирать, по какую сторону баррикад быть, что нашло отражение, прежде всего, на страницах эмигрантской печати. Особого внимания заслуживают серьезные аналитические публикации одного из

Рябова
Людмила
Константиновна
Кандидат исторических
наук,
доцент
Кафедра источниковедения
истории России
Институт истории Санкт-
Петербургского государст-
венного университета

ведущих эмигрантских периодических изданий – «Нового журнала», издававшегося в Нью-Йорке с 1942 г. и выходящего до сих пор. Среди первых и весьма глубоких попыток осмыслить противостояние двух держав, несущее качественно новые перспективы мирового развития, была статья М. М. Карповича «Америка, Россия и Европа», изначально носившая «программный» характер. Соглашаясь с тем, что план Маршалла предполагает известные политические условия и ведет к определенным последствиям, автор замечает, что большевики были совершенно правы, когда не захотели на него согласиться¹. И все же Карпович от имени эмигрантов, проживающих в США, заявил о том, что «мы приветствуем <...> американскую политику противодействия советской агрессии и желаем торжества плана Маршалла над планом Молотова. Мы не боимся упреков в том, что мы становимся на американскую точку зрения. <...> Ни в одном из основных пунктов американской политики не видим мы никакой угрозы или даже ущерба для подлинных и насущных интересов России»².

Аргументировал М. Карпович такую достаточно спорную позицию идущей рефреном во всех публикациях «Нового журнала» фразой (в различных модификациях повторяющейся из номера в номер и переходящей из статьи в статью) о том, что поддерживать нечто национальное в политике Сталина безнадежно, т. к. «национальное» искажается «коммунистическим». Однако далеко не вся русская эмиграция разделяла эту точку зрения. В своих мемуарах М. Вишняк отмечал, что лишь в конце 1948 г. «несколько рассеялись оптимистические иллюзии русских сверхпатриотов и легковерных американцев, порожденные неожиданными успехами советского сопротивления и советскими победами»³. А в автобиографических записках 1953 г., приводя внушительный перечень лиц, «соблазненных» переменами в советской России, он писал, что «в западном мире и <...> в русском политическом Зарубежье» не создалось непримиримого отношения «к большевистским узурпаторам и палачам», что он называл «едва ли не наибольшей трагедией современности»⁴.

В многочисленных публикациях «Нового журнала» конца 1940-х годов просматривается стремление их авторов оправдать, или, как минимум, объяснить новые отношения, возникшие между странами. Некоторые статьи по этому поводу носили характер излишне оптимистический. В частности, А. Зак рисовал следующую картину будущего России после того, как произойдет освобождение советского народа от коммунистического режима. Америка, писал он, «будет в числе первых, кто подаст русскому народу братскую руку. С участием лучших ученых и инженерных сил обеих стран будет разработан новый пятилетний план, план настоящей реконструкции России, в осуществлении которого, – во всеоружии новейшей техники, без голода и без надрыва народных сил, – поблднеют все прежние достижения»⁵. Та ирония, с которой могут восприниматься эти строки сегодня, вполне оправдана,

как оправдана своим временем и определенная прозападная, вернее, проамериканская, позиция авторов, пишущих о русско-американских отношениях в начальный период «холодной войны».

Здесь, очевидно, следует иметь в виду не только свое понимание патриотизма (доминанту в мотивации избранной журналом позиции), но и некоторую, хотя и непродолжительную во времени, финансовую зависимость журнала от американских субсидий. Как пишет американский историк Алла Зейде, «территория журнала была автономной и финансово независимой. Недолгое время журнал получал дотацию из фонда Форда. В память этой кратковременной помощи остался в журнале перевод статьи Джорджа Кеннана «Америка и русское будущее» (1951 г.), которую Карповичу в Фонде порекомендовали напечатать (перевод статьи также был сделан в Фонде).

В том же выпуске, и не случайно, появилась в журнале новая рубрика «Комментарии». Публикаций Карповича до появления этой рубрики в журнале, за исключением книжных рецензий, было немного. Почему возникла нужда в «Комментарии» именно в этом выпуске, догадаться несложно: продемонстрировать, кто в журнале хозяин, несмотря на фордовскую субсидию, было необходимо»⁶. Возможно, у Зейде есть все основания, в том числе документальные, именно таким образом объяснить появление «Комментариев» М. Карповича. Однако знакомство с тем и другим текстом позволяет предположить, что со стороны Карповича это был вполне естественный и, надо полагать, принятый жест «вежливости» со стороны редакции, но, более всего, это был разговор двух умных историков и интеллигентных людей на одной интеллектуальной волне, но с разных политических позиций по самому «острому» вопросу времени. Эти две работы заслуживают того, чтобы на них остановиться несколько подробнее.

В 1951 г. в «Новом журнале» была помещена статья видного американского политического деятеля, идеолога «политики сдерживания», дипломата и историка, профессора Принстонского университета Дж. Ф. Кеннана «Америка и русское будущее», опубликованная ранее в журнале «Foreign Affairs» и вызвавшая в мире, как и его предыдущая работа «Истоки советского поведения», широкий общественный резонанс. Кеннан изложил свое видение возможной перспективы развития событий в ходе «холодной войны». Смысл его рассуждений сводился к тому, что война с советской державой, даже если бы она увенчалась относительным успехом, дала бы весьма мало для достижения тех перемен в России, которые были бы желательны в Америке. Относительно же государственного устройства и судеб народов, составляющих «Советскую империю» и стремящихся к самостоятельности, Кеннан полагал, что американцы должны быть особенно осторожны в поддержке какого-либо плана в этой области. Америка не может судить, «потребуется ли для данной национальной группы государственная независимость, положение федеральной республики, особая форма местного само-

управления, или вообще не потребуется никакого особого статуса...». Считая нужным отделять вопрос о «прямом воздействии» на Россию от воздействия «косвенного», он выступил против вмешательства во внутренние дела страны: «Только люди с поверхностным знанием механизма истории могут думать, что иностранная пропаганда и агитация может вызвать коренные изменения в жизни великого народа»⁷.

В «Комментариях», составленных с несомненным уважением к американскому автору, Карпович отмечает, прежде всего, «тот дух подлинной симпатии к России и русскому народу, в котором его статья написана». Наиболее же «спорной областью» в статье Кеннана Карпович усматривает то, как американский политик видит облик будущей России. В частности, Кеннан не совсем прав, замечает Карпович, в утверждении о своеобразии русского развития, которое не позволит России стать похожей на Америку или Запад. Не прав Кеннан и в предпочтении эволюционного пути преобразования советской России насильственному. Но гораздо более определенные сомнения у Карповича вызывает проблема американского воздействия на ход событий в России. «И нет оснований, – пишет он, – почему бы Америка, раз уж она вынуждена вести «холодную войну» с советской властью, не должна была бы использовать этого оружия в меру всех доступных ей возможностей»⁸. В позиции Кеннана Карпович усматривает «слишком сильное влияние "классической" идеи невмешательства во внутренние дела иностранного государства», идеи, которая, по его мнению, становится теперь «анахронизмом» и недооценивает значение свободы личности и либеральных ценностей⁹. В дальнейшем эта тема была продолжена в ряде статей М. Карповича, Н. Валентинова и других авторов «Нового журнала».

Возвращаясь к проблеме патриотизма, нужно отметить еще одно направление дискуссии, спровоцированное резонансной статьей 1947 г. Г. П. Федотова «Судьба империй», в которой автор высказал мысль о неизбежности распада России в результате войны между США и СССР¹⁰. Федотов полагал, что Россия имеет шансы выжить в составе Великороссии, Белоруссии и Сибири, но Украина, Закавказье, Туркестан и другие окраины отпадут. Этот распад, по мысли Г. П. Федотова, наступит в результате войны между США и СССР, которую он считает неизбежной, и наиболее вероятно в ней поражение России. Статья вызвала как сочувственные отклики, так и критику такого достаточно мрачного прогноза развития событий.

Одним из первых, кто начал дискуссию с Г. П. Федотовым, был Н. С. Тимашев, выступивший со статьей «Обречена ли Россия?», в которой выдвигал ряд аргументов против тезисов Федотова и доказывал, что не будет «распадения России на национальные единицы»¹¹, поскольку это не согласуется с общей тенденцией мирового развития, тенденцией слияния мелких государств в крупные, с учетом которой «советская империя» уступит место «демократической федерации народов».

Невозможность процесса распада доказывается и тем фактом, что вера в «самоопределения» народов сильно поколеблена процессом «демократического переустройства русской империи». К тому же «ненависть к русским», на которую ссылался Федотов, отсутствует, пишет Н. Тимашев, и надо признать, что «в числе преступлений советской власти нет одного – угнетения национальных культур во имя русской». Распада не может быть и потому, что Россия являет собой единое экономическое целое, и его разрушение будет ударом по всем составляющим частям¹². Последний тезис был вполне устойчивым в публикациях «Нового журнала», да и в эмигрантской периодике тех лет в целом.

Критика воззрений Г. П. Федотова, одной из самых крупных фигур в истории общественной мысли русского зарубежья, была в эмигрантской среде очень острой. Достаточно вспомнить статьи И. А. Ильина, писавшиеся в эти же годы для информационных бюллетеней РОВСА. Статьи эти, пересылавшиеся Ильиным из Швейцарии без подписи (швейцарские власти запретили ему всякую политическую деятельность), по всей вероятности, не могли быть известны редакции «Нового журнала», иначе они, несомненно, стали бы предметом самых острых дискуссий, поскольку в них критика была сосредоточена во многом против именно «Нового журнала» и Федотова непосредственно.

В десятках статей Ильин говорит об антироссийской политике «мировой закулисы» и «лжепатриотизме» эмиграции. «Гораздо менее понятно и естественно, – пишет он, – что эту идею расчленения, обессиления и, в сущности, ликвидации историко-национальной России ныне стали выговаривать люди, родившиеся и выросшие под ее крылом, обязанные ей всем прошлым своего народа <...>. Но иногда, как ни страшно сказать, проникнуты сущей ненавистью к исконной исторически сложившейся России, и формулы, произносимые ими, звучат безответственной клеветой на нее (таковы, например, статьи «федералистов», печатающихся в нью-йоркском «Новом журнале», статьи, за которые целиком ответственна и редакция журнала, и основная группа его сотрудников)»¹³. Но, пожалуй, самую острую реакцию Ильина вызывали статьи именно Федотова, регулярно публиковавшиеся на страницах «Нового журнала» и обозначенные Ильиным как безответственные, двусмысленные и соблазнительные «писания»¹⁴, сама же позиция Федотова определена как «разложение эмиграции с тыла и пропаганда против России, столь полезная нашим иноземным врагам и коммунистам»¹⁵.

Здесь будет уместно привести цитату из Ильина, пишущего страстно и весьма образно раскрывающего позицию Федотова: «Фанатики "общественного договора" доселе мечтают, что после революции тоталитарной тирании начнется революция всеобщего развязания, меньшинственной анархии и разложения России во имя ложной доктрины – эпоха погубления "каторжной" Империи (выражение г. Федотова), эпоха завоевания ее окрещшими и

хищными иноземцами. Они мечтают превратить Россию во множество политически "ничтожных и стратегически бессильных карликов..."»¹⁶. В эмигрантской среде И. Ильин, пожалуй, был одним из самых жестких критиков позиции «Нового журнала».

Вместе с тем было бы неверным полагать, что в «Новом журнале» плохо представляли возможные последствия обострения отношений между Америкой и Советской Россией. В статье 1948 г. «Разрушение иллюзий» М. Карпович, говоря о невозможности для демократий взаимного понимания и прочного соглашения с советским режимом и внимательно отслеживая взгляды американских политиков, достаточно определенно высказался против ряда предложений Уоллеса, сводившихся к идее сотрудничества с СССР, контроля над ядерным оружием и отказа от плана Маршалла и доктрины Трумэна, одновременно рассматривая выступление Маршалла как борьбу против «тирании». «В этой борьбе Америке неизбежно должна принадлежать главная роль. <...> Первоочередная задача Америки заключается в том, чтобы остановить дальнейшее продвижение советской агрессии в Европе»¹⁷. В этом смысле в идеологическое противостояние журнал включился достаточно активно, занимая определенно антисоветскую позицию.

О «коммунистической угрозе» в журнале писалось постоянно и много. Так, известные Постановления ЦК 1946 г. освещались в контексте идеологической и психологической подготовки СССР к новой войне с целью завоевания мира¹⁸; анализ ситуации в Польше, Югославии, Венгрии сопровождался выводами об экономической эксплуатации Россией «освободившихся» стран и о размахе советской экспансии, цель которой – весь мир. «Вновь заговорил иррациональный завоевательный инстинкт», и для Сталина не писаны те исторические законы, которые действовали в эпоху Российской Империи»¹⁹. Действительно актуальный, глобальный для того времени вопрос, как случилось, что Запад оказался в тисках «мировой революции», поставил и А. Ф. Керенский со свойственной его публицистике страстностью. Сопоставление речи Молотова 1947 г., объявившего «новую эру» мировой революции, и цитат из геополитических сочинений К. Хаусхофера приводили Керенского к заключению о том, что это страшно...²⁰.

Однако угроза войны была настолько очевидной, что во многом разделявшая позицию США редакция журнала допускала размещение статей и весьма критических по отношению к американской политике. О явной угрозе со стороны Америки Советскому Союзу пишет А. Зак, обильно цитируя американскую прессу и выступления руководства США, заявляющего о готовности нанести России сокрушающий удар и парализовать ее способность вести войну²¹. При этом он указывает только один способ предотвратить тяжелые удары по России – падение кремлевской диктатуры.

Столь же непреклонным в своих взглядах оставался и М. Карпович. В 1949 г. в статье «Наши задачи», констатируя окончание периода «почти бес-

прерывного отступления демократии перед натиском кремлевской диктатуры» и идущий процесс «отмежевания от коммунистов» в социалистических и рабочих кругах Европы, Карпович, тем не менее, не видит оснований для оптимизма, не исключает войны, равно как и новой внутренней революции в России. В связи с неопределенностью развития ситуации во времени он сформулировал «общие задачи новой и старой эмиграции», которые сводились к необходимости вести пропаганду в России и говорить Западу правду об СССР от имени русского народа, противопоставляя его власти²².

Очередным стимулом для появления в журнале публикаций по проблемам внешней политики стал XX съезд партии. Доклад Н. С. Хрущева о культе личности не произвел на пишущих в «Новом журнале» авторов того ошеломляющего эффекта, которого следовало бы ожидать. Вопросы тоталитаризма явно уступили место анализу внешнеполитического курса СССР, политике «мирного сосуществования». В этом смысле показательна статья С. М. Шварца «Двадцатый съезд КПСС»²³, в которой автор видит главное не в процессе десталинизации, а в поисках новых методов ведения внешней политики.

В статье Шварца проблемы внешней политики связываются с принятием шестого пятилетнего плана, который масштабностью заданий, особенно в области тяжелой промышленности, произвел сильное впечатление на Западе. «Поразительные результаты» предшествующего развития и новый план западные и эмигрантские аналитики связывали с ростом советской экономической экспансии. По поводу нового пятилетнего плана и советского внешнеполитического курса Шварц пишет: «В большей своей части план этот, вероятно, будет осуществлен, и это открывает перед советским правительством неожиданные перспективы. Задача, которую ставит перед собой руководство компартии, выступает сейчас с полной ясностью: коммунистическая диктатура рвет с политикой изоляционизма и стремится обеспечить себе *инициативу и решающее влияние в деле индустриализации и общей экономической модернизации экономически отсталых и полу-отсталых стран* <...> для продолжения политики мировой агрессии другими средствами»²⁴. Автор видит в перспективе «вложения десятка-другого миллиардов» в Индии или Египте, Афганистане или Пакистане, Индонезии или Чили, Либерии, Судане или Йемене и делает вывод о том, что «*новая пятилетка является экономической и вместе с тем политической экспансией Советского Союза*»²⁵. Нельзя не заметить, что эта статья и данная в ней оценка экономического развития страны звучат весьма актуально применительно к проблемам геополитики в XXI веке и современному состоянию российской экономики.

В целом, вопросы внешней политики Советского Союза и советско-американские отношения продолжали оставаться устойчивой темой на страницах «Нового журнала». Уже вскоре после смерти Сталина в журнале появились статьи, в которых изменения в международной обстановке связыва-

лись с этим событием²⁶. О новом этапе развития ситуации в мире пишут видные публицисты «Нового журнала» – Ю. П. Денике, Н. С. Тимашев, Д. Ю. Далин, О. В. Анисимов и, конечно, М. М. Карпович, задавшие в своих статьях, часто носящих научный характер, высокий уровень аналитики. Авторы констатируют начало нового этапа в развитии ситуации в мире, связанного не в последнюю очередь с новым политическим руководством страны. Так, рассматривая положение в странах народной демократии (Польше, Венгрии и других), ситуацию в арабском мире, Ю. П. Денике предвидел ослабление позиций коммунизма на мировой арене²⁷.

Но главной темой после XX съезда остается политика «мирного сосуществования». Еще раньше, в публикациях 1954–1955 гг. Карпович выражал определенные сомнения в «так называемом «сосуществовании», которое, как он полагал, невозможно «в силу самой природы тоталитарного коммунистического режима». В довольно бескомпромиссной форме он критиковал концепцию «активного сосуществования» Е. Д. Кусковой, исповедовавшей еще до войны «возвращенство» и идею «примирения», что вызвало в свое время бурные дебаты в эмигрантских кругах Парижа²⁸. В данном случае предложения Кусковой развивать торговлю, устанавливать культурные контакты, проводить совместные конференции и прочее Карпович воспринимает с большой долей пессимизма, вызванного, главным образом, силой Советского Союза, которая агрессивна и потенциально несет угрозу миру²⁹.

Нельзя не сказать, что такие влиятельные эмигрантские издания этого времени, как «Социалистический вестник» или «Возрождение», несколько терпимее относились к трансформациям, происходящим в России. Примечательна в этом отношении опубликованная в «Возрождении» статья кн. С. С. Оболенского, в которой автор, комментируя ряд публикаций и своеобразным образом «защищая» советский народ, отмечает, что в нем нет той «тупой ксенофобии», о которой пишут, и Россия не собирается «залить Европу новым нашествием гуннов»³⁰.

Вместе с тем, было невозможно не признать и явные перемены в советской внешней политике, некоторые «уступки», получившие на Западе название «нового курса». М. М. Карпович усматривал в нем, в контактах Запада с Россией, взаимную выгоду и полагал, что игнорировать «новый курс», его информационную ценность (для исторической науки, в том числе), было бы большой методологической и политической ошибкой³¹.

Тем не менее, тезис о стремлении Москвы к «мировой коммунистической гегемонии» остается ведущей темой в публикациях журнала, где анализу так называемой «рабочей гипотезы» советской внешней политики было уделено, пожалуй, наибольшее внимание. «Комментарии» М. М. Карповича по этому вопросу были существенно дополнены объемной и обстоятельной статьей О. В. Анисимова «Большая стратегия советской внешней политики»³².

Интересные рецепции развития советского внешнеполитического курса просматриваются и в другой его публикации 1958 г., озаглавленной «От Маркса к Павлову», в которой автор пытается понять причину успеха советской внешней политики. Однако было бы несправедливым в отношении авторов «Нового журнала» не отметить и известную долю сомнения в абсолютной верности внешнеполитического курса США, хотя эти сомнения и были высказаны в очень осторожной форме с оговорками, объясняющими и оправдывающими его.

Еще в 1954 г. М. М. Карпович отмечал нарастание антиамериканских настроений в Европе, вызванных, по его мнению, тем, что «...без достаточной к тому исторической подготовки Америка оказалась в роли фактического гегемона антикоммунистической коалиции». Тем не менее, он оправдывает Америку, подчеркивая «западное единство» против России, которое сильнее противоречий³³. Последний тезис особенно убедительно был развит в обстоятельной статье видного русского ученого-экономиста А. Д. Билимовича, автора широко известного на Западе труда «Экономический строй освобожденной России»³⁴. Статья, носящая в большей степени научный характер, нежели публицистический, была посвящена сравнению экономических потенциалов Западной и Восточной Европы. Выводы автора сводились к тому, что создается некая «третья сила», объединяющаяся из «холодного расчета» Европа, которая, однако, вряд ли смогла бы без США противостоять поглощению ее «вооруженным коммунизмом»³⁵.

Впрочем, оправдание роли США как защитника Европы от «коммунистической угрозы» все же вызывало определенные сомнения. В 1963 г. была опубликована статья Н. С. Тимашева «На правильном ли пути Америка?», фрагмент из которой недвусмысленно свидетельствует о том, что автор пытается отойти от одностороннего освещения вопроса и от обвинений только СССР в создавшейся ситуации в области международной политики. Автор задается вопросом, «а не произошло ли какое-то печальное перерождение США из государства, основной задачей которого с самого его рождения считалось именно обеспечение всем гражданам максимальной свободы и справедливости, <...> в направлении к тому типу государственности, который в течение многих веков господствовал в Европе (включая и Россию), когда народы изнывали под тяжестью расходов на вооружение... Так вот, не происходит ли в США обратный процесс – от благосостояния к максимальной подготовке к войне»³⁶.

Безусловно, в 1940-е – 1960-е годы «Новый журнал» в наибольшей мере уделил внимание вопросам «холодной войны», отражая, тем самым, сложную и неоднозначную позицию эмиграции и породив размышления в ее рядах о сущности патриотизма, как в политическом, так и в философском его толковании.

Примечания

- ¹ Карпович М. Америка, Россия и Европа // Новый журнал. 1947. № 16. С. 181.
- ² Там же. С. 184.
- ³ Вишняк М. Годы эмиграции. Париж-Нью-Йорк. (Воспоминания). Hoover Institution Press. Stanford University. Stanford, California. 1970. С. 218.
- ⁴ Вишняк М. Дань прошлому. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова. 1954. С. 408-409.
- ⁵ Зак А. И. Действительность и возможность в американско-русских экономических отношениях // Новый журнал. 1947. № 16. С. 208.
- ⁶ Зейде А. М. Карпович и русская историография в Америке: К 120-летию со дня рождения М. М. Карповича // Новый журнал. 2008. № 253.
- ⁷ Кеннан Дж. Ф. Америка и русское будущее // Новый журнал. 1951. № 26. С. 256, 266, 276.
- ⁸ Карпович М. М. Комментарии // Новый журнал. 1951. № 26. С. 285.
- ⁹ Там же. С. 287.
- ¹⁰ Федотов Г. П. Судьба империй // Новый журнал. 1947. № 16.
- ¹¹ Тимашев Н. Обречена ли Россия? // Новый журнал. 1947. № 17.
- ¹² Там же. С. 162-164.
- ¹³ Ильин И. А. О расчленителях России // Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: Статьи 1948-1954 годов: В 2 т. М.: МП «Рарог», 1992. Т. 1. С. 165.
- ¹⁴ Ильин И. А. Каждый народ заслуживает своего правительства // Ильин И. А. Наши задачи. Т. 1. С. 173.
- ¹⁵ Там же. С. 174.
- ¹⁶ Ильин И. А. Фанатики «общественного договора» // Ильин И. А. Наши задачи. Т. 1. С. 181.
- ¹⁷ Карпович М. Разрушение иллюзий // Новый журнал. 1948. № 18. С. 154-155.
- ¹⁸ Денике Ю. П. Новая идеологическая политика // Новый журнал. 1948. № 19.
- ¹⁹ Далин Д. Пять лет советской империи // Новый журнал. 1950. № 23. С. 143, 149-150.
- ²⁰ Керенский А. Ф. Как это случилось? // Новый журнал. 1950. № 24. С. 236.
- ²¹ Зак А. И. Атомная политика США // Новый журнал. 1948. № 20. С. 167.
- ²² Карпович М. М. Наши задачи // Новый журнал. 1949. № 21. С. 260, 268.
- ²³ Шварц С. Двадцатый съезд КПСС // Новый журнал. 1956. Кн. 44.
- ²⁴ Там же. С. 242.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Далин Д. Американская политика в России // Новый журнал. 1954. Кн. 36.
- ²⁷ Денике Ю. Два кризиса // Новый журнал. 1956. Кн. 46.
- ²⁸ См.: Струве Г. Апофеоз непримиримости: Прения по докладу Е. Д. Кусковой // Возрождение. 1926. 23 марта.
- ²⁹ Новый журнал. 1954. Кн. 38; 1955. Кн. 41.
- ³⁰ Оболенский С., кн. Кровью запечатленное // Возрождение. 1955. № 46. С. 5.
- ³¹ Карпович М. Комментарии // Новый журнал. 1955. Кн. 42. С. 272-273.

³² *Анисимов О.* Большая стратегия советской внешней политики // Новый журнал. 1956. Кн. 44.

³³ *Карпович М.* Комментарии // Новый журнал. 1954. Кн. 38.

³⁴ *Билимович А. Д.* Экономический строй освобожденной России. Мюнхен: Изд-во Центрального объединения политических эмигрантов (ЦОПЭ), 1960.

³⁵ *Билимович А.* Объединяющаяся Европа // Новый журнал. 1962. Кн. 69. С. 246.

³⁶ *Тимашев Н.* На правильном ли пути Америка? // Новый журнал. 1963. Кн. 71. С. 245.

L. K. Riabova

ludmilar@mail.ru

The New Review" ("Noviy Journal"): the Problems of the "Cold War" in Journalism 1940th–1960th

Abstract: This paper considers journalism of "New Journal" during the period of "cold war". In the center of attention – the perception of changes in the foreign policy of the United States and the Soviet Union during "cold war" by emigrants, well-known experts in the fields of history, economics, sociology and law. Articles by M. Karpovich, N. Timashev, Y. Denike, A. Bilimovich and others are analyzed. Main changes in Russia after Stalin's death emigrant publicists saw not in the process of de-Stalinization, but because of searching for new methods of conducting foreign policy. Questions of foreign policy in those years dominated the discussion of tendencies in the development of the political system in Russia. The main views of emigrant publicists are considering in comparative analysis with American "sovietological" conceptions.

Key words: "The New Review" ("Noviy Journal"), journalism, "the cold war", M.M. Karpovich, N.S. Timashev.

РАЗДЕЛ IV

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ОТРАЖЕНИИ РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

С. В. Пронкин

**ПЕРСПЕКТИВЫ «ОБНОВЛЕННОГО»
ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННИКОВ**

Аннотация: *статья посвящена государственному строю Российской империи, возникшему в период революции 1905–1907 гг. Автор подводит некоторые итоги изучения его характера и перспектив в научной и публицистической литературе 1905–1917 гг.*

Ключевые слова: *государственный строй Российской империи, революция 1905–1907 гг., манифест 17 октября 1905 г., Основные законы 1906 г., политическая публицистика, историография.*

В 1905–1906 гг. состоялось одно из крупнейших преобразований государственного строя России, политико-юридическим основанием которого стали Манифест 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» и последовавшая за ним череда законодательных актов¹. Их появление вызвало шквал публикаций, которые, объединенные публицистической формой, различались «градусом» политической ангажированности, а также литературным дарованием и научной компетентностью авторов, принадлежавших преимущественно к оппозиционным кругам. В количественном отношении лояльные правительству и «умеренные» авторы им значительно уступали. Развернувшаяся полемика касалась не только содержания политической реформы, но и перспектив возникшего строя, который из-за сложности его правовой классификации уклончиво именовался «обновленным». В меньшей степени о последствиях политической реформы задумывались публицисты 1905–1906 гг.

Продолжавшаяся революция, относительная новизна преобразований, их, как многим

**Пронкин
Сергей
Владимирович**
Доктор исторических наук,
доцент
Факультет
государственного
управления
МГУ
им. М. В. Ломоносова

тогда казалось, очевидная незавершенность, отсутствие «нормального» опыта функционирования нового государственного механизма не позволяли подвести даже предварительные итоги реформ. Представители левой публицистики, не дожидаясь исполнения данных в Манифесте 17 октября обещаний, заранее заявили об их совершенной недостаточности, призвали продолжить борьбу за «решительную победу революции», которая для многих из них ассоциировалась с созывом Учредительного собрания. Подобный поход объяснял невнимание данных авторов к оценке плодов правительственного реформаторства и его перспектив.

Большой интерес к проблеме проявили представители различных оттенков консервативных и либеральных интеллектуальных кругов. Многие из них также не были удовлетворены ходом политической реформы, низко оценивали ее перспективы. Либеральный правовед Н. И. Лазаревский был уверен, что русское общество никогда не примирится с новым Учреждением Государственной думы, что это «такой же калиф на час, что и первое Учреждение», то есть «булыгинское»².

Неустойчивость возникшего государственного строя, наличие в нём противоположных начал (самодержавия и конституционализма) констатировал В. М. Гессен, предсказывавший неизбежную борьбу между ними, которая должна была закончиться победой конституционализма³. С. Л. Франк полагал, что будущая Государственная дума, каков бы ни был ее официальный статус, должна сыграть роль учредительного собрания⁴. «Между управляемым народом и управляющими властями легла глубокая пропасть, на такой основе не может держаться правовой порядок», – писал Г. Ф. Шершеневич, предупреждавший, что возникший дуализм власти угрожал политической стабильности⁵.

Если сторонники бескомпромиссного либерализма испытывали нетерпение относительно темпов и глубины проводившихся преобразований, то умеренные авторы изначально предупреждали против излишней, по их мнению, спешки, с пониманием относились к стремлению правительство осторожно вводить в государственную жизнь новые для нее начала, с постепенным развитием которых они связывали перспективы политического развития России. Так, В. М. Грибовский, рассуждая о перспективах европейского парламентаризма, многозначительно замечал, что его укоренение «требуется времени и напряженных культурных усилий, направленных в самую глубину народной жизни», без чего «поверхностному парламентаризму суровая действительность готовит самые жестокие разочарования»⁶. Представители консервативных кругов, естественно, еще решительнее осуждали нетерпение и завышенные ожидания оппозиционных групп от «конституции 1906 г.», стремление расширенно трактовать ее⁷.

Время более глубокого научного осмысления проблемы наступило после «переворота» 3 июня 1907 г., значение которого не сводилось к формальному завершению первой русской революции. Опубликование нового избирательного закона одновременно стало последним актом периода быстрых и

бурных государственно-политических преобразований, открыло период стабилизации политического строя.

До самого падения монархии, то есть в течение ближайших десяти лет, значительные коррективы в механизм функционирования «обновленного строя» не вносились. Они производились в рамках уже возникшей модели государственного управления, шли преимущественно за счет «трактовки» ее отдельных элементов. Конечно, никто не мог тогда предсказать дальнейшего хода событий, но представление о стабилизации возникшего строя присутствовало у самых различных общественных групп.

Деятельность III Государственной думы явилась опытом его практического функционирования, позволила исследователям оперировать в своих оценках ссылками не только на абстрактные конституционные стандарты и опыт зарубежных стран, но и на отечественную политическую практику. Одновременно, правда, способ проведения «переворота», вялая реакция на него общества указали на зыбкость фундамента возведенного конституционного здания, заставили некоторых исследователей даже усомниться в самом его существовании.

Этот скептицизм был в первую очередь свойственен левым кругам. Ф. И. Дан видел в законе 3 июня 1907 г. решительный шаг к выхолащиванию политического содержания манифеста 17 октября, к практическому применению теории «самодержавия, осуществляемого новыми путями». Систему третьеиюньской монархии он характеризовал как «строй, в котором былой абсолютизм бюрократии восстанавливается в конституционной оболочке, а в форме законодательных палат функционируют учреждения, имеющие фактически законосовещательный характер». Его оценка перспектив возникшей государственно-политической модели была пронизана пессимизмом, он отмечал глубочайшую противоречивость «третьеиюньского» строя, что делало его крайне неустойчивым, подготавливало крушение⁸.

В. И. Ленин констатировал, что мнение об эволюции русского самодержавия в направлении буржуазной монархии является общим, разногласия касаются «степени, форм и условия» данного процесса⁹. У лидера большевиков сложилось мнение, что «обновленный» строй в редакции 3 июня 1907 г. не мог обеспечить безболезненный переход России в новое политическое качество, что он зашел в тупик, «реформистских возможностей в современной России нет»¹⁰.

С таким же скептицизмом смотрели на перспективы нового государственного строя многие консерваторы, но, в сравнении с левыми, их пессимизм был проникнут искренней тревогой. Л. А. Тихомиров написал специальную брошюру «О недостатках конституции 1906 года», в которой выразил уверенность, что «своеобразное творение 1906 г. так или иначе неизбежно рухнет»¹¹. По мнению автора, «конституция» оказалась орудием не созидания, а разрушения, ввергла страну в состояние анархии. Тихомиров упрекал авторов реформы в том, что, ослабив монархическую власть, они ничем не заменили ее, из-за чего государственный строй не был способен «ни к действию,

ни к существованию»¹². Однако видный консервативный мыслитель понимал невозможность возвращения к прежней абсолютистско-бюрократической системе. Результатом его размышлений о потребностях политического развития России, которое должно было избежать как западного парламентаризма, так и нежизнеспособного бюрократического централизма, стал проект новой государственной реформы, составленный в славянофильском духе. Автор предложил восстановить неограниченное самодержавие, дополнив его различными совещательными учреждениями, посредством которых осуществлялось бы «царско-народное общение».

Если представители правых кругов в новых условиях только усилили критику «обновленного строя», надеясь, видимо, на возможность его возвратного «обновления» в реакционном духе, то либералы и «умеренные» стали относиться к нему с большей лояльностью. Развернутую характеристику сложившегося в России политического строя и его перспектив дал А. С. Алексеев. Констатируя присутствие в нём пережитков абсолютизма, он не считал подобную ситуацию уникальной, отмечал, что переход к новому политическому быту «нигде не является внезапным переворотом, а всюду представляет собою длительный процесс». В одних государствах решающим моментом становится издание конституционной хартии, в других, как в России, следует череда актов и мероприятий, постепенно разрушающих старый строй. Алексеев видел объективные препятствия, стоявшие на пути ускоренной политической модернизации империи. «У нас до сего времени не только нет конституции, в смысле комплекса учредительных законов, гарантирующих населению политическую и гражданскую свободу, но у нас и не проникли глубоко в правосознание известной части нашего общества те политические идеи и принципы, стойкое исповедование которых является необходимым предположением прочного правового порядка, – писал он. – У нас все еще держаться привычки и приемы приказного быта и еще сохраняется ряд учреждений, являющихся оплотом бюрократического строя»¹³. Если бы данное утверждение означало признание общей неготовности России, ее «народных масс» к современным либерально-демократическим институтам и принципам, то можно было бы констатировать «прозрение» маститого либерала. Но, судя по последней реплике, под «известной частью общества» Алексеев подразумевал правительственно-бюрократические круги.

Как представляется, большее понимание возможностей нового государственного строя и связанных с его развитием проблем продемонстрировал Н. И. Лазаревский. Признавая выдающуюся роль в системе государственного управления России монарха, известный правовед предположил, что его власть в дальнейшем будет постепенно, но неуклонно сокращаться в пользу возникшего представительного учреждения. Так как действовавшие законодательные акты должны были неизбежно устаревать, а для их изменения требовалось согласие Государственной думы, то в перспективе сфера самостоятельной компетенции монарха должна постепенно сокращаться, а власть Думы, напротив, –

увеличиваться¹⁴. Как и Алексеев, Лазаревский понял невозможность одномоментного перехода России к тем конституционно-правовым формам, которые вырабатывались на Западе долго и не без борьбы. Признал он и значимость для судьбы «конституции 1906 г.» фактора общественного сознания. Но если Алексеев обнаружил препятствие в правосознании бюрократической элиты, то Лазаревский видел его в народном сознании. «Соблюдение принципов, установленных в конституции, в конце концов не имеет иной санкции, кроме поддержки общественного мнения, – писал он. – Но для того, чтобы создалось такое настроение народа, необходимо, чтобы конституционные принципы не только получили выражение в законе, но и чтобы эти законы вошли в правосознание народа, необходимо, чтобы эти принципы сознавались широкими кругами населения как нечто ценное, нечто обязательное», но это медленный процесс, для многих более привычен самодержавный строй¹⁵.

К пониманию невозможности «скачка» к новым государственно-правовым формам пришел К. Н. Соколов. В 1909 г. он был преисполнен тревоги и пессимизма. Констатируя, что крупному правовому акту всегда приходится выдержать период «борьбы за существование», он посчитал неоправданным оптимизмом предположение, что русская конституция может избежать этой участи. Но в ее судьбе он обнаружил не медленное и трудное движение вперед, постепенное развитие конституционных начал, но обратный, откатный процесс. Спор между старым и новым порядком не закончен, в общественном сознании прочно укоренилось представление о двух одновременно существовавших государственно-правовых системах. Одна из них, конституционная, существовала «*de jure*», на бумаге, если не фиктивно, другая, самодержавная, действовала «*de facto*», на деле определяла функционирование государственного механизма, причем «*de facto*» переходило в наступление на систему формальных юридических постановлений¹⁶. В 1915 г. он смотрел на судьбу «русской конституции» с большим оптимизмом, отметив неодинаковую судьбу отдельных положений Манифеста 17 октября. Широкое избирательное право оставалось далеким идеалом, гражданские свободы ждали своего воплощения в законе. Но законодательные права Думы являлись краеугольным камнем «обновленного строя», а ее контрольные функции в отношении правительства, как их наметил Манифест, уже превратились в антикварную вещь, Россия переросла эти формы. Соколов стал иначе смотреть на соотношение «права» и «факта», констатировал, что «юрист, оперирующий только над текстами закона, не был бы в состоянии уловить эту поучительную эволюцию одной из важнейших ветвей нашего конституционного права»¹⁷.

Одним из первых о неизбежности эволюции сложившихся в 1905–1906 гг. институтов заявил Б. А. Кистяковский. Сами «конституционные учреждения» он оценивал негативно, считал их «отжившими образцами», лишены устойчивости. Но в этой неустойчивости автор видел возможность развития, которое должно было идти не через формальное изменение законода-

тельства, а посредством его интерпретации, парламентской практики, отказа власти от применения отдельных своих полномочий. Так, подтверждал свои наблюдения Кистяковский, Государственной думе было запрещено инициировать пересмотр Основных законов, но она интерпретировала это как запрет на разработку соответствующих законопроектов, но не на возможность самого обсуждения проблемы или обращения по этому поводу к монарху. Предполагалось, что законопроекты будут исходить преимущественно из правительства, но на практике стала преобладать думская инициатива¹⁸.

На возможность подобного саморазвития государственного строя России намекал и Ф. Ф. Кокошкин. «Правила парламентаризма нигде не установлены законом, но всюду вырабатываются практикой, – писал он, – и содержание, и самая возможность применения их зависит от целого ряда фактических условий, прежде всего от существования сплоченного большинства в парламенте»¹⁹.

Н. К. Палиенко уклонился от оценки перспектив Основных государственных законов 1906 г., но его общий вывод был скорее оптимистичен, – мировой опыт показал, что начала правового государства, раз возникнув, в дальнейшем не умирают²⁰.

С. А. Котляревский, признав праздными попытки предсказания судеб государственного строя России, посчитал допустимым указать на его основные противоречия и возможные пути их разрешения²¹. Противоречие между закрепленным в Основных законах «ведомственным» характером Думы и переданными последней самостоятельными правами должно было разрешиться через постепенное расширение компетенции парламента. Отметив чрезвычайно раздутую сферу «верховного управления», где действовало «указное право» монарха, автор не стал драматизировать данное положение дел. Согласно его прогнозу, постепенно сфера действия законов должна была расширяться, проникая в те отрасли государственного управления, которые пока регулировались указами или временными правилами. Основные законы ставили правительство в независимое от Думы положение, но, предполагал Котляревский, думский контроль над ним также будет расширяться. Право запроса по поводу незаконности действий властей станет играть роль цензуры и укреплять мысль, что принцип безответственности монарха должен быть дополнен началом политической ответственности его министров. Как и Кистяковский, либеральный правовед предполагал, что отмеченные им процессы должны были развиваться не за счет формальных перемен в законодательстве, но через «обычай и практику», которые неминуемо будут выходить за формально установленные законом рамки. Неизбежность подобной эволюции Котляревский усматривал в необходимости установить равновесие между главными государственными институтами, без чего они технически не могли действовать последовательно и без потрясений.

Вероятно, наиболее оптимистично на перспективы «системы 17 октября» смотрел Н. А. Гредескул, по мнению которого, русский народ сплотился во-

круг установленного октябрьским Манифестом конституционного минимума, стремился к преобразованию России по европейскому образцу, причем по этому пути «Россия идет благополучно и быстро». По типу государственного развития, полагал известный юрист и политический деятель, Россия примыкала не к латинским, а к германским, даже англо-саксонским странам, что обещало ей «прочную и устойчивую государственную эволюцию»²².

Современники по-разному классифицировали политико-юридический характер «конституции 1906 г.». Левые публицисты склонялись к признанию ее мнимого характера²³. Правые авторы настаивали на том, что «обновленный строй» являлся лишь модификацией старого строя неограниченной монархии²⁴. Большинство либералов признавало возникший строй конституционным, но «наименее развитого типа», считало его разновидностью дуалистической монархии. Последняя является, наверное, самой подвижной и неустойчивой из государственно-политических моделей. Ее неустойчивость объясняется малой зависимостью подчиненной монарху правительственной (исполнительной) власти и врученной парламенту власти законодательной, отсутствием должной солидарности между ними, ведущим к политическим конфликтам. Эти конфликты негативно сказались на политической стабильности Российской империи, особенно в 1915–1916 гг.

Исторически дуалистическая монархия является переходной формой от абсолютизма к парламентской монархии или республике. Вопрос состоит лишь в том, сколь протяженным будет этот переход. В начале данного процесса в системе дуализма неизбежно преобладает монархическое начало, и Россия 1906–1916 гг. не являлась исключением. Но внимательные наблюдатели отмечали не только реставрационные тенденции, которые бросались в глаза, но и обратные, связанные с постепенным расширением прав Государственной думы без формальных изменений законодательства. Поэтому остается открытым вопрос о перспективах возникшей в 1905–1907 гг. модели государственного управления. Был ли ее крах вызван изначально допущенной конструктивной ошибкой или действиями политических лидеров, которые не сумели использовать реформистские возможности «обновленного строя»?

Примечания

¹ Важнейшими из них были «Учреждение Государственной думы» 20 февраля 1906 г., «Свод основных государственных законов» 23 апреля 1906 г. и «Учреждение Государственного совета» 24 апреля 1906 г.

² Лазаревский Н. И. Второе учреждение Государственной думы // Право. 1906. № 8. Ст. 670.

³ См.: Гессен В. М. Русская конституция // На рубеже. СПб., 1906. С. 253–254.

⁴ См.: Франк С. Л. Проект декларации прав // Полярная звезда. 1906. № 4. С. 243.

⁵ Шершеневич Г. Ответственность министров. Симферополь, 1906. С. 5.

⁶ Грибовский В. М. Настоящее и будущее европейского парламентаризма. Общедоступный очерк. СПб., 1906. С. 32.

⁷ См.: Герье В. И. Первая Государственная дума. Политические воззрения и тактика ее членов. М., 1906. С. 37.

⁸ Дан Ф. Общая политика правительства и изменения в государственной организации в период 1905–1907 гг. // Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1912, Т. 4. Ч. 2. С. 146–147.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 196.

¹⁰ Там же. Т. 23. С. 57, 311.

¹¹ Тихомиров Л. А. О недостатках конституции 1906 года. М., 1907. С. 2.

¹² Там же. С. 24.

¹³ Алексеев А. С. Манифест 17 октября 1905 г. и политическое движение, его вызвавшее // Юридический вестник. 1915. № 3. С. 42.

¹⁴ См.: Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. СПб., 1909. С. 138.

¹⁵ Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. Пг., 1917. С. 172.

¹⁶ См.: Соколов К. Н. Судьба русской конституции // Русская мысль. 1909. № 12. С. 149.

¹⁷ Соколов К. Н. Манифест 17 октября и право запросов // Юридический вестник. 1915. № 3. С. 104–106.

¹⁸ Кистяковский Б. А. Введение // Еллинек Г. Конституции, их изменение и преобразование. СПб., 1907. С. 5–8.

¹⁹ Кокошкин Ф. Ф. Русское государственное право в связи с основными началами общего государственного права. Конспект лекций. Вып. 2. М., 1908. С. 147.

²⁰ Палиенко Н. К. Основные законы и формы правления в России. Юридическое исследование. Ярославль, 1910. С. 77.

²¹ Котляревский С. А. Юридические предпосылки русских Основных законов. М., 1912. С. 202.

²² Гредескул Н. А. Четвертая Государственная дума как этап в политическом развитии России. Конспект лекции. Екатеринослав, б/г. С. 2.

²³ См.: Рейснер М. А. Русский абсолютизм и европейская реакция. СПб., 1906. С. 99–100.

²⁴ См.: Казанский П. Е. Власть Всероссийского императора. М., 1999. С. 477.

S. V. Pronkin

pronkinsv@mail.ru

THE PROSPECTS FOR THE "RENEWED" STATE SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE JUDGMENTS OF HIS CONTEMPORARIES.

Abstract: The article is devoted to the Russian empire's state system, which arose during the revolution 1905–1907. The author makes some conclusion about the study of its character and prospects in 1905–1907 academic and journalistic literature.

Key words: state system of the Russian empire, 1905–1907 revolution, Manifesto of 17 October 1905, the Russian fundamental law 23 April 1906, political journalism, historiography.

С. В. Артамошин
БОЛЬШЕВИЗМ
В ЗЕРКАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ
«КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Аннотация: статья посвящена анализу восприятия большевизма теоретиками «консервативной революции». Рассматриваются идеологические конструкции и политические контакты между советскими большевиками и немецкими правыми в годы Веймарской республики.

Ключевые слова: большевизм, «консервативная революция», национал-большевизм, Веймарская республика.

Политический интерес к большевизму возник к «консервативной революции» с 1919 г. Он испытал период спада и подъема, имел свои индивидуальные особенности. Анализ большевистского эксперимента в основном представлен сочинениями представителей старого и молодого поколения «консервативной революции», такими как А. Мёллер ван ден Брук, Э. Юнгер и Э. Никиш. В отличие от других представителей немецких правых Веймарской республики, в их работах прослеживается стремление к анализу большевизма с целью рассмотрения возможного политического сотрудничества. Следует учитывать то, что на тональность позиций немецких консервативных революционеров оказывало большое воздействие изменение вектора и напряженности внутриполитической ситуации в Германии, поэтому среди их позиций прослеживается различная политическая конъюнктура.

Пионером в анализе проблемы большевизма был Мёллер ван ден Брук. В политической и идейной борьбе против Веймарской республики и Версальской системы возникали подчас странные идейные союзы, как попытки создания союза правых и левых. В данном случае речь идет о мёллеровских контактах с большевизмом, конкретно с Карлом Радеком и симпатиях к России, причем

Артамошин
Сергей
Викторович
Доктор исторических
наук,
профессор
Кафедра
всеобщей истории, ме-
ждународных отноше-
ний и международного
права Факультет
истории
и международных
отношений
Брянский
государственный
университет

следует сразу отметить, что, говоря о России, он понимал под ней как императорскую Россию, так и Советскую Россию, не оговаривая каких бы то ни было отличий. Поэтому упоминание России Мёллером ван ден Бруком следует понимать исходя из этой оговорки, которую мы сделали.

Русская тема для творчества Мёллера ван ден Брука имела две ипостаси: духовную и политическую. Вместе они составляли особый восточный взгляд, который часто называют «восточной ориентацией Мёллера ван ден Брука». Следует отметить, что данный аспект его политической мысли разделялся далеко не всеми представителями «консервативной революции», традиционно ориентированными либо германоцентристски, либо западноевропейски. Указывая на политическую сторону его представлений, необходимо всегда иметь в виду то, что русофильство Мёллера ван ден Брука имело четкие границы и конкретную направленность. Это выражалось в использовании восточной ориентации для достижения германских целей, целей «консервативной революции». К тому же в большевизме его привлекала политическая динамика и творческая деятельность.

Точкой соприкосновения большевизма и «консервативной революции» выступала Версальская система, которая не устраивала ни тех, ни других, а также противодействие Веймарской республики, против которой обе силы активно боролись, с той лишь разницей, что «консервативная революция» локализовала эту борьбу в интеллектуальной сфере, а большевизм предпринимал активные попытки свержения власти в Германии в первой половине 1920-х годов. В 1923 г. пересечение «консервативной революции» и большевизма выразилось в общем политическом сюжете идеолога мировой революции Карла Радека и теоретика «консервативной революции» Мёллера ван ден Брука вокруг трагической судьбы Лео Шлагетера¹.

На расширенном пленуме Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, проходившего в Москве с 12 по 23 июня 1923 г., К. Радек 20 июня выступил с речью «Лео Шлагетер, путник в никуда», в которой дал характеристику и оценку расстрела Шлагетера и того значения, который приобрел он в Германии и которое он будет иметь в последующей борьбе за власть. К. Радек подчеркнул, что «Шлагетер, смелый солдат контрреволюции, заслуга которого для нас, солдат революции, состоит в обладании мужественностью и честью»². Вооруженная борьба против французских войск в Рурской области, которую вел Л. Шлагетер, была патриотическим поступком. «Путь смертельной опасности, который он выбрал, говорит и свидетельствует нам о том, что он убежденно служил немецкому народу». Однако К. Радек, с коммунистической позиции позволил себе указать на заблуждение Л. Шлагетера, состоявшее в том, что его жертвенность во имя Германии являлась жертвой за господствующий класс и его интересы, который властвует над немецким народом³.

Одобряя борьбу против французской армии, К. Радек указывал на то, что политическим несчастьем Л. Шлагетера было то, что, будучи офицером фрайкорпса, он боролся против двух врагов: внешних и внутренних. К. Радек особо

подчеркивал то, что «внутренним врагом для Шлагетера выступал революционный рабочий класс»⁴. Вместе с тем, он возлагал надежду на сотрудничество и, самое главное, политическое единение рабочего класса со всеми политическими силами, борющимися за освобождение Германии. Применительно к контексту выступления речь шла о праворадикальных силах. К. Радек отмечал, что «только в том случае, если национальное дело Германии станет делом всего народа и будет начата борьба за права немецкого народа, только тогда оно привлечет на сторону немецкого народа активных друзей». Для продолжения успешной борьбы за освобождение Германии «должен быть образован единый фронт всех трудящихся – работники умственного труда должны объединиться в одну фалангу с работниками физического труда»⁵. К. Радек предложил использовать энергию праворадикальных сил в свержении буржуазного строя в Германии и утверждение народной власти, под которой он понимал, конечно, коммунистическую власть. Он подчеркивал, что «мы все сделаем, чтобы люди, такие как Шлагетер, были готовы идти за всеобщее дело на смерть, не путниками в никуда, а путниками в лучшее будущее всего человечества, что означало бы для них не разбрызгивать бескорыстную кровь во имя выгоды угольных и металлургических баронов, а за дело великого трудящегося немецкого народа, членом семьи борющегося за освобождение народа. Коммунистическая партия будет говорить эту истину широким массам немецкого народа, так как она выступает не только партией борьбы за кусок хлеба для всех промышленных рабочих, она партия борющегося пролетариата, который сражается за свое освобождение, за свободу, равную свободе всего народа, которая объединяется со свободой всех, кто уверены, что сотни Шлагетеров ее услышат и поймут»⁶.

Шлагетерская речь К. Радека вызвала неоднозначную реакцию Коминтерна и КПП⁷, усмотревших в этих рассуждениях проявление национал-большевизма. Можно отметить, что германский исследователь О.- Э. Шюддекопф находил эти проявления у К. Радека в речи на Учредительном съезде КПП в декабре 1918 г.⁸. Российский исследователь В. А. Артемов полагал, что «"шлагетерияда" Радека была на самом деле направлена на противодействие влиянию фашизма, шовинистической и реваншистской пропаганды, имела своей целью, прежде всего, сближение в национальной и освободительной борьбе рабочего класса и средних слоев с КПП». Он считал, что следует говорить «о совпадении националистических тенденций в немецком коммунизме и специфических настроений в праворадикальном лагере Германии. Общим для обоих направлений был радикализм в стремлении объединить усилия России и Германии в борьбе против Версальского диктата»⁹.

Мёллер ван ден Брук откликнулся на выступление К. Радека статьей в «Ди Гивессен» от 2 июля 1923 г. «Путник в никуда», в которой рассмотрел не только выступление идеолога мировой революции, но и перспективы германо-советского сотрудничества. Ему импонировало то, что К. Радек превращал Шлагетера в «национального героя». Но вместе с тем, Мёллера ван ден Брука устраи-

вали слова, которыми это высказано, но не устраивало их направленность. Он отвергал классовую основу этой борьбы, которой придерживался советский коммунист, и считал, что основанием борьбы может быть только национальное, а сама она может осуществляться только под руководством интеллектуалов¹⁰.

Относительно перспектив сотрудничества Германии и СССР он придерживался конструктивной позиции. В его представлении основанием совместных действий может послужить наличие общего противника в виде утвердившейся Версальской системы, которая игнорировала не только Германию, но и СССР. Он писал, что существует устойчивое «ощущение, что немцы и русские в этой борьбе входят в одну группу, которую оба народа ведут против Версальского договора, угрожающего в равной мере обоим государствам, в большей мере потрясший немецкий народ в момент крушения».

Как К. Радек подчеркивал руководящую роль Коммунистической партии, так и Мёллер ван ден Брук отмечал руководящую роль Германии в антиверсальской борьбе. «Немецкий народ в своей всемирной борьбе Германии против Запада, антантовского капитализма, мирового капитализма «опирается» на Восток – не на какое-нибудь правительство, а на Восток как таковой и поэтому на Россию». Мёллер ван ден Брук указывал, что германская социал-демократия оказалась неповоротливой и неподъемной к таким преобразованиям. Ее антикапиталистический пафос носил ограниченный характер. Стремление немецких коммунистов к изменению германской экономики натолкнулось на полную непригодность такой экономики к этим изменениям, а также непригодности Германии к «русским делам», т. е. большевизации. В этой связи он вновь подчеркнул национальный элемент, опора на который является основанием и залогом успеха любых политических действий¹¹.

Оценивая большевизм, Мёллер ван ден Брук, несмотря на русские симпатии, все-таки указывал, что он не может служить товаром для экспорта. Большевизм – это явление национальное и не может служить для немцев образцом для подражания. «Большевизм – русский. И он может быть только русским»¹². Те тенденции, которые проявились в большевизме, имеют исключительно русскую природу, в той же мере, в какой особенности немецкого коммунизма черпаются в немецком¹³. Любое стремление передать русскую модель большевизма другим народам обречено на неудачу, так как политическая форма не обеспечивается духовным и национальным элементом. Поэтому она отторгается в другом народе¹⁴. Фактически Мёллер ван ден Брук старался оградить Германию не столько от большевизма советского образца, сколько от него как явления ненемецкого.

В работах немецкого консерватора не предпринималась попытка глубокого анализа не столько слов большевизма, но и дел. Хотя для немецкого населения они не являлись секретом. О большевизме говорили бойцы фрайкорпов, о нем говорила и писала русская эмиграция в Германии. Но это не отражалось на взглядах Мёллера ван ден Брука. Он смотрел на большевизм как на

проявление русской души, которая наконец-то нашла свой выход. Радикальные суждения, такие как у Э. Штадтлера или у национал-социалистов, ему не были присущи. Для него важным была совместная борьба против Версаля в определенных рамках и не важно, что на самом деле скрывалось под маской желаемого союзника. Ему нравилось в большевизме то, что он стал действительностью. Он утвердил советскую власть как отражение русского социализма. «Русский айсберг много плавал и приплыл к красному режиму». Победа большевизма была поворотом к Азии, возвращение русских в мир востока. Западноевропейская система казалась ему искусственной, рухнувшей под ударами большевистской революции. «Русский человек склонился в безропотном послушании перед милитаризмом новой автаркии. Он обладал бюрократической полицейской автократией царизма, которая была петербургской и западной, наконец, ощущавшаяся как чуждая земле и враждебная народу. Поэтому он освободился от нее»¹⁵. Большевистская Россия служила для Мёллера ван ден Брука примером успешного противостояния Западу и Антанте. «Красное знамя – это русское знамя. С этим знаком советское государство, вопреки Антанте как реакции, смогло добиться национальной самостоятельности»¹⁶. Эта способность большевизма с оружием в руках отстоять свою власть от действий Антанты буквально завораживала Мёллера ван ден Брука, и он сожалел о том, что Германия оказалась к этому неспособной. По его мнению, Советская Россия после Гражданской войны провела ряд консервативных уступок общества в виде отхода от пацифизма и политики «военного коммунизма». Он восторгался способностью большевизма всеми силами сохранять власть, не останавливаясь перед любым насилием¹⁷. Можно только сожалеть, что за этой способностью большевистской власти путем террора сохранять господство Мёллер ван ден Брук не видел людей, ставших жертвами этой способности. Можно с полной уверенностью говорить о том, что восприятие большевистской России у него носило искаженно-радужный характер. Полной несуразицей звучат слова автора о том, что в ходе большевистской революции «ни одно из трех русских оснований уваровской формулы: православие, самодержавие и народность – не было уничтожена. Напротив, существует русская церковь, которая после ликвидации революцией бюрократии Священного Синода, получила возможность вновь укорениться так народно в русской жизни, как это было в допетровские времена»¹⁸.

Внешнеполитическая оценка деятельности большевиков у Мёллера ван ден Брука более реалистична. Он полагал, что движение мировой революции остановлено и поэтому ситуация диктует новые условия деятельности коммунистов и националистов. Немецкий консерватор не разделял радужных перспектив победы мировой революции в Германии, так как это привлекло бы за собой больше разрушительные последствия, чем созидательные. Он писал, что «если бы Россия в 1919 г. пришла в Германию, то это не привело бы к возникновению "фронта от Рейна до Владивостока", которым бы командо-

вал Буденный, это не привело бы к образованию красной, большевистско-спартаковской армии против капитализма Антанты, а привело бы к всеобщему экономическому и политическому крушению в Германии, в Европе и в Азии. Коммунизм сделал из мировой революции только партийную политику – поэтому он потерпел поражение!»¹⁹ Проблема немецкого коммунизма состоит в том, что ему недостает национального элемента, с одной стороны, и с другой стороны, не хватает политической самостоятельности. Немецкие коммунисты очень сильно зависят от русского большевизма.

Однако Мёллер ван ден Брук видел перспективу сотрудничества между немецким коммунизмом и немецким национализмом. Предпосылкой этого сотрудничества могла стать общая позиция по Версальскому мирному договору. Мёллер ван ден Брук указывал, что «немецкий коммунизм не хочет этого рабства. И немецкий национализм не хочет его. Это объединяет их. Но спрашивают ли они себя, могут ли они идти вместе? Ответ зависит не от национализма. Он зависит от коммунизма»²⁰.

Рассуждая об условиях сотрудничества, Мёллер ван ден Брук обратил внимание на отличия между большевизмом и консервативно понимаемым немецким социализмом. Он полагал, что основным условием сотрудничества должна служить суверенность социализма. Русский социализм должен уяснить, что «каждый народ обладает своим собственным социализмом». В обосновании этого он приводил культурологическое объяснение того, что два социализма имеют разные условия возникновения и развития. Он полагал, что большевизм возможен в стране с неорганизованным пространством, где население в целом живет аграрной жизнью, а высший слой общества крайне незначителен. Германия же представляет иную систему, в которой люди привыкли жить в порядке, население страны окультурено и грамотно, система образования проникла во все общественные слои. Таким образом, заключает он, германское государство значительно более цивилизовано, чем Россия. Резюмируя, им делается вывод о том, что «большевизм в Германии невозможен. Но в Германии возможен социализм»²¹.

Мёллер ван ден Брук разграничивал большевизм и социализм, отмечая, что первый существует на основе «отмены равновесия в стране», а последний, по сравнению с этим, является «статикой, достигаемой через организацию как самозащиту народа»²². Немецкий консерватор полагал, что большевизм должен осознать эти различия между русским и немецким социализмом и уважать право немцев строить свой социализм, отличающийся от русского большевизма. Однако, предупреждал Мёллер ван ден Брук, «если большевизм не осознает различия между русским и немецким социализмом, тогда немецкий социализм будет только видеть противника в русском социализме, а не дружественного брата»²³.

Задача германского национализма состоит в том, чтобы определить позицию в отношении социализма, как в Советской России, так и самой Германии²⁴. Сотрудничество с Советской Россией, по мнению Мёллера ван ден

Брука, возможно и необходимо. Противодействие странам Антанты сближало Германию и Советскую Россию, но из этого совершенно не следует, что Германия должна действовать в фарватере советской политики. Сотрудничество возможно только на основе германской самостоятельной политики в отношении России²⁵. «Социализм в Германии означает построение немцев. Только если Россия так признает немецкое своеобразие, как Германия признает русское, тогда оба государства смогут руководить борьбой против Запада и западного капитализма, которые хотят эксплуатировать всю землю»²⁶.

Мёллер ван ден Брук проявлял интерес к изучению большевистского опыта, в котором он видел отражение тех процессов, которые происходили в немецком консерватизме²⁷. Вряд ли его привлекал механизм большевистской политики. Как-то не согласуется система политического террора с концепцией консервативно-национального единства. К тому же у Мёллера ван ден Брука отсутствуют призывы к национальному или классовому уничтожению, характерные для работ большевистских лидеров. Скорее здесь можно говорить о политическом единстве действий, который не предполагал политического слияния, но в своей перспективе предусматривал националистическое перерождение коммунизма и превращение его в ведомого. На данном же этапе немецкий коммунизм и «консервативную революцию» объединяло общее понимание беды. Они оба стремились к тому, чтобы сорвать с немцев Версальские оковы.

Мёллер ван ден Брук последовательно проводил мысль о необходимости политического объединения правых и левых, т. к. видел в деятельности этих движений общую направленность. Он писал, что революционеры и консерваторы обладают общей осью. «Обе стороны объединяет борьба с либерализмом, который обосновался во всех партиях, который заразил их и разложил. В этом либерализме и революционер, и консерватор видят выражение индивидуалистического, что в общечеловеческих влияниях равно эгоистическому взгляду на жизнь. Поэтому оба объединяются против парламентаризма, который они понимают как форму защиты, созданную либерализмом. Только одни хотят сменить этот парламентаризм диктатурой пролетариата, а другие господством государства, деятельностью профессионалов и создание ответственных вождей»²⁸.

Мёллер ван ден Брук убеждал в том, что духовное сближение левых и правых должно привести к их политическому сближению, для чего существуют все предпосылки. «Коммунистические левые и консервативные правые связаны недоверием к партиям, к либеральному и эгоистическому содержанию всей их партийной жизни, уделению внимания программам, а не делам, к партийному парламентаризму, таким образом, необходимому вершить дела не в интересах нации, а собственных партий, даже если для этого надо прикрыться нацией. Их объединяет идея диктатуры, которая учитывает печальный человеческий опыт, что человеческое благополучие не может быть никогда предоставлено на человеческое усмотрение, а может быть достигнуто только через принуждение, наставление, предназначенное и вышестоящее руководство»²⁹. Таким образом,

наличие общего противника в лице либерала могло бы служить основой для политического объединения. Однако, несмотря на призывы к единению, контакты с К. Радеком, данный союз так и остался лишь ожиданием.

Общий политический противник в виде либерального человека, который у революционеров назывался «капиталистом», а у консерваторов выступал «флибустьером духа и политическим представителем рационалистических и утилитарных жизненных установок»³⁰, должен был сблизить их. Однако необходимых шагов в этом сближении со стороны революционных сил не последовало. Они не смогли пожертвовать своими партийными амбициями и отказаться от партийных положений во имя политического объединения. Консерваторы, в свою очередь, не смогли себе позволить стать в фарватер коммунистической идеи, т. к., по их мнению, «коммунистические идеи являются волей к воли, однако эта воля направлена против природы и совершает насилие над непрерывностью человеческой истории»³¹. Мёллер ван ден Брук придерживался той позиции, что «консервативная революция» не может быть подчинена коммунистическим идеям мировой революции, так как данная интернациональная революция неизбежно приведет к разрушению германского государства и распаду германской нации»³².

Отношение Э. Юнгера к большевизму сочетало в себе восхищение и понимание необходимости дистанцирования консервативного национализма от воздействия коммунизма. Уже в 1925 г. он отмечал, что «коммунизм как боевое движение нам ближе, чем демократия». Оценивая русских и немецких коммунистов, первые у него вызывали чувство не восхищения, но уважения их решительностью и способностью действовать, а ко вторым испытывал презрение из-за их нерешительности и буржуазности. «Германский коммунист это не русский. У того была идея, и воплощал он ее любой ценой. Он сражался внутри. И он сражался на границах. Он делал историю. А у нас состязались в речах. В России ради целей, которые, конечно, можно принимать или не принимать, вырезали целые слои населения, а войска под руководством царских офицеров вторгались в Польшу. У нас же в метаниях между речами в стиле кофеен и бездуховных поступков обнаружилась внутренняя слабость. Не хватало расы, мучеников, драматического развития, той убедительной логики, которая есть в безжалостной поступи великой идеи, короче не хватало революции»³³. Э. Юнгер видел слабость немецкого коммунизма в том, что он не имеет национального характера, в отличие от русского большевизма. «Русский коммунизм имеет национальный характер. Для него интернационализм служит только поводом к возможности экспансии. Если бы нашим коммунистам хватило уверенности объявить центром такого наполеоновского интернационала вместо Москвы Берлин, то они бы существенно увеличили свои силы»³⁴.

Несмотря на некоторые симпатии к большевизму по сравнению с немецким коммунизмом, Э. Юнгер не стремился к тому, чтобы соединиться с большевистскими силами. Для него существовало существенное отличие между

консервативным национализмом и марксистским большевизмом. Это отличие метафизическое, отказаться от которого равносильно тому, чтобы поступиться принципами. «Основопологающее различие между марксизмом и национализмом состоит в том, что первый считает решающим фактором общность духа, а второй – общность крови. Поэтому нация, само существование которой марксизм отрицает, имеет для национализма высшее метафизическое значение, определяющее все остальные ценности. Также ценности труда, в которых нас интересуют в первую очередь не заработная плата и прибыль, две основы морального мира классовой борьбы, а исключительно его значение для нации как превосходящего целого, которое важнее суммы своих частей. Экономика для него не механический результат, а органический элемент национальной жизни. Труд – это выражение национальной жизни, а рабочий – один из ее членов, и любая попытка вырвать его из этих живых связей, подводя его под пустые категории "человечества" или интернационалистического общества интересов – высшая измена интеллекта по отношению к крови»³⁵.

Более просоветскую позицию занимал видный идеолог национал-большевизма Эрнст Никиш. Между ним и Э. Юнгером существовало творческое сотрудничество в рамках журнала Никиша «Widerstand», а также личная дружба, проверенная нацистской диктатурой, когда Юнгер поддерживал семью заключенного в тюрьму Никиша. После войны их пути окончательно разошлись.

Являясь сторонником ориентации на СССР, Э. Никиш представлял Советский Союз в качестве «центра антиверсальского мира». Он не выступал выражением мира справедливости и счастья, как это представлялось иностранному пролетариату. «Он не парадиз, как желает верить коммунистический рабочий; он есть только вооруженный лагерь борьбы против Запада»³⁶. Точку соприкосновения с большевизмом Э. Никиш видел в том, что тот выступал как антилиберальное, антииндивидуалистическое движение, стремящееся к автаркии, и представляющее собой претензию общественного класса на обладание политической властью³⁷. Политический импульс русского большевизма в основе своей имеет социальные корни³⁸. Экономическая большевистская политика, связанная с проведением индустриализации в стране, в представлении Э. Никиша, превратила СССР в индустриальное государство. Отмечая значительные успехи индустриализации, он подчеркивал, что в итоге Россия стала больше походить на европейские государства, чем до революции³⁹.

Э. Никишу, как и Э. Юнгеру нравилась система пятилеток, начатая в СССР. Для них пятилетка выступала формой тотальной мобилизации общества на решение экономических и политических проблем. Фактически они с радостью увидели воплощение политической формы, о которой они писали и считали необходимым взять за основу советскую форму для воплощения идеи тотальной мобилизации в Германии⁴⁰.

Политическое отношение к большевизму среди представителей интеллектуального течения «консервативной революции» характеризовалось либо заинте-

ресованностью, либо полным равнодушием и заикленностью на внутригерманских вопросах. Интерес Мёллера ван ден Брука, Э. Никиша, Э. Юнгера к СССР определялся поиском политического союзника в антизападной борьбе. Большевизм представлялся им реализованной успешной формой власти, настроенной антизападно, и что немало важно, также как и Германия, выступавшей парией для государств Запада. Их интерес к сотрудничеству основывался на том, что большевизм представлялся им чисто русской национальной формой, сотрудничество с которым возможно, только при условии того, что большевизм признает законность существования и немецкой социалистической формы. В рамках проходившего мирового экономического кризиса Э. Никиш и Э. Юнгер предлагали использовать советскую систему пятилеток как форму проведения тотальной мобилизации и преодоления экономических трудностей.

Примечания

¹ В результате кризиса 1923 г. и французской оккупации Рурской области немецкие националисты и бойцы фрайкорпса организовали на территории Рура акции сопротивления, направленные против французских войск, в том числе диверсии на железной дороге. В ходе такой акции 26 мая 1923 г. был схвачен и расстрелян на месте «за саботаж и шпионаж» офицер фрайкорпса Альберт Лео Шлагетер. Его гибель на фоне Рурской борьбы против французских оккупационных войск приобрела всегерманскую известность, а сам образ Шлагетера, приобрел ореол «германского борца за свободу» и претерпел политическую мифологизацию. См.: *Berghahn V. R. Der Stahlhelm. Bund der Frontsoldaten, 1918–1935. Düsseldorf, 1966. S. 39; Артемов В. А., Кардашова Е. В. Фридрих Эберт – первый президент Германии. Воронеж, 2001. С. 230.*

² *Radek K. Leo Schlageter, der Wanderer ins Nichts // Moeller van den Bruck. Das Recht der jungen Völker. Sammlung politischer Aufsätze, hrsg. von H. Schwarz. Berlin, 1932. S. 75.*

³ *Ibid. S. 76.*

⁴ *Ibid. S. 77.*

⁵ *Ibid. S. 78.*

⁶ *Ibid. S. 79.*

⁷ *Koenen G. Der Russland-Komplex. Die Deutschen und der Osten, 1900–1945. München, 2005. S. 335–336.*

⁸ *Schüddkopf O.-E. Nationalbolschewismus in Deutschland, 1918–1933. Frankfurt am M.; Berlin, Wien, 1973. S. 8.*

⁹ *Артемов В. А. Карл Радек: идея и судьба. Воронеж, 2000. С. 127.*

¹⁰ *Moeller van den Bruck. Der Wanderer ins Nichts // Moeller van den Bruck. Das Recht der jungen Völker ... S. 83.*

¹¹ *Ibid. S. 84–85.*

¹² *Moeller van den Bruck. Sozialistische Außenpolitik // Moeller van den Bruck. Sozialismus und Außenpolitik, hrsg. von H. Schwarz. Breslau, 1933. S. 78.*

¹³ *Moeller van den Bruck. Das dritte Reich. – 3. Aufl., bearb. von Hans Schwarz. Hamburg; Berlin, 1931. S. 36.*

-
- ¹⁴ *Moeller van den Bruck*. Rußland // *Moeller van den Bruck*. Das Recht der jungen Völker... S. 65.
- ¹⁵ *Moeller van den Bruck*. Das dritte Reich ... S. 72-73.
- ¹⁶ *Ibid.* S. 211.
- ¹⁷ *Ibid.* S. 225.
- ¹⁸ *Ibid.* S. 226.
- ¹⁹ *Ibid.* S. 205.
- ²⁰ *Ibid.* S. 204.
- ²¹ *Moeller van den Bruck*. Sozialistische Außenpolitik ... S. 82.
- ²² *Ibid.* S. 83.
- ²³ *Ibid.*
- ²⁴ *Moeller van den Bruck*. Der dritte Standpunkt // *Moeller van den Bruck*. Das Recht der jungen Völker ... S. 90.
- ²⁵ *Moeller van den Bruck*. Rußland ... S. 67.
- ²⁶ *Moeller van den Bruck*. Unsere Entscheidung // *Moeller van den Bruck*. Sozialismus und Außenpolitik ... S. 101.
- ²⁷ *Moeller van den Bruck*. Das dritte Reich ... S. 224.
- ²⁸ *Ibid.* S. 201-202.
- ²⁹ *Ibid.* S. 272.
- ³⁰ *Ibid.* S. 296-297.
- ³¹ *Ibid.* S. 272-273.
- ³² *Ibid.* S. 229.
- ³³ *Jünger E.* Revolution und Frontsoldatentum // *Jünger E.* Politische Publizistik 1919 bis 1933, hrsg., comment. und mit einem Nachwort von Sven Olaf Berggötz. Stuttgart, 2001. S. 59.
- ³⁴ *Ibid.* S. 59-60.
- ³⁵ *Jünger E.* Unsere Kampfstellung // *Jünger E.* Politische Publizistik ... S. 332-333.
- ³⁶ *Niekisch E.* Der politische Raum deutschen Widerstandes // *Niekisch E.* Widerstand. Krefeld, 1982. S. 110.
- ³⁷ *Niekisch E.* Rußland – Italien – Deutschland // *Widerstand*. 1926 (1). № 6. S. 54.
- ³⁸ *Ibid.* S. 56.
- ³⁹ *Niekisch E.* Europa betet // *Widerstand*. 1930 (5). № 3. S. 66.
- ⁴⁰ *Niekisch E.* Die Fünfjahrplan // *Widerstand*. 1930 (5). № 7. S. 200.
-

S. V. Artamoschin

Bolshevism in the mirror of political journalism "conservative revolution"

Abstract: Article is devoted to the analysis of perception of the Bolshevism by theorists of "conservative revolution". Ideological constructs and political contacts between the Soviet Bolsheviks and German right in days of the Weimar republic are considered.

Key words: bolshevism, "conservative revolution", national bolshevism, Weimar republic.

И. В. Алфёрова
ЖЕНОТДЕЛЫ И
«ЛИКВИДАЦИОННЫЕ» НАСТРОЕНИЯ.
1920-е гг.

Аннотация: в статье на основании сохранившихся документов и материалов печати рассматриваются некоторые из причин возникновения так называемых «ликвидационных» настроений, во многом послужившим основанием для последующего закрытия специальных отделов по работе среди женщин в партийных структурах

Ключевые слова: большевики, женский вопрос, женотделы, «ликвидационные» настроения

Российские социал-демократы традиционно для марксистов не выделяли специфических женских проблем в общих требованиях рабочего класса. Эта установка, по-видимому, определила и их резко отрицательное отношение к самостоятельному движению женщин за равноправие, т. е. феминизму, якобы отвлекавшему женщин-работниц от классовой борьбы пролетариата*.

В связи с этим представляется вполне логичным нежелание большевиков оформлять как самостоятельное направление политическую работу среди женщин.

Однако в определенные моменты лидеры РСДРП(б), отказываясь от своих идеологических принципов, начинали активно обращаться к массам женщин-пролетарок, организовывая их для решения политических задач. Так было в 1914 г., когда большевики начали издавать журнал «Работница», который должен был убедительно демонстрировать преобладающее влияние их фракции в женской массе России и тем самым укреплять авторитет в глазах международной социал-демократии¹. Специальные бюро (секции) по агитации и пропаганде среди женщин были созданы большевиками весной 1917 г., когда начав борьбу за реальную политическую власть под лозунгом «Вся власть Советам!», они, не отказавшись от идеи

Алфёрова
Ирина
Викторовна
Доктор
исторических наук,
профессор
Кафедра
отечественной
истории
Брянский
государственный
университет

созыва Учредительного собрания, начали вести активную предвыборную агитацию среди женщин-работниц.

Летом 1918 г., в чрезвычайных условиях начавшейся Гражданской войны, большевистские лидеры вновь всерьез занялись привлечением на свою сторону большей части взрослого, в том числе женского населения страны. Сначала при ЦК РКП(б), а затем и по всей партийной вертикали были созданы Комиссии по агитации среди женщин. Более того, через год Комиссии были преобразованы в самостоятельные отделы парткомов – Отделы по работе среди женщин (женотделы), представлявшие уже только по названию определенную часть населения – женщин, специфические интересы которых на протяжении долгих лет отрицались².

Перед Комиссиями, а затем Отделами по работе среди женщин ставились две основные задачи. Во-первых, обеспечивать политическое воспитание работниц, привлекать их в коммунистическую партию и к революционной борьбе во всех формах и проявлениях. Вторая задача – вовлекать работниц непосредственно в социалистическое строительство, которое предполагалось осуществлять через делегатские собрания, институты делегатов и общественных инструкторов³.

Таким образом, преодоление политической отсталости женщин и формирование многочисленного женского актива, в перспективе предопределило бы и закрытие учреждений, решающих эти задачи. Во всяком случае, именно успехами в деле сплочения широких трудящихся масс женщин и выделением «сотни и тысячи действительно передовых женщин из работниц и крестьянок, которые сейчас работают в советах, в профсоюзах, в партии»⁴, объяснял на страницах «Коммунистки» закрытие женотделов в начале 1930 г. секретарь ЦК ВКП(б) Л. М. Каганович.

Исследователи, занимающиеся проблемами решения женского вопроса в Советской России, в свою очередь указывали на тот факт, что женотделы «далеко отошли от поставленных партией задач трудовой и политической мобилизации женщин» и действительно «стали структурой, способствовавшей росту самосознания женщин и осмысления ими своих интересов и проблем»⁵, тем самым своей деятельностью вступив в полное противоречие с партийными установками.

Историк Н. Н. Козлова в одной из своих публикаций упоминает следующую точку зрения на закрытие Отделов по работе среди женщин: «ликвидация женотделов была осуществлена в связи с организацией партаппарата, в целом явившейся еще одним шагом по пути свертывания внутрипартийной демократии и усиления режима личной власти»⁶.

Так или иначе, вопрос об эффективности работы женотделов, так же как и об истинных причинах их закрытия, остается дискуссионным. Задача усложняется тем, что документы центрального женотдела, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), сохранились только до 1925 г. включительно, остальная часть архива утрачена, и информация о возможном его местонахождении отсутствует. Вследст-

вие этого исследователи не располагают документальными подтверждениями оснований ликвидации отдела и могут рассуждать о причинах произошедшего только гипотетически.

Тем не менее, попытаемся на основании сохранившихся документов и материалов современной тем событиям печати рассмотреть некоторые из причин возникновения так называемых «ликвидационных» настроений, во многом послужившим основанием для последующего закрытия специальных отделов по работе среди женщин в партийных структурах.

Большевики в условиях Гражданской войны остро нуждались в любой поддержке и в лице организованных женщин получили столь необходимую помощь в борьбе против голода, эпидемий, в уходе за ранеными. Однако, как показали последующие события, не только большинство членов парткомов в центре и на местах, но и основная масса рядовых представителей партии почитала возникновение женотделов явлением временным, обусловленным чрезвычайной обстановкой. Многие партийные функционеры считали, что деятельность среди женщин является никому не нужной забавой, а большинство местных партийных организаций не хотели видеть в своем составе особые структуры, предназначенные для работы среди женского населения.

На декабрьском 1920 г. Всероссийском совещании организаторов по работе среди женщин одна из делегатов в своем эмоциональном выступлении так охарактеризовала повсеместно распространенное отношение парткомов к женотделам: «Нам на местах приходится выдерживать большую бучу, много ругаться, много ссориться, брать нахальством. <...> Товарищи на местах к нам пренебрежительно относятся. <...> В этом отношении сделано очень мало и после Всероссийской конференции, на которой были брошены слова о ликвидации наших отделов, работать стало труднее»⁷.

Действительно, на IX Всероссийской конференции большевиков, проходившей с 22 по 29 сентября 1920 г., поднимался вопрос о необходимости предотвращения излишней раздробленности в партийной работе⁸. В резолюции, принятой по организационному отчету ЦК, было уделено особое внимание работе Агитационно-пропагандистского отдела, который «должен был полностью охватить и объединить агитационно-пропагандистскую и культурно просветительную работу всех видов (Наркомпрос, Госиздат, Центропечать, Пур), а также подчинить своему прямому руководству отдел по работе в деревне, женотдел и секции национальных меньшинств»⁹. Взятый Центральным Комитетом большевиков к осени 1920 г. курс «на ликвидацию раздробления партийной работы» и был воспринят на местах как формальное указание из центра к ликвидации самостоятельных женских организаций.

Справедливости ради необходимо заметить, что причина «ликвидационных настроений» скрывалась не только в пренебрежительном отношении к «бабьей работе» со стороны некоторой части партийных функционеров, но и в недостатках работы самих женских организаций. Возможности женотделов

были весьма ограниченными. Так, например, уездные женотделы в лучшем случае состояли из двух работников – организатора и инструктора. В то же время небольшое количество инструкторов для координации работы на местах, которыми располагал центральный женотдел, в своей основе были недостаточно подготовлены. Однако Центральный Комитет партии большевиков отказал женотделам в просьбе об организации на специальных курсах подготовки собственных кадров для этой деятельности.

Уже к концу 1919 г. со стороны местных женских организаций стала звучать критика в отношении центрального женотдела из-за потока поступающих отсюда противоречивых и довольно неопределенных инструкций, шаблонных лозунгов и запоздалых директив по участию в проводимых партийных кампаниях. Недовольство выплеснулось на встречах с провинциальными организаторами в октябре 1919 г., в апреле и особенно в декабре 1920 г на III Всероссийском совещании по работе среди женщин. К этому времени руководителем Отдела по работе среди женщин при ЦК РКП(б) стала А. М. Коллонтай, которая сменила умершую 24 сентября 1920 г. от холеры И. Ф. Арманд.

В прениях по докладу, прочитанному А. М. Коллонтай, выступили представители с мест. Делегатка из Сибири, говорила о том, например, что члены местной организации ни разу не видели у себя инструкций центрального отдела¹⁰. С такой же проблемой столкнулись представители Ярославского губженотдела¹¹. Делегатка из Пензы обвиняла Центральный отдел в том, что он «прозевал все кампании, в которых занята была наша партия, но наши женотделы – нет. Ц.О. дал директивы: обратите внимание на продовольственную работу. Он дал, но слишком поздно <...>. Так же насчет помощи фронту. Если возьмем такую кампанию, как "неделя ребенка", которую мы должны были сделать своими силами. Мы в Пензенской губернии получили все директивы только в день открытия недели ребенка»¹².

Сами представительницы женотделов вынуждены были признавать, что у многих их работников «на верхах и в низах» «замечается охлаждение к этой работе», «упадок и расхлябанность», и в провинции «многие из товарищей отходят, погружаясь в личную жизнь, тогда как прежде эта личная жизнь не мешала работать»¹³.

Десятый съезд РКП(б), проходивший весной 1921 г. в условиях серьезного политического кризиса, не только не определил своего отношения к «ликвидационным» настроениям*, но и усилил их. В тезисах по агитационно-пропагандистской работе, подготовленных Е. А. Преображенским к съезду, говорилось о создании по всей партийной вертикали специальных отделов агитпропаганды. Женотделы и отделы по работе в деревне, согласно этим тезисам, должны были включаться «в общую систему агитотдела данной организации»¹⁴.

После съезда по стране прокатилась волна реорганизации женотделов: Нижегородский принял решение об их ликвидации, Иваново-Вознесенский передал всю работу среди женщин профсоюзам, Вологодский и Владимир-

ский включили женотделы в политпропы, Калужский, Саратовский и Симбирский – в агитпросветы. Пермь стояла за упразднение отдела с оставлением в парткоме ответственных инструкторов¹⁵. Во Владимирской губернии женотдел был превращен в подотдел агитационно-пропагандистского отдела.

Центральный Отдел по работе среди женщин попытался изменить ситуацию. Однако ему не удалось весной 1922 г. созвать Всероссийского совещания по работе среди женщин (отчасти по причине голода, отчасти из-за ликвидационных настроений).

На проходившем в марте-апреле 1922 г. XI съезде РКП(б) новая заведующая центральным женотделом С. Н. Смидович в своем выступлении вновь обратилась к проблеме отношения партийных организаций к работе среди женщин: «К работникам Женотдела товарищи на местах относятся как-то несерьезно, с каким-то привкусом, я бы сказала, с оттенком презрения <...> товарищи на местах в этом отношении перегоняют и далеко оставляют позади себя центр. Там просто отделы работниц ликвидируются или сливаются с агитпропами»¹⁶.

Тем не менее, в резолюции «По вопросу о работе среди работниц и крестьянок» съезд заявил: «...специальные отделы по работе среди женской пролетарской и крестьянской массы должны быть сохранены как самостоятельные отделы партийных комитетов и усилены квалифицированными работниками»¹⁷.

Постановление XI съезда вроде бы положило конец «ликвидационному периоду». Журнал «Коммунистка» констатировал: «Даже там, где женотделы были ликвидированы и работа их передана агитпропам (Иваново-Вознесенске, Калуге, Владимире, Новгороде и ряде других городов), они снова восстановлены»¹⁸. С этого времени губкомы, а затем и уездные комитеты стали проявлять более внимательное отношение к работе среди женщин. Во всяком случае, обсуждали планы их работы, заслушивали отчеты на своих заседаниях. Активизировалась работа и главного женотдела страны. В июне 1922 г. состоялось совещание заведующих губженотделами земледельческих губерний, в сентябре 1922 г. совещание по вопросам женского труда, в декабре 1922 г. совещание работников среди женщин-делегаток X съезда Советов, в апреле 1923 г. совещание заведующих областными женотделами.

Однако несмотря на некоторую активизацию работы центрального женотдела, решение съезда в полной мере реализовать не удавалось. В его резолюции только констатировалось сохранение женотделов, но не формулировались их функциональные обязанности. В результате в некоторых районах страны партийные организации не восприняли решения съезда в качестве руководства к обязательному действию. Примечательно, что среди них были комитеты обеих столичных городов, в которых деятельность женотделов находилась по-прежнему в «замороженном» состоянии в статусе «подотделов».

Так, в октябре 1922 г. коллегия Северо-Западного областного *подотдела* (курсив наш. – И. А.) работниц и крестьянок обсуждала запрос от ЦК РКП(б) о причинах не проведения в жизнь постановления XI съезда об организации самостоя-

тельных женотделов по области. В своем отчете Северо-Западное бюро ЦК РКП(б) нарисовало «удручающую картину» работы среди женщин: «Доклады, получаемые с мест, не регулярны, сухи и шероховаты. Губженотдел замкнулся лишь в советскую и городскую работу. Работа губженотдела неглубока и несерьезна. Руководящего начала для уездов губженотдел не дает. Уезды предоставлены самим себе. Каждый уезд работает кустарно. Никакой систематизации, планомерности в работе уездов нет»¹⁹. В результате, на заседании коллегии было принято следующее постановление: «Опираясь на опыт существования отделов работниц Петроградской губернии как подотделов агитотделов, Северо-Западная областная коллегия отдела работниц просит Северо-Западное областное бюро ЦК РКП разрешить этот вопрос на ближайшем заседании в плоскости оставления *подотделов* (курсив наш. – И. А.) агитотделов»²⁰.

В целом в Северо-западной области осенью 1922 г. сложилось «скептически-ликвидационное отношение» к женотделам, что также отмечалось в отчетах с мест. Например, из Новгорода: «Облотдел работниц был переименован в подотдел, соответственно произошло изменение статуса работников: заведующие переводились в низшие разряды – в инструкторы агитпропа»²¹. Для согласованности в проведении агитпропагандистской работы завженотделом должна была входить в состав коллегии агитотдела. Однако здесь этого не было, губком не собирался выполнять решение ЦК. Заведующий местным агитпропом на губернской партийной конференции в своем выступлении заявил: «Я не согласен с инструкциями ЦК и Облподотдела работниц. Вы толкуете о политическом воспитании работниц и крестьянок, лучше руководством займитесь <...> женотделы фактически ликвидировались, кастрировались из-за неумелого подхода к массам»²².

Желая покончить с «идеологическими извращениями и ликвидационными настроениями в области работы среди женщин», Центральный комитет партии большевиков вынужден был создать специальную комиссию из представителей Оргбюро, Агитпропа и женотделов ЦК, ЦК КП(б) Украины и Петроградского губженотдела²³. Однако ни работа комиссии, ни попытки выработать более четкое положение о женотделах в последующем не смогли устранить противоречий, сложившихся в парткомах.

Официально поддерживая женские организации, руководящие органы партии большевиков, по видимому, так и не могли окончательно определить свою позицию по отношению к ним. Местные партийные функционеры в своих оценках были прямолинейней, предлагая лишить женотделы самостоятельности и передать руководство их работой партийным комитетам. При этом еще одним удобным аргументом в пользу отказа от «выделенной» работы среди женщин выступала якобы существовавшая «угроза феминизма». Опасения относительно неизбежного развития «женского сепаратизма» неоднократно появлялись на страницах партийной печати, становились поводом для отрицательного отношения к самостоятельности женотделов. В

свою очередь, отклоняя аргументы в пользу ликвидации самостоятельности женских организаций, главный женотдел по-прежнему апеллировал к необходимости политического воспитания остальных женских масс.

В этих условиях не происходило заинтересованного обсуждения острых проблем, связанных с положением женщин. В отдельных случаях это приводило к возникновению неформальных объединений активного женского населения страны, которое действительно желало включиться в движение за реализацию эмансипаторских проектов большевиков, но не под лозунгами «общеклассовой борьбы», а под знаменем «улучшения бытового положения».

Ответом послужили меры главным образом административного порядка. Так, на заседании бюро Петроградского губернского комитета РКП(б) 9 ноября 1922 г. по предложению Отдела работниц губкома было принято постановление, на основании которого в Петрограде были закрыты артели умственного и физического труда и Лига трудящихся женщин. Все разрешения на вновь образуемые женские организации советским учреждениям необходимо было согласовать с подотделом работниц губкома²⁴. В постановлении Отдела еще раз указывалось на «...недопустимость организации каких бы то ни было самостоятельных обществ под флагом улучшения бытового положения женщин, как приводящих к группированию феминистических элементов, стремящихся к отрыву женской части трудящихся от общеклассовой борьбы»²⁵.

Антифеминистский аспект работы женотдела нашел отражение в его переименовании: с 1 августа 1923 г. Отдел по работе среди женщин ЦК РКП(б) стал называться Отделом по работе среди работниц и крестьянок²⁶.

Однако демонстративная «политизированность» деятельности женотделов, а также идеологически-принципиальная ориентированность на работниц и крестьянок со временем обернулось против них самих. Их все активнее стали обвинять в «агитпроповском уклоне», в нежелании вести работу в кружках специальных знаний, бытовых, домоводства и пр.

Так, осенью 1923 г. в «Правде» появилось несколько критических публикаций в отношении женотделов, которым ставилось в вину увлечение теоретизированием, оторванность от проблем реальных женщин. Автор одной из статей, Л. Генкин, характеризовал их «наиболее слабой отраслью партийной работы»²⁷ в процессе реформирования домашнего быта. Действительно, увлекшись борьбой с «ликвидационными» настроениями и доказывая свою незаменимость в деле агитации и пропаганды среди женщин, Отдел по работе среди работниц и крестьянок пропустил развернувшуюся кампанию «за новый быт». О «тенденции к односторонности в работе отделов работниц, направленной к ограничению ее исключительно агитпропагандистскими и культурно-просветительскими задачами и к игнорированию работы по бытовому раскрепощению работниц и крестьянок»²⁸, – было заявлено с трибуны XIII съезда РКП(б).

Реагируя на критику, женотделам в очередной раз пришлось скорректировать свою работу. Продолжая по-прежнему заниматься главным образом

политическим просвещением работниц и крестьянок, они активизировали свои усилия в направлении реформирования сферы быта и популяризации новых форм семьи. Однако отсутствие доступа женотделов к конкретным материальным ресурсам в условиях НЭПа, не давало им возможности эффективно решать конкретные экономические задачи, уступая лидерство Центросоюзу, Нарпиту, профсоюзным организациям²⁹.

В 1927 г. из-за развернувшейся кампании по режиму экономии, а в связи с этим и по рационализации работы Центрального Комитета партии, ликвидационные настроения в отношении женотделов вновь усилились. В октябре этого года была организована комиссия по рационализации из состава работников ЦК и ЦКК, которая должна была в очередной раз определиться: «Имеется ли параллелизм в работе партии или не имеется»³⁰.

Вывод комиссии был предсказуем. Параллелизм был обнаружен в работе Отдела агитпропа, Отдела печати, Информотдела, Отдела статистики и женотдела. В своем заключительном докладе на XV съезде ВКП(б) (декабрь 1927 г.) член Центральной ревизионной комиссии Д. И. Курский констатировал, что «Отдел работы среди работниц и крестьянок построен таким образом, что, в сущности говоря, дублирует весь аппарат ЦК. Он имеет в своем составе и свой агитпроп и организационно-инструкторский аппарат»³¹.

Реакция парторганизаций в центре и на местах на выводы комиссии была почти однозначной: на женотделы обрушилась критика в связи с неумением организовать работу с женским населением в соответствии с запросами времени. Ликвидаторские настроения особенно были заметны в Ленинграде, Владимире, Иванове-Вознесенске, Костроме, Брянске, Туле, Твери, Саратове, где комитеты по рационализации либо ликвидировали женотделы полностью, либо передавали их функции агитпропам и орготделам³².

«Женотделы до сих пор по-настоящему решительно не поставили вопросов быта», – возмущалась С. Любимова на страницах «Коммунистки», – Самая основная беда женработы – ее агитпроповский уклон»³³. В то же время отделам вменялось в вину неумение поставить политико-воспитательную работу как на уровне кружков домоводства, так и в рамках производственных предприятий. Причем в данном случае «политическая агитация» понималась очень широко. Так, женоргам и женкомиссиям предписывалось создавать «правильное общественное мнение» в отношении целого ряда «нездоровых явлений», а именно: «сплетни и ссоры на кухне, массовая женская пьянка в престольные праздники, сцены ревности, доходящие до преступления, избиение женщин и детей, антисемитизм, религиозные предрассудки, употребление молодыми работницами косметики, половая распущенность, нежелание учиться, квалифицироваться»³⁴. Женотделы обвинялись в безынициативности, вялости в работе: «Оптимизм и самое

казенное благополучие до сих пор царят во всех официальных отчетах с мест», – констатировал журнал «Коммунистка» в 1928 г.³⁵

В июне 1928 г. в журнале «Коммунистка» в статье с характерным названием «Ликвидационный зуд нужно унять» руководитель женотдела ЦК А. В. Артюхина, отмечала: «Мы умеем хорошее мероприятие (рационализация аппарата) превратить в большое зло и даже этого не заметить <...> Ликвидационная *болтовня* должна быть *прекращена* и заменена работой по исправлению имеющихся ошибок»³⁶.

Однако дискуссии относительно работы женотделов в конце 1920-х гг. уже сводились не просто к желанию улучшить их работу, выработать совместные предложения в этом направлении, а упразднить их.

Основную свою задачу, определенную к моменту основания Отдела по работе среди женщин, он выполнил: согласно упоминавшейся выше статье Л. М. Кагановича к 1929 г. в советах состояло 301999 женщин, в профсоюзах – 3078000, в составе партийных комитетов процент женщин увеличился до 20,1 %³⁷. Даже учитывая факт формального участия женского населения в перечисленных организация (и имевшие место приписки), достижения активисток большевистского женского движения были внушительны. Необходимо согласиться с Н.Н. Козловой в том, что «из аморфной женской массы получился адресный сегмент подконтрольного псевдогражданского общества»³⁸, дальнейшую пропагандистскую работу с которым мог проводить наряду с другими социальными группами агитпромом.

Более того, необходимо заметить, что дальнейшая деятельность женотделов в сфере преобразования быта (теоретическая или практическая), которая очевидно могла быть созвучной чаяниям женского населения, в рамках развернувшейся кампании по режиму экономии была бесперспективной. После же провозглашения бюджетно-затратного курса на индустриализацию страны, эта деятельность однозначно утрачивала какой-либо интерес для советских партийно-государственных лидеров. Скорее она воспринималась как потенциально опасная, отвлекающая материальные и людские ресурсы от решения государственных стратегических задач. Большевистский проект модернизации был свернут. Страна вступала в новый этап своей истории...

В январе 1930 г. было принято постановление ЦК о реорганизации партийного аппарата и дифференцировании его работы по функциональному признаку. Отдел ЦК РКП(б) по работе среди женщин (он же Отдел ЦК РКП(б) по работе среди работниц и крестьянок) был упразднен, а его функции переданы Отделу агитации и массовых кампаний, при котором учреждался женский сектор по массовой работе среди работниц и крестьянок³⁹. Женотделы сохранились только в национальных республиках. Оправдывая это решение ЦК от 5 января 1930 г. о ликвидации женотделов, секретарь ЦК ВКП(б) Л. М. Каганович сказал: «Женотдел закончил круг своего развития»⁴⁰.

Примечания

* Необходимо отметить, что пренебрежительное отношение к феминизму демонстрировали многие политические партии и движения, как в Российской империи, так и за рубежом, что являлось следствием широко распространенного представления о неготовности женщин к самостоятельной политической деятельности.

¹ См.: *Алферова И. В.* Эмансипаторский проект большевиков: миф или реальность. Брянск, 2009. С. 86-97.

² Отсутствие документов, подтверждающих определенную подготовительную работу для появления нового отдела ЦК, указывает на то, что он появился по прямому распоряжению В. И. Ленина, возможно по личной просьбе И. Ф. Арманд.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 4. Д. 19. Л. 9.

⁴ *Каганович Л.* Реорганизация партаппарата и очередные задачи партработы // Коммунистка. 1930. № 1-2. С. 4-5.

⁵ *Юкина И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007. С. 450.

⁶ *Козлова Н. Н.* Гендерная модернизация советской политической системы: институциональный аспект // Женщина в российском обществе. 2011. № 4. С. 40.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 3. Л. 66.

⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1953. Изд. седьмое. М.: Госполитиздат, 1953. Ч. 1. С. 509.

⁹ Там же. С. 513.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 10. Д. 3. Л. 15.

¹¹ Там же. Л. 18.

¹² Там же. Л. 6.

¹³ *Унксова А.* Нужны ли нам женотделы? // Правда. 1921. № 223. 5 октября.

¹⁴ Главполитпросвет и пропагандистские задачи партии // Протоколы X съезда РКП(б). М.: Партийное издательство, 1933. С. 633.

* На съезде А. М. Коллонтай неоднократно выступала в рамках дискуссий по поводу «Рабочей оппозиции», одним из лидеров которой она являлась. При этом вопросы, касающиеся женотдела, были оставлены ею без внимания. После съезда она была отстранена от руководства Отделом по работе среди женщин. Отсутствие женщины-лидера, пользующегося действительным авторитетом среди большевиков, во главе женотдела, значительно ослабили его позиции в ЦК, а женотделов в парткомах по стране в целом.

¹⁵ Отделы по работе среди женщин в общепартийном аппарате // Правда. 1922. № 67. 24 марта.

¹⁶ Протоколы XI съезда РКП(б). М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. С. 431-432.

¹⁷ Там же. С. 603.

¹⁸ *Галина А.* Работа женотделов на местах // Коммунистка. 1922. № 8-9. Август-сентябрь. С. 27.

¹⁹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.). Ф. 9., Оп. 1. Д. 2696. Л. 26.

²⁰ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2683. Л. 11.

²¹ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2696. Л. 25.

²² Там же.

-
- ²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 147. Л. 141.
²⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 12899. Л. 77.
²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 588. Л. 32.
²⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 10. Д. 105. Л. 16.
²⁷ Генкин Л. Женотделы и быт // Правда. 1923. № 197. 2 сентября.
²⁸ Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. С. 678-679.
²⁹ См.: Алферова И. В. Модернизация быта по-коммунистически: проекты и результаты (1917–1920-е гг.) // Вестник Брянского государственного университета. 2011. № 2. С. 12-17; Алферова И. В. Кооперация как способ решения экономических проблем в первое десятилетие власти большевиков и участие в ней женского населения // Вестник Брянского государственного университета. 2010. № 3. С. 78-85.
³⁰ Пятнадцатый съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1928. С. 110.
³¹ Протоколы XI съезда РКП(б). М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. С. 362.
³² Артюхина А. Ликвидационный зуд нужно унять // Коммунистка. 1928. Июнь. № 6. С. 3-4.
³³ Любимова С. Больные вопросы // Коммунистка. 1928. № 10. С. 64.
³⁴ Зорина С. Против трафарета и мертвечины в массовой женработе // Коммунистка. 1928. № 12. С. 56.
³⁵ Женотделки не терпят критики // Коммунистка. 1928. № 10. Октябрь. С. 63.
³⁶ Артюхина А. Ликвидационный зуд нужно унять // Коммунистка. 1928. Июнь. № 6. С. 3-4.
³⁷ Каганович Л. Реорганизация партаппарата и очередные задачи партрботы // Коммунистка. 1930. № 1-2. С. 5.
³⁸ Козлова Н. Н. Указ. соч. С. 41.
³⁹ Правда. 1930. № 17. 17 января.
⁴⁰ Коммунистка. 1930. № 2-3. С. 5.
-

I. V. Alferova

alferovairi@yandex.ru

Women's Sections and frames of mind about "liquidation". 1920th

Abstract: This article covers some of the reasons of the emergence of so-called frames of mind about "liquidation" that has become the justification for the dissolution of the special departments for work among women in the party structures.

This article is based on the surviving documents and materials of the press.

Key words: the Bolsheviks, women's issues, Women's Section, frames of mind about "liquidation".

А. В. Чернышов
SEMPER IDEM

Всегда то же самое (лат.)

На протяжении минувшего столетия ученые-историки старательно уклонялись от настойчивого общественного запроса на объяснение текущих событий опытом прошлого. Профессиональное сообщество призывало публику отказаться от прямолинейного истолкования латинской максимы «*Historia magistra vitae*» (История – наставница жизни), и не требовать от науки невозможного – каждая эпоха и каждый ряд событий уникальны, неповторимы, и именно в своей «разовой» идентичности и должны изучаться и воспроизводиться в ученых трудах.

Этому взгляду на вещи нельзя отказать в актуальности – в большой степени он представляет собой реакцию на прямолинейные и примитивные марксистские представления о принципиальной «прозрачности» исторического процесса и его доступности пониманию в том, что касается основных закономерностей и причин происходившего и происходящего.

В то же время чрезмерный упор на «герметичность» процессов и событий прошлого лишает нас возможности разглядеть важные аналогии и сходства там, где они, что называется, бросаются в глаза, и выявить причинные цепочки, позволяющие лучше понять то, что происходит здесь и сейчас.

В одном из лучших исторических исследований последних лет о начале Первой мировой войны, книге австралийского историка Кристофера Кларка “*The Sleepwalkers*” (название переводят на русский как «Сомнамбулы»), автор вообще отказывается задавать вопросы «почему?», поскольку, на его взгляд, они неизбежно приводят к поискам правых и виноватых, и предпочитает ограничиться вопросами «как?». В качестве ученого-историка я готов согласиться с таким

Чернышов
Андрей
Владимирович
Кандидат
исторических наук,
доцент
Кафедра всеобщей
истории
Тверской
государственный
университет

строгим подходом к материалу, но как человек, так или иначе размышляющий над актуальными событиями, я не могу отказаться от некоторых напрашивающихся и довольно тревожных аналогий и совпадений, число которых быстро увеличивается на протяжении последнего полувека.

На мой взгляд, движение мировой истории с 1914 по 2014 год в большой степени укладывается в схему, которую можно назвать «римским алгоритмом», т.е. в нем четко прослеживаются основные закономерности эволюции античной Римской республики и империи на протяжении примерно полутысячелетия. Далее мы и займемся установлением «точек соответствия», уже имеющих место, и проведем по ним пунктирную линию, указывающую вероятное направление движения в будущем.

Войны

На протяжении примерно четырехсот лет (конец III в. до н.э. – начало II в. н.э.) Рим вел почти непрерывные войны; известно, что двери храма Януса, закрывавшиеся в мирное время, в этот период почти неизменно были открыты. Войны были разными: на выживание (с Карфагеном), колониальные, гражданские, репрессивные (в случаях восстаний рабов в Италии). При том, что в целом этот период войн завершился для Рима триумфальными результатами, нагрузки на римское общество (в том числе – психологические) были чрезвычайно высоки.

Применительно к современному миру схожий по значению и масштабам период войн следует датировать 1914-1945 гг. Конечно, он был не столь продолжительным, как в Риме, но здесь нужно учитывать различия в качестве военных технологий и логистике. Типология войн в целом совпадает с римской: на выживание (например, Великая Отечественная война со стороны Советского Союза), колониальные, гражданские. С определенной точки зрения в качестве «гражданских» можно рассматривать и войны, которые обычно таковыми не считаются. Например, если рассматривать Европу как единое целое (скажем, в масштабах Римской империи), то Вторая мировая война была по сути гражданской, в которой провинции Галлия и Британия объединились против альянса провинций Германии, Италии, Норика, Паннонии, Дакии и Фракии. Такого рода столкновения в поздней истории Рима случались неоднократно. «Великой гражданской войной» (по другим основаниям) именует европейскую войну 1939-1945 гг., например, такой экстравагантный историк, как А. М. Буровский.

Вполне возможно, что начало новой мировой эпохи войн следует отсчитывать от русско-японской (1904-1905 гг.) или даже англо-бурской (1899-1902 гг.) войн – принципиального значения это не имеет. Масштаб жертв, потрясений и перестройки основ общественной жизни в любом случае здесь вполне сопоставим с римским, вне зависимости от нюансов датировки.

Истероидный релакс

Любая серьезная и продолжительная война наносит сильнейший удар по психическому здоровью населения. Наиболее ярко выраженными при этом оказываются две массовые реакции: паника и психозы. Классическим примером паники (кстати, ложной по существу) является латинский клич: «Hannibal ad portas!» (Ганнибал у ворот [Рима]!); в официальной версии он означал призыв к всеобщей мобилизации, но одновременно с этим римские родители пугали этой фразой своих непослушных детей. Как паническую описывают многочисленные очевидцы реакцию москвичей на перспективу захвата города немцами 15-19 октября 1941 года.

Если паника обычно бывает вызвана ощущением опасности (реальной или ложной), то массовые психозы гораздо сложнее объяснить стечением конкретных обстоятельств; чаще всего они становятся результатом общего длительного напряжения, требующего разрядки. Например, события в Петрограде в феврале 1917 года во многом были следствием такого немотивированного психоза. Голода как такового в столице не было; если при этом вспомнить, что в Германии значительная часть населения на протяжении 1918 года питалась картофельной шелухой и прочими пищевыми суррогатами, но революция там случилась только в конце года и по своему характеру была гораздо более «верхушечной» и менее массовой, чем в России, то станет ясно, что причиной, так называемой Февральской революции, стал не столько дефицит хлеба в петроградских булочных, сколько общая психологическая усталость от войны, вылившаяся в стихийные погромы и массовые акции неповиновения.

Что происходит с этой огромной психической энергией масс, когда войны заканчиваются? – Если вынести за скобки лиц, непосредственно участвовавших в боевых действиях в качестве жертв так называемого «вьетнамского синдрома» (в Риме он тоже имел место в облики синдрома «ветеранского»), то основная часть населения перерабатывает эту энергию в процессе длительной релаксации под лозунгом «от жизни нужно взять все, и даже больше». Процессы потребления и характер массовых развлечений приобретают отчетливо истероидный характер и по своей энергетике мало отличаются от избиения городских и разгрома винных складов в Петрограде 1917 года.

В тех случаях, когда массовый релакс не приобретает форму алкоголизма либо наркомании, он подразумевает резкий (многократный) рост уровней потребления. Объемы и качество потребления загоняются на невиданную прежде высоту. Известная фраза Октавиана Августа о том, что он принял Рим деревянным, а оставляет его мраморным, содержит в себе отнюдь не только архитектурную характеристику. Каменный город подразумевал совершенно иной образ жизни, в том числе – и уровень услуг, предоставляемых гражданину государством. Классическим примером показного и расточительного потребления, ставшего доступным для «человека из ниоткуда», является знаменитый фрагмент «Пир Трималхиона» из «Сатирикона» Петрония Арбитра. Если не брать во внимание столь экстравагантные проявления пресловутого «потреблядства», а ограничиться заурядным бытовым уровнем, следует сказать, что именно в это, послевоенное, время в Риме складывается чрезвычайно высокий уровень массовой бытовой культуры (стол,

постель, гигиена, книги, спорт), который даже спустя две тысячи лет сказывается в качестве современного итальянского дизайна – от автомобилей до обуви.

Прямые аналогии с послевоенными обществами так называемых «первого» и «второго» миров (Запад и европейские соцстраны) здесь очевидны. Не столь уж важно, что «шевроле» и «грюндиги» первого мира выступали во втором в облике «жигулей» и магнитофонов «Маяк» – устойчивый рост качества жизни, связанный в первую очередь с возрастающими объемами и диверсификацией потребления, характерен и для Запада, и для Востока на протяжении всего послевоенного времени.

Результатом сложившихся аномально высоких уровней массового потребления и в Риме, и в современном послевоенном мире становится складывание так называемого «среднего класса», который сам по себе представляет историческую аномалию; в Риме схожая группа населения, также оформившаяся в послевоенное время, именовалась «декурионами». В сбалансированных и устойчивых исторических обществах разрыв между «по-настоящему богатыми» и всеми прочими был огромным и, по сути, представлял собой зияющую пропасть. Известно, например, что в Средневековье регулярно издавались законы, жестко ограничивавшие демонстративное потребление тогдашних Трималхионов (использование в одежде недорогих мехов, количество драгоценностей, надеваемых во время публичных церемоний, количество гостей, приглашаемых на свадьбы и т. д.).

Многочисленные попытки современных социологов определить средний класс через такие формальные показатели, как уровень доходов, уровень образования, политические и культурные предпочтения приводят к не слишком убедительным результатам. Единственным надежным критерием понимания природы «среднего класса» является, на мой взгляд, его потребленческая характеристика, а именно – имитация средним классом «потребления миллионеров». Современная индустрия в значительной степени работает на удовлетворение такого рода запросов: потребительская истерия вокруг разнообразных гаджетов во многом связана с тем, что на этой поляне типичный представитель среднего класса вполне может потягаться с условным Абрамовичем, поскольку роллс-ройсы и «лучшие друзья девушек» как были, так и остаются зарезервированы за крайне узким кругом потребителей, что в 1914, что в 2014 году.

Политэкономия релакса

Чем был обеспечен столь быстрый рост массового потребления в Риме и современном послевоенном мире? – И в том, и в другом случаях – именно войнами и их конкретными результатами. В Риме успешные войны на протяжении нескольких столетий создали единое средиземноморское экономическое пространство, в котором надежный торговый трафик сочетался с использованием сверхдешевого рабского труда. В итоге рынок насытился недорогой и качественной продукцией – как продовольствием, так и ремесленными изделиями. Достаточно сказать, что зерно стало выгоднее ввозить из Северной Африки, чем выращивать его на итальянских полях; специализация (прежде всего – сельскохозяйственного производства) развивалась быстрыми темпами. В Риме стала возможной и реализовалась тогдашняя разновидность вэлфера – раздача бесплатного продовольствия.

Современный послевоенный мир вырос из мощного технологического скачка, порожденного в первую очередь обеими мировыми войнами. Радиоэлектроника,

новые виды энергетики, авиастроение, бытовая химия – ряд технологических новшеств, изменивших жизнь массового человека и напрямую исходно связанных с производством вооружений, окажется очень длинным. Таким образом, послевоенное процветание оказывается очевидным образом связано с войнами, определенным образом «закольцовано» с ними в обоих случаях – римском и современном.

Социальные и политические последствия этого послевоенного prosperity также оказываются вполне сопоставимыми.

Первое. Становление среднего класса, имитирующего потребительские стратегии элит, сопровождается люмпенизацией значительной части населения, живущего теперь на пособия и раздачи. Меняется общая социальная конфигурация: если раньше узкой элитной прослойке противостояла достаточно консолидированная масса населения, живущего собственным трудом, то теперь этот относительно здоровый социальный антагонизм сменяется противостоянием двух групп иждивенцев разного профиля: условных креаклов и люмпенов. Столкновение этих групп по существу является противоборством двух потребительских стратегий, в равной степени разрушительных для здорового общества: стратегии имитации люксового потребления и стратегии халатничества. Общественный запрос на их параллельную реализацию приводит к тому, что политика по преимуществу превращается в механизм отработки неустойчивого компромисса между ними.

Второе. В таком социальном раскладе начинается быстрая деградация политической системы, во все большей степени ориентированной не на созидательные стратегии, а на дележ. В более рафинированной римской системе этот дележ осуществлялся за счет довольно тонких манипуляций с налогами и общественными фондами; сегодня те же самые цели осуществляются более грубыми и прямолинейными методами, что сути дела, однако, не меняет. Сложная и дорогостоящая политическая система в условиях перманентного преобладания дележа оказывается излишней; в Риме понимание этого обстоятельства быстро привело к оформлению автократии (самодержавия), хотя в целом прежняя организация власти в качестве декорации была сохранена (римляне были людьми, сильно приверженными традиции). В современном мире, не столь сентиментальном и хорошо умеющем считать деньги, логика событий ведет к быстрому закату представительных демократий; вопрос сохранения декораций может при этом решаться по-разному и вряд ли представляет интерес. Грубо говоря, люмпена представительная демократия интересует исключительно в плане перспективы продажи голоса (практика, прекрасно известная и римским люмпенам), а для среднего класса эта демократия становится все более невыгодна и, наконец, просто опасна по мере количественного роста люмпенской массы. Осознание этого обстоятельства уже проявляется в призывах к введению избирательных цензов, время от времени появляющихся в российской либеральной прессе.

Двумя отмеченными обстоятельствами характерные черты общества «послевоенного процветания», конечно же, не исчерпываются. Здесь можно говорить и о переходе от массовой призывной армии к профессиональной высокотехнологичной армии сравнительно малой численности, и об оттоке производственных мощностей на периферию цивилизованного мира, и о моральной деградации значи-

тельной части населения, и о многом другом. Суть дела, однако, ясна и без этого – послевоенное «процветание» приводит к таким деформациям социальной среды, которые по существу означают ее распад. Отмечу в этой связи, что сегодня достаточно наивными выглядят рассуждения советских диссидентов о необходимости и неизбежности конвергенции западного мира и Советского Союза – эта конвергенция давно имеет место (если, конечно, вынести за скобки различие между шевроле и жигулями) с учетом того, что все, сказанное выше в равной степени относится к обеим идеологическим системам.

Цена релакса

Согласно законам социальной гидравлики, территории со сверхвысокими уровнями потребления подвергаются усиленному давлению извне, причем сила давления прямо пропорциональна уровню потребления. В общем виде это давление осуществлялось и осуществляется условными «варварами», искренне убежденными в том, что люди, моющиеся ежедневно, не в состоянии достойно защитить свои жизни и кошельки. Я не буду входить в детали этого сюжета; скажу лишь, что популярная в России фразеология относительно «Гейропы», «Пиндосии», «Мойвитании» и бородатой Кончиты имеет самое непосредственное отношение к подобному мировоззрению. Конечно, сегодня подтвердить это фактами невозможно, но я совершенно уверен, что похожие разговоры насчет Рима велись и у германских костров: мы – бородатые, немывые и в кожаных штанах; куда им против нас – бритым, пахнущим благовониями, и беспорточным. Тем не менее, Рим при всех его многочисленных изъянах, продержался против варваров около двухсот лет, а восточная часть империи вообще справилась с ними без особого труда.

Даже с поправкой на особенности варварского мачистского мировоззрения следует признать, что законы социальной физики (гидравлики) в общем виде не дают возможности эффективно противостоять дикому напору голодных на сытых. Принципиальное решение проблемы было найдено еще в Риме, и состояло оно из двух тактических ходов:

1. Постепенный сброс истероидных уровней потребления к нормальным параметрам (выпуск пара из котла);
2. Управляемый процесс инфильтрации голодных в среду сытых (своего рода охлаждение перегретого двигателя).

Особенности нынешней ситуации на Западе по сравнению с римской заключаются в том, что второй ход там пока пытаются практиковать без первого, что технологически выглядит весьма сомнительно и рискованно. Проблема России в этом контексте выглядит так: ей следует по возможности быстро определиться, на чьей стороне она намерена играть в предстоящую игру: *togati* (т.е. тех, кто носит тоги) или же тех, кто носит штаны. Сложность здесь заключается в том, что она содержит в себе признаки как первых (послевоенное «процветание» со всеми вытекающими), так и вторых (менталитет «обделенности»).

Р. А. Соловьев
Самиздат как форма социального
протеста в СССР
1950-1980-е гг.

Аннотация: в статье рассказывается о появлении и развитии самиздата, как одной из форм протестной активности населения в СССР. В работе также анализируется деятельность органов государственной власти по пресечению распространения самиздата и борьбе с инакомыслием. Прослеживается изменение форм и методов работы органов государственной безопасности и цензуры на рассматриваемом историческом этапе.

Ключевые слова: самиздат, тамиздат, диссидентство, инакомыслие, социальный протест, КГБ СССР, Главлит.

Содержание понятия «самиздат» сегодня трактуется по-разному. Наиболее емкое определение приводит А. Даниэль: «Самиздат – это специфический способ бытования общественно значимых неподцензурных текстов, состоящий в том, что их тиражирование происходит вне авторского контроля, в процессе их распространения в читательской среде»¹.

Практика неподконтрольного распространения кустарно выпускаемых литературных, публицистических, философских изданий недоступных или мало доступных легально текстов получила распространение в 1950–1980-х гг. не только в Советском Союзе, но и в других странах социалистического лагеря.

Несмотря на обилие и разнообразие публикаций, посвященных самиздату, пока нет достаточных оснований считать данную проблематику исчерпанной. Разнятся оценки влияния самиздата на общественно-политическую жизнь страны. Остается практически не освещенной и деятельность органов государственной власти по пресечению распространения неподцензурной литературы. Еще в XIX в. в России нелегально распространялись

Соловьев
Рустам
Арсланович
Аспирант
Кафедра
отечественной исто-
рии
Факультет истории
и международных
отношений Брянский
государственный
университет

рукописные копии воззваний будущих декабристов и народников, стихотворение М. Лермонтова «На смерть поэта», комедия А. Грибоедова «Горе от ума». Это явление называлось «хождением в списках».

В эпоху И. Сталина, когда всепроникающая цензура не допускала появления неодобренных свыше идей и мнений и даже упоминаний нежелательных имен, не могло быть и речи о нелегальных изданиях.

Возникновение неподцензурных печатных изданий (самиздата) в Советском Союзе в первую очередь связывают со смертью И. Сталина и последовавшей за этим некоторой либерализацией общественной жизни. В среде интеллигенции бытовали надежды на обновление и демократические перемены, одним из признаков которых являлось ограничение цензуры (главный цензурный орган – Главное управление по охране государственных тайн в печати [Главлит]) – был лишён функции политико-идеологического контроля).

Страсть к стихам, вспыхнувшая в нашей стране во второй половине 1950-х гг., породила в Москве не запланированные чтения стихов под открытым небом, которые регулярно проходили у памятника Владимиру Маяковскому. На подобных встречах собиралось до нескольких сотен человек, в основном молодежи. Наряду с разрешенными стихами читали произведения забытых и репрессированных авторов, а также свои собственные. Здесь же происходил обмен рукописными копиями произведений.

Власти изначально не препятствовали таким «поэтическим встречам», но вскоре доброжелательное отношение изменилось. Дружинники и работники милиции задерживали собравшихся (в основном студентов и учащихся). Обычным наказанием стало их исключение из учебных заведений.

Само понятие «самиздат» также зародилось в литературной среде. Автор термина принято считать московского поэта Николая Глазкова (1919–1979 гг.). В 1950-е гг. он начал выпускать самодельные книги, вначале рукописные, а позднее напечатанные на пишущей машинке, подписанные «самсебяздат» как пародия на названия издательств «госиздат», «политиздат», «госстройиздат» и т. п. Позднее ироничное новообразование сократилось, и появился термин «самиздат».

Момент перехода от разовых перепечаток неподцензурных текстов к самиздату как достаточно массовому (во всяком случае, в кругах интеллигенции) явлению ярко выразил Юлий Ким: «Вот эта тоска жажда свободного, неподцензурного слова была всеобщей, и она породила такие явления, как самиздат и их массовое распространение»².

Уже в конце 1950-х гг. появляются первые попытки периодизации «самиздатовских» произведений. В декабре 1959 г. был распространен первый номер журнала «Синтаксис» (всего было выпущено три номера – редактор журнала А. Гинзбург в начале 1960 г. был арестован).

Председатель Московской Хельсинской группы и автор исследования «История инакомыслия в СССР» Л. Алексеева, проанализировав воспомина-

ния нескольких авторов самиздата, пришла к выводу, что «при общей неосведомленности о происходившем за пределами дружеского кружка каждый мемуарист убежден, что самиздат зародился в том круге, к которому он сам принадлежал, и каждый прав: истоки эти обнаружились не в какой-то одной дружеской компании, а во многих сразу. У каждого круга были свои авторы и свой самиздат»³. По различным оценкам в тогдашнем самиздате ходили произведения более 300 авторов. Большое влияние на распространение самиздата оказало то, что в свободной продаже были разрешены пишущие машинки.

«Поэтические встречи» и первые попытки распространения самодельных поэтических сборников подверглись резкой критике в центральной печати⁴. Распространению самиздата способствовало главным образом то обстоятельство, что официальные издательства были практически недоступны для молодых авторов. Известная писательница М. Шагинян в своем письме в начале 1955 г. В. Молотову заявила: «Издательская бюрократия наносит колоссальный ущерб советской литературе, не дает молодым писателям продуктивно работать и печататься... в редакциях журналов и издательств царит безграмотность, мздоимство, желание нажиться на изданиях умерших авторов...»⁵.

Недоступны издательства были и для воспоминаний бывших заключенных ГУЛАГа, хотя большой интерес к подобной литературе подтверждает ошеломительный успех повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Тираж произведения превысил один миллион экземпляров, но, несмотря на это в библиотеках возникали очереди из желающих его прочесть. «Один день Ивана Денисовича» в числе многих других произведений был растиражирован и в самиздате. Не имели возможности выразить свои мысли в официальной печати представители научной интеллигенции⁶.

В 1956 г. в информационной записке отдела культуры ЦК была изложена следующая информация: «На собраниях писателей и работников искусств подвергается резкой критике сложившаяся в период культа личности практика руководства литературой и искусством. Писатели выражают недовольство системой мелочной опеки и регламентации, администрирования, директивного навязывания субъективных суждений, которые не до конца преодолены еще в практике работы органов искусства, издательств, в нашей печати»⁷.

Власть расценила критику действительных недостатков в практике руководства искусством как стремление «"освободиться" от всякого влияния партии и государства на развитие искусства и защищать "свободу творчества" в буржуазно-анархическом, индивидуалистическом духе»⁸.

Если первоначально самиздат ассоциировался именно с литературными произведениями, путь которых к читателю был закрыт цензурой, то уже к середине 1960-х гг. самиздат заметно «политизировался». Появляются работы, посвященные проблемам советской истории, обсуждению и критике совет-

ского строя. Многие исследователи связывают этот процесс с усилением идеологического противостояния (как между властью и оппозиционно настроенной интеллигенцией, так и внутри последней) и началом формирования диссидентского движения.

Почвой для появления «политического самиздата» стала продолжавшаяся тактика государственной политики «жизни во лжи»: практика запретов, сокрытия правды, фальсификации информации. Одним из первых в самиздате стал распространяться доклад Н. Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности и его последствиях».

Двойственность существования доклада (открытая часть и закрытая, прозвучавшая только для делегатов XX съезда) предопределила появление бесцензурных публикаций. Варианты доклада, в том числе искаженные, иногда снабженные комментариями, быстро распространились по рукам.

Публичные разоблачения целого периода советской истории больно ударили по авторитету государственной власти. В результате пускай частичной, но все же либерализации общества начинается формирование общественного мнения в СССР. Редакции центральных газет получали сотни тысяч писем, заметок и статей, в которых люди выражали свое собственное мнение по различным вопросам внутренней и внешней политики страны. Причем не всегда точка зрения респондентов совпадала с официальной. Люди перестали бояться высказывать свое мнение на собраниях трудовых коллективов и партийных комитетов.

В стране начинает формироваться новая поколенческая субкультура – «шестидесятники». Они, поддерживая разоблачения Н. Хрущева и изменения во внешней и внутренней политике, ориентировались в большей степени на диалог с Западом, что вызвало резкое неприятие так называемых ортодоксальных коммунистов. Позиция же Н. Хрущева становилась всё более противоречивой: он, то стремился к диалогу с западниками, то начинал кампании за «идеологическую чистоту».

Новый курс власти на подавление инакомыслия и силовой диктат, начавшиеся после смещения Н. Хрущева, способствовали появлению правозащитного движения в стране и привели к разделению культуры на официальную, подцензурную, находящуюся в пределах контролируемости, и неофициальную, распространявшуюся путем самиздата.

Самиздат стал технически удобной, заметной и относительно безопасной формой выражения несогласия социальных групп и отдельных индивидов с идеологией и политической практикой советского режима, формой преодоления государственной монополии на распространение идей и информации.

Серьезная борьба с самиздатом началась лишь с того времени когда в мае 1967 г. КГБ СССР возглавил Ю. Андропов. Он видел главную опасность для Советского Союза и всего социалистического лагеря не в шпионах-диверсантах, а во внутренних врагах и идеологических диверсиях. В одном из

своих первых выступлений Юрий Владимирович в частности сказал: «Враг не брезгует никакими средствами. В своем стремлении ослабить социалистические страны, союз между социалистическими государствами, он идет на прямую и косвенную поддержку контрреволюционных элементов, на идеологическую диверсию, на создание всевозможных антисоциалистических, антисоветских и иных враждебных организаций, на разжигание национализма... В идеологической диверсии империалисты делают ставку на идейное разложение молодежи, использование недостаточного жизненного опыта, слабую идейную закалку отдельных молодых людей. Они стремятся противопоставить ее старшему поколению, привнести в советскую среду буржуазные нравы и мораль... Средства подрывной деятельности становятся более изощренными и замаскированными»⁹.

Ю. Андропов, обращая свое внимание на репертуар театров, содержание литературных журналов, не забывал и о самиздате. Будучи уверенным, что распространение самиздата «...наносит серьезный ущерб воспитанию советских граждан, особенно интеллигенции и молодежи...», руководитель КГБ настаивал не на репрессивных методах в борьбе с ним, а на профилактических действиях. Он подчеркивал, что «профилактика является составной, органической частью всей агентурно-оперативной деятельности, важнейшим методом решения возложенных на органы госбезопасности задач»¹⁰.

В 1967 г. по инициативе Ю. Андропова было образовано управление КГБ СССР по борьбе с идеологическими диверсиями. Основными методами работы нового подразделения становились «профилактика» и «предостережение». Количество тех, кого вызывали в КГБ и выносили официальное предостережение о нарушении закона, а попросту говоря, «предупреждали, что в следующий раз их уже вызовет следователь», ежегодно исчислялось десятками тысяч.

В декабре 1972 г. инициатива КГБ СССР была законодательно оформлена Указом Президиума Верховного Совета СССР «О применении органами государственной безопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия».

Помимо вынесения официального предостережения, профилактическое воздействие оказывалось и в иных неформальных формах. Многие высокопоставленные сотрудники КГБ участвовали во встречах с молодежью, творческой и научной интеллигенцией, пытались разъяснить позицию руководства страны и органов государственной безопасности по многим острым социально-политическим вопросам¹¹.

Во второй половине 1960-х гг. начался возврат к прежней роли государственной цензуры. В августе 1966 г. было реорганизовано Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР (Главлит). Разработанные для Главлита положения и инструкции содержали такое множество идеологических установок и ограничений, что практически

любое художественное произведение могло быть объявлено неблагонадежным или несвоевременным.

Особой «заботой» Главлита была борьба с «искажениями» советской действительности, «принижением» успехов и достижений нашего народа, «преувеличением» недостатков и трудностей. Главными объектами контроля были литературные журналы, на страницах которых уже привычными стали новые литературные имена и острые публицистические статьи.

Постоянные нападки на журнал «Новый мир» привели в итоге к отставке в 1970 г. главного редактора А. Твардовского. Подвергался критике и журнал «Юность».

В 1966 г. в Уголовный кодекс СССР был дополнен статьей «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», максимальное наказание по которой предусматривало лишение свободы до 3 лет.

К концу 1960-х гг. в условиях отсутствия массовых репрессий происходит консолидация радикальной части интеллигенции и зарождение правозащитного (диссидентского) движения. Некоторые исследователи утверждают, что возникновение, дальнейшее развитие правозащитного движения в СССР и «политического самиздата» произошло не без участия западных спецслужб¹¹. Например, журнал «Свободная мысль» определял свои задачи следующим образом: «Способствовать обмену мнениями по актуальным теоретическим и практическим вопросам демократического движения; выработке наиболее целесообразных форм и методов борьбы, взаимной информации о событиях внутри страны и за рубежом, распространению сведений, скрываемых от народа, разоблачению фальсификаций истории СССР и КПСС». Журнал «Наши дни» позиционировал себя, как «свободная трибуна российской политической оппозиции»¹².

К материалам, поступавшим с Запада прикрепилось название «тамиздат». Самым заметным в истории тамиздата стал информационный бюллетень «Хроника текущих событий», первый выпуск которого появился 30 апреля 1968 г.

Активизация деятельности западных спецслужб не осталась незамеченной органами государственной безопасности. В своей записке в декабре 1970 г., адресованной в ЦК КПСС, Председатель КГБ Ю. Андропов отмечал: «Анализ распространяющейся в кругах интеллигенции и учащейся молодежи так называемой "самиздатовской" литературы показывает, что "самиздат" претерпел за последние годы качественные изменения. Если пять лет назад отмечалось хождение по рукам, главным образом, идейно порочных художественных произведений, то в настоящее время все большее распространение получают документы программно-политического характера. За период с 1965 г. появилось свыше 400 различных исследований и статей по экономическим, политическим и философским вопросам, в которых с разных сторон критикуется

исторический опыт социалистического строительства в Советском Союзе, ревизуется внешняя и внутренняя политика КПСС, выдвигаются различного рода программы оппозиционной деятельности.

На базе изготовления и распространения "самиздатовской" литературы происходит определенная консолидация единомышленников, наглядно прослеживаются попытки создания подобия оппозиции.

Империалистические разведки и связанные с ними антисоветские эмигрантские организации не только учитывают наличие оппозиционных устремлений, но и пытаются поддерживать их, прибегая к изготовлению и пропаганде документов-фальшивок. В ряде таких документов, например, в "Программе демократического движения Советского Союза", "Тактических основах", "Время не ждет", сформулированы программные установки и рекомендации по организации подпольной борьбы против КПСС»¹⁴.

Несмотря на гонения, в том числе и аресты распространителей неподцензурных текстов, самиздат получил распространение не только в крупных городах, но и в провинции. Сложилась устойчивая самиздатовская культура, ставшая неотъемлемой составляющей быта советской интеллигенции. И здесь на стороне распространителей самиздата вновь выступил технический прогресс – в советских учреждениях появились копировальные аппараты.

Однако следует отметить, что идеи диссидентства не находили широкой поддержки среди населения. И «политический самиздат» вращался в узком кругу единомышленников. Даже по оценке западных экспертов, в 1960-1970-е гг. «активная часть» диссидентов в СССР насчитывала не более 50 человек¹⁵.

Политический самиздат трансформировался и перестал быть самостоятельным – большую его часть составляли копии с западных журналов и статей. По мнению известного диссидента О. Попова, правозащитники не рассматривали советский народ в качестве социальной базы своего движения. Более того, «обращение правозащитников за помощью к Западу привело к отчуждению и фактической изоляции их от народа и даже от значительной части интеллигенции, симпатизирующей правозащитникам. Сами же правозащитники стали превращаться из неформальной ассоциации советских граждан, озабоченных нарушением законности в своей стране, в отряд некоего "всемирного правозащитного движения", в небольшую группу, получавшую моральную, информационную, а с середины 1970-х гг. – материальную и политическую поддержку с Запада <...> замкнутые на себе, оторванные от народа и абсолютно чуждые его повседневным интересам и нуждам, эти группы не имели никакого веса и влияния в советском обществе, если не считать ореола "народного заступника", который стал складываться в 1970-е гг. вокруг имени А. Д. Сахарова. Нередко самиздатовские периодические издания прекращают свою деятельность по причине невостребованности у читателя»¹⁶.

По признанию Л. Алексеевой, к началу 1980-х гг., благодаря целенаправ-

ленной работе КГБ, «диссидентство перестало существовать как целое, сохранились лишь его осколки...»¹⁷.

К середине 1980-х гг. значительную часть самиздата составляло копирование материалов для личного пользования (кулинарные рецепты, психологические тесты, журналы мод и другая популярная литература, не попадавших на прилавки из-за малых тиражей).

С началом «перестройки», объявленной политики гласности и плюрализма мнений, самиздат, в привычном понимании этого явления, практически полностью исчезает.

Проанализировав социальные протесты в СССР в 1950–1980-х гг., можно сделать вывод, что большинство протестных выступлений формировались стихийным путем и в частном порядке. Распространение же самиздата носило системный характер и стало латентной формой социального протеста. Наибольшее развитие самиздат получил в 1970–1980 гг. с появлением продолжающихся и периодических изданий, ставших местом дискуссий формирующегося культурного диссента, а позже – правозащитного движения.

Опасность распространения самиздата понимали и в КГБ, и их оппоненты из западных спецслужб. Самиздат становился площадкой борьбы противоборствующих спецслужб. Применение советскими органами государственной безопасности тактики «профилактики и предостережения» позволило держать под контролем сферу распространения самиздата. Однако следует отметить, что уменьшение количества самиздата в большей степени связано с тем, что идеи правозащитников, почти полностью заполнивших «поздний самиздат», не находили отклика у широких масс населения. И здесь на лицо уже успех советских идеологов. Оппозиция могла спокойно существовать только в подполье, а уголовному преследованию подвергались лишь те из ее представителей, кто переходил к распространению материалов с призывами к революционным действиям. С более же осторожными – вели профилактические беседы.

Примечания

¹ Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е – 1980-е. / Под общей редакцией В. В. Игрунова. М.: Международный институт гуманитарно-политических исследований, 2005. С. 17.

² Пятковский А. Очерк истории самиздата // Гефтер. 2012. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/5757>.

³ Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР: новейший период. М.: Моск. Хельсинк. Группа, 2012.

⁴ Иващенко Ю. Бездельники карабкаются на Парнас // Известия. 1960. 2 сентября.

⁵ Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 316.

⁶ *Медведев Ж.* Опасная профессия // Родина. 2011. № 12. С. 16-19; *Еремеева А. Н.* История советской научной интеллигенции в текстах самиздата и тамиздата // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 3. С. 56.

⁷ *Горяева Т. М.* Указ. соч. С. 318.

⁸ Там же.

⁹ *Хлобустов О. М.* Феномен Андропова: 30 лет из жизни Генерального секретаря ЦК КПСС. М.: Издательский Центр «Аква-Терм», 2013. С. 298-299.

¹⁰ Там же. С. 299.

¹¹ *Бобков Ф. Д.* КГБ и власть. М.: Изд-во «Ветеран МП», 1995. С. 257.

¹² Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е – 1980-е. / Под общей редакцией В. В. Игрунова. М.: Международный институт гуманитарно-политических исследований, 2005. С. 19.

¹³ *Королева Л. А.* Оппозиционные журналы о сопротивлении режиму в СССР (1950–1980-е гг.) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 3. С. 127.

¹⁴ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 4. Оп. 20. Д. 817. Л. 116-120.

¹⁵ *Хлобустов О. М.* Указ. соч. С. 305.

¹⁶ *Савенко Е. Н.* Литературный самиздат Сибири второй половины 50-х – начала 80-х гг. XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 3. С. 35.

¹⁷ *Хлобустов О. М.* Указ. соч. С. 298.

R. A. Solovyev
solorus@mail.ru

Samizdat, as a form of social protest in the USSR. 1950-1980th

Summary: This article discusses the emergence and development of samizdat, as a form of protest activity of the population in the USSR. The paper also examines the activities of public authorities to curb the spread of samizdat and the suppression of dissent. Traced the changing forms and methods of work of the organs of state security and censorship on the historical stage.

Keywords: Samizdat, tamizdat, dissent, dissent, social protest, KGB, Glavlit.

Е. В. Петров, Е. Э. Эльц

**К истории издания славистических журналов
во Франции**

Петров

Евгений

Вадимович

Доктор исторических
наук, профессор
Кафедра источникове-
дения истории России.
Институт истории
Санкт-Петербургский
государственный уни-
верситет

Эльц

Елена

Эдуардовна

Кандидат
исторических наук, до-
цент
Кафедра международ-
ных гуманитарных свя-
зей
Факультет международ-
ных отношений
Санкт-Петербургский
государственный уни-
верситет

Аннотация: в статье приводится материал по истории французской славистической периодики. Рассматриваются вопросы становления и развития таких серийных изданий как «Журнал славистических исследований» (*Revue des études slaves*) и журнал «Славянский мир» (*Le Monde slave*). Издательская деятельность французских подвижников славистических знаний рассматривается в контексте складывания различных лингвострановедческих школ и направлений. Лидирующие позиции французских университетов в развитии славистических программ в первой половине XX столетия во многом объясняются общей тенденцией укрепления профессиональной периодики и формированием национальных лингвострановедческих центров в Париже, Лионе, Дижоне, Страсбурге, Тулузе.

Ключевые слова: история французской славистики, французские славистические журналы, «Журнал славистических исследований» (*Revue des études slaves*), журнал «Славянский мир» (*Le Monde slave*), французский институт в Петербурге, французские информационно-славистические ресурсы.

История российско-французских отношений в современной историографической традиции исследуется в большей мере с точки зрения концепций и доктрин, разъединяющих Россию с европейским миром.

Нам представляется весьма важной постановка проблематики позволяющей в академических исследованиях сосредоточиться на изучении феномена «общности исторических судеб».

Данный подход в свое время развивали французский философ-просветитель Д. Дидро, французский социолог и политический деятель А. де Токвиль, дважды посетивший Россию французский писатель Т. Готье, известный французский славист и один из основателей

журнала «Revue des etudes slaves» П. Буайе, французский историк, специалист по истории России и славянских народов Р. Порталь. Развитие русско-французских славистических контактов демонстрирует важную роль профессиональных периодических изданий в формировании повестки дня двухсторонних отношений.

Появление работ в отечественной дореволюционной историографии по истории французской славистики было связано с публикациями и переводами трудов по русской литературе и культуре Луи Леже, Анатоля Леруа-Болье, Альфреда Рамбо, Эжена Мельхиора де Вогюэ. Следует отметить, что деятельность первого поколения французских русистов-профессионалов соответствовала возросшему в конце XIX века во Франции интересу к России и русскому народу. Русская тематика вошла в программу университетского преподавания, русский язык начинает изучаться в высшей и средней школе. Для распространения во французском обществе знаний о русской культуре, литературе, языке использовались возможности издательской деятельности, профессорская и академическая трибуны, профессиональная и любительская наука.

Французские ученые, осознающие себя самостоятельной профессиональной группой, с конца XIX века начинают создавать различные ассоциации, открывающие новые возможности для общения с зарубежными коллегами. Ряд инициатив приводит к появлению русско-французских обществ, развивающих образовательные и научные связи. Научно-исследовательским центром для французских славистов, отправляющихся в Россию для исследований и совершенствования русского языка, а также неким центром, где русские, желающие изучить французский язык, могли получать информацию о Франции, становится созданный по проекту П. Буайе Французский институт в Петербурге (1911–1919 гг.)

Традиция изучения истории французской славистики была заложена стараниями И. Д. Гальперина-Каминского¹. В 1909 г. на чествование 100-летнего юбилея со дня рождения Н. В. Гоголя в Москву были приглашены представители 5-ти академий Франции. Среди них известные слависты Л. Леже, А. Леруа-Болье, М. де Вогюэ. В 1912 г. вышла в свет работа С. В. Соловьева о специфике преподавания русского языка во Франции и изучении русской литературы². Она свидетельствовала об издании «Журнала франко-русских исследований» и учреждении франко-русской ассоциации. Вопросы, связанные с изучением французских информационно-славистических ресурсов, обстоятельно поднимались в равной мере и на библиографическом и на источниковедческом уровне.

Советская историография истории французской славистики во многом была связана с работами П. Н. Беркова (1896–1969 гг.) по книговедению, теории и методике библиографии, текстологии и палеографии³. С 1929 г. он исполнял обязанности заведующего учебной частью Института сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока, и как никто другой многое привнес в понимание славистической периодики как одного из важнейших компонентов в изучении лингвострановедческой мысли. Изучением истории русско-

французских академических связей и традиций славистического образования с середины 1980-х годов занимались многие специалисты. На страницах отечественных журналов всё больше стали уделять внимания вопросам изучения организационной структуры славистического образования во Франции⁴. В статьях Е. Л. Валева предметно рассматривалась история Института славянских исследований в Париже и Французского национального института восточных языков и цивилизаций⁵. В них автор проводит периодизацию славистических исследований во Франции, обращается к вопросам истории возникновения славянских кафедр, уделяя отчасти внимание и профессиональной славистической периодике. Обращает на себя внимание работа Е. М. Макаренковой, посвященная персоналии первого французского слависта Луи Леже. Исследователь рассматривает деятельность Леже не только как организатора славистических знаний во Франции в контексте франко-русских культурных связей второй половины XIX в., но и как талантливого публициста и издателя.

В работе Ю. В. Бойко исследовались принципиально важные вопросы, касающиеся русского эмигрантского наследия во Франции и степени влияния русских компатриотов на процессы становления и развития советологических исследовательских и образовательных программ французских центров в Париже, Лионе, Дижоне, Страсбурге, Тулузе⁶.

Системно и комплексно вопросы истории французской славистики нашли отражение в трудах О. С. Даниловой⁷. В них автор поднимает сложные вопросы, связанные с зарождением в ранней славистической мысли Франции и сосуществовании противоречивых традиций славянофильства и полонифильства. Научное изучение культуры, истории, социальной жизни России, по словам автора, началось во второй половине XIX века, благодаря фундаментальным трудам Альфреда Рамбо, Анатоля Леруа-Болье, Леонса Пенго, которые смогли подготовить европейского читателя к восприятию реалий российской действительности.

Основополагающими французскими работами по истории славистических знаний являются труды Л. Эйзенманна, А. Вайана, Б. Унбегауна и А. Мазона⁸. Стараниями данных авторов в историографии утвердилась общая концепция истории французской славистической мысли. В дискуссию о периодизации основных этапов развития славистики в разное время включились Р. Порталь и Д. Бовуа⁹. Во франкоязычных публикациях 1990 гг. рассматривались многочисленные и разнообразные сюжеты научной деятельности французских славистов¹⁰. В итоге, анализ славистики как лингвострановедческой отрасли гуманитарных знаний, был представлен в сборнике подготовленном профессиональной ассоциацией специалистов¹¹. Следует заметить, что в зарубежной историографии исследователи весьма часто обращаются к изучению академического опыта и традициям славистических знаний, отдавая должное позиции лидерства французских университетов в развитии славистических программ в межвоенный период¹².

Изучение профессиональной славистической периодики позволяет прояснить условия популярности лингвострановедческих знаний во Франции и детализировать весьма специфические каноны и своеобразие подходов разных школ и направлений. При всей обстоятельности изложения истории славистической мысли во Франции многие исследователи акцентируют внимание на событиях Первой мировой войны, усилившей национально-освободительную борьбу славянских народов. Качественно новый этап в организации славянских исследований в этот период во Франции традиционно связывают с открытием новых кафедр в Школе восточных языков, специализирующихся на изучении сербохорватского, польского, болгарского языков. Борис Унбегаун вычленил появление славянских печатных органов «Журнала славянских изучений» (*Revue des études slaves*), и журнала «Славянский мир» (*Le Monde slave*), которые, по его мнению, аккумулировали изучение славистической проблематики¹³.

В начале XX века, когда изучение языка и истории славянских народов прочно вошло в программу высших учебных заведений Франции, французские слависты Эрнест Дени, Луи Леже, Эмиль Оман, Антуан Мейе, Поль Буайе высказывали мнение о необходимости координации национальных славистических программ¹⁴. 13 января 1916 г. в актовом зале филологического факультета Университета Парижа собрались ведущие слависты Л. Леже, П. Буайе, Э. Оман, Ж. Легра, А. Лирондель, А. Мейе, Л. Ро, В. Бернар, Э. Дени. В повестке дня значилось создание славистического центра, который одновременно мог бы являться и центром научной документации. По итогам встречи было решено организовать и провести серию научных конференций по славяноведческой проблематике. В марте 1916 г. П. Буайе предложил открыть программу лиценциата по русскому языку и новые кафедры польского, сербохорватского, болгарского языков при Национальной школе восточных языков.

По прошествии года специалист по славянским странам Эрнест Дени и журналист Робер де Ке подготовили первый выпуск журнала «Славянский мир», на страницах которого освещались вопросы истории и современности славянских стран¹⁵. Данному событию посвятил свою статью А. Бернар¹⁶. Автор констатирует, что в 1917 г. «несколько специалистов одержимых идеей поддержки и распространения французского влияния в славянских странах» основали в Париже журнал. С первых номеров издания на его страницах велась острая полемика о месте и роли славянских народов в истории стран Центральной и Восточной Европы, дискуссии о панславизме. Правда, вопросы о единстве славян и славянской солидарности отошли на задний план после известных событий русской революции 1917 г. Среди авторов журнала значились Т. Г. Масарик, Э. Бенеш, И. Свижик. Журнал состоял из трех больших частей: 1) история, экономика, география, литература славян; 2) «официальные документы»; 3) критика и библиография и хроника славянских литературных новинок. А. Бернар сообщает, что по прошествии года журнал прекратил своё существование и свернул свою деятельность из-за нехватки средств.

Шестью годами позже, в 1924 году, продолжает автор, историк Л. Эйзенманн возобновил его выпуск. При новом редакторе изменилась концепция журнала, он стал более дискуссионным, в нём не было тем, которые остались бы вне критики. Благодаря изданию журнала во Франции, пишет автор, французские специалисты и читатели укрепились в необходимости развития профессиональных подходов и многое узнали о многообразии культурных и этнических традициях славянского мира.

Свою профессиональную нишу со временем обрело и другое издание, выходявшее на базе Института славистических исследований. В 1919 г. благодаря инициативе Эрнеста Дени и при материальной поддержке правительств Чехословакии, Югославии, Польши, во Франции был учреждён Институт славистических исследований¹⁷. 9 марта 1920 г. состоялась учредительная ассамблея Института, где был принят его устав. Институт по праву стал центром научной жизни французских славистов¹⁸. В 1921 г. Институт славянских исследований потерял специалиста, которому во многом был обязан своим существованием. На этом посту Э. Дени сменил профессор Школы высших исследований А. Мейе.

Программы института сохраняли баланс в своём разнообразии между различными подходами и дисциплинами: языкознанием и правоведением; историей литературы и культуры; историей религии, общества и политики; социологией и правом; археологией и историей искусств; этнографией и фольклором; географией¹⁹. В это же время появились труды и работы, переосмысливающие бывшие концептуальные подходы, такие как трехтомная «История России», подготовленная совместными усилиями П. Миллюкова, Ш. Сеньобоса и Л. Эйзенманна. Издание должно было заменить, по задумке её авторов, устаревшую во многих отношениях книгу А. Рамбо²⁰.

В 1921 г. в работе центра произошли качественные изменения, связанные с изданием своего собственного журнала под названием «Славянское обозрение» (*Revue des études slaves*). Сотрудники института получили прекрасную возможность донести профессиональные знания до широкой читательской аудитории²¹. С 1921 г. журнал бессменно издается под редакцией А. Мазона.

Журнал в большей мере специализировался на вопросах общего языкознания и филологии, истории литературы, в то же время он содержал статьи, посвященные истории искусств, этнографии и истории славянских народов. Ежегодный библиографический обзор публикаций позволял проследить развитие славистической мысли и давал общее представление о наиболее значимых событиях в мире славистики²². Институт издавал неперiodические издания, это: грамматики, учебники, монографии, исторические работы, а также ряд исследований по отдельным вопросам славянских стран. Данная печатная продукция Института распределялась по так называемым коллекциям Института²³. В 1922 г. он был передан под управление Парижскому университету.

В 1924 г. на базе книжной коллекции Э. Дени была организована библиотека Института. Большую заслугу в организации славянской библиотеки оказал

А. Мазон, благодаря его усилиям библиотека за четыре года своего существования стала крупнейшим центром славистических исследований во Франции.

Издание журналов «Славянский мир» и «Славянское обозрение», по общему мнению специалистов, скрепляло профессиональное сообщество французских славистов, задавая тон в формировании академической повестки дня. С профессиональной точки зрения редакторская политика данных изданий обеспечила интеллектуальный подъём славистических знаний, а его издатели со временем стали классиками национальной и мировой славистической мысли.

Со второй половины XX века англо-американские славистические издания постепенно вытесняют французскую периодику с господствующих позиций. Процесс смены научного лидерства недостаточно прописан в исторической литературе и представляет несомненный интерес. Изучение этого феномена позволяет понять роль и место национальных школ в складывании зарубежной славистической мысли. Со второй половины XX века концепции англо-американской школы славистических знаний задают тон в развитии зарубежной лингвострановедческой традиции.

Примечания

¹ Гальперин-Каминский И. Д. Руссоведение во Франции // Русская мысль. 1894. № 9. Отд. 2. С. 33-34.

² См.: Соловьев С. Современное положение русского языка и литературы во Франции. Харьков: тип. «Печ. Дело», 1912. С. 8.

³ Берков П. Н. Изучение русской литературы во Франции // Русская культура и Франция III (Литературное наследство) М., 1935. С. 726-727.

⁴ Кисунько В. Г., Наринский М. М. Русско-французские культурные связи (XIX – начало XX в.) // Французский ежегодник 1984. М., 1986. С. 20-33; Орел В. Э. Славянская этимология в работах Французских славистов (конец 40-х – 50-е годы XX в.) // Зарубежная историография славяноведения и балканистики. М., 1986. С. 131-146; Макаренкова Е. М. Луи Леже – первый французский славист. К истории француско-русских культурных связей второй половины XIX в. // Французский ежегодник 1986. М., 1988. С. 202-221; Орел В. Э. Французское славяноведение 1970-х годов: организация исследований и некоторые вопросы подготовки кадров // Славяноведение и балканистика в странах зарубежной Европы и США. М., 1989. С. 79-92; Асланов С. Г. Парижский институт славяноведения: Издательская и библиографическая деятельность // Советская библиография. 1988. № 6.

⁵ Валева Е. Л. Институт славянских исследований в Париже // Славяноведение и балканистика в зарубежных странах. М., 1983. С. 125-146; Она же. Французский национальный институт восточных языков и цивилизаций // Зарубежная историография славяноведения и балканистики. М., 1986. С. 165-177.

⁶ Бойко Ю. В. Эмигрантская литература и начало французского советоведения // Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940. М., 1994. С. 108-113.

⁷ Данилова О. С. Французские «славянофилы» конца XIX – начала XX века // Славянский альманах 2001. М., 2002. С. 217-233; «Цивилизация духа и души»: русские глазами французского славянофила // Славянский альманах 2002. М., 2003. С. 493-503; У истоков французской славистики – между полонифильством и русофильством – альтернатива XIX

в. // Славянский альманах 2003. М., 2004. С. 104-120.

⁸ Eisenmann L. Slavonic studies in France // The slavonic review ½. decembre 1922. P. 295-305; Vaillant A. Les études slaves // Revue du mois. № 115. Novembre. 1924. P. 545-550; Unbegaun B. Slavonic studies in France // The Slavonic review. Vol. VII. 1929. № 21. P. 694-698; Mazon A. Les études slaves. Les études slaves en France avant 1840 // La Science française. T. IV. 1933. P. 451-474. Train J. L'Activité de l'Institut d'études slaves // Annales de l'Université de Paris. Sorbonne-Paris V. № 4. Octobre-decembre. 1949. P. 548-554; Fichelle A. Origines et developpement de l'Institut d'études slaves (1919-1949) // Revue des études slaves. T. 27. 1951. P. 91-103; Vaillant A. Andre Mazon // Revue des études slaves. T. 48. 1969. P. 7-10; Vaillant A. Rapport sur les études slaves en France de 1944 a 1954 // Beogradski Medunarodni slavitski sastanak (15-21. IX. 1955). Beograd (Yugoslavia), 1957. P. 393-398; Portal R. Rapports d'Instituts. L'Institut d'études slaves (rapport d'activité 1966) // Annales de l'Université de Paris. 1968. № 1. Janvier-mars. P. 40-54; Portal R. Historia slawianszczyzny – nauczanie i studia nad nia we Francji. Z zagadnien wspolpracy miedzynarodowej // Kwartalnik Historyczny. Poland, 1957. № 64-3. P. 181-195; Порталь Р. Изучение СССР во Франции // История СССР. 1959. № 1. С. 229-239.

⁹ Бовуа Д. О периодизации истории французской славистики // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978. С. 174-188.

¹⁰ Charue J. Les slavistes français et l'autriche-hongrie de 1867 à 1918 // Etudes danubiennes. 1990. T. VI. № 1. P. 124-137; Gervais-Francelle C. Bibliographie des travaux de Roger Portal. Collection historique de de l'Institut d'études slaves – XXXIV. Russes. Slaves et Sovietiques. Pages d'histoire offertes à Roge Portal. Paris, 1992. P. 453-459; Ferencuhova B. Les slavissants français et le mouvement tchecoslovaque à l'étranger au cours de la premiere guerre mondiale // Guerres mondiales et conflits contemporains. 1993. № 43 (169). P. 27-36; Bernard A. Политические проблемы в публикациях французских славистов в начале XX века // Veda a ideologia v dejinach slavistiky. Bratislava: Veda, 1998. P. 95-104; Bernard A. Le Monde slaves, premiere revue français consacrée aux pays slaves // Revue des etudes slaves. T. 74. Fasc. 2-3. 2002-2003. P. 396-409.

¹¹ Les études slaves en France et en Europe. Actes du colloque organisé par l'association BESEDA du 26 au 28 juin 2000 à l'Institut d'études slaves et à la Bibliotheque nationale de France. Paris, 2001. P. 147.

¹² Vatroš'lav Jagić. A Survey of slavic studies // Slavonic review. 1922. № I. P. 40-58; Jakubowski W. Rusycustika we Francji // Sprawozdania z posiedzeń Komisji nakowych (PAN). Waszawa-Kraków, 1973. T. 16. № 1. P. 104-105; Wytrens G. Neue publikationen des franzosischen nationalen forschungsinstituts fur slavische studien // Osterreichische Osthefte. Jahrgang 20. H. 4. Wien, 1978. P. 490-494; Wróblewski T. S. Badania nad slowiańszczyzna i Europa wschodnja we Francji // Przegląd Zachodni. 1987. Poland. № 43 (2). P. 121-133; Ferencuhova B. Les slavissants francais et le mouvement tchecoslovaque a l'étranger au cours de la premiere guerre mondiale // Guerres mondiales et conflits contemporains. 1993. № 43 (169). P. 27-36; Karagyozev P. Курс Адама Мицкевича по славянским литературам в Коллеж де Франс. В контексте сравнительного славянского литературоведения // Revue des études slaves. t. LXX. 1998. V. 4. P. 751-770; Gubernatis A. S. A. de et Leger L. Une collaboration aux sources de la slavistique italienne et francaise // Revue des études slaves. 2000. T. LXXII. Fasc. 1-2. P. 7-23.

¹³ Unbegaun B. Slavonic studies in France // The Slavonic review. 1929. Vol. VII. № 21. P. 696.

¹⁴ См.: там же. С. 126-128.

¹⁵ Le Monde slaves. См.: Bernard A. Le Monde slaves, premiere revue français consacrée aux pays slaves // Revue des études slaves. 2002-2003. Т. 74. Fasc. 2-3. P. 396.

¹⁶ Le Monde slave. См.: Bernard A. Le Monde slaves, premiere revue français consacrée aux pays slaves // Revue des études slaves. 2002-2003. Т. 74. № 2-3. P. 396-409.

¹⁷ Более подробно о целях и задачах Института славистических исследований. См.: Inauguration de l'Institut d'études slaves de l'Université de Paris. 1923. 17 octobre. P. 29. Fichelle A. Origines et developpement de l'Institut d'études slaves (1919-1949) // Revue des études slaves. 1951. Т. 27. P. 91-103.

¹⁸ Соглашением от 14 марта 1922 г. Институт славистических исследований был присоединен к Университету Парижа. См.: Fichelle A. Origines et developpement de l'Institut d'études slaves (1919-1949) // Revue des études slaves. 1951. Т. 27. P. 97.

¹⁹ В 1936 г. Андре Мазон, профессор славянских языков и литератур Коллеж де Франс, сменил А. Мейе на посту президента Института славистических исследований. См.: Vaillant A., Meillet A. L'Homme et savant // Revue des études slaves. 1936. Т. XVI. V. 1-2. P. 207-208.

²⁰ Традиция академического сотрудничества в сфере славяноведения, восходит к учебнику русского языка П. Буайе и Н. Ф. Сперанского. 1905 г.; Милуков П., Сеньобос Ш., Эйзенманн Л. История России, 1932-1933. См.: Christophe Ch. Telkes E. Les professeurs du College de France. Dictionnaire biographique 1901-1939. Paris, 1988. P. 76.

²¹ «Revue des études slaves» был основан в 1919 г. А. Мейе, П. Буайе, А. Мазоном. Журнал получил хорошую репутацию среди специалистов. См.: там же. С. 694.

²² Fichelle A. Origines et developpement de l'Institut d' études slaves (1919-1949) // Revue des études slaves. 1951. Т. 27. P. 100-101.

²³ Collection historique de l'Institut des études slaves. 1926. № 3. P. 1-7.

E. V. Petrov
pyotroff@gmail.com

E. E. Elts
elenaelts@mail.ru

To History of Slavic Journals Publishing in France

Abstract: the article examines the material on the history of French Slavic periodical publications. The research has focused on the formation and development of such series publication as «Review of Slavic Studies» (Revue des études slaves), journal «The Slavic world» (Le Monde slave). Publishing activities of French Slavic Scholars is a fundamental question in the context of formation of different schools of linguistics and cultural studies. The French Universities leadership positions in the development of Slavic Studies in the first half of the 20th century show the impact of evolution of professional periodicals and formation of national centres of linguistics and cultural studies in Paris, Lyon, Dijon, Strasbourg, Toulouse.

Key-words: History of French Slavic Studies, French Slavic Journals, Review of Slavic Studies (Revue des études slaves), journal «The Slavic world», The French Institute in St. Petersburg, French Slavic Information Resources.

А. С. Крымская
«Бюллетень Института русских
и восточноевропейских исследований
Индианского университета» (1999–2014 гг.)
как историографический источник
по истории американской
лингвострановедческой мысли

Аннотация: информационный бюллетень учреждения отражает его текущую деятельность. Как вид издания – это одно из основных средств информирования целевой аудитории по определенным вопросам. На основе проведенного анализа публикаций, выходявших в бюллетене Института русских и восточноевропейских исследований Индианского университета в период с 1999 по 2014 г., показано, что этот вид издания представляет интерес для исследователей как историографический источник для изучения истории не только самого учреждения, но и научно-практического направления в целом.

Ключевые слова: Индианский университет; Институт русских и восточноевропейских исследований; *Soviet studies*; советско-американские научные обмены, информационный бюллетень

Крымская
Альбина
Самиуловна
Кандидат
педагогических
наук,
старший преподаватель
Кафедра
документоведения и
информационной
аналитики
Санкт-Петербургский
государственный
университет
культуры

В настоящее время в Индианском университете действует 13 программ по страноведению (*area studies*), которые реализуются в его лингвострановедческих центрах. Один из таких центров – Институт русских и восточноевропейских исследований, основанный в 1958 г. О его деятельности за более чем 50-летний период позволяют судить не только публикации научных исследований (монографии, сборники статей, статьи из периодических изданий), мемуары и архивные материалы, но и информационные бюллетени (*newsletters*), которые отражают текущую деятельность. Бюллетень как вид издания представляет собой одно из основных средств информирования целевой аудитории по определенным вопросам.

Например, о новых исследованиях, научных разработках, программах, сотрудничестве и т. д. Развитие Интернет-технологий позволило издавать и распространять такие бюллетени в электронном виде и охватить более широкую аудиторию, выходящую за пределы одного учреждения, города, страны.

В соответствии с ГОСТ 7.60-2003 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Основные виды. Термины и определения» бюллетень – это периодическое или продолжающееся издание, выпускаемое оперативно, содержащее краткие официальные материалы по вопросам, входящим в круг ведения выпускающей его организации». Периодические бюллетени, как правило, содержат постоянную рубрику.

Бюллетень носит научно-информационный характер. С его помощью можно вводить новое знание в научное сообщество и стимулировать его дальнейшее развитие. Более того, он может выступать как средство оперативного распространения знаний. Каким образом это происходит? Например, через интервью с учеными и членами профессорско-преподавательского состава (если мы говорим об образовательном или научном учреждении), когда интервьюируемый рассказывает о своих новых идеях. Либо в информационном бюллетене публикуется рецензия на книгу, что также позволяет «продвигать» ее в научное сообщество.

С середины XX в. многие зарубежные, в частности, американские, университеты выпускают периодические бюллетени как вуза в целом, так и его структурных подразделений. Такие бюллетени выходят в центрах по изучению России и стран Восточной Европы в Колумбийском, Канзасском, Питтсбургском, Мичиганском, Калифорнийском в Беркли и других университетах. У них разная периодичность выхода в свет (в среднем один-два раза в год), но в целом их структура традиционна. Они выпускаются в традиционной (печатной) и электронной формах¹. В результате проведенного анализа наиболее ценным по объему и насыщенности информации представляется бюллетень центра по изучению России и стран Восточной Европы при Индианском университете.

Бюллетень Института русских и восточноевропейских исследований издается с 1976 г., когда учреждением руководил историк, специалист по русской революции Александр Рабинович (Alexander Rabinowitch)². С 1991 г. бюллетень носит название “REELification”, которое образовано из двух частей “REEI” (аббревиатура от Russian and East-European Institute) и “fication” (от лат. facio – делаю). На сайте Института в открытом доступе размещен архив бюллетеней с октября 1999 года по настоящее время [Vol. 23, № 3 (1999 г.) – Vol. 38, № 2 (2014 г.)]³. Всего 55 выпусков. За период с 1976 по 2014 г. в свет вышло 148 выпусков. На мой взгляд, данный бюллетень представляет интерес для отечественного исследователя с точки зрения его ценности как историографического источника.

“REElification” представляет собой издание в объеме от 16 до 20 страниц. Периодичность выхода в свет до 2010/11 учебного года – 4 раза в год (февраль, апрель, октябрь, декабрь). Начиная с 2011/12 учебного года – по три выпуска в год (осень, зима, весна). Распространяется по электронной подписке, которая охватывает 2000 человек, среди которых преподаватели, студенты, докторанты, выпускники, партнеры, ассоциированные члены, друзья Института, а также размещается на сайте.

Бюллетень содержит два основных раздела: «Очерки» (Features) и «Новости» (News), которые занимают одинаковую по размерам площадь издания. Оба представляют интерес для историков, поскольку фиксируют ту информацию, которая характеризует, во-первых, научные направления исследований в институте, а, во-вторых, представляют информацию о профессиональном росте как преподавателей, так и студентов.

Раздел «Очерки», как правило, открывается проблемно-тематической статьей. Например, в октябре 1999 г. такой статьей было выступление американского посла в России Джеймса Коллинса⁴; в октябре 2000 г. – «Киргизские женщины в эпоху перемен»⁵; в апреле 2001 г. – «Окружающая среда Эстонии спустя 10 лет после восстановления независимости»⁶; в сентябре 2001 г. – «Сотрудничество» (с Россией и странами Восточной Европы)⁷; в декабре 2003 г. – «Тема конференции – выборы в России в 2003–2004 гг.»⁸. Как видно из заголовков публикаций, проблемно-тематическая статья всегда связана с изучаемой в Институте страной.

В некоторых выпусках проблемно-тематической статьей выступает обзорная статья директора Института русских и восточноевропейских исследований под заголовком «Из блокнота директора» (Director's Notebook). Она представляет собой отчет за семестр и обсуждение ближайших планов: изменения, произошедшие в штате Института, проведенные и предстоящие научные мероприятия, новые направления в исследованиях Института, проблемы и задачи, размышления о ключевых политических событиях в России и странах Восточной Европы. С 2002 по 2009 г. такие отчеты, как правило, выходили дважды в год – в апреле и октябре, с 2010 г. – в осеннем выпуске. До 2002 г. отчет публиковался лишь два раза – в номере за декабрь 1999 г. и за октябрь 2001 г. В 2008 г. исполнилось 50 лет Институту русских и восточноевропейских исследований, что нашло отражение во вступительной статье директора⁹.

С 1995 по 2009 г. Институт возглавлял Дэвид Рансел (David Ransel), специалист по истории политики и общества России¹⁰. До назначения директором он был главным редактором журналов «Slavic Review» (1980–1985) и «American Historical Review» (1985–1995). В период его командировок, связанных с написанием исследовательской работы, обязанности директора (2006–2007) исполняла Мария Букур (Maria Bucur), специалист по Румынии¹¹. В период с 2009 по 2011 г. она занимала пост директора Института русских и вос-

точноевропейских исследований. В 2011 г. М. Букур назначена заместителем декана Колледжа искусств и наук Индианского университета, а Институт возглавил профессор истории Падрайк Кенни (Padraic Kenney), который специализируется на польских исследованиях.

За 15-летний период в разделе «Очерки» было опубликовано 348 статей. Их авторами выступает как редакционная коллегия бюллетеня, так и члены профессорско-преподавательского состава, студенты, магистранты, докторанты, выпускники, приглашенные профессора Института русских и восточноевропейских исследований.

Основной массив публикаций раздела «Очерки» – это описание событий, главными действующими лицами которых выступает Институт русских и восточноевропейских исследований, его профессорско-преподавательский состав, студенты, магистранты, докторанты, выпускники. Здесь же публикуются обсуждения ключевых политических событий в России и Восточной Европе.

Особое место на страницах бюллетеня отводится программам обменов между Индианским университетом и другими образовательными организациями. В разное время публиковались материалы об обменах с Узбекистаном¹², с Венгрией¹³ и другими странами. Статья «Поездка к сердцу России»¹⁴ о шестинедельном туре в Москву и Санкт-Петербург особый интерес вызывает тем, что начало образовательным путешествиям в Россию в Индианском университете было положено еще в конце 50-х годов известным славистом Уильямом Эджертоном (1914–2004), стоявшим у истоков создания Института русских и восточноевропейских исследований в 1958 г.

Индианский университет и его структурное подразделение Институт русских и восточноевропейских исследований активно сотрудничают в области лингвострановедения с зарубежными вузами. Например, в 2001 г. отмечалось 25-летие польских исследований в Индианском университете и работа с Варшавским университетом¹⁵. В феврале 2005 г. была опубликована информация о сотрудничестве между Индианским и Томским университетами, а также о посещении русскими учеными Индианского университета в рамках программы «International visitor leadership»¹⁶.

Поскольку одно из направлений деятельности Института – подготовка специалистов со знанием иностранных языков как в рамках основных образовательных, так и дополнительных программ, то особое внимание в бюллетене уделяется Летнему семинару по славянским и восточноевропейским языкам (Summer Workshop in Slavic and East European Languages, SWSEEL), который функционирует уже более 60 лет. Его начало было положено в 1951 г., когда декан факультета славистики Михаил Гинзбург¹⁷ в качестве эксперимента провел семинар по русскому языку продолжительностью в один месяц. Первыми преподавателями были русские эмигранты: Мария Толстая и Сергей

Зеньковский, сын русского эмигранта-экономиста А. В. Зеньковского и племянник русского эмигранта-философа В. В. Зеньковского¹⁸.

В 2000-е годы на страницах бюллетеня опубликован ряд статей о работе Летнего семинара. Назову наиболее значимые события, освещенные в издании и представляющие интерес для историков. В номере за декабрь 2006 г. была опубликована статья «SWSEEL завершает свой 56-й год»¹⁹. Так, в 56-й год своего существования, отмечается в публикации, по программе Летнего семинара прошли обучение 212 студентов, изучавших 20 языков. 44 преподавателя работали на курсах. 73 студента изучали русский язык, 28 – восточноевропейские языки, 28 – прибалтийские языки, изучение которых стало возможным вследствие участия Индианского университета в программе Летнего института по балтийским исследованиям, 63 – языки Центральной Азии, 9 – грузинский и 11 человек изучали идиш.

Следом за этой статьей помещена реклама «SWSEEL на протяжении многих лет», которая сопровождается фотографиями 50-х годов²⁰. Здесь же указан перечень языков, на который производится набор в 2007 г.: албанский, азербайджанский, боснийский/хорватский/сербский, чешский, грузинский, венгерский, казахский, македонский, монгольский, пушту, польский, румынский, русский, таджикский, туркменский, украинский, уйгурский и узбекский.

Возвращаясь к началу этого выпуска, отмечу, что он открывается статьей «Памятное воссоединение пилотов в Индианском университете»²¹. 22-24 мая 2006 г. Индианский университет организовал первый прием для группы бывших военнослужащих ВВС США, проходивших программу по русскому языку в Индианском университете 44 года назад – в 1961/62 учебном году. Тогда 52 члена секретной службы военно-воздушных сил США проходили интенсивный курс по русскому языку для дальнейшего прохождения службы в качестве лингвистов со знанием русского языка. Курс включал 6 часов русского языка в день (помимо самостоятельной работы); его продолжительность составляла 9 месяцев, с последующим интенсивным обучением военной разведке в Сан-Анджело (Техас), которое длилась еще 3 месяца. После завершения программы около одной трети лингвистов были направлены в Агентство национальной безопасности в форте Джордж-Мид (Мэриленд) на три месяца обучения, оставшиеся члены группы – в школу выживания и подготовки к полетам с последующим назначением на базы, размещенные по всему миру. Хотя лингвисты, в конечном счете, заняли должности и выполняли обязанности в ВВС, их основной задачей был перехват советских сообщений и извлечение стратегической информации для Агентства национальной безопасности. Благодаря серьезной языковой и военной подготовке члены группы сыграли каждый свою роль в сборе разведданных во время кубинского ракетного кризиса и на протяжении всей холодной войны. Для большинства летчиков сбор в 2006 г. в Блумингтоне стал первой возможностью увидеть друг друга с

осени 1962 г. Участие во встрече приняли около половины членов группы. Двух ветеранов уже нет в живых, пять не были найдены, а остальные не смогли присутствовать по личным причинам. Двое из тех, кто обучался на курсах в 1962 г., позднее в 1960-е годы вернулись в Блумингтон, чтобы пройти обучение по общим образовательным программам.

Внимание к изучению России в Индианском университете начинает проявляться в 1942 г., когда президент университета Герман Б. Уэллс (Herman B. Wells) (1902–2000) открывает программы по обучению русскому, польскому, чешскому, венгерскому, сербохорватскому и финскому языкам с целью удовлетворить потребности армии в годы Второй мировой войны. Эта начальная инициатива под названием «Army Special Training Program» («Армейская специализированная программа подготовки», когда солдаты обучались в колледжах и университетах иностранным языкам) (1942–1945) включала около 1000 студентов и 100 преподавателей. После окончания Второй мировой войны Уэллс предложил ученым, которые преподавали по Армейской специализированной программе подготовки продолжить работу в Индианском университете на факультетских должностях. В 1959 г. в Индианском университете была открыта программа по обучению кадетов ВВС русскому языку (Air Force Language Program)²². В начале 60-х годов в связи с активным развитием факультета славяноведения и языковых программ ВВС США в Блумингтоне наблюдался большой приток русских, которые участвовали в этих программах как преподаватели русского языка. Большинство из них покинули Индианский университет после сворачивания программ ВВС. Остались лишь преданные делу преподаватели, которые внесли большой вклад в создание репутации Индианского университета как великолепного центра подготовки по русскому языку. В честь этих преподавателей на одной из аудиторий (Ballantine Hall 502) висит мемориальная доска с перечислением 18 имен²³.

В бюллетене также публикуется личный опыт участников языковых программ. Например, о восьминедельном курсе украинского языка под руководством Светланы Мельник²⁴, программе по изучению русского языка в Санкт-Петербурге²⁵. Характерной в этом смысле является статья, посвященная 60-летию семинара, в которой приводятся высказывания студентов о предлагаемых программах²⁶. В этом же номере помещена статья о возможностях обучения для американских военных в Институте и SWSEEL²⁷. Индианский университет реализует не только языковые курсы, но и программы по культурологии и политическому устройству России и стран Восточной Европы, в связи с чем они представляют интерес для служащих государственных учреждений. Например, «Программа по обучению стратегически важным языкам и культурам» [«Strategic Languages and Cultures Program (SLCP)» для Службы подготовки офицеров резерва (Reserve Officers' Training Corps (ROTC))]. На семинаре обучаются представители ЦРУ, Аппарата министра обороны США по политике и НАСА.

Материалы о семинаре публикуются регулярно в бюллетене не только с целью рекламы программ, но и выступают как его летопись, так как фиксируют количество обучающихся, преподавателей программ, категории обучающихся и другие факты²⁸.

Поскольку одним из работодателей для специалистов по лингвострановедению выступает американское правительство, в частности Государственный департамент США, то студенты и магистранты проходят там стажировку, что находит отражение в бюллетене²⁹. По этой же причине гостями Института часто выступают американские послы в иностранных государствах и послы зарубежных стран в США, а также дипломатические сотрудники³⁰.

На страницах бюллетеня освещаются наиболее значимые политические события. Например, саммит НАТО в Праге³¹, выборы в России³², новые члены Евросоюза: Румыния и Болгария (декабрь 2006)³³ и др.

В Институте проходят научные мероприятия по российским и восточноевропейским вопросам, результаты или анонсы которых публикуются в бюллетене. Вот лишь некоторые из них: венгерские исследования³⁴, румынские исследования³⁵, польские исследования³⁶; украинские исследования³⁷, российские исследования³⁸, конференции по общим вопросам страноведения³⁹; круглый стол по посткоммунизму⁴⁰ и др.

REELification знакомит читателя со своими преподавателями в рубрике «Краткий биографический очерк преподавателя» («Faculty Profile»), публикуя их биографические портреты или интервью с ними. Перечислю специалистов по России, вошедших в эту рубрику: Дженет Кеннеди, Хелена Госцило, Бен Эклоф, Джордж Фолер, Джеффри Вайдлингер, Уильям Прайдемор, Сара Стефани, Мария Шардакова, Якоб Эмери, Патрик Михельсон⁴¹. Аналогично рубрике «Краткий биографический очерк преподавателя» существует рубрика «Краткий биографический очерк выпускника» («Alumni Profile»), посвященная известным выпускникам как Индианского университета, так и Института русских и восточноевропейских исследований. Находит отражение и информация о получении преподавателями Института премий и наград⁴².

В первой части REELification публикуются и материалы памяти преподавателей, ушедших из жизни⁴³.

Бюллетень информирует о проектах в библиотеке Индианского университета. Например, в номере за октябрь 1999 г. была опубликована информация о запуске цифрового проекта по указателю российских периодических изданий⁴⁴. Публикуется информация о пополнении аудио и видео коллекций⁴⁵, передаче частных коллекций в библиотеку. Например, новость о передаче в дар заслуженным профессором экономики Калифорнийского университета в Беркли, специалистом по советской экономике Грегори Гроссманом⁴⁶ исследовательских материалов по экономике⁴⁷ или о

передаче документов Роберта Бирнса, основателя Института русских и восточноевропейских исследований⁴⁸.

На страницах бюллетеня находит отражение новая книжная продукция издательств Индианского университета и «Slavica»⁴⁹. Приводятся библиографические описания с аннотациями.

Также публикуются новости библиотечного мира – о восстановлении библиотеки в Чехии после наводнения 2002 г.⁵⁰, о латвийских библиотеках⁵¹, о передаче библиотечной коллекции в румынскую библиотеку⁵², о публичной библиотеке Индианаполиса⁵³ и др.

Второй раздел – «Новости» – характеризует профессорско-преподавательский состав Института, а также регулярно информирует о кадровых изменениях и профессиональных успехах.

Он включает традиционные рубрики:

- «*Faculty News*» («Новости профессорско-преподавательского состава»).
- «*Student News*» («Новости студентов»).
- «*Alumni News*» («Новости выпускников»).

В них приводится следующая информация: участие в научных мероприятиях и обменных программах, сведения об опубликованных трудах, получение наград и грантов.

В зависимости от времени выхода выпуска бюллетеня (начало / окончание учебного года) появляются рубрики:

- «*New Students*» («Новые студенты») с указанием уровня образования (название вуза, год окончания, уровень подготовки, участие в стажировках), научных интересов, профессиональных планов (темы исследований).
- «*Graduations*» («Окончание учебного заведения») – содержит имена выпускников (докторантов, магистров, студентов) с указанием следующих данных: специализация, тема исследовательской работы, имя председателя совета по защите работы).

Эта библиографическая информация может служить для составления библиографического списка исследуемых в Институте научных тем для дальнейшего анализа развития *area studies*.

В «Новостях» также публикуется информация о приглашенных ученых («*Visiting Scholars*») и получении студентами наград и премий («*Student Awards*»). Отдельно размещается информация о получении престижных наград выпускниками Института.

Регулярно в осенних выпусках бюллетеня присутствует рубрика «Участие Индианского университета в ежегодной конференции AAASS / ASEES»⁵⁴, в которой приводятся названия докладов членов профессорско-преподавательского состава, докторантов, магистрантов, студентов, имена руководителей дискуссий, дискуссантов, участников круглого стола. Такая информация показывает направления научной деятельности Института, а также свидетельствует о весомости его профессионального уровня.

Последние страницы бюллетеня посвящены информированию о предстоящих в Институте событиях, режиме работы языковых разговорных клубов, рекламе курсов иностранных языков.

В завершении следует сказать о коллективе, который готовит «REEIfication». На второй странице издания приводится информация об административном персонале Института, техническом персонале из числа студентов, контактная информация. Помимо этого, в каждом (!) номере приводятся имена отмеченных наградами Индианского университета и Института выпускников, преподавателей и сотрудников. Приведу их:

Награды Индианского университета выпускникам Института (IU Awards for REEI Alumni):

1994 г. – Ирэн Майстер (Irene Meister), выдающийся выпускник колледжа (College Distinguished Alumni).

1998 г. – Стивен Коэн (Stephen Cohen), выдающийся выпускник колледжа.

1999 г. – Джеймс Коллинс (James F. Collins), почетный доктор (Honorary Doctorate).

2004 г. – Ричард Майлс (Richard Miles), за выдающийся вклад как выпускника (Distinguished Alumni Service).

Награды Института русских и восточноевропейских исследований (REEI Awards):

Награда «Выдающийся выпускник» (Distinguished Alumni):

1988 г. – Александр Рабинович (Alexander Rabinowitch).

1988 г. – Чарльз Гати (Charles Gati).

1995 г. – Гейл Стоукс (Gale Stokes).

1995 г. – Хелена Госцило (Helena Gosciolo).

2002 г. – Ховард Аронсон (Howard I. Aronson).

2002 г. – Уильям Хопкинс (William Hopkins).

2009 г. – Дональд Рейли (Donald Raleigh).

2011 г. – Стивен Коэн (Stephen F. Cohen).

2013 г. – Виктор Якович (Victor Jackovich)

Награда «За выдающиеся заслуги» (Distinguished Service):

1988 г. – Теофанис Ставроу (Theofanis Stavrou).

1988 г. – Роберт Бирнс (Robert F. Byrnes).

1989 г. – Карен Ниггл (Karen Niggle).

1996 г. – Роберт Кэмпбелл (Robert W. Campbell).

1997 г. – Чарльз Желавич (Charles Jelavich).

1997 г. – Дженет Рабинович (Janet Rabinowitch).

2000 г. – Уильям Эджертон (William B. Edgerton).

2007 г. – Дэнис Гардинер (Denise Gardiner).

2009 г. – Дэвид Рансел (David L. Ransel).

2010 г. – Джерзи Колодзией (Jerzy Kolodziej).

2012 г. – Генри Купер (Henry Cooper).

Таким образом, информационный бюллетень Института русских и восточноевропейских исследований Индианского университета может быть охарактеризован как летопись учреждения, поскольку фиксирует все основные направления деятельности, состав преподавателей и студентов. Это издание может быть полезно при изучении истории и современного состояния американской лингвострановедческой мысли в целом и американской русистики в частности. Его ценность состоит также в том, что иногда это единственный источник при разыскании необходимых сведений. В первую очередь это касается сведений библиографического характера.

В то же время бюллетень представляет собой летопись отношений США с Россией и странами Восточной Европы. Это своего рода барометр состояния международных отношений, оценка которого может быть дана на основании анализа публикуемых материалов. Поэтому бюллетень представляет интерес не только для историков, но и для политологов и журналистов.

Примечания

¹ Иногда выпускается два набора бюллетеней – ежемесячная электронная версия и печатная версия два раза в год. См., напр.: Center for Russia, East Europe & Central Asia, University of Wisconsin-Madison (Центр по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии Университета Висконсин-Мэдисон) [сайт]. Режим доступа: www.creeca.wisc.edu.

² См. его монографии: 1) *Prelude to revolution: the Petrograd Bolsheviks and the July 1917 uprising*. Bloomington, 1968 (пер. на рус.: Кровавые дни: Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М., 1992); 2) *The bolsheviks come to power: the revolution of 1917 in Petrograd*. New York, 1976 (пер. на рус.: Большевики приходят к власти: революция 1917 г. в Петрограде. М., 1989), 3) *The bolsheviks in power: the first year of Soviet rule in Petrograd*. Bloomington, 2007 (пер. на рус.: Большевики у власти: первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2007).

³ Russian and East-European Institute [Сайт]. Режим доступа: <http://www.indiana.edu/~reeiweb/newsEvents/newsletters.shtml>

⁴ *Ransel David*. Russia and the American Role on the eve of a new century // REEIfication. 1999. Vol. 23. № 3 (Oct.). P. 1. Commencement address by Ambassador James F. Collins // Ibid. P. 1, 6, 7.

⁵ *Thomas Julie*. Kyrgyzstan's Women in a Time of Change // Ibid. 2000. Vol. 24. № 3 (Oct.). P. 1, 8.

⁶ *Nilenders Eve*. The Estonian Environment Ten Years After the Restoration of Independence // Ibid. 2001. Vol. 25. № 2 (Apr.). P. 1, 11.

⁷ Cooperation // Ibid. Vol. 25. № 3 (Oct.). P. 1, 8.

⁸ *Clark Che D*. 2003-04 Russian Elections to be Conference Theme // Ibid. 2003. Vol. 27. № 4 (Dec.). P. 1, 9.

⁹ *Ransel David*. Director's Notebook // Ibid. 2008. Vol. 32. № 2 (Apr.). P. 1-2.

¹⁰ См. его работы: 1) *The Politics of Catherinian Russia*. Yale, 1975; 2) *Mothers of Misery: Child Abandonment in Russia*. Princeton, 1988; 3) *Village Mothers: Three Generations*

of Change in Russia and Tataria. Bloomington, 2000; 4) A Russian Merchant's Tale: The Life and Adventures of Ivan Alekseevich Tolchénov, Based on His Diary. Bloomington, 2009; 5) Everyday Life in Russia, Past and Present. Bloomington, 2014.

¹¹ См. ее работы: 1) Heroes and Victims. Bloomington, 2009; 2) Eugenics and Modernization in Interwar Romania. Pittsburgh, 2010.

¹² Indiana High School Establishes Exchange with Uzbekistan // REIification. 2002. Vol. 26. № 4 (Dec.). P. 5; *Hockman Stephanie*. Summer Internship in Uzbekistan // Ibid. 2004. Vol. 28. № 3 (Oct.). P. 5-6.

¹³ *Loveless Matt*. IU Graduate Exchange Program in Hungary // Ibid. 2003. Vol. 27. № 3 (Oct.). P. 7, 9.

¹⁴ *Decker Julia*. Getting to the heart of Russia // Ibid. 2002. Vol. 26. № 4 (Dec.). P. 4; *Hart Philip*. Reflections from IU's Summer Russia Studies Tour // Ibid. 2005. Vol. 29. № 1 (Feb.). P. 7, 11.

¹⁵ IU Polish Studies Center: 25 Years Working with Warsaw University // Ibid. 2001. Vol. 25. № 3 (Oct.). P. 8.

¹⁶ *Stachowski Laura*. IU Cultural Immersion Projects Spread to Siberia // Ibid. 2005. Vol. 29. № 1 (Feb.). P. 8, 11; IU Hosts Russian Scholars through International Visitor Leadership Program // Ibid. 2005. Vol. 29. № 1 (Feb.). P. 9.

¹⁷ IU Cooperation with the University of Cyril and Methodius in Skopje, Macedonia // Ibid. 2006. Vol. 30. № 2 (Dec.). P. 7.

¹⁸ Indiana University Division of Student and Educational Services, Dean and Vice President's records, 1951–1958 Administrative/Subject files, 1951–1958 Russian Workshop (Michael Ginsburg), 1951.

¹⁹ Summer Learning and Having Fun: SWSEEL Completes its 56th Year // REIification. 2006. Vol. 30. № 2 Dec. P. 14.

²⁰ SWSEEL Throughout the Years // Ibid. 2006. Vol. 30. № 2 (Dec.). P. 15.

²¹ IU Reunion for Airmen Proves Memorable // Ibid. 2006. Vol. 30. No. 2 (Dec.). P. 1-2.

²² Indiana University Intensive Language Training Center Records 1959-1972 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://webapp1.dlib.indiana.edu/findingaids/view?doc.view=entire_text&docId=InU-Ar-VAA2612 (дата обращения 01.11.2014).

²³ *Wiggins Gary*. Russians in Bloomington in the 1960s [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://library.constantcontact.com/download/get/file/1101479691890-17/Russians_full_final_REEI_2_4_2011\(1\).pdf](http://library.constantcontact.com/download/get/file/1101479691890-17/Russians_full_final_REEI_2_4_2011(1).pdf) (дата обращения 01.11.2014). См. также: *Wiggins Gary*. Russians in Bloomington in the 1960s // REIification. 2011. Vol. 35. № 2 (Apr.). P. 1-2.

²⁴ *McGrath Nicole*. Summer at SWSEEL // Ibid. 2007. Vol. 31. № 3 (Dec.). P. 4.

²⁵ *Lanzilotti Ian*. Russian Study in Russia // Ibid. 2007. Vol. 31. № 3 (Oct.). P. 4; *McGrath Nicole*. The Summer in Russia // Ibid.

²⁶ *Truelock Jeff*. My SWSEEL adventure // Ibid. 2007. Vol. 31. № 3 (Dec.). P. 3; *Kleinert Elizabeth et al*. IU SWSEEL – Sixty Years and Thriving // Ibid. 2011. Vol. 35. № 1 (Feb.). P. 9, 12.

²⁷ *Hickcox Dave*. FAOs active in Area Studies // Ibid. 2003. Vol. 27. № 1 (Feb.). P. 8-9; *Bueva Olia, Trotter Mark*. Training Opportunities for US Military at REEI and SWSEEL // Ibid. 2011. Vol. 35. № 1 (Feb.). P. 10-11.

²⁸ SWSEEL Thriving in Its Seventh Decade // Ibid. 2013. Vol. 37. № 1 (Winter). P. 3.

²⁹ *Mervis Philip R.* A Hoosier in Warsaw // Ibid. 2002. Vol. 26. № 3 (Oct.). P. 8, 13; *Gardiner Denise.* Five REEI Students Chosen to Intern with State Department // Ibid. 2004. Vol. 28. № 2 (May). P. 9; *Raible Elizabeth.* State Internship in Sarajevo // Ibid. 2007. Vol. 31. № 3. Oct. P. 3; *Lawrence Michelle.* State Internship in Kyiv // Ibid. 2008. Vol. 32. № 3 (Oct.). P. 10; *Young Emily.* State Department Internship // Ibid. 2009. Vol. 33. № 3 (Oct.). P. 10.

³⁰ Commencement address by Ambassador James F. Collins // Ibid. 1999. Vol. 23. № 3 (Oct.). P. 1, 6, 7; *Ambassador Sorin.* Dumitru Ducaru on "Romania's Evolving Role in the International Environment" // Ibid. 2002. Vol. 26. № 2 (Apr.). P. 3, 16; *Betka Mark.* Polish Ambassador Visits IU, Presents Honors to Patrick O'Meara and Bill Johnston // Ibid. 2003. Vol. 27. № 2 (Apr.). P. 9; *Beyer Brant.* Hungarian Diplomat Discusses Balkan Peacekeeping and Future of the European Union // Ibid. 2006. Vol. 30. № 2 (Apr.). P. 3, 14; Ambassador Visits IU for Estonian Independence Day // Ibid. 2011. Vol. 35. № 2 (Apr.). P. 9; *Mueller Rebecca.* Former Ambassador to Bosnia at IU // Ibid. 2012. Vol. 36. № 1 (Winter). P. 5; *Mueller Rebecca et al.* Ambassador Victor Jackovich Delivers 3rd Annual McCloskey. Lecture, Receives REEI Distinguished Alumni Award // Ibid. 2013 Vol. 37. № 2 (Spring). P. 8-10, 12-13.

³¹ *Mason Tony.* Czechs Host the NATO Summit in Prague // Ibid. 2003. Vol. 27. № 1 (Feb.). P. 6.

³² *Clark Che D.* 2003-04 Russian Elections to be Conference Theme // Ibid. 2003. Vol. 27. № 4 (Dec.). P. 1, 9; *D'Amico Nick.* The Russian Political Puzzle // Ibid. 2008. Vol. 32. № 2 (Apr.). P. 4-5.

³³ Into the EU: What January 1, 2007 Means for New Members: Romania, Bulgaria // Ibid. 2006. Vol. 30. № 2 (Dec.). P. 3, 7.

³⁴ *Burton Andrew.* IU Conference Commemorates 50th Anniversary of Hungarian Revolution // Ibid. 2006. Vol. 30. № 2 (Apr.). P. 6, 11; *Bey Brant.* 1956 Hungarian Revolution Commemorated at IU // Ibid. 2007. Vol. 31. № 4 (Dec.). P. 7; 28th annual György Ránki Hungarian Symposium // Ibid. 2008. Vol. 32. № 2 (Apr.). P. 9; 32nd György Ránki Hungarian Chair Symposium // Ibid. 2013. Vol. 37. № 2 (Spring). P. 5, 7.

³⁵ *Stevick Doyle.* Perspectives on Ethnic Relations from Inside Romania: Some Reflections on the Conference on the Romanian Model of Ethnic Relations // Ibid. 2000. Vol. 24. № 4 (Dec.). P. 3; *Stewart Jeremy.* The "Hour of Romania" International Conference: A Resounding Success! // Ibid. 2007. Vol. 30. № 2 (Apr.). P. 4-5; *Biebuyck Erin.* Graduate Student Conference Shows Future of Romanian Studies // Ibid. 2008. Vol. 32. № 2 (Apr.). P. 6, 12; *Cristoloveanu Catalin.* Romanian Studies Conference Attracts Rising Scholars // Ibid. 2011. Vol. 35. № 2 (Apr.). P. 5; *Cazan Roxana.* 5th Annual Romanian Studies Conference // Ibid. 2012. Vol. 36. № 2 (Spring). P. 8; 6th Annual Romanian Studies Organization Conference // Ibid. 2013. Vol. 37. № 2 (Spring). P. 5; *Cazan Roxana, Popa Elena, and Williams Shaun.* Seventh Annual Romanian Studies Conference at Indiana University-Bloomington // Ibid. 2014. Vol. 38. № 2 (Spring). P. 6.

³⁶ Polish-German Post/Memory: Aesthetics, Ethics, Politics April 19-22, 2007 // Ibid. 2007. Vol. 30. № 1 (Feb.). P. 6; *Braley Bethany.* Forgiving Without Forgetting: Spring 2007 Conference on Polish-German Post/Memory: Aesthetics, Ethics, Politics // Ibid. 2007. Vol. 31. № 4 (Dec.). P. 6, 11; *Sokolowski Magdalena.* New Directions Polish Studies Conference // Ibid. 2008. Vol. 32. № 3 (Oct.). P. 3; Polish Studies Conference at IU // Ibid. 2009. Vol. 33. № 4 (Dec.). P. 5.

³⁷ Albright David "European Security and Ukraine" Conference // Ibid. 2004. Vol. 28. № 4 (Dec.). P. 7; REEI Panel Discussion: "Blood on the Maidan: What Happened to Ukraine's EuroRevolution?" // Ibid. 2014. Vol. 38. № 1 (Winter). P. 7; Smith Damon. Expert Panel Discusses Ukrainian Crisis // Ibid. 2014. Vol. 38. № 2 (Spring). P. 4-5.

³⁸ Fisher David C. The Midwest Russian History Workshop: 11 Years of Camaraderie and Critique // Ibid. n. 2001. Vol. 25. № 4 (Dec.). P. 11; Eastwood Bill. 2002 Midwest Historians of Russia Workshop // Ibid. 2002. Vol. 26. № 2 (Apr.). P. 6; Gipson Neil. Beslan, Chechnya, and Terror in Russia: A Panel Discussion // Ibid. 2004. Vol. 28. № 4 (Dec.). P. 1-2, 12.

³⁹ Ransel David. Area Studies Conference // Ibid. 2009. Vol. 33. № 1 (Feb.). P. 11; Napelenok Yuriy. Area Studies Conference // Ibid. 2009. Vol. 33. № 2 (Apr.). P. 10.

⁴⁰ Indiana Roundtable on Post-Communism // Ibid. 2006. Vol. 30. № 2 (Apr.). P. 7; 2007 Indiana University Roundtable on Post-Communism: Public Health March 29-30, 2007 // Ibid. 2007. Vol. 30. № 1 (Feb.). P. 15; Bludau Heidi. Roundtable on Post-Communism Focuses on Public Health // Ibid. 2007. Vol. 30. № 2 (Apr.). P. 13; Islam and Post-Communism Roundtable // Ibid. 2008. Vol. 32. № 2 (Apr.). P. 12; Post-Communism Roundtable on Citizenship // Ibid. 2009. Vol. 33. № 2 (Apr.). P. 12; Cybersecurity Center Stage at Roundtable on Post-Communism // Ibid. 2014. Vol. 38. № 2 (Spring). P. 7.

⁴¹ Janet Kennedy // Ibid. 1999. Vol. 23. № 4 (Dec.) P. 8; Helena Goscilo // Ibid. 1999. Vol. 23. № 4 (Dec.) P. 9; Ben Eklof // Ibid. 2001. Vol. 25. № 1 (Feb.). P. 5, 10; Betka Mark. Professor George Fowler // Ibid. 2001 Vol. 25. № 3 (Oct.). P. 9-10; Macecyko Jen. Jeffrey Veidlinger // Ibid. 2002. Vol. 26. № 3 (Oct.). P. 7; Hart Philip. William Pridemore // Ibid. 2004. Vol. 28. № 3 (Oct.). P. 4, 6; Kleinert Coady. Sara Stefani // Ibid. 2009. Vol. 33. № 4 (Dec.). P. 5; Kirven Alex. Ben Eklof Interview // Ibid. 2011. Vol. 35. № 1. (Feb.). P. 6-7; Simonchyk Ala. Maria Shardakova Interview // Ibid. 2011. Vol. 35. № 2 (Apr.). P. 6-7; Kelly Zachary. Jacob Emery Interview // Ibid. 2012. Vol. 36. № 1 (Winter). P. 7, 12; Hiatt Katie. Patrick Michelson Interview // Ibid. 2012. Vol. 36. № 2 (Spring). P. 4-5.

⁴² Например, биографический очерк об Уильяме Эджертоне, получивший награду Института русских и восточноевропейский исследований за весомый вклад в развитие Института: William B. Edgerton Receives Distinguished Service Award // Ibid. 2000. Vol. 24. № 3 (Oct.). P. 10, 17.

⁴³ Stavrou Theofanis G. Thomas Schaub Noonan (1938-2001) // Ibid. 2001. Vol. 25. № 3 (Oct.). P. 11-12; Gose Lara. Elizabeth J. Neatrou (1934-2002) // Ibid. 2002. Vol. 26. № 1 (Feb.). P. 3; Eklof Ben. In Memoriam: Scott Seregny // Ibid. 2003. Vol. 27. № 3 (Oct.). P. 3, 9; In Memoriam: William B. Edgerton // Ibid. 2004. Vol. 28. № 2 (Apr.). P. 2; Rabinowitch Alex. Robert C. Tucker at Indiana // Ibid. 2010. Vol. 34. № 4 (Dec.). P. 4-5.

⁴⁴ Library Launches Russian Periodical Index Digital Project // Ibid. 1999. Vol. 23. № 3 (Oct.). P. 5.

⁴⁵ New REEI AV Library Acquisitions // Ibid. 2011. Vol. 35. № 2 (Apr.). P. 8; New REEI AV Library Acquisitions // Ibid. 2011. Vol. 35. № 3 (Fall). P. 14; New REEI AV Library Acquisitions // Ibid. 2012. Vol. 36. № 1 (Winter). P. 14.

⁴⁶ О нем см.: Authority on Soviet economy, Gregory Grossman, passes away [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://newscenter.berkeley.edu/2014/08/25/authority-on-soviet-economy-gregory-grossman-passes-away/>

⁴⁷ Economic Research Materials Donated // Ibid. 2001. Vol. 25. № 1 (Feb.). P. 11.

⁴⁸ Byrnes Papers Donated to IU Library // Ibid. 2004. Vol. 28. № 2 (May). P. 10.

⁴⁹ New From Indiana University Press // Ibid. 2000. Vol. 24. № 4. Dec. P. 14; New from Indiana University Press // Ibid. 2001. Vol. 25, № 1 (Feb.). P. 8; New From Slavica Publishers / Ibid. 2001. Vol. 25. № 1 (Feb.). P. 9; New From Slavica Publishers // Ibid. 2001. Vol. 25. № 2. Apr. P. 2; New From Slavica Publishers // Ibid. 2001. Vol. 25. № 3 (Oct.). P. 20; New and Recent Publications // Ibid. 2002. Vol. 26. № 1 (Feb.). P. 8.

⁵⁰ *Ray Emily*. Library Recovery in the Czech Republic // Ibid. 2004. Vol. 28. № 1 (Feb.). P. 6-7.

⁵¹ Latvian Libraries: Virtual and Physical States // Ibid. 2007. Vol. 30. № 1 (Feb.). P. 1, 2, 7.

⁵² Leuca Donates to Romanian Library Collection // Ibid. 2003. Vol. 27. № 4 (Dec.). P. 10.

⁵³ *Semivolos Antonina, Trotter Mark*. Journey Through Eastern Europe, Indianapolis Public Library // Ibid. 2012. Vol. 36. № 3 (Fall). P. 3.

⁵⁴ AAASS – American Association for the Advancement of Slavic Studies (Американская ассоциация содействия развитию славистики) (ныне – ASEES – Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies – Ассоциация славянских, восточноевропейских и евразийских исследований).

A. S. Krymskaya
cnbl98@hotmail.com

**Newsletters of the Indiana University Russian and East European Institute,
1999-2014, as a historiographical source on the history of area studies in the United States**

Abstract: Newsletters issued by an organization reflect its current activities. As a type of publication, it is one of the main tools for informing the target audience about particular issues. Based on an analysis of the contents of the Newsletters of the Indiana University Russian and East European Institute in 1999-2014, this article shows that this kind of publication is of interest to researchers as a historiographical source for studying the history not only of the institution itself, but also of this academic-practical trend as a whole.

Key words: Indiana University; Russian and East-European Institute; Soviet studies; Soviet-American scholarly exchanges, newsletter

РАЗДЕЛ V

ЖУРНАЛЬНАЯ АРХЕОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

В. И. Золотов
«Закрытые» письма
королевской канцелярии
о социальных процессах
в английском обществе XV века

Аннотация: в статье оцениваются познавательные возможности грамот об имущественных сделках для изучения социальных процессов в английском обществе названного столетия из коллекции бумаг королевской канцелярии. Данные сделок позволяют определить социо-профессиональный состав участников сделки, объекты сделок, их условия и, в конечном счёте, социальные предпочтения и цели социальной идентичности представителей ведущих общностей страны.

Ключевые слова: close rolls, дар, владение, собственность, купеческие группы, чиновники, джентри.

Известно, что общий уровень изученности социальных структур английского общества XV в. неровен, отмечен целым рядом пробелов и упрощений. Преобладает дискретный анализ социальных групп, подходы к изучению одноплановы и схематичны. Иллюстративный метод использования источников не позволяет проследить тенденции развития, существенные характеристики общностей как процесс.

Не осознаны с надлежащей глубиной влияние деятельности представителей различных групп и слоев на их повседневное поведение, культивируемые традиции и ценности. Английская историография с её сильной традицией различных школ локальной истории дала комплексный анализ пространственно ограниченных сообществ традиционного типа.

Моделирование и типологизация внутригрупповых и межгрупповых социальных взаимосвязей, другие методы социальной антропологии использовались историками применительно к собственному объекту исследования – локальным общностям прошлого¹. Такие подходы

Золотов
Всеволод
Иванович
Доктор исторических наук,
профессор
Кафедра
всеобщей истории,
международных
отношений
и международного
права
Факультет истории
и международных
отношений
Брянский
государственный
университет

ограничивают возможности в полном объеме представить именно социальное развитие общества. Исследование социальной трансформации различных общностей страны в указанной парадигме на фоне политической нестабильности позволяет получить более полную картину содержания процессов общественного развития страны на протяжении большей части XV столетия.

Предложенный подход предъявляет определенные требования к источниковой основе поиска. Интегрированность социальной сферы в исторической действительности, зыбкость переходных форм в социальной истории Англии XV в., их развитие в виде тенденции, изучение процесса – вот то поле, на котором ведется поиск источников. Главное требование к нему – источник должен быть единообразным, массовым, поддающимся статистической обработке.

Основой данного исследования является документальный материал делопроизводства королевской канцелярии. В нём, в частности, содержатся зарегистрированные и удостоверенные печатью письма-патенты, разбирательства сторон, касающиеся их земель и поместий, сделки, связанные с покупкой и оформлением различных видов займов, залогов, долговых обязательств по таким сделкам, обеспечение контрактов, распоряжения по судопроизводству, апелляции, распоряжения о ряде комиссий и т. д.

Из признанных важнейшими среди этих материалов в первом ряду стоят весьма объемные и многотомные Patent rolls и Close rolls (они выходили из стен королевской канцелярии «открытыми» или свернутыми, «закрытыми», под Большой королевской печатью). Главный интерес представляет для нас собрание «закрытых» писем².

Первую оценку источникам дал издатель Г. М. Максуэлл-Лайт в 1892 г. в вводной статье к изданию серии этих, а также «открытых» писем. Документы, положенные в основу многотомной публикации, представляют различного рода бумаги, которые исходили из королевской канцелярии, адресованные различным лицам, корпорациям, гильдиям, правительственным чиновникам. Оригиналы оставались в руках, копии посланий оседали в канцелярии³. Последние и составили тот огромный массив документов, которые опубликованы в «Календарях».

Из двух групп распоряжений на первое место, как указано выше, по ценности следует поставить «закрытые» свитки. «Patent Rolls», прежде всего, содержат сведения о различных назначениях и пожалованиях. Сюда же входят разного рода лицензии, патенты, грамоты: распоряжения, привилегии, дары, пожалования и подтверждения свобод, должностей, обладания землей, пенсий. К этому списку следует добавить назначения на должность, мандаты королевским чиновникам, помилования, распоряжения о назначении опеки, о расследовании различных преступлений с описанием таковых. В «закрытых» свитках преобладают материалы различных сделок, что представляет наибольший интерес для изучения социальной структуры английского общества.

ва. Среди них значительную долю составляют документы об имущественных сделках, касающихся как движимого, так и недвижимого имущества. Они то и содержат в первую очередь интересующие нас сведения.

Внешне документы о сделках, помещенные в свод, являются юридически оформленными актами перемещения различных видов собственности от одной стороны, участвующей в сделке, к другой. Они давали реципиенту доказательство права собственности, а короне подтверждение, что это право пожаловано – ни больше, ни меньше⁴.

Полные тексты сделок до нас не дошли, историк имеет дело с выдержками из актов фиксации имущественных сделок, своеобразными резюме⁵ (изложение документа – традиционная форма многих английских публикаций источников). Благодаря этому они и сохранились в большом количестве, так как грамоты с полным текстом не могли дойти до нас в том же количестве, поскольку передавались на руки. Попадая в частные руки, грамоты с полным текстом могут быть обнаружены только в частных коллекциях. В делопроизводстве же записанное краткое содержание оставалось на хранении в канцелярии.

Массовость, типичность имущественной сделки приводила к тому, что часто клерки использовали набор слов и выражений, не прибегая к описанию деталей сделки. Однако резюме, отмечает издатель, сделаны так полно, что информация в нем не так далека от той, что содержится в самом свитке⁶. Добавим, что массовость грамот полностью компенсирует лапидарность каждой из них, дает возможность оперировать значительным количеством информации⁷.

Структура документа типична⁸, содержит все признаки акта – информация о дарителе или дарителях (траденте), сведения о получателе или получателях (реципиенте), содержит данные о предмете сделки, права на который передаются, иногда цели соглашения, наличие конкретных условий сделки между конкретными контрагентами. Затем дата, место, имена свидетелей. Трудно сказать, какой здесь акт – публично-правовой или частно-правовой, известна условность деления актов эпохи Средневековья. Важнее то, что правовые принципы являются отражением (в перевернутом виде) хозяйственных отношений и в свою очередь оказывают обратное влияние на экономическую основу⁹. Как правовые документы, они отражают, прежде всего, определенные нормы права, позволяют судить о том, как нормы права преломлялись в повседневной действительности жизни различных социальных групп.

Д. Элтон называет акт канцлерства формализованным и поэтому обладающим весьма неопределенным содержанием¹⁰. Однако такое заключение не означает скудости информации, которую можно почерпнуть из его текста. «Закрытые» письма считаются наиболее информативными в коллекции бумаг государственных учреждений английского королевства, по крайней мере, до середины XV в.¹¹

«Закрытые» письма являлись письмами в обычном смысле – переписка короля с административными органами управления, то есть со своими подданными, кем бы они ни были. Не только различные должностные лица включались в эту переписку, но и частные лица¹², что и интересует нас в первую очередь. В стандартном, формализованном тексте постоянно присутствуют две переменные – имена и социопрофессиональные характеристики участников сделки. Имен очень много, однако, социальные характеристики более изменчивы, подвижны. Она то, социальная мозаика участников сделки, и представляет собой наибольший интерес для историка. Бесконечный поток имен, статусов, профессий, занятий фактически описывают систему иерархически взаимосвязанных социальных позиций, которые фиксируют общественное положение, права и обязанности людей, обладающих различным статусом и престижем в общественном мнении, носителей различных функций, ролевых предписаний, предъявляемых обществом к лицам, занимающим эти позиции. Конкретно-исторический материал межличностных контактов выявляет развернутый комплекс отношений, связывающих различные социальные страты средневекового общества. Информация источника позволяет вести социальные исследования путем изучения поведения индивидов или групп, определяемого их социальными позициями, через социальные сети различных конфигураций, в которые они включены. Фонтанирующий поток имен, статусов и профессий очень часто рождает горизонтальные связи, связи социальной солидарности, сплоченности. Социальная общность зримо реконструируется между строк грамот об имущественных сделках. Социальные общности обеспечивают интегрирование индивидов наших грамот в единый общественный организм.

Учитывая в источнике все случаи социального взаимодействия индивида и номенклатуры его партнеров, а также содержание, тип и направленность социальных обменов, можно составить довольно полное представление о круге общения, выявить и проанализировать сеть социальных коммуникаций, выделив ее отдельные блоки. Данные этого источника предоставляют возможность воссоздать многое в индивидуальных и коллективных биографиях членов той или иной социальной общности. Они фиксируют социальные позиции одного и того же типа индивида в разные периоды жизни.

Важно отметить, что текучесть социальной среды английского общества отражается в источнике многими социальными ролями индивида как члена локальной общности. Имена, статус, должности, занятия очень часто составляют цепочку членов той или иной социальной общности. Текущий статус и положение индивида будь то в городе, будь то в графстве в составе какой-то общности, разрушает стереотип вертикального структурирования социального развития. Едва ли потребности некоего подчинения соединяли мозаику имущественного, правового, политического положений. Скорее потребности корпоративной солидарности, гарантии безопасности связывают индивида того времени. Источник как бы сам предлагает данный под-

ход. Черета имен, должностей, статусов, положений, тем не менее, дает стереоскопическую, многомерную картину социального развития английского общества первой половины XV в.

Частный акт «закрытых» писем в хаосе этой коллекции представителен, фактическое содержание богато, перекрывает смысловое значение терминов, в которых оформляется сделка¹³. Стандартизация и унификация формы и языка документа, стремление обойтись небольшим словарным составом в результате применения унифицированных стандартных словосочетаний, породило определенные формулы, в которые облечены различные виды сделок свода «закрытых» писем. Этими формулами облечены сделки, которые обозначим по первому слову инскрипцию как «дар» (gift), «передача права» (charter), «отказ от права» (quitclaim).

Еще один критерий анализа документа. Грамоты по формуле «дар», говорящие о goods and chattels (все личное имущество), подразумевали, как правило, движимое имущество¹⁴. Английское право говорит о движимом имуществе как о личной собственности (personal property), в отличие от недвижимого имущества в виде земельных угодий (real property), выводит различие между вещным и личным имуществом. Личная же собственность на движимое имущество может существовать в вариантах: во владении и собственности¹⁵. Таким образом, имущественные перемещения, не связанные с землей, по формуле «дар» необходимо рассматривать с двух позиций – права владения и права собственности.

В своей эволюции «дар» воспринял многое из условий, норм и обстоятельств обязательственного права, что породило большое разнообразие «дарственных» грамот по содержанию, хотя в основе каждой – долговые обязательства, долговая зависимость¹⁶. Сделки по этой формуле можно свести к оформлению пожизненного долгового обязательства, иску срочного удовлетворения, купле-продаже в виде комменды, признание зависимости с предоставлением залога, аренды имущества, безвозмездных займов и займов под проценты. Такое разнообразие не меняет сути сделки – оформление различных видов зависимости по соглашениям с движимым имуществом.

Какая информация может быть почерпнута из текстов сделок с движимым имуществом? Подсчеты на основе этого массового источника (количество грамот к середине XV в. постоянно растет) позволяют, во-первых, выделить приоритеты сотрудничества различных социoproфессиональных групп, динамику их взаимоотношений – от торговцев до чиновников. Выявленные тенденции должны дать более полную картину социальных процессов в недрах английского общества.

Эти же грамоты позволяют получить сведения, которые помогают проследить в том или ином отрезке времени жизнь и деятельность конкретных фамилий, отдельных лиц. Их отношения в соглашениях с индивидуумами различных статусов, занятий, положений поможет лучше представить

социальные коммуникации, сеть горизонтальных связей, существующих в обществе, на чем они основаны, характер этих отношений. В конечном счете, информация, заключенная в текстах сделок с движимым имуществом, помогает лучше представить социальную среду в целом.

Принцип соотношения прав владения и собственности вполне приемлем для понимания сути сделок по формуле *charter* и *quitclaim*. Он вытекает из общих правил оформления имущественных сделок в английской правовой практике. Подобное предположение блестяще подтверждается целым рядом «парности» сделок, когда разговор в них об одних и тех же объектах сделки, с одними и теми же участниками различается лишь этими двумя формулами и датой заключения (в последней – ключ к разгадке). К тому же, случайно или нет, такие пары грамот помещены на страницах свода в близком соседстве. «Симон Рейли, сквайр, передает право (называются имена пяти лиц), а также клерку Джону Крофту, их наследникам и правопреемникам, на манор Уорд близ Чикстона, на все усадьбы, земли, ренты, повинности и реверсии, которыми он когда-либо обладал в (названы четыре места) графства Девоншир». Сделка зафиксирована 15 декабря 1439 г. Страницей выше в своде помещена грамота, дословно ее повторяющая, но по формуле *quitclaim* – отказ от права, уступка права в пользу контрагентов и зарегистрирована она 18 декабря того же года¹⁷. То обстоятельство, что одни и те же участники по поводу одного итого же имущества фиксируют сначала передачу права, а затем отказ от права на имущество, позволяет предположить, что речь идет об одной, растянутой во времени сделке. Сначала оформляется передача прав владения, затем передача права собственности. Грамота по формуле *quitclaim*, таким образом, означает полный переход упоминаемого в тексте имущества к новому владельцу. Подтверждение этим наблюдениям не менее впечатляюще по одной из сделок от 1450 г. Некий сквайр 20 июня 1450 г. передает Роберту Уайту с сыном и наследником Роберта право владения на манор Ривсден в окрестностях Саутгемптона; 17 октября того же года тот же сквайр тому же отцу с сыном уступает право на тот же манор, «который по грамоте от 20 июня 1450 г. он передал им и наследникам Роберта Уайта»¹⁸. Дословность грамот по общим формулам, оформление передачи права владения во времени всегда раньше уступки права собственности характерны для многих других случаев¹⁹.

Наше предположение о последовательной передаче права владения и права собственности получает подтверждение рядом деталей названных сделок. В ряде приведенных примеров передача права осуществляется с *warranty*, своеобразной гарантией. Словарь Уэбстера трактует это понятие, как ручательство или обязательство лорда защищать права владения на землю своего вассала, или, в случае каких-то затруднений дать равноценные земли на тех же правах. Это гарантия права собственности, в случае утраты этого права лорд обязан представить в порядке компенсации земли равной ценно-

сти²⁰. Таким образом, при земельной сделке с таким ручательством традент становится держателем, своеобразным вассалом реципиента, так как вассально-ленные связи в феодальном обществе считались неуничтожимыми, что, прежде всего, отражалось в правовых документах, каковыми являлись грамоты о земельных сделках. Помимо этого, в одной из вышеупомянутых сделок сквайр – традент, отказываясь от права, признает, что реципиенты уже владели имуществом на правах лена, то есть обладали правом владения²¹. Происходит утрата традентом всех прав на имущество, его отчуждение.

Можно ли здесь говорить о безоговорочном переходе имущества к одной из сторон? Само понятие права в феодальную эпоху обладает двойственностью, условным характером. В то же время период XIV–XV веков – время, когда земельная собственность начинала постоянно превращаться в объект купли-продажи. Чаще всего под видом ее «продавались» практически права на феодальные держания разных видов с лежащими на них феодальными повинностями поземельного, а то и личного порядка, часто оговаривалась возможность их последующего выкупа²².

Часть грамот по формуле *charter* сопровождается, вслед за грамотой, письмами атторнея. Письма атторнея обозначают поручение этому чиновнику оформить перевод права владения на право собственности (*seisin*), то есть передается и право владения, и право собственности. Показательно, что у грамот формулы *quitclaim*, которые и оформляют право собственности, всегда отсутствуют письма атторнея, они лишние. У этих грамот нет условия *delivered* – аренды; присутствие же этого условия в грамотах *charter* объяснимо – передача права владения может принимать и формы аренды.

Несколько замечаний относительно сделок по формуле *quitclaim*. Формально-юридический аспект термина означает отказ от права, освобождение или оправдание человека за какое-то действие, которое инициатор акта имел или мог иметь против него²³. Применительно к нашему документу речь идет об освобождении от условий сделки. Например – «Николас Уимбиш, клерк – Джону Годину, бакалейщику, жителю Лондона, его наследникам и правопреемникам. Отказываюсь от права на манор Бинтрес в Хью, графстве Сэффолк, со всеми землями, рентами и повинностями, лесами, правами на использование дорог, тропинок (прохода по дорогам, тропинкам), оградами, рвами в нем и официально подтверждаю, что названный Джон с этого дня полностью владеет манором»²⁴. Однозначность содержания позволяет говорить о своеобразной продаже, что подтверждают последние слова грамоты. Очевидно, можно считать, что сделка оформляет куплю-продажу, хотя «продаются» права на землю, ренту, повинность, различные доходные статьи²⁵. Тексты по этой формуле, где говорится о передаче права собственности на имущество, которое когда-то находилось у реципиента на правах лена²⁶ – еще одно свидетельство растянутости во времени перехода права владения к праву собственности.

Какие сведения можно получить из текстов грамот, оформляющих сделки с недвижимостью? Для многих феодальных вотчин XV в. характерны чрезвычайно сложные держательские связи. К этому столетию многие владения прошли долгий путь формирования, на котором были самые разные держатели и сеньоры, части отдельных держаний и вотчин, многие из них имели «лоскутный» характер. Отдельные части вотчины могли держаться почти от десятка вышестоящих лордов за самые различные повинности. Такая «лоскутная» вотчина состояла из отдельных участков земли, расположенных не в одном приходе и входивших часто в качестве свободных держаний в различные маноры. Вотчины входили в различные феоды и стояли на разных ступенях феодальной иерархии: одни из них составляли рыцарский лен или его часть и держались за рыцарскую службу от короля или крупного барона; другие находились на низших ступенях феодальной лестницы и держались от другого лорда за натуральную повинность или небольшую денежную ренту; третьи представляли собой мелковотчинное образование, состоящее из фригольда внутри манора, и держались за довольно крупную денежную ренту и повинности «низкого», часто крестьянского характера и происхождения.

Разное место в иерархической системе феодальных держаний давало их владельцам разные феодальные права. Феодальные права и привилегии владельцев этих вотчин простирались от права производить проверку круговой поруки и держать манориальную курию до весьма проблематичного права осуществлять судебно-административную власть на территории владений²⁷.

Что передают? Переплетение прав, держательских связей, платежей, повинностей не помешало нам выделить в тексте грамот три основных предмета сделки в операциях с недвижимостью. Первым из них являются различные угодья, которые фигурируют в тексте как маноры, усадьбы, карукаты, виргаты, леса, луга, пастбища, пахотные земли и т.п. Вторым предметом сделки стали «земли, ренты, повинности». Такой перечень подразумевает именно ренты и платежи держателей, ренты и повинности крестьян. Упоминание «земли» не означает угодья, а ренты и платежи с земли. Ряд случаев прямо свидетельствует о том, что платежи и повинности неотделимы от земли. В одной из грамот говорится о маноре и землях, рентах, повинностях того же манора²⁸. Подобные платежи отличаются от *quite* («очищенной») ренты, которая представляет чисто денежный платеж с так называемого бургажа²⁹. Наконец, среди предметов сделки встречаются такие сеньориальные права, как рельеф, омаж, право опеки, брачные права, а также фуа, вымороченные права, судебные и другие. Очевидно, в данном случае можно говорить об элементах судебно-административной власти, правах по управлению вотчиной, часто фактического управления комплексом феодального поместья.

Выделение этих предметов сделки позволяет выявить социальные ориентации различных социопрофессиональных групп в земельных сделках. Трудно

не согласиться с тем, что стремление приобрести ренты ориентирует их получателя на определенные занятия, деятельность, образ жизни; приобретение недвижимости формирует другие социальные цели; права по управлению вотчиной дают еще одну перспективу для их владельцев. Разные социальные ориентиры ведущих социопрофессиональных групп дают возможности полнее представить социальные процессы в обществе, их наполнение³⁰.

Как и «дарственные» грамоты, данные этого массового источника отражают более полно, с большими подробностями жизнь в течение длительного времени, деятельность, заботы отдельных членов общества, представителей отдельных фамилий, представляющих ту или иную социопрофессиональную группу. Состав участников сделки, обычно более многочисленный, чем при сделках с движимостью, позволит получить больше сведений о горизонтальных связях английского общества того времени. Именно возможность получить не фрагментарные и хронологически разбросанные сведения, а наиболее развернутое представление о социальных процессах привлекло наше внимание к этому источнику.

Примечания

¹ См.: Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: Издательство ЛКИ, 2009. С. 69.

² The Calendar of the Close Rolls. Richard II. V. III-VI – Henry VI. V. I-VI. L., 1921–1947.

³ CCR, Edw. II. V. I. L., 1892. P. V.

⁴ Elton G. R. Official Records: the State // England, 1200-1640. Ithaca a. L., 1969. P. 44.

⁵ Maxwell-Lythe H. M. Introduction // CCR, Edw. II. V. I. P. V. L., 1892.

⁶ Maxwell-Lythe H. M. Op. cit. P. VII.

⁷ Об информативности источника говорил ещё в XVII в. Мэтью Хейл. Hale M. History of the Common Law of England. Chicago-London, 1971. P. 105.

⁸ Elton G. R. Op. cit. P. 44. также ср., например: Уваров П. Ю. Городские слои по регистрам Шатле // СВ. 1989. № 52. С. 79-80.

⁹ Энгельс Ф. – Шмидту К. 27.10.1890 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 418; Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М.: Наука, 2008. С. 298.

¹⁰ Elton G. R. Op. cit. P. 44.

¹¹ Ibid. P. 39.

¹² Ibid. P. 39-40.

¹³ Каутанов С. М. К вопросу о понятии «достоверность» в применении к актовым источникам // Спорные вопросы отечественной истории XI-XVIII вв. Тезисы докладов, сообщений Первых чтений, посвящённых памяти А. А. Зимина. Ч. I М., 1990. С. 103-104; Elton G. R. Op. cit. P. 48. Д. Элтон замечает, что в течение тех лет, когда канцлерство действовало как королевский частный секретариат по вопросам недвижимости, число таких писем велико. С середины XV в. их количество сокращается. – Ibid. P. 42.

¹⁴ Baker J. H. An Introduction to English Legal History. L., 1979. P. 220. Table A; Джэнкс А. Английское право. М., 1947. Движимое имущество – все товары, долги

и все драгоценности из золота и серебра (см.: *Thrupp S. The Merchant Class of Medieval London*. Chicago, 1948. P. 115).

¹⁵ *Baker J. H.* Op. cit. P. 220.

¹⁶ Наиболее явное проявление этого обстоятельства см.: CCR, H VI. V. V. P. 57; V. I. P. 482.

¹⁷ CCR, H VI. V. III. P. 365, 364.

¹⁸ CCR, H IV. V. V. P. 239.

¹⁹ CCR, H IV. V. II. P. 128, 134; V. III. P. 438, 502; H VI. V. III. P. 232-233, 233, 282, 300, 302, 364, 366; V.V. P. 75, 76.

²⁰ Webster Dictionary. P. 2305.

²¹ CCR, H VI. V. III. P. 233.

²² *Чистозвонов А. Н.* Место простого товарного производства и торгово-ростовщического капитала в феодальной формации // Генезис капитализма: проблемы методологии. М.: Наука, 1985. С. 28.

²³ Dictionary of English Law. V. II. P. 1466.

²⁴ CCR, H VI. V. IV. P. 48.

²⁵ См.: *Чистозвонов А. Н.* Указ. соч. С. 28, 24.

²⁶ См., например, CCR, H VI. V. III. P. 36, 120-121, 130, 167, 183-184, 233, 257.

²⁷ Ситуация досконально описана: *Ульянов Ю. П.* Образование и эволюция структуры манора Стонор XIV-XV вв. // СВ. 1971. № 34; 1972. № 35.

²⁸ «...отказываюсь от прав на манор в [трёх местах] Уилтшира и всех земель, ... рент, ... повинностей, к названному манору принадлежащих» (CCR, H VI. V.IV. P. 299). См. также: CCR, H VI. V.VI. P. 36.

²⁹ *Hammeon M. W.* Burgage Tenure in Medieval England. Cambridge, 1914. P. 4-5.

³⁰ При работе с этими текстами практически во всех случаях опускаем мотивы сделок, для нас важно, прежде всего, социальное наполнение текстов грамот, поведенческие установки их получателей.

V. I. Zolotov

viz.volic@yandex.ru

Chancery Close Rolls on Social Processes of Fifteenth Century English Society

Summary: Analysed cognitive opportunities of charters on personal and real property deals with the purpose research of English society social development epoch. Deal's data allow define social and professional participant's compositions of deal, deal's object, its conditions and, ultimately, social preferences and aims of social identification of representatives of leading the publics.

Key words: close rolls, gift, charter, quitclaim, merchant the public, clerks, gentry.

М. А. Маркова

«Известия Императорского Русского географического общества» как источник по истории переписей населения России 2-й половины XIX – начала XX в.

Аннотация: *вопросы совершенствования демографической статистики России оставались в поле зрения Русского географического общества на протяжении всего рассматриваемого периода, интерес к данной теме получил отражение в статьях и сообщениях, опубликованных на страницах его изданий. В статье рассмотрены работы И. И. Вильсона, П. П. Семенова-Тян-Шанского, А. А. Кауфмана, А. А. Тилло, Д. Д. Ларионова, опубликованные в «Известиях Императорского Русского географического общества» в 1870–1910 гг. Анализируются материалы, посвященные как местным переписям населения (переписи населения Петербурга 1869 и 1910 гг., перепись населения Иркутска 1875 г., перепись населения Тургайской области 1873 г.), так и Всеобщей переписи населения 1897 г.*

Ключевые слова: *переписи населения, П. П. Семенов-Тян-Шанский, историческая демография.*

Вопросы совершенствования демографической статистики России оставались в поле зрения Русского географического общества на протяжении всего рассматриваемого периода. Уже с 1850 г. члены общества обращались к правительству, настаивая на необходимости реформирования системы учета населения¹. Академик П. И. Кеппен просил, чтобы ему позволили принять участие в обсуждении организационных вопросов, касающихся X ревизии. Общество ходатайствовало об этом перед министром финансов.

Просьба была отклонена, но проблемы реформирования учета населения неоднократно обсуждались на заседаниях общества, интерес к данной теме получил отражение в статьях и сообщениях, опубликованных на страницах его изданий.

**Маркова
Мария
Александровна**
Кандидат исторических наук,
доцент
Кафедра источниковедения истории России.
Институт истории
Санкт-Петербургского
государственного университета

С момента выхода первого тома в 1865 г. до 1917 г. в «Известиях Императорского Русского географического общества» было размещено восемь материалов, освещающих вопросы проведения переписей населения в России. Основную долю составили статьи, посвященные местным переписям населения. Так, три статьи относились к петербургским переписям 1869 и 1910 гг., одна статья была посвящена переписи населения Иркутска 1879 г., также в издании был представлен материал о переписи населения Николаевского уезда Оренбургской губернии 1873 г. Кроме того, 33 том «Известий», вышедший в 1897 г., содержал две работы, посвященные анализу первой Всеобщей переписи населения Российской империи. В 1913 г. была опубликована статья А. А. Кауфмана, посвященная предстоящей переписи населения России.

Первой по времени публикации была статья П. П. Семенова, в которой анализируется опыт, накопленный в ходе проведения переписи населения Петербурга 1869 г.² Имя Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского тесно связано не только с русской статистикой, но также с географией, энтомологией, ботаникой России. Являясь на протяжении 18 лет директором Центрального статистического комитета, Семенов стремился повысить научный уровень административной статистики, привлечь опыт европейских стран, он отстаивал необходимость проведения всеобщей переписи населения страны. Взяв на себя руководство переписью столичного населения 1869 г., Семенов полагал, что опыт, накопленный в ходе проведения местных переписей, создаст базу для последующего крупномасштабного обследования.

Статья была построена на сравнении переписей 1864 и 1869 гг. Являясь руководителем переписи 1869 г., первой переписи, построенной на принципе квартирного обследования населения, Семенов подробно излагал преимущества такого метода исчисления, а также разбирал недостатки переписи, указывая лакуны в массиве полученных данных.

Чрезвычайно важную роль в подготовке и осуществлении петербургской переписи 1869 г. сыграл также И. И. Вильсон. Он вместе с Б. Ф. фон Бушеном в 1861 г. был командирован в Англию и Францию для изучения демографического учета, существовавшего в этих странах, его отчеты послужили основанием для постановки вопроса о проведении всеобщей переписи населения в России. В 1862 г. в Отделении статистики Императорского русского географического общества начала работу комиссия по разработке проекта однодневной переписи населения Петербурга, Вильсон принимал участие в работе комиссии. Этот проект был использован в ходе организации переписи 1869 г., Вильсон в ней участвовал в качестве заведующего переписного отдела, он также занимался обработкой полученных данных.

В декабре 1874 г. на общем собрании общества И. И. Вильсоном было сделано сообщение о профессиональной структуре жителей Петербурга по переписи 1869 г. Это сообщение было опубликовано в 11 томе «Известий»³. Автор, ис-

пользуя данные по Петербургу за 1869 г. и материалы переписи населения Берлина 1867 г., сделал ряд интересных наблюдений. Так, он полагал, что в Петербурге существенно больше женщин, имеющих собственный заработок, чем в Берлине. В российской столице также более распространен детский труд.

И. И. Вильсон подготовил сообщение до выхода в 1875 г. третьего выпуска материалов переписи Петербурга, содержащего данные о профессиональной структуре⁴. Он, вероятно, пользовался рабочими материалами переписи.

Работа А. Кауфмана и И. Макарова, освещавшая проведение переписи Петербурга 1910 г. в одном из отделов, была опубликована в 47 томе «Известий» за 1911 г.⁵ Официальная публикация материалов переписи⁶ не обеспечена очерком, излагающим основные этапы работы, поэтому информация о ходе обследования, заключенная в данной статье, бесспорно важна для характеристики этой переписи.

В статье подробнейшим образом рассмотрены принципы организации переписи, отмечены неудачные моменты, а также сделаны предложения, направленные на дальнейшее улучшение подобных обследований.

Авторы предлагали разделить домовую перепись и перепись населения, проводить обследование домов и дворовых мест заранее, отказавшись от принципа однодневности при этом обследовании. Сроки переписи населения должны быть перенесены с середины на начало декабря, т. е. до времени отъезда состоятельной публики на зимние курорты и разъезда учащейся молодежи на каникулы. Также следует отказаться от принципа самоисчисления, заменив его методом заполнения переписных листов счетчиками в ходе опроса населения. При будущих переписях необходимо, по мнению авторов статьи, разработать новые специальные бланки для гостиниц, казарм, сторожек, т. е. таких помещений, которые не укладываются в рамки обычных квартирных описаний, в квартирные листки вносить сведения только о квартирах. Ряд предложений был сделан по совершенствованию программы переписи.

Любопытно, что в данной статье нашлось место и «женскому вопросу», авторы указывали на длительное существование предубеждения о непригодности женщин к статистической работе. В 1900 г. привлечение их в качестве счетчиц расценивалось как «тогда еще небывалый шаг». В 1910 г. женщины занимали уже значительную долю в составе переписных отделов, например, персонал 34 отдела, о работе которого и пишут авторы, за исключением заведующего и его помощника, был женским.

В статье А. А. Тилло, посвященной переписи населения Николаевского уезда Тургайской области⁷, рассматривалась чрезвычайно важная проблема методов учета кочевого населения. Автор писал: «...как определить количество народонаселения какой-либо местности, когда в одно время года в ней, на протяжении сотен верст, не найдешь ни одной живой души, между тем как в

другое время года народонаселение становится сравнительно довольно густо». Он полагал, что решение этой проблемы может быть найдено в том случае, если в качестве единицы наблюдения принять «административный уезд», т. е. «число кибиток, подведомственных администрации этого уезда». А. А. Тилло подчеркивал, что результаты подобного обследования представят не численность населения, проживающего в уезде фактически, а число лиц, подведомственных администрации данного уезда.

В ходе обследования 1873 г. были собраны данные о жителях 17510 кибиток, составивших 89385 человек. Рассчитав среднее число жителей на 1 кибитку, автор определил также общую численность населения Тургайской и Уральской областей. В статье также были представлены данные о хозяйстве киргизов, о грамотности населения, о числе жителей, знающих русский язык, об основных заболеваниях среди киргизов и способах их лечения.

Д. Д. Ларионов являлся секретарем Иркутского губернского статистического комитета в 1870-е гг. Он неоднократно помещал в газете «Иркутские губернские ведомости» материалы об Ангарских порогах, пожарах в Иркутске, естественном движении населения в Иркутской губернии, численности населения города Иркутска. В той же газете впервые была опубликована работа Ларионова, посвященная анализу профессиональной структуры населения Иркутска по переписи 1875 г. Эта статья в последующем была перепечатана в «Известиях» Русского географического общества за 1879 г.⁸

В начале статьи автор касался трудностей, с которыми пришлось столкнуться организаторам переписи. Так, анализируя качество данных о занятиях жителей Иркутска, он отмечал недоверчивое отношение к переписи некоторой части населения, большую долю уклончивых или лживых ответов. Также Ларионов указал на сложности в разработке данных о «народности», автор писал: «Лица еврейского происхождения, которые, если только они по религии православные, считают себя не иначе как русскими и никак не евреями, равно как православные татары, черкесы и даже буряты также записывались русскими»⁹. В некоторых случаях переписчики сталкивались с отсутствием ответов на большинство вопросов переписного листа.

Автор полагал, однако, что перепись наличного населения Иркутска, проведенная 8 марта 1875 г., оказалась значительно успешнее предыдущих обследований.

Анализируя профессиональную структуру жителей Иркутска, Д. Д. Ларионов пришел к весьма интересным выводам. Он полагал, что «по главным данным социального строя населения, Иркутск очень сходен с Петербургом и будущность его начертывается теми же симптомами экономической жизни, какие складываются в обширных центрах, столицах»¹⁰.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи прошла 28 января (по старому стилю) 1897 г., уже в мае П. П. Семенов, один из основных организаторов данного обследования, выступил с докладом на общем собрании Русского географического общества, изложив историю подготовки переписи, а также некоторые предварительные данные, характеризующие демографическую ситуацию в стране в целом, а также в отдельных регионах. Этот доклад был опубликован в 33 томе «Известий»¹¹.

В том же томе представлена статья И. И. Вильсона, освещающая проведение переписи 1897 г. в столице¹². Стоит отметить, что автор являлся председателем особой переписной комиссии, которая была создана в Петербурге для осуществления обследования. Он отмечал, что организация этой переписи основывалась на тех же принципах, что и более ранние переписи. Город делился на переписные участки во главе с заведующими. В пределах городской черты был создан 41 участок, в пригородах – 9. Представители статистических учреждений разных ведомств приняли на себя обязанности заведующих, среди них были служащие Центрального статистического комитета, Отделения сельскохозяйственной статистики министерства земледелия, министерства финансов, министерства путей сообщения.

В ходе переписи в Петербурге работало 2800 счетчиков, многие трудились безвозмездно. Такое отношение к делу было отчасти связано с той поддержкой, которую организаторы переписи получили от верховной власти. 21 ноября 1896 г., император Николай II повелел отчеканить медаль для награждения лиц, бесплатно выполнявших обязанности счетчиков. Право на получение медали затем было распространено на всех лиц, безвозмездно участвовавших в переписи на разных этапах ее проведения. Отсюда, по мнению И. И. Вильсона, «не только в Петербурге, но и во всей России, явилось сознательное стремление потрудиться в деле переписи со стороны значительного числа лиц, которые при иных условиях совершенно от него устранились бы»¹³. Средняя норма счетчика составляла 400 человек. Студенты и воспитанники высших военных учебных заведений были самой многочисленной группой среди переписчиков.

В Петербурге, как и в других городах России, перепись основывалась на принципе самоисчисления. Собирались сведения как о наличном, так и о постоянном населении.

Ссылаясь на мнение заведующих переписными отделами, которые принимали участие в предыдущих обследованиях, автор отмечал, что отношение к переписи «интеллигентной» публики стало серьезнее, а «низшие классы населения столицы отнеслись к переписи весьма уважительно и добросовестно»¹⁴.

Известно, что после завершения разработки и публикации результатов первой всеобщей переписи населения обсуждался вопрос о проведении нового обследования. Многие выдающиеся деятели российской статистики вы-

ступили в печати с предложениями по усовершенствованию методов переписи. Среди них был и А. А. Кауфман.

А. А. Кауфман, находясь на службе в Министерстве государственных имуществ, многое сделал для развития бюджетной статистики, изучал хозяйство и землепользование сибирских крестьян. Он принимал деятельное участие в проведении петербургских переписей населения 1900 и 1910 гг. Многолетняя статистическая практика позволила А. А. Кауфману создать один из лучших для того времени учебников «Теория и методы статистики», за короткий срок выдержавший 5 изданий.

Обладая значительным практическим опытом в сфере демографической статистики, А. А. Кауфман в 1913 г. на страницах «Известий» опубликовал статью «По поводу второй всероссийской переписи»¹⁵. Автор предлагал отказаться в будущем от учета наличного населения, ограничившись только учетом постоянного. Также он настаивал на окончательном отказе от принципа самоисчисления. Далее Кауфман критиковал применение принципа «почетной должности» в ходе организации переписей, по его мнению, только платный персонал мог обеспечить качественный и своевременный сбор информации. Кроме того, автор предлагал будущую перепись населения соединить с профессионально-промышленной переписью. В заключение А. А. Кауфман призывал отказаться от слепого копирования западноевропейских методов, обратившись к положительному опыту, накопленному земскими статистиками и организаторами первой всеобщей переписи.

Таким образом, мы можем признать, что «Известия Императорского Русского географического общества» содержат разнообразный и интереснейший материал по истории переписей населения в России. Все авторы, публиковавшиеся в издании, имели значительный опыт практической работы, многие из них были выдающимися учеными, создавшими научную базу российской статистики.

Дальнейшее исследование вклада Русского географического общества в развитие демографической статистики России потребует обращения к другим его изданиям, в том числе к «Запискам Императорского Русского географического общества по отделению статистики».

Примечания

¹ Достоевский А. А. П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Биографический очерк // Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский. Его жизнь и деятельность. Сборник статей по поводу столетия со дня его рождения, составленный по поручению совета ГРГО. Л., 1928. С. 70

² Семенов П. Перепись жителей Санкт-Петербурга 10 декабря 1869 г. в ее отношениях к делу статистических переписей в России // Известия Императорского Русского географического общества (далее Известия ИРГО). 1870. Т. 6. Отд. 2.

СПб., 1870. С. 45-88.

³ Вильсон И. И. О распределении населения Петербурга по занятиям // Известия ИРГО. 1875. Т. 11. Отд. 1. СПб., 1876. С. 31-32.

⁴ Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 г. В. 3. Распределение жителей Санкт-Петербурга (исчисленных поименно) по промыслам, занятиям и другим родам средств существования. СПб., 1875.

⁵ Кауфман А., Макаров И. По поводу переписи города Санкт-Петербурга 15 декабря 1910 г. // Известия ИРГО. 1911. Т. 47. СПб., 1911. С. 165-206.

⁶ Петроград по переписи 15 декабря 1910 г. СПб., б. г. Ч. 1. В. 1, 2.

⁷ Тилло А. А. Первая народная перепись в Киргизской степи, произведенная в Николаевском уезде Оренбургского края действительным членом Оренбургского отдела А. А. Тилло // Известия ИРГО. Т. 9. Отд. 2. СПб., 1873. С. 77-93.

⁸ Ларионов Д. Однодневная перепись губернского города Иркутска, 8 марта 1875 года // Известия ИРГО. 1879. Т. 15. Отд. 2. СПб., 1880. С. 156-165.

⁹ Там же. С. 157.

¹⁰ Там же. С. 165.

¹¹ Семенов П. П. Характерные выводы из первой всеобщей переписи // Известия ИРГО. Т. 33. 1897. Отд. 2. СПб., 1897-1898. С. 249-270.

¹² Вильсон И. И. О переписи населения С.-Петербурга 28-го января 1897 г. // Известия ИРГО. Т. 33. 1897. Отд. 2. СПб., 1897-98. С. 271-283.

¹³ Там же. С. 273-274.

¹⁴ Там же. С. 275.

¹⁵ Кауфман А. А. По поводу второй всероссийской переписи // Известия ИРГО. 1913. Т. 49. В. 4-6. СПб., 1913. С. 273-300.

М. А. Markova
marma@smtp.ru

"Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society" as a source for the history of the Russian population census 2nd half of XIX - early XX century.

Abstract: Issues of improving population statistics Russia remained in sight of the Russian Geographical Society during the period under review, the interest in this topic was reflected in articles and reports published in the pages of his books. The article describes the work I. Wilson, P. Semyonov Tyan-Shansky, A. Kaufman, A. Tillo, D. Larionov, published in the "Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society" in 1870 - 1910 years. Analyzed materials on both local census (Census Petersburg 1869 and 1910., Irkutsk census 1875, census Turgay region 1873) and National Census 1897.

Key words: P.P. Semyonov Tyan-Shansky, historical demography, census.

Э. В. Летенков

**М. Н. Катков о современной ему
отечественной периодике. 1863–1872 гг.
(Источниковедческая справка)**

Аннотация: в статье рассказывается об отражении в газете «Московские ведомости» проблемы назначения периодической печати в обществе, о ее месте в процессе формирования общественного мнения.

Ключевые слова: М. Н. Катков, источниковедение, история журналистики, «Московские ведомости», проблемы свободы печати.

Основой для настоящей справки послужили передовые статьи «Московских Ведомостей»¹ 1863–1872 гг. и созданная на основе их учета база данных.

В нее включено 3679 записей, распределенных по 92 рубрикам². Естественно, что количество публикаций по каждой из них различно. Оно колеблется от 273 до 2. Проблемы печати в этом условном списке занимают восьмое место.

Столь привилегированное положение объясняется изменениями в самой печати и в системе государственного управления ею (или попыток изменений), которые начались в период подготовки и проведения общегосударственных реформ 60-х годов XIX века. Эти процессы вызывали повышенный интерес и у издателей, и у читателей.

Летенков
Эдуард
Васильевич
Доктор историче-
ских наук,
профессор
Кафедра источни-
коведения
истории России.
Институт истории
Санкт-
Петербургского
государственного
университета

Таблица 1. Рейтинг публикаций по рубрикам

Название рубрики	Кол-во публикаций
Иностранная политика. Обзорение иностранной политики	273
Пути сообщения	259
Учебное дело	206
Западный край	200
Прибалтийский край	165
Польский вопрос	158
Иностранная политика. Восточный вопрос	143
Печать	133
Судебное дело	116
Военное дело	115
Иностранная политика. Франко-Прусская война	114
Западный и Юго-западный край	113

Посмотрим на динамику освещения в передовых статьях вопросов, связанных с периодической печатью в это десятилетие.

Таблица 2. Распределение количества публикаций по годам

Годы	1863	1864	1865	1866	1867	1868	1869	1870	1871	1872
Кол-во	16	10	22	28	8	16	15	13	5	0

Мы видим, что при общей постоянной заинтересованности в вопросах печати в предыдущие годы (1863–1864), всплеск ее приходится на 1865 и 1866. Совершенно безразличны к этой проблематике «Московские Ведомости» оказались в 1872 году. Возможно, что проблемы печати в это время находили отражение в других рубриках. Так, в продолжение всех лет практически ни одна публикация на международные темы не обходилась без обращения к газетным материалам – отечественным и зарубежным.

Периодическая печать в шестидесятые годы претерпевает серьезные изменения. Это относится не только к внешним условиям ее существования, но прежде всего к ее внутреннему состоянию, к ее значению в жизни общества, что, собственно говоря, и предопределило отчасти изменения внешние.

Н. А. Любимов, сотрудник, а позднее – автор воспоминаний о М. Н. Каткове, считал, что лето 1863 года подняло издательскую деятельность «на высоту исторического значения, внесло перелом в обычное течение жизни, обратив ее в незнающую роздыха государственную службу особого рода, едва ли когда-либо встречавшуюся в истории. Редакция московской газеты стала государственною инстанцією, голос которой сделался необходимостью в обсуждении и решении всех сколько-нибудь серьезных государственных дел. По задней, очень неприглядной лестнице казенного дома университетской типографии на Страстном бульваре поднимались в более чем скромное помещение редакции, и в кабинет редактора люди самых различных общественных положений, почему-либо влиятельные в своем кругу, от высших сановников до представителей раскольничьих сект»³.

Здесь говорится об одной газете, но уместно вспомнить в этой связи и возникшие в этом же, 1863 году, «Русские Ведомости» и созданную вскоре именно в качестве «государственной инстанции» газету «Правительственный Вестник». Сказанное Н. А. Любимовым о «Московских Ведомостях» с полным на то правом можно отнести ко многим периодическим изданиям той поры.

Сложность выдвинутых для обсуждения обществом проблем требовала ответа на вопрос – кто может и должен заниматься их интерпретацией. Иными словами, какова в этом роль периодической печати и авторов, в ней сотрудничающих. Позиция «Московских Ведомостей», сформулированная едва ли не из философских посылов, в конечном итоге выразилась в ясных и понятных определениях.

Мы приведем цитату из полемической статьи газеты, направленной против выступления «Русского Инвалида», в котором его авторы объясняли роль литературы при обсуждении законодательных вопросов, понимая под литературой «все письменное», в том числе и периодическую печать.

«Что такое литература? – спрашивают «Московские Ведомости». – Мы, право, не знаем. Литература все и ничто. В нее входит все на свете; это *receptaculum*⁴, готовое принять без разбора все что угодно: и общности и подробности, и теория и практика, и философский трактат и поваренную книгу, и поэму Мильтона и рецепт для истребления клопов. Точно также разнообразны значение и качество лиц, действующих в литературе. Наука, конечно, есть самостоятельная область, и занимается по праву раскрытием общих начал. Искусство также имеет самостоятельную область и отнюдь не должно быть протоколом того, что говорится или делается вокруг. Но что такое ежедневная печать, журналистика? Может ли она с пользою заниматься разъяснением общих начал без прямого отношения к данному практическому вопросу? Не должна ли она, напротив, примыкать к чему-нибудь и быть отражением, быть верным органом практиче-

ских обсуждений вопроса, подвигающих ее вперед? Можно ли сказать что-нибудь умное и дельное, не представляя себе в полной ясности всех подробностей вопроса? История европейских цивилизаций представляет нам разительные примеры, как бесплодны и, увы! как неблагонадежны газетные отвлеченности. <...> Мы видим <...>, что у тех народов, где печать служит органом здоровой политической жизни, она настроена практически, она служит органом действительных обсуждений, – и там никто не позволит себе явиться перед публикой, с какими-нибудь общностями, без ясного представления дела в его практических условиях. Да и в самом деле, могут ли серьезные люди пускаться в обсуждение вопросов, которых практический ход им не известен? Могут ли серьезные люди довольствоваться общностями, не имея живого и ясного представления действительных условий, посреди которых решается вопрос?»⁵.

Определив таким образом назначение печати в обществе, «Московские Ведомости» предъявляют к условиям ее существования и к ней самой вполне конкретные требования. Наличие предварительной цензуры осуждается газетой не с точки зрения общих понятий о свободе и общегуманитарных правах, а с утверждения, что это обстоятельство много мешает доверию к печати, а иногда и вредит делу, которым обеспокоен тот или иной орган периодики. «Предварительная цензура, – пишет газета, – которой подчинено у нас каждое печатное слово, много умаляет его значение и силу. Что бы ни было высказано в нашей печати, – добавляет она дальше, – в пользу нашей внутренней и особенно внешней политики, все то, не только за границею, но даже и в самой России, в некоторой части общества, принимается с недоверием»⁶. Приведенный далее пример об обнаруженном в Сербии оружии с русским клеймом и невозможности со стороны российской печати своевременно разъяснить это недоразумение наглядно подтверждает высказанную газетой мысль о непрактичности предварительной цензуры в условиях современного общества.

Серьезно обсуждалось на страницах газеты понятие «общественное мнение». Не полностью, но и его решение газета связывала с существованием предварительной цензуры. Используя фигуру умолчания, М. Н. Катков писал в одной из передовых: «Мы хотим указать и вообще на мучительную ненормальность положения, в котором находятся редакции русских газет»⁷.

Существенным для него и газеты в целом был и вопрос об истоках общественного мнения, о той почве, на которой оно возрастает. «Мы не можем, разумеется, согласиться, – пишет газета, – с тем, чтоб у нас общественного мнения не было или чтоб оно не стоило внимания не только русских, но и иностранных политических людей. Но каждый день все более и более убеждает нас, что нет менее правдивого указателя русского общественного мнения, чем петербургская журналистика».

Чем же вызвано столь строгое и однозначное заключение? М. Н. Катков, судя по всему, подозревает, что у этого «общественного мнения» нет основания. Высказывания от имени общества носят случайный характер. Он сравнивает их со звуками золотой арфы. Эти газеты, сообщает он, усердно стараются отрекомендоваться публике «в качестве органов и даже поверенных, *confidants obligés*, общественного мнения, которое каким-то секретным способом нашептывает им на ухо свои приговоры. Эти газеты, – заключает автор передовой статьи, – не редко доказывают, что у нас можно выдать за общественное мнение всё что угодно»⁸.

Когда несколько месяцев тому назад он писал о роли газет при обсуждении законодательных вопросов, в статье завуалированно прозвучала мысль о том, что периодическое издание должно «примыкать к чему-нибудь и быть отражением, быть верным органом практических обсуждений вопроса». Не прямое ли это указание на необходимость для печати иметь социальную основу среди читателей? И не являются ли их мнения и суждения основой общественного мнения?

Быть может, поэтому редакция «Московских Ведомостей» (как, впрочем, всякая серьезная редакция) уже в то время внимательно относилась к читателям и общению с ними. Жизнь под девизом «писатель пописывает, читатель почитывает» уходила в прошлое.

Это было ожидаемо, но совершенно ново. Н. А. Любимов вспоминает реакцию М. Н. Каткова на получение одной из телеграмм поддержки и сочувствия. «Помню, что я был в кабинете Михаила Никифоровича, когда была им получена эта телеграмма. Помню, как краска бросилась в его лицо, когда прочел он бывшие неожиданностью строки»⁹.

Сам М. Н. Катков оценил это событие через несколько дней в газете: «С благодарностью и смущением принимаю высокую честь, оказанную мне саратовским дворянством. Высоко ценю ее как нравственную опору направления, которому служу, как прямое заявление русского общества в лице ее истинных представителей. Посреди нынешних обстоятельств, в виду испытаний, предстоящих нашему отечеству, необходима живая и могущественная сила русского общественного мнения»¹⁰.

В последнем номере газеты за 1863 год М. Н. Катков, изъявляя благодарность читателям, «которые выражением своего сочувствия» подкрепляли силы редакции в трудной деятельности и продолжают напутствовать ее на дальнейший труд, писал: «Эти сотни писем, которые приходят к нам со всех сторон России от людей всех классов и званий, мы сохраним как дорогое свидетельство, что деятельность наша была не бесплодна, и что она действительно была органом русского общественного мнения. Никогда еще, сколько мы знаем, между газетою и обществом не устанавливалась такая несомненная связь, какая в настоящем году соединяла *Московские Ведомости* с их читателями»¹¹.

О сложных трансформациях понятия общественное мнение, о его значении в жизни государства М. Н. Катков пишет еще не один раз. В передовой статье 1866 года, посвященной европейским делам, он рассуждает об этом так. «Всякое дело, становясь публичным, становится не тем, чем было до тех пор; оно подвергается творческому действию жизни, оно приходит в соприкосновение со множеством других элементов, которых оно не знает пока развивается уединенно и негласно. Мнение, высказанное в печати, становится достоянием всех; оно разом отзывается во множестве умов, и каждому предстоит не как только личное мнение, но как общественный факт. Всякий чувствует в нем массу возбуждаемых им симпатий и антипатий, и всякий считается с ним как с жизненным фактом»¹².

Роль периодической печати в жизни общества и государства, условия, необходимые для успешного осуществления печатью своих функций, моральные и деловые качества журналиста, честно относящегося к своему делу – основные проблемы, которые затрагивали «Московские Ведомости» в своих обращениях к периодической печати. В решительной полемике, а больше всего – в каждодневной, часто рутинной работе отстаивала газета свои взгляды на периодическую печать и ее значение.

Не только историю отечественной периодики этого периода, но и историю духовной жизни страны в целом трудно понять верно без обращения к периодической печати вообще и к публикациям «Московский Ведомостей» в частности. Но их детальный анализ не входит в задачу источниковедческой справки. Она гораздо скромнее – указать на источники, которые помогут решить эту сложную задачу. Приводим список передовых статей «Московских Ведомостей», непосредственно касающихся вопросов печати. Оценки, характеристики газет и журналов, журналистов – отечественных и зарубежных, естественно, можно встретить и в других публикациях газеты. Но именно в этих они даны наиболее полно и обобщенно.

Передовые статьи Московских Ведомостей по вопросам, связанным с периодической печатью. 1863–1871 гг.

1863 год

О предварительной цензуре. (По поводу известия о ввозе в Сербию оружия с русским клеймом). № 9.

Обвинение Московских Ведомостей по поводу их мнения о прусских делах. № 22.

О высокой плате за иностранные издания и за отправку русских журналов и газет за границу. № 31.

Молчание русской прессы на обвинения и клеветы на Россию. № 45.

Фальшивые известия корреспондента С.-Петербургских Ведомостей. Паники нет ни в обществе, ни на бирже. № 124.

Защита варшавского корреспондента Московских Ведомостей против нареканий Русского Инвалида. № 149.

Телеграмма Московским Ведомостям Симбирского дворянства и ответ на нее. № 152.

Телеграмма Московским Ведомостям Саратовского дворянства, ответ на нее и объяснения редакторов. № 161.

Роль печати при обсуждении законодательных вопросов. № 207.

Сочувствие направлению Московских Ведомостей и выходка против них в Колоколе и некоторых петербургских газетах. № 212.

Призраки газеты Голос. № 222.

По поводу изданий, служащих органами разных ведомств центрального управления. № 261.

Общественное мнение и петербургские журналы. № 268.

Вред у нас казенных изданий. № 271.

Полемика с Русским Инвалидом по вопросу о казенных изданиях. № 280.

Связь Московских Ведомостей с читателями. № 283.

1864 год

Несостоятельность и вред полуофициальных изданий. № 004.

Похищение русских правительственных документов и обнародование их за границей. № 12.

Бисмарк о вреде и несостоятельности полуофициальных изданий. № 14.

Гласность, ее сущность и условия (Ответ девяти гласным Московской Думы). № 25.

Гласность, ее сущность и условия (Ответ девяти гласным Московской Думы). № 39.

Гласность, ее сущность и условия (Ответ девяти гласным Московской Думы). № 40.

Пример несостоятельности и вреда полуофициальных изданий. № 118.

Пример несостоятельности и вреда полуофициальных изданий. № 122.

По поводу проекта нового устава о печати. № 266.

Заметка по поводу штрафов, уплаченных Московскими Ведомостями Цензурному комитету. № 267.

1865 год

Вред предварительной цензуры. № 12.

Вред предварительной цензуры. № 13.

Выгодна ли для Московских Ведомостей привилегия казенных объявлений. № 24.

Проект нового устава о печати и его противники. Положение печати в России. № 44.

Вправе ли французское правительство разрешать или запрещать издание французских книг в русском переводе? № 50.

Истинный смысл свободы печати. № 64.

Несомненное право М. О. Вольфа на издание в русском переводе «Жизни Ю. Цезаря». № 68.

Необходимость предоставления дворянским и земским собраниям свободы печатания сведений о своих заседаниях. № 69.

Добросовестность «русских» заграничных изданий. № 154.

Система обмана вокруг русских дел. № 171.

О правительственной субсидии Голосу. № 187.

Вступление в силу нового закона о печати. № 190.

Заметка, приветствующая освобождение газеты от предварительной цензуры. № 193.

Свобода печати теряет значение при системе субсидий. № 195.

Факт получения субсидии Голосом компрометирует правительство. № 204.

Неосновательность предостережения, полученного С.-Петербургскими Ведомостями. № 208.

Факт получения субсидии Голосом компрометирует правительство. № 210.

Ответ на обвинение Биржевых Ведомостей в возвышении платы за печатание казенных объявлений. № 227.

Правильное понимание слова «орган» по отношению к газете и солидарность ведомства с тою газетой, которую оно избрало своим органом. № 232.

Разъяснение обязанностей газеты относительно печатания возражений и поправок от частных лиц. № 233.

Полемическая заметка против С.-Петербургских Ведомостей. № 244.

Вопрос о печатании судебных публикаций в русской, французской и немецкой газете. № 244.

1866 год

По поводу привлечения к суду издателя Голоса за несколько строк о раскольниках. № 13.

Значение деятельности Московских Ведомостей. № 65.

По поводу получения Московскими Ведомостями предостережения через полицию. № 69.

Распространение фальшивых понятий о России и о русском правительстве газетою Отголоски Русской Печати, издаваемой в Брюсселе бароном Фирксом (Шедо-Ферроти), русским правительственным агентом и на средства русских покровителей. № 74.

Объяснение с Главным Управлением по делам печати. № 81.

Сравнение статей де-Мазада в *Revue des deux Mondes* и петербургского социалиста Ю. Ж. в *Современнике*. № 83.

Нападки на Московские Ведомости журналов: *Journal des Debats*, *Le Nord*, *Современника* и *Голоса* за обсуждение интересов России с русской национальной точки зрения. № 89.

Ответ Голосу по поводу законного права всякой редакции продолжать три месяца издание по объявлении не принятого предостережения. № 95.

Распоряжение министра внутренних дел. От издателей. От временного редактора. № 99.

Извещение Московского Цензурного Комитета о дозволении продолжать издание Московских Ведомостей. От издателей. Выражение благодарности профессору Любимову и лицам разных сословий выразившим сочувствие коллективными письмами. № 132.

Распоряжение министра Внутренних Дел, касающееся возобновления издания Московских Ведомостей и дополнительная заметка редакции. № 134.

Право публичного обсуждения государственных вопросов есть служение государственное во всей силе этого слова. № 151.

Русская независимая печать и общественное мнение. № 160.

Рвение *St.-Petersburger Zeitung* к интересам Пруссии и беспомощность России по петербургским корреспонденциям ч. X в *Le Nord*. № 165.

Защита интересов Пруссии газетою *Le Nord*, издаваемою на русские казенные деньги. Оригинальность этого явления. № 185.

О почтовой цензуре, нарушающей законные права редакторов Московских Ведомостей. № 191.

Кто таинственные авторы литографированного издания *Correspondence russe*. № 193.

Дело в петербургском окружном суде о статье г. Ю. Жуковского в *Современнике*. № 199.

По поводу гневных выходок газеты *Весть*. № 205.

Советы по Восточному вопросу газеты *Весть*. № 210.

Советы газеты *Весть* воздерживаться от участия в европейских делах, сократить расходы по военному ведомству и не вводить поземельного налога. № 215.

Общественное мнение и общественная нравственность. Нападки на редакторов Московских Ведомостей газет *Голос* и *Весть*. № 217.

Разница между словами «официозный» и «официальный». Уважение к мнению своей страны. № 228.

Нигилизма 61 и 62 года и консерватизм 66 года есть одна и та же сила. № 243.

Взгляды и направление газеты Весть. № 245.

Взгляды и направление газеты Весть. № 251.

Неловкая перепечатка Виленского Вестника из Биржевых Ведомостей. № 268.

Ответ Рижской газете на ее замечания по поводу заметки Современной Летописи о секте баптистов. № 268.

1867 год

Газета Весть и Петербургская консервативная партия. № 59.

Газета Весть и Петербургская консервативная партия. № 63.

Газета Весть и Петербургская консервативная партия. № 73.

По поводу предостережения газете Москва. № 151.

Ограничение гласности земских, дворянских и городских собраний. № 173.

Ограничение гласности земских, дворянских и городских собраний. № 189.

Несостоятельность системы правительственных предостережений. Признаки возвращения печати к прежнему стесненному положению. № 203.

Предостережение Голосу за порицание политики Наполеона III. № 239.

1868 год

Мистификация Journal de St.-Petersbourg относительно роли Московских Ведомостей по вопросу о русско-прусском союзе. № 20.

Фальшивое настроение в публике, поддерживаемое Голосом и одною петербургскою газетою, читаемою на казенный счет. № 23.

Узаконения 13-го июня 1867 года о порядке печатания постановлений и отчетов земских дворянских и городских собраний. № 45.

Чрезмерная свобода печати для органов антинационального направления. № 48.

Ответ Новому Времени по вопросу о нетерпимости. № 74.

Польские тенденции Вести и Нового Времени. № 105.

Правительственные пособия в печати. № 170.

По поводу оправдания И. С. Аксакова. № 220.

Речь г. Скарятин, издателя газеты Весть. № 221.

Речь г. Скарятин, издателя газеты Весть. № 224.

Обвинение Московских Ведомостей газетою Вестъ в колебании государственного порядка и нигилизма. № 240.

Письмо князя Волконского и г. Офросимова по поводу манифеста газеты Вестъ. № 253.

Ответ г. Спичакову на статью в газете Вестъ. № 256.

Что такое демагогия. (Мнение газеты Вестъ, краковского Часа и Norddeutsche Allgemeine Zeitung). № 271.

Полемика с Рижскою Газетою по вопросу о тенденциях бывшего ее редактора г. Эккарта и фон-Сиверса. № 275.

По поводу манифеста консервативной партии, опубликованного Вестью. № 281.

1869 год

Нарушение Московскими Ведомостями цензурных запрещений. № 18.

Дело Минкевича и корреспонденция из Вильны, не опровергнутые официальными сообщениями. № 48.

Центральное агентство, учрежденное польской эмиграцией в Париже. № 54.

Давность национальной идеи. № 61.

Второе предостережение, полученное газетою St.-Petersburger Zeitung. № 165.

Значение цензуры. Духовная цензура. № 178.

Судебное преследование издателя Киевлянина, газеты издаваемой под цензурой. № 194.

Права, данные русскому гражданину законом о печати 6 апреля 1865 г. № 202.

Ответственность за содержание статей, помещаемых в повременных изданиях. № 216.

Попытка Бисмарка приобрести голос Московских Ведомостей. № 246.

Привилегия Московских Ведомостей. № 250.

Попытка Бисмарка приобрести голос Московских Ведомостей. № 263.

Направление цензурного журнала Дело. № 270.

Попытка Бисмарка приобрести голос Московских Ведомостей. № 274.

Попытка Бисмарка приобрести голос Московских Ведомостей. № 282.

1870 год

По поводу предостережения от Министра Внутренних Дел. № 8.

Отношения Московских Ведомостей к Московскому Университету. № 11.

Либеральная цензура. № 14.

Изобличение лжеконсерваторов в двуличности. № 15.

Ответ друзьям по поводу объяснения о распоряжении г. Министра Внутренних дел. № 20.

Польза от предварительного обсуждения в печати предполагаемого законодательного акта. (Отповедь газете Весть). № 24.

О духовной цензуре. № 28.

Несовершенство существующего закона о печати. № 33.

По поводу указа об установлении наказания за оглашение в печати сведений обнаруживаемых предварительным следствием. № 46.

О духовной цензуре. № 65.

Деятельность холмских лже-консерваторов. (Газета Весть). № 76.

По поводу указа об установлении наказания за оглашение в печати сведений обнаруживаемых предварительным следствием. № 107.

Запрещение цензурою «Записки о новой и древней России» Карамзина. № 278.

1871 год

Право органов гласности сообщать публике сведения о деятельности правительственных учреждений и границы пользования этим правом. № 56.

Нападки немецкой печати на Московские Ведомости за статьи об Австро-Германских переговорах. Польза основания в Балтийских губерниях печатного органа на немецком языке, преданного интересам России. № 202.

Предостережение, полученное Русским Миром за статью о положении русской армии. Сопоставление строгости этой меры с снисходительностью к нападкам на учебную реформу. № 250.

Ответ Современным Известиям на личные нападки. № 252.

Ответ Петербургским Ведомостям на личные нападки. № 257.

Примечания

¹ Собрание передовых статей «Московских Ведомостей» 1863–1887. Изд. С. П. Катковой. М., 1897–1898.

Важно подчеркнуть авторство М. Н. Каткова. Оно носило не формальный, внешний характер, выражающийся обычно подписью автора. Передовые статьи в газетах не подписываются. Но идейно, содержательно они все принадлежат издателю газеты. Вот как об этом было написано в самой газете и повторено в первом томе собрания передовых статей. «Всякая статья, имеющая значение, пишется не только по мысли, но прямо со слов издателя, и ни одна статья не проходит без его проверки и переработки, причем написанная статья нередко исчезает и на полях

корректуры появляется новая. <...> Даже в отсутствие издателя, редакционные статьи посылаются к нему, и печатаются не иначе как по его корректуре» (Московские Ведомости. 1884. № 67).

² Рубрикация принадлежит составителям 25-томного издания передовых статей «Московских Ведомостей». Деление на рубрики (как и всякое деление) условно, о чем не следует забывать, особенно переходя к обобщениям и выводам. Так, всего две публикации под рубрикой «Литература» вполне могут быть объединены с показателем рубрики «Литература, наука и искусство», что в сумме дает уже цифру 23. Разделенная на подрубрики «Иностранная политика» (к примеру, «Иностранная политика. Северо-Американская междуусобная война», «Иностранная политика. Обзорение иностранной политики», «Иностранная политика. Дипломатическая кампания западных держав против России по Польскому вопросу» и т. п.) в своем единстве достигает внушительных размеров – 1258 и составляет треть всех публикаций.

³ М. Н. Катков и его историческая заслуга. По документам и личным воспоминаниям Н. А. Любимова. С портретом и факсимиле. М., 1889. С. 239. Нечто подобное уже было в истории. Мы говорим о первой российской печатной газете, которую Петр I намеревался наделить качествами «государственной инстанции». В определенном смысле пока ею руководил император, это удавалось, несмотря на полное отсутствие общественного мнения.

⁴ Вместилище (лат.).

⁵ Собрание передовых статей «Московских Ведомостей» 1863–1887. Изд. С. П. Катковой. М., 1897. Т. 1. С. 579–580.

⁶ Там же. С. 29.

⁷ Там же. С. 732.

⁸ Там же.

⁹ М. Н. Катков и его историческая заслуга. По документам и личным воспоминаниям Н. А. Любимова. С портретом и факсимиле. М., 1889. С. 238.

¹⁰ Собрание передовых статей «Московских Ведомостей» 1863–1887. Изд. С. П. Катковой. М., 1897. Т. 1. С. 402.

¹¹ Там же. С. 784.

¹² Там же. Т. 4. С. 343.

E. V. Letenkov

e.letenkov@spbu.ru

M.N. Katkov about of contemporary domestic periodicals. 1863-1872 .
(Source study reference).

Abstract: The article describes the role of mass media in society, its importance in the formation of public opinion was reflected in the materials of the newspaper "Moskovskie vedomosti".

Keywords: M.N. Katkov, source, history of journalism, "Moskovskie vedomosti", the problem of press freedom.

М. В. Брянцев

**ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА НИКОЛАЯ II
В НАРОДНОЙ СРЕДЕ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.
(по материалам
Государственного архива Брянской области)**

Аннотация: на основе привлеченных материалов Государственного архива Брянской области, автор прослеживает эволюцию образа Николая II в период Первой мировой войны и показывает процесс де-сакрализации образа последнего русского царя в сознании коренного русского населения. Отмечается, что важную роль в этом сыграли не только объективные факторы, связанные с поражениями в ходе войны, но и личностные качества Николая II.

Ключевые слова: образ, Николай II, царь, население, рабочие, крестьяне, Первая мировая война.

Образ монарха в России всегда носил сакральный характер¹. И в конце XIX – начале XX в. власть монарха осуществлялась «милостью Божьей», но она определялась секуляризационной теорией естественного права об «общем благе». Вместе с тем кризис самодержавия последней четверти XIX в. показал не только изменение традиционных ценностей и воззрений, но и породил непоследовательность в правлении последнего царя. Несомненно, что все это определило и изменение отношения к образу монарха в народной среде. Николай II не казался достойным наследником не только Петра I и Николая I, но и своего отца – Александра III. Мужчина огромного роста с грубыми манерами, Александр III, в сознании народа казался воплощением истинного «мужицкого царя». Николай II был полной

Брянцев
Михаил
Васильевич
Доктор
исторических наук,
профессор,
Кафедра теории и истории
государства и права
Юридический факультет
Брянский
государственный
университет

противоположностью: невысокого роста, застенчивый, он уверенно чувствовал себя только в кругу семьи.

Несмотря на многие несовпадения, Николай II все же пытался подражать своему богоподобному отцу, заявив, что он будет «охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно», как его родитель. Однако для современников было очевидно, что значимость этих фигур явно несоизмерима. Несмотря на то, что ореол венценосца окончательно еще не погас, отношение общества к царю постепенно менялось. И если об изменении отношения в образованном обществе осталось много свидетельств в материалах правящих кругов и элиты общества, то в народной среде отношение к образу последнего проследить труднее. В этой связи большую ценность представляют документы полицейских и жандармских органов.

В двух фондах Государственного архива Брянской области нами обнаружены материалы, отражающие отношение жителей г. Брянска и Брянского уезда к особе государя императора в конце XIX начале XX в. Это донесения, рапорты и материалы расследований, отложившиеся в фондах помощника начальника Орловского губернского жандармского управления в Брянском и Карачевском уездах (Ф. 376) и Брянского уездного полицейского управления (Ф. 523). Значимость этих материалов возрастает в связи с тем, что в Брянск, как промышленный центр, шли крестьяне разных губерний, т. е. представления о личности императора были отражением взглядов не только жителей Брянска и Брянского уезда, а и иных, прежде всего, близлежащих губерний: Калужской и Смоленской.

Мемуаристы отмечают, что многие прощали Николаю II лишь в память отца, которого почитали, как простого, хозяйственного, а главное – русского царя. Впрочем это не мешало им подсмеиваться над императором. Как вспоминает Ю. А. Бахрушин, тогда по рукам ходила карикатура: «На рисунке была изображена огромная нога в калоше, принадлежавшая кому-то, ушедшему за обрез листа. Нога оставила огромные следы на всем поле рисунка. И вот, тщетно стараясь попасть в эти следы, следовала тщедушная щупленькая фигурка Николая II с маленькими поджарыми ножками. А под рисунком была надпись "по стопам незабвенного родителя"»². Непривлекательность образа Николая II в сравнении с предшествующими правителями явно осознавалась и у простонародья. В 1902 г. рабочий Брянских механических мастерских Н. А. Кирюхин, касаясь личностей покойных государей Александра II и Александра III, выразился, что «теперешний государь не похож на своих предшественников»³.

Николай II, явно осознавая падение привлекательности монархии в глазах народа, пытался изменить ситуацию, сделав ставку на наивный монархизм крестьянства⁴. В поисках народной поддержки Николай пытался уменьшить пропасть между императором и его подданными. Однако она не только не уменьшалась, но и постепенно расширялась, грозя поглотить

русскую монархию, и не последнюю роль в этом играла растущая непривлекательность личности Николая II в народной среде.

Несмотря на то, что в историографии отмечается, что в отношении образа монарха переломными стали годы революции 1905–1907 гг., первые нотки недовольства новым императором обнаружились в крестьянской среде уже в самом начале его правления. Так, при принятии присяги Николаю II осенью 1894 г. крестьянин д. Лутовиновки Брянского уезда, отставной рядовой Харитон Савостьянов публично произнес: «а за что я Ему буду присягать тысяча его матери, ведь он меня хлебом не кормит»⁵. Слова, сказанные в состоянии алкогольного опьянения, отразили недовольство конкретного человека не только всей властной системой, но и лично тем, кто олицетворял эту систему – императором. Обращает внимание то, что донос совершил не староста, впоследствии заявлявший, что конкретных выражений он не помнит, а односельчанин А. Устинов. Характеризуя последнего, староста замечал, что он «постоянно пьянствует и возбуждает постоянно всякого рода дела без всякой причины. В обществе крестьянин Устинов доверием и расположением не пользуется»⁶. Очевидно, что в словах старосты отражается понимание ситуации крестьянским обществом: дело-то пустяшное, чего только спьяну не скажет человек. Примечательно, что крестьяне осуждают доносчика, а не того, кто сказал хулительные слова в адрес императора.

Довольно часто неприятие нового императора было связано с обстоятельствами личной жизни. Жизненные неудачи заставляли скептически относиться ко всему окружающему, в том числе и к особе царя, тем более, что Николай II даже внешне не вызывал уважения. Однако было бы вовсе неверным говорить о всеобщем неуважении к личности царя; в крестьянстве сохранялось обожание и почитание носителя верховной власти. Так, 28 ноября 1895 г. в трактире купца Ф. И. Жуковского при станции Жуковка крестьянин д. Далоки Фощанской волости Брянского уезда Даниил Суренин высказал свое сочувствие к новому Государю Николаю II, запев вслух «Боже царя храни», на что крестьянин д. Месковичи той же волости А. Е. Степачев произнес «дерзкие оскорбительные слова в адрес императора и его супруги». Он «несколько раз публично и вслух отвечал следующими дерзко матерными словами: "мать твою в..." с Государем и Государыней, не переставая повторять эти дерзкие слова...», – отмечалось в полицейском отчете⁷. Причем эту дерзость нельзя списать на пьяное состояние крестьянина. По показаниям «Степачев был несколько выпивши вина, но не пьян», т. е. можно говорить о вполне осознанном поведении.

Нередко поводом к проявлению критических высказываний являлись обычные жизненные ситуации. Летом 1896 г. ссорились из-за покоса крестьяне д. Немиричь Брянского уезда. В доносе, поданном 4 августа приставу 4 стана, крестьянин Ф. Р. Журин заявил, что 30 июля в ссоре с крестьянином той деревни Т. М. Степанковым «последний его назвал слугою не

царя, а "кабеля"». Журин обругал Степанкова «гадостью» и заметил ему, что он не в праве с ним ругаться, так как он служил Богу и Царю, Степанков ответил «что ты служил не Царю, а кобелю». По показаниям сельского старосты этой деревни И. П. Грипенкова – оба крестьянина были пьяны, впрочем, как и все крестьяне, косившие луг. Примечательно в этих показаниях то, что староста передал ссору в следующих словах: Журин заметил Степанкову, что «ты служил не солдатом, а кобелем». Причем он вовсе не считал это выражение оскорбительным⁸. Несомненно, что такое выражение было весьма распространено среди населения и в более позднее время. Так, 19 января 1910 г. зауряд прапорщик 143 пехотного Дорогобужского полка, «временно проживающий в деревне Долгое Салынской волости», Г. И. Семякин заявил приставу 4 стана Брянского уезда о том, что он в деревне встретился с брянским мещанином Н. Н. Головачевым, с которым за что-то поссорился, причем Головачев Семякину сказал: «ты собака и собаке служишь»⁹. 7 июля 1916 г. пристав 4 стана доносил Брянскому уездному исправнику, что крестьянин д. Струговны Овстугской волости Брянского уезда Ф. И. Рославльцев заявил об оскорблении императора, совершенном в мае этого же года в д. Струговне крестьянином той же деревни И. Н. Эмановым, выразившегося на Рославльцева: «Ты не Царю служишь, а кобелю». В этой ситуации поводом к возникшей ссоре стала зависть одного односельчанина к богатству другого.

Из показаний Ф. И. Рославльцева следует, что в деревне был созван сход для обсуждения некоторых общественных вопросов; «до открытия схода я с односельчанином крестьянином Игнатом Николаевым Эмановым завел разговор относительно купленной им земли и вообще относительно его богатства, во время этого разговора у нас с ним возникла ссора, во время которой я сказал, если бы я пять лет не служил царю, а жил дома, то заработал бы 500 рублей и купил бы также себе земли и если бы ты, обращаясь к Эманову, не хуже меня послужил бы столько, сколько я, был бы не богаче меня. На это Эманов крикнул, обращаясь ко мне: "Ты не царю служил, а кобелю"». Были свидетели. Рославльцев открыто предупредил Эманова, «что за оскорбление Его Величества он будет привлечен к ответственности»¹⁰.

Зависть к чужому достатку стала поводом к произнесению непотребных слов в отношении государя рабочими Брянского завода. В 1896 г. отставной рядовой села Любохна А. Ф. Буцкин, работавший в вагонной мастерской, пошел в чугунолитейную мастерскую, где находился куб с горячей водой, чтобы заварить чай. Там же работали его знакомые: односельчанин А. В. Сорачев и житель с. Дятьково В. И. Виноградов, «где между ними произошел разговор кто богат и кто беден, тогда Сорачев и говорит на Буцкина, для чего ты работаешь. У тебя и так денег пропасть и детей то нет, тогда Буцкин на это Сорачеву ответил, а тебе кто виноват, что у тебя денег нет, ты тут своим языком

служишь черту, а я по крайней мере служил Государю и отечеству, тогда Сорачев в ответ сказал на Буцкина "нет ты служил черту, а не государю"¹¹. Виноградов подтвердил, показав, что Сорачев говорил Буцкину: «Нажил много денег, дом и хозяйство и живет скупой, когда же он Буцкин возразил, что он служил Богу и Государю усердно поэтому и нажил денег, то Сорачев сказал: "ты черту служил, а не государю", а больше всего сидел дома...». Сорачев так же говорил: «Хорошо тебе наживать состояние, когда у тебя нет семьи, а у меня семья большая»¹².

3 июня 1916 г. пристав 5 стана доносил Брянскому уездному исправнику: «3 сего июня крестьянка Брянского уезда Овстугской волости Варвара Александрова Милошевская, живущая в поселке Жуковка заявила, что 1 сего же июня Вилижский мещанин Абель Евлев Этинген, живущий при том же поселке, на слова заявительницы: «Муж мой служит "Царю", ответил: черту он служит, а не "Царю"»¹³. Очевидно, что в подобных высказываниях не было никакого осознанного проявления недовольства. Конкретные ситуации, приводившие к противоречиям, вызывали не совсем адекватную форму выражения, которой крестьяне зачастую не придавали никакого значения. Это понимали официальные власти и часто дознаний по таким делам вовсе не производили.

Дестабилизация в обществе начала XX в. нашла отражение и в отношении к особе государя. Значительная часть молодых людей прониклась радикализмом, одобряя развернувшийся в стране террор. Так, в 1902 г. крестьянин Трубчевского уезда Николай Лешков донес на своего зятя Н. А. Кирюхина, работавшего в механической мастерской в г. Брянске. Между родственниками произошла ссора, имевшая своим основанием не только бытовую подоплеку (по словам Н. Лешкова, Кирюхин пьянствовал и плохо обращался с женой), но и мировоззренческую – люди разных поколений по-разному смотрели на жизнь. Молодого рабочего, окончившего 1 класс Брянского городского училища и являвшегося квалифицированным токарем с приличной для Брянска зарплатой в 40-50 рублей в месяц, многое не устраивало в жизни, что и отразилось в ссоре с тестем. Молодой рабочий, Н. А. Кирюхин, проявлял стихийный атеизм. На упреки тестя и увещания исправиться и помолиться он отвечал: «Не стану молиться этим доскам». Политические воззрения рабочего сложно определить из материалов дела, но очевидно, что у него имелись определенные знания и начатки критического взгляда на жизнь, на права и свободы. Он, очевидно, имел некоторые сведения о положении рабочих за границей и задумывался о своем положении, мечтая «поставить» русских рабочих «в те же условия, в каких они находятся за границей». Недовольный своей судьбой, Кирюхин явно с симпатией относился к террору, развязанному эсерами, в частности к убийству 2 апреля 1902 г. министра внутренних дел Д. С. Сипягина. Своему тестю он заявил: «Убили Министра, поделом ему, нужно убить и Царя, не дающего нам свободу»¹⁴.

Вполне возможно, что на взгляды Кирюхина, как и других рабочих г. Брянска, особенно молодых, оказали члены образовавшегося в 1901 г. на Брянском заводе тайного демократического кружка, в который вошел «доктор Гурович, вольноопределяющие: Жарковский, брат жены купца Веницкого Ганцкоки, гимназистки: Факторович, Раицкая и еще другие», сын мыловара Рабиновича, типографский наборщик Быковцев, портниха Носоводова, конторщик на Радицком заводе Степанов, рабочий Брянского завода Тихон Недельман, который являлся главным в кружке. Кружку, по слухам, деньгами помогал студент Васильев¹⁵.

В марте 1902 г. члены кружка были арестованы, но их деятельность на волне общего недовольства получила сочувствие у населения. Так, крестьянин с. Супонева по имени Родион, работавший прежде на Брянском заводе в г. Екатеринославе, в разговоре с парикмахером К. Ф. Ретевых о лицах, арестованных 10-11 марта в г. Брянске, заметил: «"чего добиваются, того и добьются", причем пояснил, что в России должен быть такой же образ правления, как во Франции, т. е. республиканский»¹⁶. Ретевых дополнил, что крестьянин Родион «резко выражал свое недовольство существующими порядками главным образом заводским начальством, причем приводил в пример Францию, где ничего подобного тому, что бывает в России встретить нельзя»¹⁷.

Уже в начале XX столетия в сознание части рабочих стали проникать идеи республиканского устройства государства, которое, вероятно, виделось в качестве наиболее приемлемой формы политической организации. Так, на сходке, состоявшейся в ночь со 2 на 3 июля 1905 г. в овраге близ Брянска собралось более 100 человек социал-демократов. Оратором был слесарь Брянского арсенала А. Богатырев, который объяснял «про старинное правление Русского государства, что тогда люди сами собою управляли и сами себе князей выбирали, напоминая как это было в Новгороде в 862 году, так и теперь надо Кольку (т. е. Государя) долой, как не умеющего управлять государством и выбрать правление через народных представителей»¹⁸. Эти дела показывают, что недовольство существующим режимом активно проникало в рабочую среду, и эталонной формой будущего России оказывалась республиканская Франция или же Новгородская республика.

Знакомство с политическими и государственными порядками в других странах, истинная ситуация в России, вероятно, приходили к рабочим через революционную пропаганду и подпольные издания, получавшие все большее распространение. В январе 1904 г. швейцар трактира Земцова в Привокзальной слободе г. Брянска Г. Пилюгин и мастеровой с. Радицы И. Гапонов заявили, что крестьянин С. И. Кондарев, будучи в трактире, дал им и по брошюре подпольного издания под названием «Воля царя и воля народа»¹⁹. Книгу Г. Пилюгин передал жандармскому унтер-офицеру Коболеву.

Примечательна сама фигура 27-летнего Кондарева, крестьянина по происхождению. Приписанный в с. Петровский завод Бытошевской волости Брянского уезда, он постоянно жил в с. Чугунная Радица и числился в ратниках ополчения II разряда. Причем определенных занятий не имел, живя на средства матери, которая собирала милостыню. Будучи грамотным (он закончил в 1891 г. курс начального училища), С. И. Кондарев в 1903 г. привлекался к дознанию за распространение на Брянском заводе брошюр «преступного содержания с разбрасыванием воззваний привлекающих рабочих Брянского завода отпраздновать 1 мая забастовкой и демонстрациями политического характера»²⁰. Вероятно, сам Кондарев считал себя профессиональным революционером. При обыске в с. Чугунная Радица была обнаружена его записная книжка со стихами, среди которых имелаась «Марсельеза». По этому делу Кондарев был заключен в Брянскую уездную тюрьму²¹.

Значительно радикальнее стало поведение рабочих после опубликования Манифеста 17 октября. Уже 21 октября «на Брянском заводе мастеровые открыто начали устраивать митинги, сборища и демонстративные шествия по улицам с красными и черными флагами, причем шествия эти сопровождались пением революционных песен»²². В январе 1906 г. пристав 1 стана Брянского уезда Конашевич доносил на основании сведений, предоставленных старостой Комасиным, что «крестьяне с. Елисевиц, работающие в Брянском заводе, ведут себя непозволительно, самые из них главари, так называемые ораторы Гавриил Михайлов Сидоров (предводитель), Петр Васильев Зубачев и Федор Захаров Тиханков, которые заставляют его (*старосту*. – М. Б.) собрать сходку и имеют своего десятского Петра Зубачева, который сгоняет на сходку и на сходке кричат долой САМОДЕРЖАВИЕ, Министров-воров и все начальство, объясняют крестьянам рубить леса, забирать землю, так как все наше, требуя составлять приговоры и прикладывать печати, в чем им отказывает он староста».

26 декабря была собрана сходка Сидоровым, Зубачевым и Тиханковым где были крестьяне соседних деревень, собиравшие сходку кричали «долой САМОДЕРЖАВИЕ, долой начальство и не платить податей и выбирать все свое начальство».

В ходе дознания крестьянин с. Елисеевич В. В. Азаров заявил, что «в его хате сборная и в эту хату собираются на сходки и как-то раз собрались в его хату молодежь и, видя что не свои крестьяне, он начал их выпонять, но они не послушались и начали говорить долой Царя, долой Министров и все начальство. Ораторствовал Гавриил Сидоров. Когда же Азаров попросил снять шапки, так как в хате висел портрет Императора, "тогда кто-то из них (*собиравшихся*. – М. Б.) крикнул Мать твою туды с Императором...". Выяснилось также и то, что крестьянам, не желавшим идти на сходку, угрожали расправой»²³. Несомненно, в период событий 1905–1906 гг. значи-

тельная часть населения радикализировалась, и это налагало отпечаток на восприятие особы государя, однако очевидно и другое – в народной среде существовало стойкое предубеждение против революционеров и благолепное отношение к императору. Так, в разгар беспорядков на Брянском заводе в Бежице, рабочие-патриоты (так они подписались), в прошении на имя орловского губернатора писали: «Мы, рабочие, чтя нашего Царя-батюшку и Веру Православную, просим устроить порядок в нашем заводе – в Бежице. Около года, как житья нет от прощальг-революционеров, из-за них – подлецов – пропадаем и мы с семьями, с детишками. Если завод станет, куда деваться в это лихолетье?»²⁴ Обеспокоенные своей судьбой, эти рабочие не только просили, но и указывали конкретных лиц, повинных в беспорядках, выражая свою лояльность существующей системе во главе с «царем-батюшкой».

Распространенной формой проявления недовольства в отношении императора Николая II было использование инвективной лексики. Так, крестьянин Калужской губернии Жиздринского уезда Кургановской волости с. Колпина Н. И. Терехов, служивший котельником в депо ст. Брянск, вечером 26 декабря 1902 г., будучи в гостях у знакомого крестьянина Д. М. Козачкова, в разговоре с последним назвал «государя дураком», причем, когда присутствовавшее при этом разговоре третье лицо, крестьянин Н. Т. Прибоченков, возмущенным выражением Терехова, обратился к Козачкову с требованием, чтобы тот назвал фамилию своего гостя, то Козачков желание Прибоченкова не исполнил, заметив, что «его не только ругать, а следует убить»²⁵.

Здесь обращает на себя внимание то, что, имея одинаковый социальный статус, фигуранты дела по-разному относились к личности монарха. Вероятно, разница в отношении к особе государя зависела от возраста. Козачков был молодой 25-летний крестьянин, работавший столяром в г. Брянске. Очевидно, сказывались на его радикализме и происхождение, и родственные связи, и материальное положение. Козачков родился в Москве в семье дворовых людей. Там у него остался брат Никанор, работавший на фабрике. Материальное положение Козачкова было не ахти каким, он зарабатывал всего 18-20 рублей в месяц, будучи женатым человеком. Вероятно, не последнюю роль сыграло и образование, полученное в церковно-приходской школе²⁶.

Третий участник этого дела, 29 летний Н. И. Терехов, живший в г. Брянске и зарабатывавший до 50 руб. в месяц, был женат и имел двоих детей. Его родственники, мать и один из братьев, жили в пригородах Брянска, а один брат работал слесарем в г. Харькове. Вероятно, Терехов был уже потомственным рабочим. Будучи пьяным, именно он на квартире Казаченкова произнес: «что государь... Государь дурак»²⁷.

Другой случай, связанный с наименованием императора «дураком», был связан с конкретным событием, имевшим большой общественный резонанс. Осенью 1914 г. русские войска, сгруппировавшиеся вокруг Вар-

шавы, противостояли германской армии. Это противостояние означало начало стабилизации Восточного фронта²⁸. Все эти относительные успехи были приписаны главнокомандующему Николаю Николаевичу, противоречия которого с императором были всеобщим достоянием.

Отголоском этих слухов, очевидно, стало дело, открытое в Брянске весной 1915 г. 13 апреля ротмистр Жаврида просил пристава 4 стана Брянского уезда о производстве полицейского дознания. Суть дела заключалась в том, что 24 марта 1915 г. в д. Дорогино Брянского уезда 46-летний Е. П. Евтишенков, отбывавший действительную службу в 31 пехотном Алексопольском полку рядовым, произнес публично на улице: «Наш царь дурак – хотел было без бою отдать Варшаву германцам». В ходе дознания было установлено, что в разговоре с односельчанами о текущих военных событиях, Евтишенков позволил себе произнести по адресу его императорского величества государя императора: «Наш царь глумной, отдал было Варшаву германцу, спасибо уже Николаю Николаевичу, который хотел за это царю голову снять пашкой и прогнал его, говоря, пошел ты где был, мы без тебя здесь распорядимся»²⁹. Ротмистр Жаврида требовал установить «не было ли оскорбление учинено по неразумию, невежеству или в состоянии опьянения...», а также выяснить: не вызван ли этот оговор враждебным со стороны заявителя отношением к оговоренному и нет ли враждебных отношений к оговариемому и со стороны указанных заявителем свидетелей»³⁰.

Иногда ругательные слова в отношении особы государя были связаны с богохулением. Так, 21 апреля 1904 г. крестьянин Рославльского уезда с. Рогнедино Е. В. Бондарев доносил, что крестьянин Брянского уезда д. Желтоноговичи Д. В. Пичкуров «выражался против православной веры, отвергал Иисуса Христа и Святых Угодников и оскорблял Государя Императора словами», «что государь ни что иное, как Колька винополющик»³¹. Здесь следует обратить внимание не только на богохулительные слова крестьянина, но и на недовольство введением винной монополии. Для крестьянина неважно, кто конкретно является инициатором введения монополии, – за все отвечал император.

В 1910 г. сторож Дубровской земской больницы, крестьянин Тульской губернии Веневского уезда, Федор Жириков на замечания фельдшера Хирковского: «Что ты разбой около казенного здания учиняешь, а ты еще солдат служил на Царской службе, на что Жириков в присутствии жены Хирковского – Прасковьи Михайловой, Буланцева и кухарки, – позволил себе дерзко выразиться, "что мне Царь, кому я служил, какой это Царь, е... его мать, я не признаю ни царя, ни Бога, ни начальства, никого"»³². Кроме этого, по показанию жены Хирковского и кухарки Андрюхиной, Жириков «производил богохульство, ругая Бога, брал свои кальсоны, стряхивал их и затем называл их церковною пеленою, произнося "надо накрыть ими икону"»³³. Следует заметить, что Ф. Жириков был своего рода местным рево-

люционером, в его комнате при Дубровской земской больнице в декабре 1909 г. на «Царский день» «было собрание... лиц неблагонадежных в политическом отношении, во время которого в квартире пелись революционного содержания песни "Мы жертвою пали" и т. д.»³⁴.

22 августа 1916 г. пристав 4 стана Брянского уезда доносил уездному исправнику, что крестьянин д. Стаевой Госомской волости, Брянского уезда К. Г. Симкин, будучи в состоянии опьянения, на предложение своего односельчанина Панфилова снять фуражки, так как в помещении есть иконы и портрет государя, сказал, что «иконам надо глаза повыколооть, а затем, указывая на портрет государя Императора, позволил себе выразиться: "а Николаю голову отломлю"»³⁵.

Некоторые высказывания против особы государя носили явно хулиганский характер. Так, в октябре 1907 г. крестьянин д. Городца Госомской волости, Брянского уезда В. Б. Будретов-Поторский «научал мальчиков кричать: "долой самодержавие, нам Царя не надо" и затем выругал Государя Императора матерным словом»³⁶. Годом раньше, в декабре 1906 г. крестьянин д. Большое Алешино Мещевского уезда, Калужской губернии Я. И. Барсуков, едучи в Карачеве на извозчике, «пел песню, в которой ругал скверноматерною бранью Государя императора и Государыню императрицу Марию Федоровну». Приехав же в публичный дом, «произносил скверноматерную брань против Августейших особ и там»³⁷.

Запасной матрос из крестьян д. Федоровки Салынской волости, Брянского уезда П. Е. Ивашин (Хватин) 9 мая 1909 г. «совершенно в нетрезвом виде зашел на кухню трактира Кирпичникова в поселке Дубровка и без всякой причины начал ругать его императорское величество государя императора матерными словами (е... его мать и е... его мать) – повторяя эти слова несколько раз»³⁸.

26 июня 1909 г. крестьянин с. Снопоть Брянского уезда П. А. Столяров в нетрезвом состоянии в трактире в поселке Жуковка ругал царя матерными словами («какой это царь е... его мать, он мошенник всю Россию ограбил сукин сын»), повторяя эти слова несколько раз³⁹. Очевидно, что в большинстве своем крестьяне, выражавшие недовольство особой государя, прибегали к привычной форме выражения эмоционального состояния, особенно в состоянии опьянения, – мату.

Иногда Николай II попадал под огонь народной критики вкупе с органами власти, особенно Государственной думы. В декабре 1909 г., заведовавший рубкой леса крестьян Смоленской губернии, Красинского уезда, Юровской волости, с. Приленова, Ф. Д. Грибовский, находясь в переполненном доме устовского сельского старосты С. Терехова, «завел разговор про начальство и Государственную Думу, во время которого Грибовский первоначально стал ругать черным словом Государственную Думу, высказываясь, что они много получают денег, затем разговор перенес на Священную особу Его императорского Величества Государя Императора,

против которого позволил себе в то же время дерзко выразиться: Вот царь получает много денег, а за что и сам не знает, при этом выругал батюшку Царя самой неприличной площадной матерной бранью»⁴⁰. Хотя, в целом, отношение народа к Государственной думе было безразличным: «К деятельности Государственной Думы рабочий класс заводского поселка относится индифферентно, полагая, что Государственная Дума 3 созыва не сделает ничего полезного к улучшению быта рабочего класса населения и для крестьян в особенности», – доносил помощник пристава Брянского завода в 1908 г.⁴¹

Некоторые дела возникали из-за произвольного толкования слов и поведения представителями местной власти. Так, летом 1895 г. во время продажи овец за недоимки у крестьян д. Студенец, Воронковской волости, Брянского уезда Один из крестьян якобы произнес слова: «Что в настоящее время не чувствует ни начальства ни государя»⁴². Волостной старшина Бочаров отнес эти слова «к непризнанию им, Винокуровым, законных властей и государя, что подтвердил Винокуров. Однако крестьяне этой же деревни указали, что первоначально эти слова сказал сам Бочаров, а Винокуров лишь только их подтвердил.

Итак, на протяжении всего царствования последнего императора, несмотря на его попытку сохранить облик крестьянского царя, притягательность личности Николая II терялась. Все неурядицы, изменения в обществе, нарушавшие традиционный уклад жизни, воспринимались через призму ослабления царской власти, что было неприемлемо для русского человека. В народной среде недовольство императором проявлялось в определенных моменты жизни и часто в состоянии опьянения, когда жизненные проблемы приобретали наиболее острые формы. Часто неприятие к личности последнего царя выражалось не только в состоянии алкогольного опьянения, но и лицами определенно маргинальными, например, отставными солдатами, рабочими, потерявшими рабочее место, или же революционизированными личностями.

В крестьянской среде отношение к Николаю II было значительно сложнее: одно дело крестьяне-земледельцы, живущие безвыездно в своих селах, и другое – те, кто вкусил «городской» жизни. И, если для первых была традиционно характерна глубокая вера в сакральность личности царя (они искренне верили, что «наш-то Государь никого не обидит!»), то другие начинали воспринимать не только культурные нормы городского населения, но и пропитываться духом сомнения относительно личности императора.

Следует заметить, что переоценка личности императора во многом носила интуитивный характер. Однако, несмотря на это, все же становится очевидным постепенное нарастание критицизма и недовольства личностью самого Николая II, сакральность образа которого явно терялась. Все

неудачи, непорядки в системе управления, поражения в войне связывались с носителем верховной власти – императором.

Примечания

¹ См.: Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 47-153; Российская монархия: вопросы истории и теории. Межвузовский сборник статей, посв. 450-летию учреждения царства в России (1547–1997 гг.). Воронеж, 1998.

² Бахрушин Ю. А. Воспоминания. М., 1994. С. 118.

³ Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 376. Оп. 1. Д. 43. Л. 1-1об.

⁴ См.: Уортман Р. Николай II и образ самодержавия // История СССР. 1991. № 2. С. 119-128.

⁵ ГАБО. Ф. 376. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 10 об.

⁷ Там же. Д. 6. Л. 1 об. А. Степачев – 29 летний молодой человек, вероятно, не отличавшийся благодетелями. В 1892 г. он был привлечен к уголовной ответственности за кражу и вышел из исправительного арестантского отделения только 15 ноября 1894 г., занимался поденными работами.

⁸ Там же. Д. 10. Л. 4.

⁹ Там же. Д. 241. Л. 5.

¹⁰ Там же. Ф. 523. Оп. 1. Д. 947. Л. 5, 5 об.

¹¹ Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 об.

¹² Там же. Л. 8.

¹³ Там же. Ф. 523. Оп. 1. Д. 947. Л. 1.

¹⁴ Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 43. Л. 1-1об.

¹⁵ Там же. Д. 41. Л. 55, 55 об. В протоколе допроса Г. М. Быховцева показал, что ему 27 лет и он мещанин г. Брянска, работает типографским рабочим за 25 рублей в месяц. Женат. Окончил курс Брянского приходского училища, «прекратил всякую нелегальную деятельность из боязни (с 1900 г. после обыска. – М. Б.) ответственности за эту деятельность и еще потому, что меня влекло к спокойной семейной жизни; к тому же здоровье мое настолько пошатнулось, что забота о нем является теперь главной целью моей жизни». К. Ф. Ретевых 37 лет, крестьянин Трубчевского уезда, Красносельской волости, д. Бакачевки. В Брянске имел парикмахерскую.

¹⁶ Там же. Л. 55, 55 об.

¹⁷ Там же. Л. 59, 59 об.

¹⁸ Там же. Д. 80. Л. 1, 1 об.

¹⁹ Там же. Д. 63. Л. 3.

²⁰ Там же. Л. 7.

²¹ Там же. Л. 7 об.

²² Там же. Ф. 523. Оп. 1. Д. 556. Л. 41.

²³ Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 85. Т. 1. Л. 4.

²⁴ Там же. Д. 82. Л. 2, 2 об.

²⁵ Там же. Д. 50. Л. 2, 2 об.

²⁶ Там же. Л. 15, 15 об.

²⁷ Там же. Д. 50. Л. 14.

- ²⁸ См.: Уткин А. И. Первая мировая война. М., 2001. С. 140.
²⁹ ГАБО. Ф. 376. Оп. 1. Д. 301. Л. 1.
³⁰ Там же. Л. 2 об.
³¹ Там же. Ф. 523. Оп. 1. Д. 447. Л. 245.
³² Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 241. Л. 7 об.
³³ Там же. Л. 8.
³⁴ Там же. Л. 7.
³⁵ Там же. Ф. 523. Оп. 1. Д. 947. Л. 7, 7 об.
³⁶ Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 148. Л. 39.
³⁷ Там же. Л. 42 об.
³⁸ Там же. Д. 221. Л. 3, 3 об.
³⁹ Там же. Л. 12, 12 об.
⁴⁰ Там же. Д. 241. Л. 9, 9 об.
⁴¹ Там же. Ф. 523. Оп. 1. Д. 556. Л. 42 об.
⁴² Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 9. Л. 8.

М. V. Bryantsev
bmwbox@mail.ru

Evolution of the image of Nicholas II in people's environments in the late XIX-early XX century (on materials of the State Archives of Bryansk region).

Abstract: on the basis of the materials of the State archive of the Bryansk region, the author traces the evolution of the image of Nicholas II during the First World War and indicates the de-sanctification of the image of the last Russian Tsar in the minds of the indigenous Russian population. States that have played an important role not only objective factors associated with lesions in the course of the war, but also personal qualities of Nicholas II.

Keywords: image, Nicholas II, Tsar of Russia, peoples, workers, peasants, the First World War.

**Е. В. СПЕКТОРСКИЙ.
ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ ЗА ГРАНИЦЕЙ (1904 г.)
(ОТРЫВОК ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ»)***

* Публикация осуществлена при поддержке РГНФ, проект 13-01-00099.

**Михальченко
Сергей
Иванович**

Доктор
исторических наук,
профессор
НИИ фундаменталь-
ных и прикладных
исследований
Брянский
государственный
университет

**Ткаченко
Елена
Викторовна**

Кандидат
исторических наук,
старший
преподаватель
Кафедра трудового,
земельного и экологи-
ческого права
Брянский
государственный
университет

Публикация представляет собой отрывок из неизданных «Воспоминаний» известного русского философа и юриста Е. В. Спекторского (1875–1951 гг.). Мемуары хранятся в Архиве Института Восточной Европы Бременского университета. Отрывок посвящен впечатлениям Спекторского от первого путешествия в Европу, в том числе, от встреч с известными учеными М. М. Ковалевским и Ф. К. Волковым.

Ключевые слова: Е. В. Спекторский, мемуары, М. М. Ковалевский, Ф. К. Волков, путешествия.

Евгений Васильевич Спекторский (1875–1951 гг.) – известный отечественный ученый и общественный деятель начала XX в.¹ Его труды посвящены широкому спектру обществоведческих дисциплин: юриспруденции, истории, социологии, истории литературы². Деятельность Спекторского протекала, в основном, в рамках системы высшего образования – в дореволюционный период он прошел весь путь вузовского преподавателя от магистранта Варшавского университета до ординарного профессора, ректора Университета св. Владимира в Киеве.

Евгений Васильевич Спекторский (1875–1951 гг.) – известный отечественный ученый и общественный деятель начала XX в.¹

Его труды посвящены широкому спектру обществоведческих дисциплин: юриспруденции, истории, социологии, истории литературы².

Деятельность Спекторского протекала, в основном, в рамках системы высшего образования – в дореволюционный период он прошел весь путь вузовского преподавателя от магистранта Варшавского университета до ординарного профессора, ректора Университета св. Владимира в Киеве.

Эмигрировав в 1920 г., Спекторский не только продолжил за границей активную научную работу, но стал одним из организаторов исследовательской и учебной деятельности русской диаспоры – он был среди основателей Русского научного института в Белграде, некоторое время руководил Русским юридическим факультетом в Праге. Научная и организаторская активность Спекторского не прекращалась вплоть до его кончины в США в 1951 г. В различных отечественных и зарубежных архивах хранится немало документов ученого. Но особую ценность представляют его «Воспоминания». Они хранятся в фонде 30.230 (Вонац, Vladimir) архива Института по изучению Восточной Европы Бременского университета в Германии (АИВЕ).

Фонды АИВЕ начали формироваться в позднесоветский период с целью комплектования преимущественно материалов диссидентского движения в СССР и других социалистических странах. Таким образом, документы Спекторского, умершего в 1951 г. и к диссидентам не принадлежавшего, являются, в известной степени, исключением для архива. «Воспоминания» – хранящиеся в пяти коробках листы (пагинация лл. 42-929) тетрадного формата, причем заполнена рукописным текстом только левая половина каждого листа, правая сторона иногда содержит дополнения и исправления, оборот листа пустой. Текст хронологически обнимает собой всю жизнь Спекторского от рождения и происхождения его семьи до начала 1930-х годов, причем текст обрывается на полуслове. Текст содержит множество подробностей как частной жизни Спекторского, так и описание событий эпохи, свидетелем которых он был³.

Предлагаемый отрывок из «Воспоминаний» посвящен началу научной деятельности Спекторского и рассказывает о впечатлениях ученого в 1904 г.⁴

Текст публикуется по рукописи, лл. 146-151, 154-159, 159-160.

По традиции, шедшей еще от времен Петра Великого, при министерстве народного просвещения существовали стипендии для заграничных командировок будущих профессоров. Полезной стороной этих командировок было расширение научного и житейского кругозора молодых ученых. Их недостатком было официальное поощрение научного западничества, что неблагоприятно отражалось на выборе тем для магистерских диссертаций. Размер стипендии (1500 рублей в год, т. е. на 300 рублей больше доцентского содержания) давал возможность жить безбедно за границей. Но стипендии выплачивались не ежемесячно, а по третям, что создавало соблазн преждевременного их израсходования с дальнейшими денежными затруднениями. Я получил командировку 1 января 1902 года и отправился в Париж.

По совету очень любившей заграничные путешествия тети Сони и по ее указаниям я по дороге остановился в Берлине, Кельне и Аахене. Чуть я переехал границу, пассажиры немцы немедленно открыли окна в ваго-

не, несмотря на зиму и ночное время. Меня это поразило, после русской привычки замазывать на зиму окна и уходить из комнат, когда в них на короткое время открывались для проветривания форточки. Кстати, когда Ф. В. Тарановский в Ярославле открыл у себя в комнате зимой форточку, квартирная хозяйка ужаснулась: целый, мол, месяц копили тепло, а он его сразу выпустил! В Берлин я приехал под утро, вышел на станции Фридрихштрассе и увидел две человеческие волны: одна – с озабоченными, нахмуренными лицами молча торопилась на фабрики и в конторы, другая – с криком, пьяными возгласами, непристойными телодвижениями заканчивала ночной кутеж. С Бедкером⁵ в руках я осмотрел все, что полагается путешествующим иностранцам. Пообедал в ресторане зоологического сада. И, так как был воскресный день, то играла музыка, и ресторан был переполнен немецкими семьями, не обедавшими дома, чтобы дать отдохнуть квартирным хозяйкам.

В Берлине я сразу почувствовал всю недостаточность, т. н. пассивность знания иностранных языков. Немецкий язык я изучил по самоучителю. Знал его настолько, что читал в подлиннике немецких философов и государствоведов. Но мой запас слов состоял преимущественно из ученых терминов вроде *Anschauung*⁶, *Verfassung*⁷, *Verwaltung*⁸ и т. п. Разговаривать по-немецки я совсем не мог. На вокзале где-то застрял мой чемодан. Мне сказали, что я должен его искать на товарной станции, по-немецки *Güterbahnhof*, на берлинском же диалекте *Jüterbahnhof*. Мне послышалось *Judenbahnhof*⁹. Это меня удивило. Но еще больше удивило немцев, когда я стал их спрашивать, как пройти к еврейскому вокзалу. Вечером я решил зайти в пивную. Проходя под сводами вокзала Фридрихштрассе, я увидел заведение с громадными зеркальными стеклами и сидящими у окон военными, так хорошо и щеголевато одетыми, что я принял их за офицеров. Решил, что это заведение мне не по карману и пошел искать дальше более скромное. В действительности же это была плебейская пивная Патценгофера, и у окна сидели унтера и фельдфебеля. Перейдя через Шпре, я направился в «локаль» гораздо более скромного вида. В нем оказались кельнерши. Это меня не удивило, ибо в семье Сарандо выписывался добродушный мюнхенский юмористический журнал *Fliegende Blätter*¹⁰, или, как говорила тетка Юлия Константиновна, «гиттерблят», и там постоянно изображались кельнерши. Я оказался единственным гостем, ибо пришел слишком рано для подобного рода заведений. Спросил себе пива. Удивило меня, что все кельнерши тоже стали пить пиво. Когда же одна из них бесцеремонно села ко мне на колени, я понял, что попал не туда, куда полагалось, и расплатился. При этом оказалось, что пили не только за мое здоровье, но и на мой счет. И мне пришлось заплатить гораздо больше, чем, если бы я пошел к Патценгоферу. Потом, когда я лучше ознакомился с немецким бытом, я понял, что попал в т. н. *Animirkneipe mit Schankmam-*

sellen¹¹ и, что почтенные кельнерши, воспетые Шеффелем¹², имеются только в южной Германии, в Пруссии же только в подозрительных заведениях прислуживают женщины, состоящие под специальным врачебно-полицейским наблюдением. Впрочем, во время Bockbiersaison'a¹³ берлинцы пили черное матовое пиво, сидя в ослиных колпаках и крича ju-hu. А прислуживали им якобы кельнерши из Баварии, в действительности же, одетые в баварские национальные костюмы девицы из Моабита, Панкова и других демократических предместий Берлина. Берлин оглушил меня своей шумной колоссальностью. Только потом, живя в нем часто и подолгу и усердно работая в Королевской библиотеке, я познал патриархальную тишину немецкой столицы и, особенно, Шарлоттенбурга с его спокойными улицами, обсаженными деревьями.

В Кельне я, опять по Бедекеру, осмотрел собор и купил у Марии Фаринь¹⁴ флакон одеколona. Резало глаза соседство с собором громадного вокзала с тяжелой массой железа и стекла. И кошунственными показались раздававшиеся с наступлением вечера тут же возле собора, пьяные крики гуляющих туземцев, непристойно пристававших к вертевшимся возле них девицам общедоступного вида.

Осмотревши Аахенский собор, я отправился в Париж. Прямо с вокзала я поехал на rue Berthollet 11 bis, где находился отельчик, рекомендованный мне Ф. В. Тарановским, который в нем останавливался во время выставки. Я поселился в крошечной комнате с видом на глухую стену соседнего дома и начал по Бедекеру осматривать город. В тогдашнем Париже еще не было автомобилей и автобусов. Парижане по утрам читали газеты на ходу. Кучеры омнибусов с имперIALами носили приплюснутые лакированные цилиндры черного или белого цвета. Центрального отопления еще не было в частных домах. Только в Луврском музее из отдушин на паркетных полах выходил теплый воздух. Промерзшие на улицах парижане и парижанки заходили в этот «национальный калорифер» и согревались, стоя на этих отдушинах. Вместо окон были балконные двери, не двойные. Парижане ходили смотреть как на диковинку на выстроенный одним русским дом, у которого были окна с двойными рамами. После Берлина Париж показался невероятно грязным городом с узкими улицами и скучными постройками. Привлекательность «города-света» и, особенно, его esprit¹⁵ обнаруживалась не сразу, но действовала неотразимо. И я всякий раз покидал Париж с сожалением.

Осмотревши город и его достопримечательности, я отправился в русское посольство за рекомендацией для права посещения Национальной библиотеки. Всякий раз, когда я делал этот визит, на меня производила отвратительное впечатление распушенность посольских чиновников и наглый тон, с которым они принимали русских посетителей. В церкви на rue Daru я несколь-

ко раз видел тогдашнего русского посла Извольского¹⁶, чванного и на вид ограниченного человека. В этой же церкви странное впечатление производили дамы, молившиеся по каким-то книжечкам перед золочеными стульчиками.

Осмотревшись в Париже и начав работать в национальной и женевской библиотеках <...>, я отправился к Федору Кондратьевичу Волкову¹⁷. Это был эмигрант, украинец и посему, антисемит, убежденный в виновности Дрейфуса. Он жил на окраине возле парка Монсури, в довольно пустынной местности, где только после войны был устроен университетский городок. Возвращаясь от него по вечерам, приходилось проходить по узким и пустынным улицам, из которых одна носила жуткое название *rue de l'Estrapade* (дыбы). Когда я, заблудившись как-то, подошел к одному прохожему и вежливо спросил его, как пройти к моей улице, тот отскочил от меня. Я рассказал об этом Волкову. И он объяснил мне, что я еще дешево отделался, ибо прохожий мог бы со страха выпалить в меня. Об этом я вспомнил впоследствии, когда после пасхальной заутрени на *rue Daru* я возвращался по пустынным улицам. Вдруг из-за дерева появился подозрительного вида субъект и, слишком близко наступая на меня, спросил, как пройти к какому-то вокзалу. Я что-то ему пробормотал и скорым шагом удалился от него. В другой раз, возвращаясь от Волкова, я опять заблудился и подошел к городовому. Тот указал мне кратчайший путь, но посоветовал не воспользоваться им, а пройти через Монруж и, вообще, по более безопасным улицам. Когда я выразил удивление по поводу перил на слишком комфортабельных, как мне казалось, французских кроватях, Волков мне возразил, что, в отличие от русских бездельников, валяющихся по целым дням на кроватях, французам нужен полный отдых после напряженного трудового дня.

От брака с румынкой у Волкова была дочь. Однажды девочка спросила отца, почему старуха, которая пришла к ним во двор, рылась в мусорном ящике и тут же съела найденные ею там какие-то объедки, ведь это очень невкусно, недоумевало дитя. Волков занимался антропологией, в особенности, эволюцией человеческой ноги. Он считал ошибкой чрезмерное внимание антропологов к строению черепа. Убежденный, что наши праотцы были четырехрукими существами, только постепенно превратившись в двуногих, он искал у человека следы перехода задних рук в ноги. *C'est le pied qui fait l'homme*¹⁸, так резюмировал его исследования Мануврие¹⁹. Я как-то застал у него одного старообрядца, должно быть, тоже из эмигрантов, пришедшего завещать свою ногу музею при *Jardin des plantes*²⁰ для пополнения его коллекции недостающей ногой славянина. Глядя на мою ногу, Волков сказал: «Вы не чистокровный русский». Я признался, что моя мать была швейцарка. Это мне напомнило оперетку Оффенбаха²¹ *La vie de Paris*, где выдаваемый за аристократа сапожник хватается на балу гостей за ноги и интересуется их обувью. После 1905 года Волков

вернулся в Россию и, по протекции Н. М. Могилянского, имевшего касательство к какому-то великому князю, получил службу в музее Императора Александра III. Волков был одним из секретарей М. М. Ковалевского²², собиравших материал для его ученых трудов. Он познакомил меня с ним.

Максим Максимович был добродушный, несколько сумбурный русский барин, то, что французы называли *un boyard russe*²³. У него были хорошие связи среди иностранных социологов и историков, которые пользовались его сочинениями для включения в свои обобщения неизвестного им русского или кавказского материала. Он вел рассеянную жизнь, соединяя с ней довольно усердно научную работу по утрам. В его ученых трудах было много ошибок, отчасти из-за секретарей, не всегда удачно подбиравших для него сырой материал, отчасти по его собственной вине. Так, например, упоминая о монархмах XVI века, он принял греческий глагол μάχομαι т. е. борюсь, за немецкий глагол machen, т. е. делать и с апломбом подчеркнул меткость их наименования монархodelателями. Он любил повторять, что во Франции в старину получавшиеся натурой судебные пошлины именовались *épices*, т. е. бакалейный товар. Он был склонен к подагре. И однажды я застал его с костылями, ибо он, по собственному выражению, пал на ноги. Он жил в Hôtel du Louvre и платил за две комнаты по 17 франков в сутки, сумму по тогдашним временам немалую. Он обласкал меня и произвел на меня впечатление хорошего, хотя и бестолкового русского человека. Впоследствии, уже в эмиграции, встречаясь с моим тезкой Е. В. Аничковым²⁴, я заметил, что своей манерой говорить он сильно подражал Ковалевскому. У Ковалевского я познакомился с французским социологом Рэне Вормсом²⁵, юрким еврейчиком, по-видимому, бывшим при нем чем-то вроде фактора, а также с кн. Барятинским²⁶, просившим его создать *publicité* для предстоящих парижских гастролей его жены артистки Яворской²⁷. У Ковалевского была вилла в Виллафранше. Там его соседом был автор «Свадьбы Кречинского» Сухово-Кобылин²⁸, разрабатывавший по старости лет систему какой-то «разумозрительной» философии. Там же М. М. развлекался со своими приятелями, приезжавшими работать в устроенную на собственные средства киевским профессором Коротневым русскую биологическую станцию. Он, например, держал с ними пари, что зайдет в бакалейную лавку, заставит хозяина открыть для него коробку сардинок, попробует их, забракует и уйдет, ничего не заплатив. Приятели издали с хохотом наблюдали за этой сценой. А бакалейщик, уверенный, что он с избытком наверстает свое, охотно исполнил прихоть богатого клиента. По-видимому, там же М. М. связался с одной смазливой, но мало образованной итальянкой, которая не отставала от него до его смерти. После 1905 года Ковалевский вернулся в Россию, стал профессором политехнического института, был выбран членом государственного совета и издавал газету «Страна», орган художочной партии демогра-

фических реформ. Он убил эту газету, помещая на первой странице пространные статьи о парламенте в средневековой Англии. Он умер как русский человек. Перед смертью говорил: «хочу повидать мать», исповедался, причастился, что почему-то счел нужным опровергнуть в левой печати бывший тогда эсером его секретарь Питирим Сорокин, ныне профессор социологии в Америке. Вообще, Ковалевский не был демагогом. Он это показал, отказавшись подписаться под обвинением русского правительства в устройстве кишиневского еврейского погрома. За это слушатели русской школы социальных наук в Париже, преимущественно евреи, преподнесли ему адрес с выражением своего негодования: «вы, мол, совершили подлость; вы боитесь за судьбу своего харьковского имения и, посему у вас нет мужества протестовать» и т. п. Тем не менее и Ковалевский принимал участие в подрыве русской государственности. В изданной на английском и французском языках книге о политических установлениях России (1903)²⁹ он изобразил русскую власть как «деспотическую». При этом он поддался влиянию польских аристократов, может быть, и Валишевского³⁰ и жаловался на угнетение поляков, непростительно смешивая в одно Северо-Западный край и Царство Польское. И, как видно из масонской энциклопедии на немецком языке, он вместе с московским психиатром Баженовым³¹ насадил в России масонство под эгидой французского Grand Orient³².

Ковалевский рассказывал мне, что, когда он был послан в магистрантскую командировку, он учился в Берлине у Гнейста³³. По окончании семестра, он просил своего патрона посоветовать ему, куда ему ехать дальше учиться. Тот обиделся и сказал: «Никуда не уезжайте, оставайтесь учиться у меня». Но самому Максиму Максимовичу не был чужд научный эгоцентризм. Я был на одной его лекции в русской школе социальных наук, где он опровергал одно приписываемое Марксу утверждение следующим доводом: «Я не помню, чтобы в личных беседах со мной Маркс это говорил». М. М. вместе с Гамбаровым³⁴ был одним из основателей этой школы. В ней он читал лекции по рукописи. В числе преподавателей промелькнул даже и Ленин³⁵. В этой школе я слушал Брандеса³⁶ и Анатоля Леруа-Больё³⁷, уверявшего, что русский народ все еще живет в XVIII столетии, а русская интеллигенция в XXV-ом. Интересны были и лекции Мечникова³⁸ о необходимости и возможности удлинить человеческую жизнь до такого предела, чтобы люди умирали, как ветхозаветные патриархи, полностью насытившись днями. Когда я был в эмиграции, я получил из Нью-Йорка предложение написать статью о Ковалевском для «Энциклопедии социальных наук». Из переписки с редакцией я увидел, что моя характеристика М. М. как только ученого, ее не удовлетворила. И они от себя прибавили нечто политическое³⁹.

М. М. Ковалевский познакомил меня с черногорцем Богишичем⁴⁰. Он был когда-то в Одессе профессором и получил от русского правительства

пенсию за составленный им по поручению этого правительства черногорский законный, довольно любопытный опыт кодификации обычного права. Богишич был богат, ибо владел многими акциями адриатических пароходных обществ. На rue du Bac у него была хорошая библиотека, перевезенная впоследствии на его родину, в Цавтат⁴¹.

<....>

Как в этот мой приезд, так и в позднейшие, моя жизнь в Париже протекала таким образом. Утром я отправлялся в национальную библиотеку. По дороге проходил через весь Луврский музей, отчасти, чтобы не мокнуть дольше, чем можно в дождливую погоду, отчасти, чтобы полюбоваться любимыми картинами и изучить что-нибудь новое. Однажды я убедился, как плохо охраняются музейные сокровища. Я прошел через весь музей с портфелем в руках и удивился, что, кроме меня не было посетителей. Никто из встречавшихся сторожей не остановил меня. Только выйдя на улицу, я вспомнил, что был понедельник, день, когда музей закрыт для публики. Очевидно, сторожа приняли меня за служащего в музее. Но я мог совершенно свободно похитить что-нибудь и вынести портфель. Поэтому я несколько не был удивлен, когда была похищена знаменитая Джоконда⁴². Я был в Париже, когда один журналист, желая показать, как плохо охраняется Лувр, спрятался в одной египетской гробнице и ночью во время обхода сторожей поднял из нее крик. Видел я и тиару Тиссаферна⁴³, признанную учеными-археологами подлинной и купленной за большие деньги, в действительности же искусно подделанную одним еврейчиком из Одессы. В национальной библиотеке я оставался до закрытия, т. е. до четырех часов. Закрывалась она так рано потому, что очевидно из опасения пожара, в ней совсем не было искусственного освещения. Только после войны в нее провели электричество. Я работал в огромном зале с массой всевозможных книг для справок, которые тут же можно было брать с полка. Хуже было с теми книгами, которые получались по заказу. В отличие от берлинской королевской библиотеки, открытой с девяти часов утра до девяти часов вечера, в Париже можно было брать не более четырех книг. Когда я попытался попросить давать мне для просмотра большее число, мне отказали: *le règlement est formel*⁴⁴. Тогда я стал следовать примеру других. Просмотревши четыре книги, я их сдавал, выходил из библиотеки, прогуливался по двору, затем возвращался и, как новый посетитель, опять получал четыре книги. Среди работавших в библиотеке всегда было очень много католических монахов. По залу ходили надсмотрщики в треуголках. Когда я заказал один из немногих уцелевших экземпляров сочинений сожженного Кальвином Сервета⁴⁵, мне предложили сесть ближе к дежурному библиотекаря, чтобы быть под специальным наблюдением.

Хотя я еще не остановился на определенной теме для магистерской диссертации, я очень много читал преимущественно по истории идей.

Примечания

¹ Подробней см.: *Михальченко С. И., Ткаченко Е. В.* Евгений Васильевич Спекторский // Вопросы истории. 2013. № 1. С. 31-53

² См.: Материалы к библиографии работ Евгения Васильевича Спекторского // Спекторский Е. В. Проблема социальной физики в XVII столетии. СПб., 2006. Т. II. С. 513-521.

³ Подробней см.: *Михальченко С. И.* Документы Е. В. Спекторского в Архиве Института Восточной Европы Бременского университета // Отечественные архивы. 2011. № 6. С. 64-68.

⁴ Отдельные части мемуаров публиковались *Михальченко С. И.* ранее: Спекторский Е. В. Воспоминания // Проблемы славяноведения. Брянск, 2010. Вып. 12. С. 303-390; Воспоминания Е. В. Спекторского // Journal of Modern Russian History and Historiography / Univ. of Notre Dame (USA) № 3 (2010). P. 161-199; Polska końca XIX wieku we «wspomnieniach» Evgenja Vaslievicha Spektorskiego // Res historica. Czasopismo Instytutu historii UMCS. Lublin, 2011. № 32. Str. 137-158; Юридический факультет Варшавского университета рубежа XIX–XX веков в «Воспоминаниях» Е. В. Спекторского // Ісці на свято лабірынтамі даўніх падзей: Зборнік памяці Віталя Скалабана. Мінск, 2013. С. 400-431.

⁵ **Бедекер** – название широко распространённых путеводителей по различным странам для путешественников. Название получили по имени немецкого книго-торговца и издателя Карла **Бедекера (Baedeker)** (1801-59), основателя книгоиздательской фирмы в Лейпциге.

⁶ *Нем. созерцание, представление.*

⁷ *Нем. конституция.*

⁸ *Нем. администрация.*

⁹ *Нем. еврейская станция.*

¹⁰ **Fliegende Blätter** («Листовки») – юмористический журнал, издавался в Мюнхене с 1845 по 1944 г.

¹¹ *Нем. искаж. пивная с буфетчицами.*

¹² **Шеффель** Иосиф Виктор фон (Joseph Victor von Scheffel) (1826–1886) – известный немецкий поэт и романист, автор исторических произведений и сборника застольных песен *Gaudeamus* (1867).

¹³ *Нем. сезон крепкого мартовского пива.*

¹⁴ **Мария Фарина** Иоганн (Джованни) (итал. Giovanni **Maria** Farina, нем. Johann **Maria** Farina) (1685–1766) – уроженец Италии, основатель парфюмерной фабрики в Кёльне, создатель одеколона.

¹⁵ *Фр. духа, настроения.*

¹⁶ **Извольский** Александр Петрович (1856–1919) – русский государственный деятель, дипломат. В 1894–97 министр-президент в Ватикане, в 1897 посланник в Белграде, в 1897–99 в Мюнхене, в 1899–1903 в Токио и в 1903–06 в Копенгагене. В 1906–10 министр иностранных дел. В 1910–17 посол в Париже. Видимо, Спекторский видел Извольского во время следующих путешествий в Париж, т. к. в 1901 г. Извольский был послом в Токио.

¹⁷ **Волков** (Вовк) Фёдор Кондратьевич (1847–1918) – российский и украинский

антрополог, этнограф, археолог, общественный деятель.

¹⁸ *Фр. «Ноги делают человека».*

¹⁹ **Манувриэ** (Maouvrier) Леонс Пьер (1850–1927) – французский антрополог. Важнейшие исследования посвящены весовым соотношениям мозга и частей человеческого тела, а также сравнительному изучению массы мозга мужчин и женщин.

²⁰ *Фр. ботанический сад.*

²¹ **Оффенбах** Жак (**Offenbach Jacques**) (1819–80) – французский композитор оперетт. Оперетта *La vie de Paris* («Парижская жизнь») написана в 1866 г.

²² **Ковалевский** Максим Максимович (1851–1916) – русский историк, юрист, социолог, этнограф. Доктор государственного права (1880), с 1877 по 1887 г преподавал в Московском университете, затем жил преимущественно во Франции. В 1901 г. совместно с Ю. Гамбаровым основал в Париже Русскую высшую школу общественных наук. Академик Петербургской АН (1914).

²³ *Фр. русский боярин.*

²⁴ **Аничков** Евгений Васильевич (1866–1937) – историк литературы, критик, фольклорист, прозаик. С 1920 г. в эмиграции в Югославии.

²⁵ **Вормс Рене** (René Worms) (1869–1926) – французский социолог, представитель органической социологии, использовавшей биомедицинскую терминологию для описания социальных явлений.

²⁶ **Бярятинский** Владимир Владимирович (1874–1941) – князь, писатель и драматург.

²⁷ **Яворская** Лидия Борисовна (по мужу – княгиня Бярятинская; 1871–1921) – русская актриса. В 1894–1916 гг. замужем за В. В. Бярятинским. В 1901 г. вместе с мужем открыла в Петербурге «Новый театр». С 1918 г. в эмиграции в Англии.

²⁸ **Сухово-Кобылин** Александр Васильевич (1817–1903) – помещик, философ; драматург; переводчик; почётный академик Петербургской Академии наук (1902). Пьеса «Свадьба Кречинского» написана в 1850–1854 гг., впервые поставлена в 1856 г.

²⁹ Kovalevsky M. Modern customs and ancient laws of Russia. London, 1891.

³⁰ **Валишевский** Казимир Феликсович (Kazimierz Waliszewski) (1849–1935) – польский историк, писатель и публицист. Автор многочисленных научно-популярных биографий русских царей.

³¹ **Баженов** Николай Николаевич (1857, Киев – 1923, Москва) – психиатр, доктор медицины (1894). С 1902 приват-доцент Московского университета. Один из организаторов медицинского факультета Высших женских курсов, где в 1906 создал и возглавил кафедру психиатрии. Общественный деятель. Кадет. Один из инициаторов возрождения русского масонства.

³² «Великий Восток (Франции)» (**Le Grand Orient de France**) – старейшее масонское объединение Франции, относящееся к либеральному масонству. Под его влиянием в России в 1905 г. возникло масонское объединение «Великий Восток России».

³³ **Гнейст** Генрих-Рудольф (Heinrich-Rudolph Gneist) (1816–95) – немецкий юрист и политический деятель, с 1844 профессор Берлинского университета, специалист по конституционному праву и местному самоуправлению.

³⁴ **Гамбаров** Юрий Степанович (1850–1926) – юрист, магистр гражданского права (1879). Профессор Московского университета (1884–99). Один из основателей Высшей русской школы обществ, наук в Париже (1901–1906).

³⁵ В. И. Ленин читал курс лекций в школе 23-26 февраля 1903 года.

³⁶ Видимо, имеется в виду Брандес Георг [Georg Brandes, 1842–1927] – датский критик, историк литературы и публицист. Несколько раз посещал Россию, в 1880-е годы прочел курс лекций в Москве. Автор многих работ о русском характере и русских писателях

³⁷ Леруа-Больё Анатоль (Anatole Leroy-Beaulieu) (1842–1912) – французский писатель и публицист. С 1872 по 1881 г. совершил четыре путешествия в Россию, результаты которых изложил в книге «L'Empire des Tsars et les Russes» (Пар., 1881–89).

³⁸ Мечников Илья Ильич (1845–1916) – русский биолог и патолог, доктор зоологии (1868). Профессор Новороссийского университета (1870–1882). С 1887 г. жил в Париже, работал в институте Л. Пастера, с 1905 г. зам.директора этого института.

³⁹ *Spektorski E. M. M. Kovalevsky // Encyclopedia of the Social Sciences / Ed. – in – chief E.R.A. Seligman; Associate ed. A. Johnson. N.Y., MCMXXXII (1932). Vol. 8. P. 595-596.*

⁴⁰ Богишич (Bogišić Baltazar) Бальтазар (1834–1908) – хорватский этнограф и общественный деятель реакционного направления. Профессор Новороссийского университета (1869–70). В 1893–99 министр юстиции Черногории. Составил свод гражданских законов для Черногории.

⁴¹ Цавтат (Cavtat) – город в Хорватии, расположенный на юго-востоке от Дубровника на Адриатическом побережье. Самый южный город Хорватии.

⁴² 21 августа 1911 года картина была похищена работником Лувра, итальянским мастером по зеркалам Винченцо Перуджиа. Найдена в Италии через два года. 4 января 1914 г. возвращена в Лувр.

⁴³ Тиссаферн (? – 395 гг. до н. э.) – персидский полководец, дипломат и политический деятель. Сатрап Лидии.

⁴⁴ *Фр.* зод. правила обязательны для всех.

⁴⁵ Сервет Мигель (лат. *Michael Servetus*, исп. *Miguel Serveto y Conesa*) (1511–1553) – испанский мыслитель, теолог, естествоиспытатель и врач. Выступал с критикой христианских догматов, обличал папство, вёл острую полемику по богословским вопросам с Жаном Кальвином. Подвергался преследованиям как со стороны католиков, так и со стороны кальвинистов. В 1553 году был схвачен в Женеве, обвинён кальвинистами в ереси; после отказа отречься от своих взглядов сожжен.

Spektorsky E. V. The first meetings abroad (1904) (Excerpt from "Reminiscences") / Publ. by S. I. Mikhilchenko and E. V. Tkachenko
smikh10@mail.ru

Abstract: The publication is an excerpt from the unpublished "Reminiscences" by the famous Russian philosopher and jurist E. V. Spektorsky (1875-1951). Memoirs are stored in the archives of the Research Centre for East European Studies at the University of Bremen. The excerpt is devoted to the Spektorsky impressions from the first trip to Europe, including meetings with prominent scientists M. M. Kovalevsky and F. K. Volkov.

Keywords: Spektorsky E.V., memoirs, M. M. Kovalevsky, F. K. Volkov, travel.

Г. Б. Дудченко, Т. С. Криницына, Е. В. Петров,
Д. А. Подсадников

**«НЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ДОПУСКАЕМЫ К КАКОЙ БЫ ТО
НИ БЫЛО ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»: О
СПИСКЕ РОССИЙСКИХ ПОДДАННЫХ
В ЦЮРИХСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
И «ПОЛИТЕХНИКУМЕ» В 1873–1874 гг.**

Аннотация: в археографической публикации приводится полный список фамилий студентов обучавшихся по программам Цюрихского университета и политехнического института в Швейцарской Конфедерации в 1873–1874 годы и попавших под негласный надзор российских властей. Перечень персоналий указанных в материалах архивного дела позволяет уточнить биографические данные 44 студентов и говорить о профессиональном круге общения большинства из них.

Ключевые слова: студенческое движение в России, история женского образования, российские студенты в Цюрихе, российско-швейцарские академические отношения.

Документы по истории женского высшего образования в России второй половины XIX в. хранятся в Российском государственном историческом архиве в фонде Департамента народного просвещения¹. (РГИА. Ф. 733. Оп. 191.) В деле за номером 268 под заголовком «О мерах к прекращению прилива русских женщин в Цюрихские университет и политехникум» имеются рукописные и машинописные бумаги ряда правительственных ведомств, охватывающие период с 12 июня 1873 г. по 19 октября 1874 г.

В деле пронумеровано 115 листов. Данные документы представляет определённый интерес с точки зрения исследований того, каким было отношение российских властей к распространённому в студенческой среде свободомыслию.

Г. Б. Дудченко
Кандидат
исторических наук,
доцент
Кафедра
регионоведения
и экономики
Невский институт
языка и культуры

Т. С. Криницына
Студент-бакалавр
Институт истории
Санкт-Петербургский
государственный уни-
верситет

Е. В. Петров
Доктор исторических
наук, профессор
Кафедра источникове-
дения истории России.
Институт истории
Санкт-Петербургский
государственный уни-
верситет

Д. А. Подсадников
Ведущий специалист
Российский государст-
венный исторический
архив (РГИА)

Из материалов дела явствует, что члены специальной комиссии вынесли вердикт русским студенткам, обучающимся в университете и политехникуме Цюриха, сначала запретив им продолжение обучения, обязав многих из них вернуться до окончания обучения, а затем окончательно лишив права преподавания на территории Российской империи.

Традиционно материалы данного дела рассматривались с точки зрения истории российского народнического движения. Многие из тех, кто в нём упоминается, входили в кружок «Фриче». Имеющиеся в деле материалы позволяют говорить не только об идейно-политических настроениях молодого поколения, но в равной мере свидетельствуют о ранних этапах истории женского высшего образования в России, необходимости более детального изучения степени и роли влияния студенчества на развитие международных академических связей Российской империи и Швейцарской Конфедерации в 1870-е годы. На данный аспект вопроса указывали в своей статье «Российские студентки в Швейцарии: 60-е годы XIX – начало XX в.» петербургский историк Г. А. Тишкин и библиограф А. С. Крымская. Они упоминают в приведённом библиографическом списке данные о русских подданных, обучавшихся в Цюрихском университете и прославивших впоследствии отечественную и мировую науку. Среди них биохимик Н. О. Зибер-Шумова, возглавлявшая один из ведущих отделов Института экспериментальной медицины в Петербурге; видный физиолог Е. О. Шумова-Симановская, Р. В. Путята-Кершбаумер, ставшая первой женщиной-врачом в Австрии. Степень доктора медицины в Бернском университете получила Доротея Исаковна Аптекман. Там же изучала философию Мария Безобразова, представившая к защите диссертацию по истории философии в России. Многие из них, например, Ю. В. Лермонтова были удостоены званий докторов «с великой похвалой» – «*sum magna landa*».

Дело представляет собой служебную переписку сотрудников III-го (III экспедиция²) и IV-го³ отделений Собственной Его Императорского Величества канцелярии, Министерства народного просвещения, попечителей учебных округов Российской империи, руководства и сотрудников крупнейших университетов империи (Московского, Киевского), ряда других учебных заведений и т. д.

Особый интерес представляет включенный в дело отчет специальной комиссии, состоящей из министров внутренних дел и народного просвещения, главного начальника III-го Отделения и товарища главноуправляющего IV-м Отделением Собственной Е. И. В. канцелярии (П. Шувалов, Д. Толстой, А. Тимашев, Н. Шторх)⁴. Данная комиссия была созвана для обсуждения вопроса о принятии мер по уменьшению притока женщин, желающих получить образование в Швейцарии. В качестве нежелательной причины их обучения в университетах и институтах Конфедерации указывались политические об-

стоятельства со ссылкой на то, что Цюрих в те годы был «центром заграничной революционно пропаганды»⁵.

Результаты деятельности комиссии были весьма неоднозначны. С одной стороны, члены комиссии утвердили список из 44 русских студенток, которым было запрещено заниматься преподавательской деятельностью. Перечень входивших в него лиц был подготовлен сотрудниками III-го отделения Собственной Е. И. В. канцелярии и разослан начальникам учебных округов⁶. Документ воспроизводится по материалам дела в соответствии с полным списком лиц, попавших под негласный надзор. Многие из фигурирующих в списке «цюрихских студенток» являлись известными деятелями народнического движения. Среди них значились О. Любатович, Б. Каминская, М. Субботина и др. Биографии большинства из них изучались в отечественной историографии в рамках истории революционной и народно-освободительной мысли. В меньшей мере оказались освещёнными аспекты их профессиональных связей, указывающих на развитие российско-швейцарских научных контактов в 1870-е гг.

Одновременно с установлением списка лиц комиссия инициировала обращения в адрес учебных заведений по поводу указанных студенток. Выяснилось, что одна из них никогда не числилась в указанном учебном заведении. Со стороны Министерства народного просвещения много вопросов вызывал тот факт, что некоторые из студенток оказались выпускницами одного и того же учебного заведения, что наводило на разного рода подозрения⁷ (отсюда «оправдательные» отчеты попечителей учебных округов⁸). Не обошлось без досадных неточностей: некоторые девушки были лишены права преподавания, несмотря на то, что вернулись в страну до указанного срока, и это послужило причиной отказа в открытии учебного заведения в имении⁹. В ходе разбирательств и после ходатайства местного губернского предводителя дворянства, право преподавания было возвращено (но без права открытия частного учебного заведения)¹⁰.

Следует упомянуть тот факт, что предложения чиновников, касающиеся развития высшего женского образования в России оказались поддержаны верховной властью¹¹. Была учреждена комиссия, в которую вошли «опытные педагоги из ведомства императрицы Марии и Министерства народного просвещения». В своей работе члены комиссии руководствовались зарубежным опытом организации высших женских учебных заведений¹². Был разработан проект устава высшего общеобразовательного женского заведения для женщин¹³, который обсуждался на заседаниях комиссии, а также проект устава общества для пособия учащимся женщинам в высших учебных заведениях¹⁴.

Вопросы пребывания русских студентов в Швейцарии на рубеже XIX–XX вв. поднимались не только в отечественной, но и в зарубежной историографии, рассматривающей их в свете истории российско-швейцарских академических отношений. Данная исследовательская традиция перекликалась в общественных

кругах двух стран. В Российской империи выходило в свет немало литературы, посвященной ученым из Швейцарии, жившим и работавшим в России, которые оказали влияние на развитие отечественной науки, российского общества и государства. Так, в журналах «Русский архив» и «Русская старина» были сделаны публикации о деятельности Ф. Ц. Лагарпа. Об исследователе флоры и фауны в России и организаторе биологической науки Иоганне Аммане в 1831 г. оставил описание Й. Ф. Брандт. Темы, связанные с российско-швейцарскими контактами, раскрыты в работах П. Пекарского, Ф. И. Рупрехта, В. Рихтера по истории Императорской академии наук и истории медицины в России. В 1903 г. В. А. Скрипицын опубликовал свои воспоминания об А. П. Энгельгардте. Также имена ученых швейцарского происхождения упоминаются в биографических справочниках С. А. Венгерова, И. П. Бородина, С. Ю. Липшица, Д. И. Литвинова.

В истории российско-швейцарских академических отношений немало примеров свидетельствующих о фактах научного сотрудничества. Публикация полного списка русских студенток попавших под негласный надзор в связи с их обучением в Цюрихском университете и «политехникуме» позволит более детально и обстоятельно уточнить биографические данные, касающиеся академической сферы деятельности и профессиональных контактов большинства из них. Данный список находится в деле «О мерах к прекращению прилива русских женщин в Цюрихские университет и политехникум» указанного фонда¹⁵. Он представляет собой приложение к письму Главного начальника III-го отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии (3 экспедиции) от 13 декабря 1873 г. № 3864 к графу Д. А. Толстому¹⁶. Копия данного списка¹⁷ (без изменения) также является приложением к циркуляру Департамента по делам женских учебных заведений Министерства народного просвещения от 22 декабря 1873 г. № 219 начальствам учебных округов за подписью министра народного просвещения графа Д. А. Толстого¹⁸.

Публикация производится в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, все фамилии находятся не в алфавитном порядке и выделяются подчеркиваниями, как и в рукописном оригинале. Номер приложения в оригинале не указан.

Сверху серым карандашом приписка:

Под список о учащих студентках у И. Д. Деянова 9 янв. 74

Приложение к №

Список лиц женского пола, которые не должны быть допускаемы к какой бы то ни было педагогической деятельности.

1. Александрова Варвара.
2. Аптекман Дора, окончила курс в Харьковской женской гимназии.
3. Берлинерблау Фанни, окончила курс в Симферопольской женской гимназии.

4. Бардина София, окончила курс в Тамбовском Александровском Институте благородных девиц первой ученицей. За успехи в науках была удостоена золотым шифром.
5. Берлядокая Анастасия.
6. Багрова Эмилия, воспитывалась в Симферопольской женской гимназии.
7. Богуславская Елизавета.
8. Владыкина Леония.
9. Валицкая Стефанида.
10. Гольдсмит София.
11. Дмитриева София.
12. Донскова Фауста.
13. Исаева Любовь, первоначальное воспитание получила дома.
14. Каминская Бети.
15. Клейман Анна и Розалия, воспитывались в Одесской женской гимназии.
16. Кернер Любовь, окончила курс наук в Симферопольской гимназии и получила золотую медаль.

Источник: О мерах к прекращению прилива русских женщин в Цюрихские университет и политехникум // РГИА. Ф. 733. Оп. 191. Д. 268. Л. 48.

17. Луканина Аделаида.
18. Любатович Ольга, место первоначального воспитания не известно, но есть сведение, что она получила диплом на звание домашней учительницы.
19. Любатович Вера, воспитывалась в 6-й Московской женской гимназии.
20. Осинская Ольга.
21. Обухова Екатерина, воспитывалась в Саратовском институте.
22. Потоцкая Мария, воспитывалась в Полтавской женской гимназии.
23. Папер Мария, окончила курс наук в Екатеринославской женской гимназии.
24. Пригаро Мария, получила домашнее первоначальное воспитание.
25. Пулята Раиса.
26. Розенштейн Анна, окончила курс наук в Симферопольской женской гимназии с серебряной медалью.
27. Розенштейн Мария, окончила курс наук в Одесской женской гимназии.
28. Сушина Надежда.
29. Симонович Теолinda, окончила курс наук в Одесской женской гимназии.
30. Синклер Юлия.
31. Филипова Вера, окончила курс наук в Казанском Родионовском Институте благородных девиц и при выпуске удостоена была золотой медалью.
32. Фигнер Лидия, воспитывалась в Казанском Родионовском Институте благородных девиц.
33. Фамилиант Дора, воспитывалась в Симферопольской женской гимназии.

Источник: О мерах к прекращению прилива русских женщин в Цюрихские университет и политехникум // РГИА. Ф.733. Оп. 191. Д. 268. Л. 48 об.

34. Фридман Мария, воспитывалась в Одесском еврейском училище.
35. Хардина Екатерина.
36. Четвергова Мария.
37. Шрейбер Екатерина, окончила курс наук в Киевской женской гимназии.
38. Эйтнер Матильда, первоначальное воспитание получила в бывшей гимназии фон Оглио, ныне Мариинской.
39. Егорова Александра.
40. Балтага Мария.
41. Шульц Мария, воспитывалась в Орловской женской гимназии, но была исключена из оной.
42. Шульц Надежда.
43. Колодеева Екатерина.
44. Кольченко Леонида, кончила курс в Полтавской женской гимназии.

Источник: О мерах к прекращению прилива русских женщин в Цюрихские университет и политехникум // РГИА. Ф. 733. Оп. 191. Д. 268. Л. 49.

Примечания

¹ В 1870-е гг. структура Министерства народного просвещения состояла из: 1) министра (при нем чиновники особых поручений), 2) товарища министра, 3) Совет министра, 4) Департамент народного просвещения, 5) Ученый комитет (с особым отделом), 6) Археографическая комиссия, 7) редакция журнала «Журнал Министерства народного просвещения» и 8) архив. Вся текущая административная деятельность министерства была возложена на Департамент народного просвещения, который являлся также исполнительным органом Совета министра и Ученого комитета.

² В 1826–1866 гг. экспедиция осуществляла надзор за пребыванием иностранных граждан на территории Российской империи. С середины 1866 г. к III экспедиции перешли функции по наблюдению за общественным и революционным движением и производству дознаний по политическим делам. С 1873 г. на III экспедицию также были возложены функции по сбору сведений о происшествиях на территории России.

³ Было создано на основе канцелярии императрицы Марии Федоровны в 1828 г. Занималось делами, связанными с женским образованием, приютами, здравоохранением.

⁴ В деле находится копия отчета за подписью управляющего III-м Отделением Собственной Е. И. В. канцелярии. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 191. Д. 268. Л. 25-26 об.

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 191. Д. 268. Л. 25 об. Л. 39-40. Л. 48-49.

⁶ Там же. Д. 268. Л. 65-65 об. Л. 73-74 об.

⁷ Там же. Л. 54-54 об.

⁸ Там же. Л. 69-72.

-
- ⁹ Там же. Л. 50 б – 50 б об., 75-77, 79.
¹⁰ Там же. Л. 89-91, 93-93 об., 104-104 об., 105-105 об.
¹¹ Там же. Л. 13-14.
¹² Там же. Л. 21-22 об., 45-46, 59-60. Л. 63.
¹³ Там же. Л. 37-38 об.
¹⁴ Там же. Л. 97-103.
¹⁵ Там же. Л. 48-49.
¹⁶ Там же. Л. 47.
¹⁷ Там же. Л. 54-55.
¹⁸ Там же. Л. 53.
-

G. Dudchenko, T. Krinitsyna, E. Petrov, D. Podsadnikov

«Should not be admitted to some teaching activities» (about the list of Russian students of University and Polytechnic in Zurich at 1873–1874)

Abstract: the archeographical publication contains a complete list of names of students enrolled on the programmes at Zurich University in 1873–1874 and who were under an unofficial supervision of Russian authorities. List of persons referred to in the materials of the file allows to refine the curriculum vitae of 44 students and talk about the professional circle of communication most of them.

Key words: the student movement in Russia, the history of women's education, Russian students in Zurich, Russian-Swiss academic relations.